

ООО «Наука и образование»

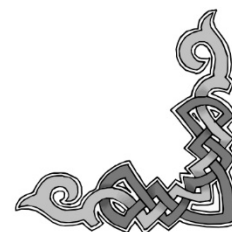
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 9
2022**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2022, № 9

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

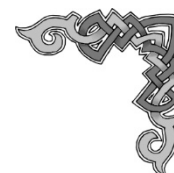
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

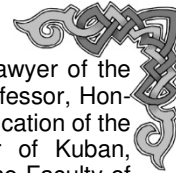
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konvalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баблюян Н.В., Лилюхин А.М., Корф Д.С. К вопросу о формировании аддиктивного поведения молодежи: влияние потребительской культуры	15
Бородавко Л.Т., Чимаров С.Ю. Воспитательный аспект поддержания необходимого уровня эмоционального интеллекта: в контексте действия фактора успешности служебной деятельности сотрудника ОВД	19
Ван Синьлу Авторские радиoproграммы в системе российского и китайского радиовещания	22
Ван Синьлу Традиционное вещание и Интернет масс-медиа: содружество или конкуренция?	25
Вологина Е.В. Литературные премии как социально-сберегающий механизм: социокультурный аспект	28
Герасимов М.В., Дровалева Л.С., Шалагинова Н.А., Паламарчук С.А. Риски и угрозы молодежной социализации, представленные в сети Интернет	35
Гнатюк М.А., Усов В.Н., Кротов Д.В. Студенческие отряды как фактор, обеспечивающий рост социального капитала молодежи	40
Деточенко Л.С., Костырин Е.Г. Трудовая интеграция молодых людей с инвалидностью в контексте возрастных переходов	44
Ельникова Г.А., Дьячук Д.С., Поляков И.С. Роль массового спорта в улучшении социального самочувствия онлайн-работников	50
Капитанова Н.В. Особенности адаптации преподавателей высшей школы к условиям цифровой образовательной среды	54
Карепов Г.Е., Кареева С.Г. Пропаганда: социокультурный и художественный аспекты	58
Карлеба В.А. Проблемы развития мотивации профессионального учения в условиях становления нового социального порядка	63
Левченко Н.В. Экологическая политика РФ, 2008–2020 гг. Восстановление природоохранного ведомства	67
Лилюхин А.М., Баблюян Н.В., Корф Д.С. Теория маргинальности как подход к выявлению специфики поведения российской молодежи	72
Любецкий Н.П., Лукьяшко А.Г., Самыгин С.И., Труфанова С.Н. Отечественная интеллигенция как фактор нестабильности российской государственности (Часть 2)	76
Макеева Е.А., Макеева И.А., Громова К.А. Деятельность студенческих объединений в системе успешной социальной адаптации учащихся школ	85
Орлова С.Ю. Роль средств массовой информации в формировании доверия к вакцинопрофилактике в условиях пандемии COVID-19	88
Ставило С.П. Политический и социально-экономический потенциал криминологии	92
Щёлоков Д.В. Критериальность моделей социальных трансформаций в контексте проблематики цифровой социологии	95

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Афаунов А.З., Урумов А.В., Тарасенко Д.В. Доверие к правовой системе как фактор существования гражданского общества	103
Ашин А.А., Михайлов А.Е., Семенов С.А. Отдельные аспекты построения следственных версий по делам о незаконном обороте наркотиков	108
Бельтран Н.С., Рябчиков В.В. Отдельные аспекты вынесения судебного решения с участием присяжных заседателей	112
Бякина С.И. К вопросу о воспитательной работе с несовершеннолетними, освобожденными условно-досрочно	115
Васильева Я.Ю. Криптовалюта как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ	118
Вильнова В.А. Категория вреда в механизме правового регулирования	122
Гараева Г.Ф., Терентьев И.А. Право и нравственность: особенности взаимосвязи в эпоху цифровой трансформации	126
Готчина Л.В. Криминальные угрозы в киберпространстве и предпосылки их криминологического познания	130
Зыков Д.А., Савин А.А. Рецидив – концепция становления и укрепления института	134
Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б. Использование элементов художественной культуры в преподавании истории государства и права	137
Кабышева А.К. Выморочное имущество в международном частном праве	140
Кабышева А.К. Сравнительно-правовой анализ института недостойных наследников в современном международном частном праве	145
Кольчурин А.Г., Садырина Л.В. Электронные доказательства в уголовном процессе	150
Косолапов А.Д., Чимаров С.Ю., Бородавко Л.Т. Правоохранный аспект легализации информации в сети Интернет об украинских преступных организациях и военных преступниках	153
Лакомская М.Ю. Административная преюдиция в уголовном праве: теоретические и практические аспекты	156
Лизикова М.С. Современное состояние и перспективы развития сотрудничества государств в области использования атомной энергии в рамках СНГ	159
Лысенков С.Г., Тальянин В.В., Чимаров Н.С., Бялт В.С. Национальное законодательство самоуправляемого государства Аруба об особенностях заключения брака и зарегистрированного партнерства	165
Люев Т.Х. Вопросы социальной и правовой защиты лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность (на примере законодательства некоторых стран Ближнего Зарубежья)	170
Наумова Н.В., Абрамков А.О. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в сфере работы с обращениями граждан	173
Некоз А.С. Рецензия на книгу: William A Schabas, The Trial of the Kaiser (Oxford University Press 2018)	177
Степаненко А.С., Барашева Е.В., Ангаева О.А. К вопросу о реализации образовательной услуги как конституционной обязанности	179
Степанян Г.С. Развитие законодательства в области сделок с земельными участками	183

Хао Цзэжунь	
Метод и логика применения международного права Судом Европейского Союза	186
Чимаров С.Ю., Чимаров Н.С., Бялт В.С.	
Теоретико-правовые суждения Георга Гегеля как отражение комплексного интегрирования компетенции полицейского ведомства в конструкцию государства	189
Шаназарова Е.В., Борисова Д.А.	
Субъект преступления по российскому законодательству: его сущность и правовая характеристика	192
Щербакова А.И.	
Деятельность ЮНЕСКО по правовому регулированию некоторых видов биотехнологий	196
Ярославский М.А.	
Методологические основы анализа предотвращения корыстных преступлений, совершаемых в отношении лиц преклонного возраста	200
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Домбровский А.Н., Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Сенин И.С.	
Внедрение принципов ESG в развитие транспортных систем	205
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Котенкова И.Н.	
Экономическая эффективность складской логистики торговой компании	208
Соргутов И.В., Светлаков А.Г.	
Цифровизация отдельных направлений деятельности предприятий АПК в рамках формирования конкурентной системы управления	211
Хоровинникова Е.Г., Гнатюк М.А., Гагаринская Г.П.	
Идентификация качества процессов управления трудовой деятельностью персонала в условиях цифровизации на предприятиях транспортной отрасли	215

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Natalia V. Babloyan, Andrey M. Lilyukhin, Diana S. Korf On the formation of addictive behavior of young people: the influence of consumer culture	15
Leonid T. Borodavko, Sergey Yu. Chimarov The educational aspect of maintaining the required level emotional intelligence: in the context of action factor of success in the performance of an internal affairs officer	19
Wan Xinlu Author's radio programs in the system of russian and chinese radio broadcasting	22
Wan Xinlu Traditional broadcasting and Internet mass media: community or competition?	25
Ekaterina V. Vologina Literary prizes as a social saving mechanism: sociocultural aspect	28
Maxim V. Gerasimov, Lyudmila S. Drovaleva, Natalya A. Shalaginova, Sergey A. Palamarchuk Risks and threats of youth socialization presented on the Internet	35
Maksim A. Gnatyuk, Vladimir N. Usov, Dmitry V. Krotov Student groups as a factor ensuring the growth of the social capital of youth	40
Lyudmila S. Detochenko, Evgeny G. Kostyrin Labor integration of young people with disabilities in the context of age transitions	44
Galina A. Elnikova, Dmitry S. Dyachuk, Ivan S. Polyakov The role of sports for everyone in improving the social well-being of online workers	50
Nadezhda V. Kapitanova Features of adaptation of higher school teachers to the conditions of the digital educational environment	54
Gennady E. Karepov, Svetlana G. Karepova Propaganda: sociocultural and artistic aspects	58
Vladimir A. Karleba Problems of development of motivation for professional learning in the setting of a new social order	63
Natalia V. Levchenko Environmental Policy of the Russian Federation, 2008–2020 Restoration of the environmental Department	67
Andrey M. Lilyukhin, Natalia V. Babloyan, Diana S. Korf The theory of marginality as an approach to identifying the specifics of the behavior of Russian youth	72
Nikolay P. Lyubetsky, Alyona G. Lukyashko, Sergey I. Samygin, Svetlana N. Trufanova Domestic intelligentia as a factor of instability of the russian statehood (Part 2)	76
Elena A. Makeeva, Inna A. Makeeva, Kristina A. Gromova Student associations' activities in the system of successful social adaptation of schoolchildren	85
Sofia Yu. Orlova The role of mass media in the formation of confidence in vaccine prevention in the context of the COVID-19 pandemic	88
Sergey P. Stavilo Political and socio-economic potential of criminology	92
Denis V. Shelokov Criteria of models of social transformations in the context of the problems of digital sociology	95

JURISPRUDENCE

Anzor Z. Afaunov, Asker V. Urumov, Denis V. Tarasenko Trust in the legal system as a factor of the existence of civil society	103
Andrey A. Ashin, Alexey E. Mikhailov, Sergey A. Semenov Some aspects of the construction of investigative versions in cases of drug trafficking	108
Natalia S. Beltran, Vadim V. Ryabchikov Certain aspects of adjudication with the participation of jurors	112
Svetlana I. Byakina On the issue of educational work with minors released on parole	115
Yana Yu. Vasilieva Cryptocurrency as a subject of crimes provided for in articles 174 and 174.1 of the criminal code of the Russian Federation	118
Valentina A. Vilnova Category of harm in the mechanism of legal regulation	122
Galina F. Garaeva, Igor A. Terentev Law and morality: features of interrelation in the era of digital transformation	126
Larisa V. Gotchina Criminal threats in cyberspace and the prerequisites for their criminological research	130
Daniil A. Zykov, Andrey A. Savin Relapse – the concept of becoming and strengthening the institute	134
Tatiana E. Zyablova, Yana B. Komarova The use of elements of artistic culture in teaching the history of state and law	137
Aliya K. Kabysheva Extortionate property in private international law	140
Aliya K. Kabysheva Comparative legal analysis of the institution of unworthy heirs in modern private international law	145
Andrey G. Kolchurin, Lyubov V. Sadyrina Electronic evidence in criminal proceedings	150
Alexey D. Kosolapov, Sergey Yu. Chimarov, Leonid T. Borodavko Law enforcement aspect of information legalization on the Internet about Ukrainian criminal organizations and war criminals	153
Marta Y. Lakomskaya Administrative prejudice in criminal law: theoretical and practical aspects	156
Marina S. Lizikova The current state and prospects for the development of cooperation between states in the field of the use of atomic energy within the framework of the CIS	159
Sergei G. Lysenkov, Valery V. Talyanin, Nikolai S. Chimarov, Viktor S. Byalt National legislation of the self-governing State of Aruba on specifics of marriage and registered partnership	165
Tembot Kh. Lyuev Issues of social and legal protection of persons providing assistance to bodies carrying out operational-search activities (on the example of the legislation of some countries of the Near Abroad)	170
Natalya V. Naumova, Artem O. Abramkov To the question of the use of artificial intelligence in the field of work with citizens' appeals	173
Arkfdii S Neko Book Review: William A Schabas, The Trial of the Kaiser (Oxford University Press 2018)	177
Alexey S. Stepanenko, Eleva V. Barasheva, Olga A. Angaeva On the issue of the implementation of educational services as a constitutional obligation	179

George S. Stepanyan Development of legislation in the area of land transactions	183
Hao Zerun Method and logic of application of international law by the Court of Justice of the European Union	186
Sergey Yu. Chimarov, Nikolai S. Chimarov, Viktor S. Byalt Theoretical and legal judgments of Georg Hegel as a reflection integrated integration of the competence of the police department in the construction of the state	189
Elena V. Shanazarova, Darya A. Borisova The subject of the crime under Russian law: its essence and legal characteristics	192
Alyona I. Shcherbakova UNESCO activities on legal regulation of certain types of biotechnologies	196
Mikhail A. Yaroslavsky Methodological foundations of the analysis of the prevention of mercenary crimes committed against the elderly	200
ECONOMIC SCIENCES	
Alexander N. Dombrovsky, Tatyana V. Konovalova, Ivan S. Senin Implementation of ESG principles in the development of transport systems	205
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadirian, Irina N. Kotenkova Economic efficiency of warehouse logistics of a trading company	208
Ilya V. Sorgutov, Andrei G. Svetlakov Digitalization of certain areas of activity of agricultural enterprises within the framework of the formation of a competitive management system	211
Evgeniya G. Khorovinnikova, Maksim A. Gnatyuk, Galina P. Gagarinskay Identification of the quality of personnel labor management processes in the context of digitalization at transport industry enterprises	215

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Баблюян Наталия Валериевна
доцент кафедры экономической
и социальной теории,
Ростовский государственный университет
Минздрава России
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Лилюхин Андрей Михайлович
доцент кафедры экономической
и социальной теории,
Ростовский государственный
университет Минздрава России
dalai-lama2006@yandex.ru

Корф Диана Семеновна
заведующая методическим кабинетом
кафедры экономической
и социальной теории,
Ростовский государственный университет
Минздрава России
korf.diana@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается формирование аддиктивного поведения молодежи на фоне влияния потребительской культуры; показаны причины и отражена ретроспектива появления и развития феномена потребительских практик; проведены различия между терминами «культура потребления» и «потребительская культура». На основе анализа ценностей российской молодежи сделаны выводы о воздействии потребительской культуры на ее поведение.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, потребительские практики, культура потребления, девиантное поведение, культура потребления.

Если обратиться к исторической ретроспективе, можно вылить тот факт, что феномен потребительской культуры возник с 70-х годов прошлого века в Западной Европе и США. Причины возникновения данной культуры и, связанного с ней поведения, кроются не только и не столько в экономической плоскости (высокий уровень жизни, появление целого ряда новых потребностей и поощрение роста их удовлет-

Natalia V. Babloyan
Associate Professor
of the Department of Economic
and Social Theory,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Andrey M. Lilyukhin
Associate Professor
of the Department of Economic
and Social Theory,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation
dalai-lama2006@yandex.ru

Diana S. Korf
Head of the Methodological Office
of the Department of Economic
and Social Theory,
Rostov State Medical University of the Ministry
of Health of the Russian Federation
korf.diana@yandex.ru

ON THE FORMATION OF ADDICTIVE BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE: THE INFLUENCE OF CONSUMER CULTURE

Annotation. This article examines the formation of addictive behavior of young people against the background of the influence of consumer culture; shows the causes and reflects the retrospective of the emergence and development of the phenomenon of consumer practices; distinguishes between the terms «consumer culture» and «consumer culture». Based on the analysis of the values of Russian youth, conclusions are drawn about the impact of consumer culture on its behavior.

Keywords: addictive behavior, consumer practices, consumer culture, deviant behavior, consumer culture.

ворения за счет выпуска новых линеек товаров и услуг), сколько, с появлением и распространением практик потребительского поведения в разных сферах социума. Данная форма культуры и, основанное на этом поведение, во многом носила идеологическую подоплеку, обусловленную реалиями идущей Холодной войны и стремлением показать преимущества западной модели построения общества.

Изначально, возникновение теории и практики потребительства основывалось на тенденциях социостратификационного принципа, то есть, «приобретение товаров способствует восхождению человека в социальной иерархии, оно фактически маркирует социальные страты с помощью предметов» [1]. То есть, ценность приобретаемой статусной вещи носит не только экономический характер, но и определенный ценностный, который зачастую служит неким маркером социальной дифференциации. То есть, в сознании фиксируется тот факт, что обладание определенными статусными вещами дает гарантию на успех, может помочь в сохранении существующего социального статуса или осуществлении восходящей социальной мобильности. То есть социокультурное развитие человека зависит от количества имеющихся экономических ресурсов, и соответствия им тем культурным притязаниям практик потребления, которые характерны для принимающей либо референтной социальной группы.

В дальнейшем, практика потребительства, в частности, практика массовых рыночных продаж проникла и в культуру. Можно отметить появление особой потребительской культуры, которую можно определить следующим образом: «... Область обмена, которая наполнена структурами повседневности, идеологическими надстройками товаров, «культурными технологиями», и где экономика начинает доминировать над обществом и культурой» [2]. То есть, отмечаются формирования коллективных представлений о значимости вещей, их определенном статусе и роли каждой из них для определения социальной позиции их обладателя. Наблюдаются тенденции к эстетизации приобретаемых индивидом материальных благ. При этом ключевым здесь является принцип временного существования ценностей, благодаря которому, происходит перманентный процесс поиска и открытия новых форм культуры. Как правило, во главу угла ставится не столько их практическая функциональность, а статусная направленность. Поиск новых решений и открытий данного культурного опыта главным образом сконцентрирован не на развитии и познании нового, а на возможности удивить и произвести невероятное впечатление. Это приводит к тому, что зачастую факт общения как коммуникационного канала, служащего для развития и инновационной деятельности, подменяется потребительскими практиками, когда основной вехой социального поведения индивида в группе становится обучение практикам потребления.

Исходя из вышеизложенного, необходимо дифференцировать определения «культура потребления» и «потребительская культура». Первое, в целом, дает определенный перечень необходимых качеств, которыми должен обладать товар, потенциально могущий послужить источником удовлетворения существующей потребности. В свою очередь, потребительская культура – это совокупность системообразующих практик потребления и сохранения, воспроизводства и трансляции потребительских ценностей и знаний (консьюмеризм). На наш взгляд, здесь уместна следующая цитата:

«Во-первых, массово-информационную культуру, возникшую на Западе в результате бурного развития масс-медиа.

Во-вторых, потребительский стиль жизни, сводящий многомерное социальное бытие человека Запада к узкому набору действий, направленных на обладание материальными благами.

В-третьих, глобальный консьюмеризм, задающий противоречивую механику взаимодействия стандартов потребления и культур разных стран мира» [2].

Можно сделать вывод о том, что глобальный консьюмеризм является неотъемлемой частью и центром феномена потребительской культуры. Полученные результаты могут использоваться различными акторами в различных сферах жизни общества. К примеру, некоторые ценности используются политической элитой для создания и обоснования идеологии потребительского общества. В этой ситуации ресурсы СМИ с помощью своих инструментов навязывают социуму данные ценности в качестве образов и смыслов, необходимых для удовлетворения здесь и сейчас и отражающих конъюктуру современного этапа развития общества. На основании этого механизма, возникают особые потребительские практики, характерные для времяпровождения и функционирования отдельных индивидов и социальных групп в целом.

Феномен потребительской культуры в молодежной среде носит свои уникальные черты. Во многом это обусловлено тем фактом, что молодежь, априори, является наиболее активной частью общества, и ее представители, как правило, ориентированы на ценности модернистской направленности. Относительно нашей страны, уместно будет привести результаты социологического исследования, согласно которому:

«1) модернисты, представленные жителями мегаполисов и городского среднего класса (28 %);

2) традиционалистская периферия, сосредоточенная в средних и малых поселениях и среди пожилой части общества (26 %);

3) промежуточный, наиболее массовый слой россиян, с одной стороны, сохранивший ориентацию на традиционалистские ценности, а с другой — утративший механизмы социальных связей, характерные для традиционного общества, и ориентированный на ценности общества массового потребления (41 %)» [3, с. 55].

Российская молодежь от 18 до 29 лет относится к активной группе россиян, где составляет долю 57 %.

Молодежь определяется как особая социально-демографическая группа, определяемая на основе возрастных характеристик, которые варьируются от 14–16 до 29 лет, занимает специфическое социальное положение в структуре общества, вызванное особенностями ее социально-

экономического и культурного развития, и, как следствие, социально-психологическими свойствами. Для представителей данной группы характерно ограничение исполнения своих желаний и осуществления своих решений. В роли ограничительных механизмов служат как господствующие в обществе нормы культуры, морали и права, так и позицией родителей, которые зачастую не разделяют и не понимают устремлений своих детей, которые уже набрались социального опыта и зачастую не считают себя детьми. Исходя из этого, критерий выбора определенных действий в фактической жизни молодежи представлен крайне скудно, что зачастую приводит к появлению девиаций социального и психологического уровня.

Наш научный интерес основан на социальных аспектах, самыми значимыми из которых являются склонность к инфантилизму, а также, к осуществлению девиантного и аддиктивного поведения. Кроме этого, стоит отметить, что далеко не все представители молодежи хотят и могут нести ответственность за принятые самостоятельно решения, что, во многом, сковывает и так незначительную инициативу. Подтверждением данных строк служат и ценностные ориентации российской молодежи.

Существующие социально-экономические рамки ограничения самовыражения молодежи приводят к необходимости появления приоритета уже социокультурной идентификации. В частности, существующая субкультурная идентификация российской молодежи как геймеров, неформалов и др., с одной стороны, является, с точки зрения мирового опыта, универсальной, а с другой – во многом, не характерной для молодежи восточноевропейских стран, что дает право говорить о пресловутом особом пути даже в молодежной среде. Причиной этого, по данным социологических опросов, является достаточно высокий уровень межличностного доверия российской молодежи, которым сублимируется недостаток доверия институционального. «Если расположить виды доверия по степени возрастания их уровня, – пишут российские социологи О.В. Китайцева и А.В. Кученкова, – то для молодежи восточноевропейских

Литература:

1. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы / В.В. Радаев // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5–18.
2. Кузнецов Д. Потребительская культура в последней трети XX века: проблема потребительского стиля жизни. URL : http://www.isoa.ru/art-view.php?bc_tovar_id=1000 (дата обращения 01.09.2022).
3. Мареева С.В. Ценностная палитра современного российского общества / С.В. Мареева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 50–65.

стран выстроится следующая последовательность: институциональное – общественное – локальное – межличностное доверие» [4, с. 101]. То есть, наша отечественная молодежь, как правило, испытывает большее доверие к тем индивидам, которые непосредственно находятся в зоне их вербального общения.

Кроме этого, огромное значение имеет наличие либо отсутствие информационной среды, в частности доступного Интернета, в жизни молодежи. В современном мире именно этот фактор является основным и даже во многом более важным, чем влияние господствующих в обществе традиционных ценностей и авторитетов. В качестве альтернативы могут рассматриваться попытки совместить тенденции, встроить общекультурные идеалы и использовать актуальные современные технологии общения. К примеру, это может быть развитие хорошо нам известных из-за пандемии COVID-19 дистанционных форм обучения и общения в формате открытых лекций с известными в молодежной среде учеными, имеющими компетенцию разговаривать с молодежью «на одном языке», а также, различными виртуальными симпозиумами, выставками и консультациями. Однако, с другой стороны, нельзя не признать, что ограничение межличностного общения нельзя компенсировать взаимодействием в виртуальной среде, так как функции различны – развития и информирования. На сегодняшний момент мы как сотрудники высшей школы можем констатировать наличие этой проблемы и в рамках высшего образования – очные занятия оказывают гораздо больший эффект на аудиторию, дистанционные формы обучения могут дополнять, но не заменять непосредственное общение учитель-ученик.

Отрицание молодежью ценностей и норм традиционной культуры ведет к формированию практик аддиктивного поведения и наделения их новым ценностным смыслом в условиях потребительского общества. Это общество вместо самосовершенствования и саморазвития посредством овладения различными формами деятельности предлагает молодежи наслаждаться и получать удовольствие не от высших благ, а от материальных вещей.

Literature:

1. Radaev V.V. Sociology of consumption: basic approaches / V.V. Radaev // Sociological research. 2005. № 1. P. 5–18.
2. Kuznetsov D. Consumer culture in the last third of the XX century: the problem of consumer lifestyle. URL : http://www.isoa.ru/art-view.php?bc_tovar_id=1000 (date of the application 01.09.2022).
3. Mareeva S.V. The value palette of modern Russian society / S.V. Mareeva // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2015. № 4. P. 50–65.

4. *Китайцева О.В.* Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточноевропейских стран / О.В. Китайцева, А.В. Кученкова // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 101.

4. *Kitaytseva O.V.* Trust and individualism in the worldview of modern youth of Eastern European countries / O.V. Kitaytseva, A.V. Kuchenkova // Sociological research. 2014. № 12. P. 101.

Бородавко Леонид Трофимович

доктор педагогических наук,
доцент,
профессор кафедры
физической подготовки
и прикладных единоборств,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
borodavkoleonid27@yandex.ru

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

**ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ПОДДЕРЖАНИЯ НЕОБХОДИМОГО
УРОВНЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: В КОНТЕКСТЕ ДЕЙСТВИЯ
ФАКТОРА УСПЕШНОСТИ СЛУЖЕБНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД**

Аннотация. Особенности реализации органами внутренних дел своей правоохранительной миссии свидетельствуют об актуальности апеллирования к теме социального взаимодействия личного состава с окружающим его миром и способности каждого сотрудника, исходя из уровня сформированного персонального эмоционального интеллекта эффективно реализовывать служебные задачи на практике. Выявляя на основе ряда научных выводов зарубежной науки некоторые параметры эмоционального интеллекта полицейских служащих и предлагая свою трактовку его определения, авторы устанавливают наличие прямой связи между организацией воспитательной работы с личным составом и уровнем развития у сотрудников органов внутренних дел эмоционального интеллекта. Уточняя необходимость поддержания баланса между службой и личной жизнью, авторы акцентируют внимание на роли организационной поддержки в решении задачи формирования эмоционального интеллекта личности сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, социологическое исследование, воспитание, эмоциональный баланс, организационная поддержка, органы внутренних дел, правоохранительная деятельность.

Leonid T. Borodavko

Doctor of Pedagogy,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Physical Training and Applied Martial Arts,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
borodavkoleonid27@yandex.ru

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Personnel
Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

**THE EDUCATIONAL ASPECT
OF MAINTAINING THE REQUIRED LEVEL
EMOTIONAL INTELLIGENCE:
IN THE CONTEXT OF ACTION
FACTOR OF SUCCESS
IN THE PERFORMANCE
OF AN INTERNAL AFFAIRS OFFICER**

Annotation. The Features of the implementation of their law enforcement mission by the internal affairs bodies testify to the relevance of appealing to the topic of social interaction of personnel with the world around them and the ability of each employee, based on the level of formed personal emotional intelligence, to effectively implement official tasks in practice. Revealing on the basis of a number of scientific findings of foreign science some parameters of the emotional intelligence of police officers and offering their own interpretation of its definition, the authors establish a direct connection between the organization of educational work with personnel and the level of development of emotional intelligence among internal affairs officers. Specifying the need to maintain a balance between service and personal life, the authors focus on the role of organizational support in solving the problem of forming the emotional intelligence of the personality of an internal affairs officer.

Keywords: emotional intelligence, sociological research, education, emotional balance, organizational support, internal affairs bodies, law enforcement.

Основные контуры действующей в настоящее время системы морально-психологического обеспечения (далее – МПО) органов внутренних дел закреплены в Приказе МВД России от 25 декабря 2020 года № 900 [1], в соответствии с которым, МПО квалифицируется в качестве основного вида воспитательной работы с личным составом указанной государственной институции, предполагающего конкретно ориентированную деятельность по формированию у каждого сотрудника ОВД совокупности качеств гражданского, профессионального, психологического и нравственного значения, способствующих эффективному решению профессиональных задач правоохранительной направленности. Указанное обстоятельство предопределяет целесообразность нашего обращения к проблеме формирования морально-психологической устойчивости сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД) средствами воспитательного воздействия. По нашему представлению, нормативно-правовое установление отмеченного ведомственного правового акта свидетельствует об актуальности нового осмысления приемлемых для личности сотрудника ОВД следующих эмоциональных аспектов:

– во-первых, его эмоционального отношения к выполнению долга своей службы;

– во-вторых, эмоционального восприятия им уровня поддержки себя как, по линии своего ведомства, так и со стороны своего служебного коллектива. В данном случае мы апеллируем к феномену «эмоциональный интеллект», являющемуся частным случаем социального интеллекта и, по нашему представлению, понимаемого в качестве природной и приобретенной способности индивида к адекватному управлению своими эмоциями, исходя из условий окружающей обстановки. Признавая несомненное проявление элемента «природности» эмоционального восприятия окружающего человека мира, мы оцениваем приобретенность человеком способности к управлению своими эмоциями в качестве преобладающего фактора стиля его поведения. В этой связи, наше обращение к теме эмоционального интеллекта именно с позиции воспитательной работы может быть оценено как, несомненно, требуемое.

Термин «эмоциональный интеллект» (далее – ЭИ) впервые был введен в научный оборот в работе, которую в 1964 г. опубликовали американские ученые М. Белдок и Д.Р. Дэвитц [4, р. 39], а его наиболее известное определение сформулировал американский психолог и научный журналист Д. Гоулман в своей одноименной книге «Искусственный интеллект» (1995 г.). В соответствии с суждениями указанного автора, искусственный интеллект означает определенную совокупность навыков и характеристик, способствующих практической и эффективной реализации человеком своей лидерской позиции. Как следует из логики размышлений Д. Гоулмана, любому пребывающему в социуме индивиду следует контролировать как внешнее, так и внутреннее эмоциональное проявление своего отношения к происходящему [5, р. 92–105]. Мы считаем, что отмеченное

имеет общее распространение для представителя любой публичной профессии, включая и сотрудника ОВД.

С учетом изложенного, важным направлением воспитания личного состава ОВД является привитие всем его категориям уважительного отношения к социологическим параметрам измерения ЭИ, которые предоставляют личному составу воспитательных структур, включая специалистов психологической службы, ценные рекомендации по совершенствованию воспитания сотрудников ОВД. Как следует из экспертного заключения некоторых зарубежных специалистов в области подбора квалифицированных кадров для занятия вакантных должностей в наиболее ответственных секторах государственного управления, рудиментарный и случайный подход к решению вопроса подбора, аттестации и расстановки работников определенной квалификации, включая неправильное представление о ценности человеческого капитала, предопределяет возникновение ошибок в аксиологии подлинных способностей специалистов и их эмоционального интеллекта [7, р. 1].

Принципиально значимым для обращения внимания в системе воспитания сотрудников ОВД на проблему формирования эмоционального интеллекта является признание корреляции между влиянием должного уровня ЭИ на поддержание баланса работы и личной жизни сотрудников ОВД. Наиболее обстоятельно данный вопрос исследован в научной работе, которую подготовили ученые из Университета Утара Малайзия (от англ. «Universiti Utara Malaysia», UUM). Изучив на основе социологического обследования 1566 полицейских своей страны наличие взаимосвязи между ЭИ и балансом между работой и личной жизнью среди служащих полиции, включая влияние организационной поддержки в качестве модератора на исследуемый спектр отношений, указанные специалисты на основе применения статистического метода «частичной регрессии наименьших квадратов» (англ. «the Partial Least Square», PLS) подтвердили целесообразность повышения у правоохранителей уровня их эмоционального интеллекта и внедрения политики их организационной поддержки [6]. В данном случае, под организационной поддержкой мы понимаем создание ситуации, при которой в системе МВД России достойно оценивается вклад каждого сотрудника ОВД и проявляется забота о его благополучии, включая обеспечение необходимых условий по оказанию различных видов помощи и поддержки, на деле демонстрирующих признание значимости труда правоохранителя.

Уточняя воздействие ЭИ на степень эффективности работы служащих полицейских формирований в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), О.Э. Аль Али, В. Магадди и И. Гарнер на основе научного анализа значимости общих умственных способностей и личностных качеств ЭИ на выборке 310 полицейских объяснили дополнительное возрастание дисперсии в прогнозировании эффективности работы национальной полиции. Наряду с отмеченным, данные ученые заключают о примате роли ЭИ в обеспечении более высокой

степени вариативности в индивидуальном успехе полицейского, по сравнению с уровнем коэффициента его IQ (от англ. «Intelligence Quotient») [3, p. 2].

Исследуя особенности формирования ЭИ у сотрудников российских органов внутренних дел, З.В. Якимова обоснованно заключает о важности воспитательной работы по поддержанию на должном уровне ЭИ в рядах сотрудников российских ОВД, эмоциональная компетенция которых предопределяет успешность реализации их правоохранительной миссии [2, с. 413].

Подводя итог изложенному, мы сделали вывод о целесообразности демонстрации сотрудникам ОВД не только обоснованности, законности и

Литература:

1. Приказ МВД России от 25 декабря 2020 года № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Якимова З.В. Эмоциональный интеллект в деятельности сотрудников органов внутренних дел / З.В. Якимова // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 412–418.
3. Al Ali O.E. An Exploration of the Relationship Between Emotional Intelligence and Job Performance in Police Organizations / O.E. Al Ali, I. Garner, W. Magadley // Journal of Police and Criminal Psychology. 2011. Published online 16 February. P. 1–9.
4. Beldoch M. The communication of emotional meaning / M. Beldoch, J.R. Davitz. New-York : Publisher : McGraw-Hill, 1964. 214 p.
5. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New-York : Published Bantam Books, 1995. 352 p.
6. Muthu M. The effect of emotional intelligence on police officers 'work-life balance: the moderating role of organizational support / M. Muthu, F. Pangil, M.F. Mohd Isa // International Journal of Police Science and Management. 2016. Vol. 18(3). P. 1–11.
7. Pulakos E.D. Selection Assessment Methods. Washington : SHRM Foundation, 2005. 54 p.

понятной реакции на происходящее, но и персонального умения поддерживать необходимую коммуникацию с акторами своего социального взаимодействия независимо от их субъектной принадлежности к определенной страте российского общества. Наряду с отмеченным, следует обратить внимание на осознанное отношение руководящего состава МВД России относительно понимания необходимости общей координации работы починенных им воспитательных структур и специалистов психологических служб по направлению формирования у личного состава необходимого уровня эмоционального интеллекта, сила проявления которого во многом обуславливает успех служебной деятельности каждого сотрудника ОВД.

Literature:

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 900 dated December 25, 2020 «Issues of the organization of moral and psychological support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
2. Yakimova Z.V. Emotional intelligence in the activities of employees of internal affairs bodies / Z.V. Yakimova // Azimut of scientific research: Pedagogy and psychology. 2020. Vol. 9. № 4(33). P. 412–418.
3. Al Ali O.E. An Exploration of the Relationship Between Emotional Intelligence and Job Performance in Police Organizations / O.E. Al Ali, I. Garner, W. Magadley // Journal of Police and Criminal Psychology. 2011. Published online 16 February. P. 1–9.
4. Beldoch M. The communication of emotional meaning / M. Beldoch, J.R. Davitz. New-York : Publisher : McGraw-Hill, 1964. 214 p.
5. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New-York : Published Bantam Books, 1995. 352 p.
6. Muthu M. The effect of emotional intelligence on police officers 'work-life balance: the moderating role of organizational support / M. Muthu, F. Pangil, M.F. Mohd Isa // International Journal of Police Science and Management. 2016. Vol. 18(3). P. 1–11.
7. Pulakos E.D. Selection Assessment Methods. Washington : SHRM Foundation, 2005. 54 p.

Ван Синьлу
магистрант,
Московская школа экономики
по направлению «Международная
экономика и финансы»,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1042298339@qq.com

АВТОРСКИЕ РАДИОПРОГРАММЫ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО РАДИОВЕЩАНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена структуре российского и китайского радиовещания, которое, несмотря на популярность телевидения в России и Китае, по-прежнему занимает лидирующие позиции среди населения, особенно в сельской местности. Анализируя особенности радиопередач, выходящих в эфир на российском и китайском телевидении, автор статьи приходит к выводу о том, что значительное место в сетке радиовещания занимают авторские радиопрограммы. Выявляя тематическое и жанровое разнообразие этих программ, автор считает, что они не только отражают социальную структуру российского и китайского общества, но и создают имидж Китая и России как стран, в которых радиоконтент носит творческий характер и обусловлен спецификой слушательской аудитории.

Ключевые слова: средства массовой информации, радиовещание, авторская программа, региональные радиостанции, Интернет-радио.

The increasing role of mass media in the life of the modern people is caused by the demands of time and by their great social, cultural and political significance. Among all the media groups, radio has always been the most popular type of mass media because radio broadcasting cover the large part of a country's territory.

Despite the fact that nowadays the radio broadcasting does not play such a role as it did 30–40 years ago, it is still an essential component of the Russian and Chinese media system and largely determines the structure of the information space of these countries.

In China and Russia radio is the chief medium by which news, information, and entertainment are being communicated to both urban and rural audiences. Though the popularity of television in these countries is extremely high, both Chinese and Russian people are listening to radio quite willingly, which is primarily due to its availability.

Wan Xinlu
Master's Student,
Moscow School
of Economics in the Direction
of «International Economics and Finance»,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
1042298339@qq.com

AUTHOR'S RADIO PROGRAMS IN THE SYSTEM OF RUSSIAN AND CHINESE RADIO BROADCASTING

Annotation. This article is devoted to the structure of Russian and Chinese radio broadcasting, which, despite the popularity of television in Russia and China, still occupies a leading position among the citizens, especially in rural areas. Analyzing the features of radio broadcasts going on air in Russian and Chinese television, the author of the article came to the conclusion that a significant place in the broadcasting network is occupied by the author's radio programs. Revealing the thematic and genre diversity of these programs, the author states that they not only reflect the social structure of Russian and Chinese society, but also create the image of China and Russia as countries in which radio content is creative and determined by the specifics of the audience.

Keywords: mass media, radio broadcasting, author's program, regional radio stations, Internet radio.

Radio should be defined as an exclusively audio channel for transmitting information. If on television the sounds are in close connection with the visual aids, sounds (music, voice, noises) have been the basis of radio broadcasting [2]. So the author's radio programs, the narrator of which selects music, information, and other materials, are very popular among the citizens [1, p. 77]. According to the definition of A. Sherel, the author's program is a broadcast, the creator of which simultaneously works as its producer, director, literary and music editor, corrector [5]. The author's radio broadcast the radio, due to the author's emotional comments of the public and political events and the empathy to the heroes' fates, leave a response in the hearts of radio listeners.

The radio station «Russian Radio» offers to listen the author's programs «Closer to the body», «Money on a barrel», «Delicious life» created by Peter Chernyshov. There are such programs as «The Evening show of Alla Dovlatova»; an entertaining evening show «Everything for the best», which is hosted by Yulia Baranovskaya and Maxim Privalov, Anna

Semenovich's program «Demob Album» and others on the waves of this radio station. The broadcasts going on «Radio of Russia» are Larisa Katysheva's talk show «Tomorrow in the world»; Galim Vergasov and Alexander Sladkov's talk show «Overcoat» dedicated to the Armed Forces of the Russian Federation, the author's program of the actor, chairman of the Russian Theatre Union Aleksander Kalyagin «Echoes of the theater»; the radio version of the TV program «Dialogues about the animals» with Ivan Zatevakhin; the author's program about the writers and their books «KultBrigada» by Vyacheslav Konovalov, etc.

Chinese radio network, in addition to the Central Radio Station in Beijing, is represented by more than 300 regional transmitting stations and two thousand rural broadcasting centers. These radio stations transmit broadcasts that the various groups of the citizens are interested in [4, p.108].

It should be noted that Chinese regional radio stations broadcast such a number of interesting author's programs that the citizens of other provinces listen to them with pleasure. The topics of radio broadcasts are quite diverse, as well as their genre diversity. Chinese radio stations transmit artistic, publicistic, entertainment, scientific and informational programs in their air. The most radio broadcasts have a target audience. For example, the radio station «Countryside Radio» offers a large number of programs dedicated to agriculture (for example, the program «The Landed Estates») to its listeners.

There are also universal programs, i.e. programs that are interesting for the whole Chinese nation. For example, one of the most popular regional radio broadcasts is the entertainment radio program «Funny Firecracker with two charges». Listeners of all ages and social groups like music programs, such as «Modern Music» and «Musical Steering Wheel». Chinese people listen to the radio shows in which famous doctors are taking part with interest. The invited guests talk about the most relevant and significant events in the medical sphere, about medicines and a healthy lifestyle. Listeners in turn can call the studio

Литература:

1. Мурзина О.В. Радиожурналистика : учеб. пособие / О.В. Мурзина, Э.С. Карпов. М. : ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2021. 118 с.
2. Ступина Т.Н. Тексты радионовостей как медийный нарратив / Т.Н. Ступина, Е.И. Грибкова // Медиаатекст: стратегии – функции – стиль : кол. монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.). Орёл : Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. С. 153–160.
3. Тянь Уехун. К вопросу о типологических особенностях регионального радиовещания КНР / Тянь Уехун // Вестник БГУ. Сер. 4. 2009. № 3. С. 100–103.
4. Тянь Уехун. Китайское региональное радио. Этапы становления и развития / Тянь Уехун,

and ask their questions. One of such radio programs is the broadcast «Women's Health».

Some programs of Chinese radio broadcasting have been going on for many years. And they are still popular. Thus for 16 years the Zhengzhou radio station has been broadcasting the program called «Cola» for Breakfast». This broadcast gives a variety of practical information about the situations on the city's roads, about the weather, about the economic condition in the country. The target audience of this broadcast is business people [3, p. 102].

At the end of the twentieth century, the author's radio programs of Russia and China filled the Internet space. Nowadays there are 23 Internet radio broadcasting channels in Russia offering a large number of original programs to their listeners. For example. «The Russian radio» program «AutoTochka» which airs on the online radio station «JUICE», is very popular. The target audience of this program is listeners who own cars or who are planning to purchase them. The narrator of the program Anna Tolstova describes the techniques of a car care vividly and figuratively. She talks about emergency situations and gives recommendations how to overcome difficulties concerning an auto (for example, how to dig out a car after a heavy snowfall). She advises which companies can sell good auto details.

In China the era of Internet radio began in April 2009, when China International Radio («INETRADIO.CN»), opened on July 13, 2005, began preparations for online broadcasting throughout China. At present the Internet platform has expanded the transmission channels of radio broadcasting and attracted a new generation of radio audience, which now has the opportunity to listen to the author's radio broadcasts in the World Wide Web.

The author's radio program helps any journalist to reveal all his professional knowledge, abilities and skills. But the author's program is also a great opportunity to bring something new to the history of the radio station. Due to the successful author's program, the rating of the radio station can grow significantly.

Literature:

1. Murzina O.V. Radio journalism : textbook / O.V. Murzina, E.S. Karpov. M. : Kosygin Russian State University, 2021. 118 p.
2. Stupina T.N. Texts of radio news as a medial narrative / T.N. Stupina, E.I. Gribkova // Mediatext: strategies – functions – style : col. monograph / L.I. Grishaeva, A.G. Pastukhov, T.V. Chernyshova (ed.). Orel : Orel State Institute of Arts and Culture, printing company «Horizon», 2010. P. 153–160.
3. Tian Yuehong. On the issue of typological features of regional radio broadcasting of the People's Republic of China / Tian Yuehong // Bulletin of BSU. Ser. 4. 2009. № 3. P. 100–103.
4. Tian Yuehong. Chinese Regional Radio. Stages of formation and development / Tian Yuehong,

В.Н. Шейн // Вестник БГУ. Сер. 4. 2009. № 2.
С. 107–110.

5. *Шерель А.А.* Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. Очерки / А.А. Шерель. М. : Litres, 2017. 167 с.

V.N. Shein // Bulletin of BSU. Series 4. 2009. № 2.
P. 107–110.

5. *Sherel A.A.* Audio culture of the XX century. History, aesthetic patterns, peculiarities of influence on the audience. Essays / A.A. Sherel. M. : Litres, 2017. 167 p.

Ван Синьлу

магистрант,
Московская школа экономики
по направлению «Международная
экономика и финансы»,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1042298339@qq.com

ТРАДИЦИОННОЕ ВЕЩАНИЕ И ИНТЕРНЕТ МАСС МЕДИА: СОДРУЖЕСТВО ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ?

Аннотация. Во второй половине XX века телевидение покорило весь мир. Но в начале XX столетия на смену традиционным средствам массовой информации пришел Интернет, который стал новым источником информации. Но может ли Интернет заменить традиционные средства информации (такие, как радио, телевидение) или же он является сопутствующим средством распространения информации? Можно ли его считать конкурентом традиционных СМИ или же Интернет – это одна из форм существования радио- и телевидения в современную эпоху? На эти вопросы и попытается ответить автор данной статьи, рассмотрев особенности российского и китайского вещания, переместившихся на просторы Интернета.

Ключевые слова: Интернет, масс медиа, традиционное вещание, веб-ресурсы.

At the beginning of the 21st century the information field of all the world has expanded significantly. The lives of people all over the world have been dominated by the Internet, which has replaced all the usual forms of mass communication.

Nowadays Internet mass media is a usual phenomenon. But what is Internet mass media? Any mass media registered as a mass media and transmitting content to the Internet platform is an Internet media (Internet newspaper, Internet Magazine, Internet Radio, Internet Television). At the same time, now almost all traditional media upload their content to their websites on the Internet [2, p. 23]. For example, some newspapers and magazines have abandoned paper printing and switched to an online format. The same thing happened with radio and television. Increasing their audience they began to organize Internet broadcasting – to make video broadcasts, to create an account in FaceBook, Twitter and other networks. Due to the fact that Internet media replaced the traditional ones an individual may read an article or watch news on websites. Internet broadcasting have a number of advantages over traditional media, namely: lower cost; accessibility in all parts of the world; fast transmission and rapid dissemination of information.

Wan Xinlu

Master's Student,
Moscow School
of Economics in the Direction
of «International Economics and Finance»,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
1042298339@qq.com

TRADITIONAL BROADCASTING AND INTERNET MASS MEDIA: COMMUNITY OR COMPETITION?

Annotation. In the second half of the twentieth century, television conquered the whole world. But at the beginning of the twentieth century, the traditional mass media were replaced by the Internet, who became a new source of information. But can the Internet replace traditional media (such as radio, television) or is it an accompanying means of information dissemination? Can it be considered a competitor to traditional media, or is the Internet one of the forms of radio and television broadcasting in the modern era? The author of this article will try to answer these questions, to consider the features of Russian and Chinese broadcasting that have moved to the Internet.

Keywords: Internet, mass media, traditional broadcasting, web resources.

Internet broadcasting help the users to learn about political, economic and cultural events in the country and in the world on fly.

The Internet influenced the Russian and Chinese media as well. For Russian citizens the Internet has become the third resource for obtaining news after television. Runet (the Russian Internet segment) has been developing in two ways. The first way is the transition of traditional media to a new digital platform, the second one is the appearance of initially digital media, i.e. media focusing only on the Internet as a distribution system for information [3, p. 185].

M. Lukina distinguishes the following Russian Internet broadcasting media:

1. «Clones» or equivalent copies of traditional broadcasting media.
2. «Hybrids» or modified online versions of traditional broadcasting media.

Despite the fact that these online media have prototypes, there are only one common thing between online and offline versions – the brand name. This group of Internet broadcasting resources includes

such broadcasting channels as «VGTRK», «NTV», «Radio Mayak», etc.

3. Online outlets independent from offline. Such broadcasting resources represent another model of traditional media web versions which is bound to the offline «parent», however uses all the possibilities of the online environment. A good example of such broadcasting media is «Ekho Moskvu» («Echo of Moscow») [3].

We would single out another group of broadcasting Internet resources which includes websites that combine traditional TV channels. These sites present the most interesting information and entertainment channels (news, political and entertainment talk shows, children's and religious programs, humorous programs, documentaries and feature films, etc., collected from all traditional television channels. Among them are «BravoTV.ru», «See TV.tv», «Caban.TV», «TVizo», «InternTV.ru», «Online-Television», etc. [1]. Online broadcasting services are very popular, because a user can watch any TV program that he missed or watch some broadcasts and the latest news online. Besides, users can discuss television content by leaving their comments on the forums of such websites. M. Lukina writes: «One of online media particularities is new possibilities for communication with audience. Almost all of them use the function of social networking, interactive discussions and forums for regular communication with users <...>. Some media create their own virtual clubs, communities for communication not only with the editorial office, but also with each other» [3, 189].

The function of broadcasting Internet media in China is different from the function of the same media in Russia. Chinese broadcasting that has moved to Internet is regarded as an essential political instrument. Internet media outlets are controlled by the Party's apparatus (the Party is the owner, the manager and the practitioner of the media) and Chinese government and are responsible for educating the masses and disseminating Communist ideology. The function of broadcasting Internet media is to ensure the loyalty and unity of the organisation's members, to induce not only correct thinking but also correct behaving. In April 2000 the Internet Propaganda Administrative

Литература:

1. Сайты ТВ онлайн: подборка сайтов. URL : <http://megapoisk.com>
2. Шарков Ф.И. Интернет и масс-медиа: локальный дискурс в сетевых массовых коммуникациях / Ф.И. Шарков // Коммуникология. 2014. Т. 8. № 6. С. 15–28.
3. Лукина М.М. Российские Медиа и Интернет / М.М. Лукина; Под ред. Е.Л. Вартановой // World of Media Yearbook of Russian Media and Journalism Studies. М. : Издательство Московского государственного университета им. М. Ломоносова, 2013. С. 180–195.
4. Ohiagu O.P. The Internet: The Medium of the Mass Media / O.P. Ohiagu // Kiabara Journal of Humanities. 2011. № 16 (2). P. 225–232.

Bureau, responsible for guiding and coordinating the Chinese content web sites, was formed. Its strategy is to produce own broadcasting content and limit other news sources. The most Chinese websites traditionally copy the official broadcasting sources. But Internet helped the Chinese television to enter the international broadcasting market. Due to the Internet, China's voice is heard all over the world. China Central Television (CCTV) is at the forefront of Chinese online massmedia. CCTV broadcasts in 140 foreign countries and can be accessed by some 1.5 billion people, but actual audience figures are not available to understand actual penetration. It has seven international channels that broadcast in English, French, Spanish, Arabic and Russian, as well as Chinese, and 7 foreign channels which transmit by Internet [5]. Thus CCTV aims at becoming a world-renowned broadcaster with an international news network. This will allow for a global spread of Chinese culture [6, p. 10]. Internet broadcasting cannot be considered a competitor to traditional broadcasting. Internet is only distinct from other mass media. «A major edge or distinctiveness of the Internet over the old or existing mass media», O.P. Ohiagu writes, «lies in its ability to enhance the performance of the other media. In fact, it can be safely said that the Internet has become an indispensable part of radio, television, newspaper and magazine's effective and successful existence. The old mass media have continued to enhance their relevance by hooking up to the Internet. In a very short time, it will be inconceivable to think of any media outfit that can survive without supporting itself with an online version of its productions. Therefore, the Internet can aptly be called not just a mass medium but also the medium of the mass media because it is also a channel through which the other media enhance their relevance or overcome their own limitations of frequencies, circulation or transiency. Through the Internet medium, the contents of the other media: radio, TV, books, magazines, and newspapers are relayed to a wider audience» [4, p. 7].

Thus the Internet is the communications platform of the new era which is called as Internet's epoch. The Internet replaces the one-to-many model of traditional mass media with the possibility of a many-to-many web of communication.

Literature:

1. TV Online sites: a selection of sites. URL : <http://megapoisk.com>
2. Sharkov F. Internet and mass media: Local discourse in network mass communications / F. Sharkov // Communicologia. 2014. Vol. 8. № 6. P. 15–28.
3. Lukina M.M. Russian Media and Internet/M.M. Lukina; Edited by E.L. Vartanova // World of Media Yearbook of Russian Media and Journalism Studies. M. : Publishing House of Moscow State University named after M. Lomonosov, 2013. С. 180–195.
4. Ohiagu O.P. The Internet: The Medium of the Mass Media / O.P. Ohiagu // Kiabara Journal of Humanities. 2011. № 16 (2). P. 225–232.

5. *Si Si*. Expansion of International Broadcasting. The Growing Global Reach of China Central Television. Oxford : Reuter Institute, 2014. URL : <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk>

6. *Sun Yusheng*. The reform of Chinese Television and the rise of New Media / Sun Yusheng // The growth of media in China – and its impact on political and economic development in China: Conference organised by International Media Support, the Danish National Commission for UNESCO and Copenhagen Business School. Copenhagen, 2008. P. 7–10.

5. *Si Si*. Expansion of International Broadcasting. The Growing Global Reach of China Central Television. Oxford : Reuter Institute, 2014. URL : <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk>

6. *Sun Yusheng*. The reform of Chinese Television and the rise of New Media / Sun Yusheng // The growth of media in China – and its impact on political and economic development in China: Conference organised by International Media Support, the Danish National Commission for UNESCO and Copenhagen Business School. Copenhagen, 2008. P. 7–10.

Вологина Екатерина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
электронных СМИ и новых медиа,
Кубанский государственный университет
vokal@list.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ КАК СОЦИАЛЬНО-СБЕРЕГАЮЩИЙ МЕХАНИЗМ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Одной из важных проблем, с которыми сталкивается современное общество, является высокий уровень социальных нарушений. На этом фоне возрастает актуальность исследований, направленных на осмысление социально сберегающих факторов общественной жизни. Автор обосновывает точку зрения, согласно которой позитивные ценностные ориентации являются одним из важнейших факторов сохранения социальной стабильности. В этом контексте, с одной стороны, серьезную угрозу несет в себе кризис культуры, с другой – актуализируется важность его преодоления. Статья посвящена исследованию перспектив воздействия современной литературы на культурную ситуацию, и, через это – преодоление существующих деструктивных тенденций в обществе. Анализируются основные социальные институты, на уровне которых осуществляется продвижение литературного творчества. Рассматривается специфика издательского дела, сетевых литературных порталов и литературных премий. Доказывается, что на уровне издательства и сетевых литературных порталов механизмы продвижения литературного творчества обусловлены коммерческими интересами данных организаций, в связи с чем они ориентированы на интересы и предпочтения массовой аудитории. Как следствие – они способствуют воспроизводству существующих тенденций культуры. Оцениваются возможности литературных премий по поддержке литературного творчества, содержание которого способствует развитию позитивных личностных качеств читателей.

Ключевые слова: литература, издательства, сетевые литературные порталы, премии, общество, культура.

В современном мире одной из острых проблем является преодоление социальных противоречий и деструктивных процессов, оказывающих на общество дезинтегрирующее воздействие. Как отмечает А. Гофман, одним из доминирующих направлений социальных исследований в настоящее время является изучение

Ekaterina V. Vologina
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Electronic Media and New Media,
Kuban State University
vokal@list.ru

LITERARY PRIZES AS A SOCIAL SAVING MECHANISM: SOCIOCULTURAL ASPECT

Annotation. One of the important problems faced by modern society is the high level of social disorders. Against this background, the relevance of research aimed at understanding the socially saving factors of public life increases. The author substantiates the point of view according to which positive value orientations are one of the most important factors in maintaining social stability. In this context, on the one hand, the crisis of culture poses a serious threat, on the other hand, the importance of overcoming it is actualized. The article is devoted to the study of the prospects of the impact of modern literature on the cultural situation, and, through this, overcoming the existing destructive tendencies in society. The main social institutions at the level of which the promotion of literary creativity is carried out are analyzed. The specifics of publishing, online literary portals and literary awards are considered. It is proved that at the level of publishing houses and online literary portals, the mechanisms for promoting literary creativity are determined by the commercial interests of these organizations, and therefore they are focused on the interests and preferences of the mass audience. As a result, they contribute to the reproduction of existing cultural trends. The possibilities of literary awards to support literary creativity, the content of which contributes to the development of positive personal qualities of readers, are evaluated.

Keywords: literature, publishing houses, online literary portals, awards, society, culture.

социальных нарушений [4], что обусловлено практическими запросами общества, связанными с необходимостью своевременного распознавания социальных угроз и определения перспективных способов противодействия существующим факторам риска.

Одной из причин возрастания уровня социальных рисков является то, что современное общество находится в состоянии высокоинтенсивной трансформации, что является одним из следствий активного протекания глобализационных процессов и, по сути, представляет собой разновидность издержек повышения масштабов социального взаимодействия и роста его интенсивности в условиях, когда взаимодействующие общества характеризуются различиями в политическом устройстве, экономическом состоянии, культуре и т.д. Современное общество значительно усложнилось в структурном плане, и одновременно с этим возросла плотность социальной коммуникации, что привело к такому явлению, как разрушение границ между обособленными локальными сообществами и масштабными общественными группами.

Это проявляется в области межэтнического взаимодействия, межконфессиональных отношений, одним из аспектов развертывающихся процессов становится столь мощная интенсификация культурного диалога, что ее результатом становится формирование множественной идентичности у членов общества и мозаичного, эклектичного мировоззрения, сочетающего элементы самых разных систем мысли (подчас в корне противоречащих друг другу). При этом, помимо естественных социальных процессов, оказывающих на общество дестабилизирующее воздействие, следует отдельно отметить также целенаправленную деятельность, направленную на подрыв социальных устоев и разрушение текущей социально-политической системы. Одной из острых проблем в данном случае является развитие экстремизма, который исследователи рассматривают в качестве одной из серьезных угроз стабильности современного общества [11]. К представленному перечню неблагоприятных социальных процессов следует добавить также высокий уровень преступности¹, оказывающей глубокое деструктивное воздействие на ряд общественных институтов, начиная с институтов власти и экономики и заканчивая институтом семьи.

Государство стремится к преодолению описанных выше неблагоприятных тенденций, что проявляется в осуществлении активной социальной политики, мерах по повышению эффективности правоохранительных органов, осуществлении на уровне ведущих государственных институтов мер по борьбе с преступностью, экстремизмом, межэтническими конфликтами и т.д. Преимущественно принимаемые меры имеют институциональный характер и проявляются в форме прямого регулятивного воздействия на социальную систему. Вместе с тем, следует отметить, что существует важное направление, обращение к которому может в значительной степени способствовать созданию благоприятных условий для стабилизации ситуации в обществе. Речь идет об активизации внутренних социально-сберегающих

факторов и механизмов, способствующих консолидации членов общества.

Если рассмотреть основной спектр перечисленных выше проблем и деструктивных факторов, с которыми сталкивается современное общество, можно заметить важный момент, который является общим для них всех: одним из серьезных сдерживающих факторов описанных выше деструктивных явлений являются позитивные мировоззренческие установки членов общества, определяющие их нацеленность на социально-значимые действия и, в целом – содействие установлению общественного благополучия. Одним из ключевых аспектов формирования подобного рода конструктивных установок является наличие у членов общества развитых ценностных установок, определяющих приоритет сотрудничества, взаимопомощи, важность активной гражданской позиции, законопослушности и т.д. В рамках настоящей статьи мы остановимся подробнее на таком вопросе, как влияние современных процессов в литературной среде на формирование конструктивных ценностных ориентаций членов общества, и, в частности, проанализируем вопрос о том, каковы возможные перспективы воздействия на литературную сферу, посредством которых можно способствовать развитию конструктивных ценностей в общественной среде.

Для начала следует охарактеризовать такой момент, как влияние мировоззренческих установок членов общества на его внутреннюю стабильность. Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на то, что существует две основные разновидности регуляторов социального поведения членов общества – внешние и внутренние. Под внешними регуляторами подразумевается система права и совокупность институтов, ориентированных на обеспечение правового формата социального взаимодействия, а также механизмы социального контроля, основанные на порицании социально деструктивных форм поведения. Влияние данных регуляторов достаточно серьезно, но не тотально: в ситуациях, когда члены общества полагают, что могут избежать наказания за общественно опасное деяние или совершение порицаемого поступка (например, в условиях анонимности или в ситуации, когда поблизости нет представителей органов правопорядка), многие из них осуществляют негативные формы социальной активности. Кроме того, следует отметить, что в отдельных ситуациях действия, допустимые с точки зрения установившейся в обществе системе правил, тем не менее влекут за собой существенные негативные последствия.

В качестве примера мы можем привести ситуацию, которая квалифицируется как травля и слагается из действий, каждое из которых, будучи взятым по отдельности, может не выходить за рамки существующих социальных ограничений. В данном случае отдельная шутка может не

¹ Отдельно следует отметить, что имеет место не просто высокий уровень преступности: исследователи обращают внимание на то, что во всем мире наблюдается тенденция роста количества противоправных действий членов общества. См., *Баймолдина С.М.* Особенности

криминологической характеристики преступности в Российской Федерации / С.М. Баймолдина // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. № 1(13). С. 104–108.

расцениваться членами общества как опасное и некорректное поведение, однако в совокупности подобного рода практики, совершаемые коллективно, могут причинить существенный вред отдельному человеку, на которого они направлены.

Здесь мы подходим к пониманию того, что внешние регуляторы социального поведения не обеспечивают корректную социальную активность, они скорее задают определенные рамки, явный выход за которые сопровождается наказанием, официальным или неофициальным. И в данном случае очень большое значение имеет то, чего в действительности хотят члены общества, к чему стремятся, а также то, какие формы и способы достижения желаемого они считают допустимыми и возможными. Здесь мы, собственно, вплотную подходим к вопросу о внутренних регуляторах социального поведения.

Внутренние регуляторы социального поведения локализованы на уровне мировоззрения членов общества. Это совокупность представлений о допустимом и недопустимом, ценности, на основании которых человек устанавливает грань между тем, что он считает корректной социальной практикой и тем, чего делать нельзя. Также на уровне мировоззрения представлены нормы и модели поведения, рассматриваемые социальным субъектом в качестве корректного и, напротив – социальные модели, которые он отвергает. Система мировоззрения не просто описывает структуру общества, она также определяет способ взаимодействия человека с обществом, определяя способ его поведения и общие векторы его социальной активности.

Именно от того, какого рода мировоззрение сформировалось у человека, зависит конечная совокупность целей, которые он ставит в жизни, и именно характер его мировоззрения определяет то, какие способы достижения поставленных целей он может избрать.

Несмотря на то, что мы назвали мировоззрение внутренним регулятором социальной активности субъекта, источники его формирования имеют, по большей части, внешний по отношению к нему характер. Еще А. Шютц обратил внимание на то, что человек формирует свое мировоззрение в опоре на внешние источники [10], в частности, в процессе коммуникации и приобщения к культуре. В свою очередь, М. Маклюэн [8] рассмотрел значение медиа (к которым он отнес любые механизмы запечатления, хранения и передачи информации, включая книги, видеофильмы и т. д.) как одного из основных источников формирования мировоззрения человека.

Обобщая сказанное выше, следует обратить внимание на то, что преодоление социальных рисков в настоящее время может быть реализовано посредством создания на уровне культуры условий для формирования конструктивных форм социального мировоззрения членов общества – создание социально значимых ценностных установок, а также устойчивых представлений о приемлемых и неприемлемых формах поведения. И здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой,

которая заключается в том, что на уровне культуры имеют место кризисные тенденции, которые проявляются в формировании потребительских ценностей (что включает в себя, в том числе, потребительское отношение к другим людям), легитимации отдельных форм насилия (включая те, которые противоречат закону), распространении откровенно циничных форм мировоззрения, которые обосновываются «разумностью» выстраиваемой позиции.

По сути, одной из тенденций становится распространение крайних индивидуалистических установок, противопоставляющих единичного субъекта обществу и, в частности, полагающих оправданным «использование» субъектом своего социального окружения в личных целях. Подобного рода установки несут очевидный деструктивный характер, однако, вместе с тем, они активно репрезентируются на уровне массовой культуры, что, по сути, задает масштабные процессы привития членам общества деструктивных ценностей и моделей поведения. Тот из аспектов социальной регуляции, который ранее был рассмотрен в качестве перспективного направления решения назревших социальных проблем, по факту, в настоящее время имеет нарушенный характер и во многом служит воспроизводству этих проблем.

Подобного рода ситуация определяет необходимость воздействия на нарождающуюся культурную сферу с целью изменения содержательной составляющей протекающих на уровне культурной среды процессов. В настоящей статье мы рассмотрим на примере литературной сферы вопрос о том, какие факторы и социальные механизмы определяют репрезентацию элементов массовой культуры в литературной среде и, в свою очередь – какие меры могут быть предприняты с целью нормализации ситуации в культурной сфере.

Для начала следует обратить внимание на то, что влияние литературы на членов общества в существенной степени определяется тем, что именно они склонны читать. В этом контексте мы можем отметить, что исследования, на уровне которых отмечается высокий потенциал воздействия классической литературы на мировоззрение членов общества [6] раскрывают общий принцип воздействия данной литературы на мировоззрение читателей и их духовно-нравственное развитие, однако не дают целостной картины того, что именно склонны читать люди в настоящее время и, в частности – насколько высок уровень обращения к литературной классике у современных читателей.

Среди молодежи социологические исследования демонстрируют относительно высокий уровень приобщения к классической литературе (49,2 % опрошенных), второй по популярности является литература в жанре фэнтези (44,4 %) [5]. Среди детей и подростков характерен значительный перевес в сторону современной развлекательной литературы: 82,8 % опрошенных из числа детей и подростков читают фэнтези [2]. При этом исследователи обращают внимание на то, что современные читатели проявляют повышенную

склонность к прочтению развлекательной, досуговой литературы, при этом, в количественном плане электронные книги преобладают над бумажными [9].

Показательным моментом является также и то, что многие из молодых людей, полагающих действительно ценной и значимой классическую литературу, тем не менее, в рамках проведения досуга отдают предпочтение современной развлекательной литературе, что мотивируется желанием отдохнуть после трудного дня (особенно это касается представителей работающего населения, сталкивающихся со стрессовыми ситуациями и стремящимися разгрузить свою нервную систему, получить положительные эмоции и т.д.). Все это в совокупности определяет то, что среди представителей младшей и средней возрастной групп преобладающее место в системе литературных предпочтений приобретает современная литература.

Следует обратить внимание на один важный момент. В рамках настоящей статьи мы ориентируемся, прежде всего, на литературные привычки и предпочтения младшей и средней возрастной групп в силу того, что представители данных возрастных категорий характеризуются большей пластичностью мировоззрения и, в ряде случаев – его незавершенностью, что задает существенно больший потенциал воздействия литературы на социальную картину мира, нежели, например, у зрелых и пожилых людей. Именно это является тем основанием, которое определяет акцентуацию внимания на литературных привычках и предпочтениях подростков и молодежи.

Возвращаясь к затронутому вопросу, отметим, что высокая востребованность нарождающейся литературы определяет то, что процессы возникновения новых литературных произведений оказывают колоссальное воздействие на мировоззрение членов общества, и именно поэтому от того, какова качественная определенность нарождающегося литературного творчества во многом зависит то, какое влияние оно может оказать на членов общества.

Несмотря на то, что известных, профессиональных писателей сравнительно немного, ежедневно десятки тысяч людей занимаются творческой деятельностью в литературной сфере, однако их работы пишутся, преимущественно «в стол», либо являются достоянием узкого круга родственников и знакомых. Если мы рассматриваем момент влияния литературного творчества на общество, целесообразно обратить внимание не столько на то, какие произведения выходят из-под пера многочисленных литераторов, сколько на то, какие работы обретают известность и, соответственно, обретают возможность воздействия на сознание читателей.

И здесь мы приходим к пониманию важного принципа: содержание литературной продукции, предлагаемой вниманию читателей, в значительной степени зависит от того, какие именно работы получили продвижение на уровне действующих литературных институтов. А это, в свою очередь,

актуализирует вопрос о том, на каких принципах строится деятельность основных институтов, обеспечивающих продвижение литературного творчества.

Прежде всего, следует определиться с тем, какие основные институты в настоящее время осуществляют продвижение литературного творчества и, соответственно, могут рассматриваться как своеобразные социальные лифты для писателей. В настоящее время можно выделить три основных сферы, на уровне которой осуществляется продвижение литературного творчества и поддержка начинающих писателей:

- издательства;
- сетевые литературные порталы;
- литературные премии.

Для начала рассмотрим, в чем состоит специфика функционирования обозначенных институтов и на каких условиях они обеспечивают продвижение литературного творчества. Здесь следует обратиться к самому известному и, по сути, классическому варианту продвижения в литературной среде – заключению автором контракта с издательством на предмет публикации конкретного произведения или цикла работ.

Деятельность издательств предполагает реализацию нескольких задач:

- поиск перспективных работ;
- непосредственная публикация перспективных работ (что означает процесс материального производства книг, с соответствующей затратой материальных средств на обеспечение материалов и технологического процесса верстки, печати и т.д.);
- обеспечение условий для продажи печатной продукции (выход на розничные сети, на уровне которых продается литературная продукция, обеспечение логистики, хранение книг и т.д.);
- создание условий для высокого уровня продаж произведенной печатной продукции (осуществление рекламных кампаний, организация различного рода мероприятий, привлекающих внимание к конкретным произведениям и т.д.).

Для издательства реализация каждой из перечисленного набора задач связана с существенными материальными издержками, причем далеко не каждый литературный труд, который был издан, удается реализовать, что, по сути, определяет моменты риска, связанные с публикацией работ малоизвестных авторов. Это определяет то, что процесс отбора работ для публикации является очень жестким, поскольку для редакторского состава издательств очень важно не допустить публикации слишком большого количества убыточных книг.

В свою очередь, издательства стремятся к публикации работ, которые будут позитивно восприняты массовой аудиторией, что определяет

сравнительно невысокий набор жанров, написание работ в которых перспективно с точки зрения сотрудничества с издательством. Так, например, в настоящее время сравнительно высоким спросом пользуется фантастика, детективы, любовные романы, а также книги, написанные в гибридных жанрах (фантастический детектив, любовное фэнтези и т.д.). Ключевым моментом в данном случае становится то, что принятие решение о публикации работы или, напротив, об отказе в публикации осуществляется, преимущественно с точки зрения того, будет ли конкретная книга продаваться, или нет. При этом такие аспекты, как литературная ценность, глубина содержания, философский смысл работы, ее влияние на ценностную структуру личности читателя – все это выступает в качестве второстепенных факторов, которые могут не учитываться.

Определяющим моментом в данном случае является то, что современные издательства в большинстве своем являются коммерческими организациями и, соответственно, выстраиваемые на их уровне процессы подчиняются, преимущественно, экономическим законам. Таким образом, мы наблюдаем следующую логическую цепочку:

- издательства стремятся к минимизации рисков и максимизации прибыли, что определяет повышенную вероятность отказа начинающему, малоизвестному писателю;
- основой принятия решения о публикации работы является ее предполагаемая продаваемость, что означает ориентацию на интересы массовой читательской аудитории;
- в настоящее время читатели в большинстве своем ориентированы на «легкую», развлекательную литературу, действующие персонажи которой являются близкими им по духу и, по сути, являются носителями тех же культурных ценностей, что и основная масса читателей.

Основным выводом из данной логической цепочки является то, что публикация произведений на уровне современных издательств в силу коммерческой их ориентации определяет доминирование массовых читательских предпочтений как фактора принятия к публикации или, напротив, отказа в публикации конкретной работе. Соответственно «в тираж» идут, прежде всего, те книги, которые соответствуют массовым запросам, а в содержательном плане отвечают тем культурным запросам и установкам, которые характерны для массовой читательской аудитории. С точки зрения влияния на культуру тех тенденций, которые имеют место на уровне ведущих издательств, можно констатировать наличие механизмов воспроизводства основных культурных тенденций на уровне издательской среды. Соответственно, коль скоро исследователи отмечают наличие серьезных кризисных процессов на уровне культуры, те же самые негативные культурные формы получают распространение и на уровне активно публикуемой литературной продукции.

При этом показательными являются два момента: с одной стороны, продвижение в

литературной среде получают те авторы, работы которых соответствуют массовым читательским предпочтениям, с другой стороны, многие авторы, стремящиеся к коммерческому успеху, в конечном итоге обращаются к тем жанровым нишам и способом написания литературных работ, которые наиболее востребованы. Как результат, можно судить о моментах деформации литературной среды, связанных с моментом коммерческой ориентированности ведущих издательств.

Обратимся к следующему социальному механизму, посредством которого осуществляется развитие литературной сферы – деятельности сетевых литературных порталов, на уровне которых авторы приобретают возможность публикации своих работ.

Рассматривая специфику функционирования сетевых площадок самиздата, прежде всего, следует отметить, что здесь «порог вхождения» существенно ниже, нежели в издательской сфере, что в значительной степени сопряжено с тем, что издержки размещения литературных произведений на подобного рода сайтах существенно ниже, нежели издержки издательств, осуществляющих публикацию печатных изданий. Для сетевого ресурса размещение отдельного произведения сопряжено с незначительными затратами материальных средств, поскольку речь идет лишь о хранении небольшого файла на сервере литературного портала и предоставлении пользователям возможности ознакомиться с ним. По этой причине для начинающего автора не составляет проблемы опубликовать свое произведение.

Вместе с тем, один лишь факт публикации не делает начинающего автора сколько-нибудь известным, поскольку для того, чтобы представители читательской аудитории могли ознакомиться с его работой, им нужно, для начала, узнать о ее существовании. И здесь в дело вступают механизмы, сходные по принципам с механизмами продвижения видеоконтента на популярных хостингах: для того, чтобы книгу чаще предлагали читателям, необходимо, чтобы те из читателей, которые уже ознакомились с ее содержанием, оставили ей положительную оценку (лайк). Чем выше показатель читательского одобрения, тем, соответственно, чаще книга предлагается новым читателям. При этом, для того, чтобы книга изначально была кем-то прочитана на уровне подобного рода порталов существует множество разнообразных виджетов, в рамках которых осуществляется рекомендация к прочтению произведений, отобранных по определенным критериям (включая время публикации).

В целом, система, реализованная на уровне сетевых литературных порталов, дает возможность получить известность даже начинающему писателю, никак не вкладывающемуся в рекламное продвижение, при условии, если он стабильно публикует свое литературное творчество. Однако сами по себе механизмы продвижения (предложения к прочтению) литературного творчества основываются, преимущественно, на рейтингах читательского одобрения и показателях читательской активности, в связи с чем наибольшее

перспективы имеют место у тех работ, которые отвечают вкусовым предпочтениям большей части аудитории сайта. По этой причине на уровне подобного рода порталов самиздата, чаще всего, имеет место сравнительно узкий набор жанров, работы в которых получают продвижение. Еще одним немаловажным моментом является то, что механизмы продвижения авторов реализуются, преимущественно, с упором на максимизацию коммерческой прибыли сайта, что определяет наличие сходных механизмов, что и в работе крупных издательств. Иными словами, для того, чтобы быть популярным на подобного рода сайте, необходимо писать мейнстримные произведения, отвечающие вкусовым предпочтениям большей части читательской аудитории сайта.

Это определяет то, что на уровне рассмотренных сайтов, преимущественно, реализуется процесс воспроизводства культуры, со всеми вытекающими последствиями. Мы не говорим о том, что указанные институты продвижения литературного творчества оказывают негативное влияние на общество своим существованием, речь идет скорее о том, что на их уровне реализуется классическое воспроизводство тех ценностей и социальных установок, которые уже взяты за основу мировоззрения большинством пользователей.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что одним из главных оснований воспроизводства существующих тенденций культурного плана в литературных издательствах и на уровне сетевых порталов является то, что они имеют четко выраженную коммерческую ориентацию, что определяет направленность реализуемых в их рамках механизмов продвижения литературного творчества. Рассмотрим, какова специфика института литературных премий и, в частности, какие возможности он предоставляет начинающим авторам для развития в литературной сфере и, напротив, какие ограничения накладывает на них.

Литературные премии – это институт, в рамках которого осуществляется конкурсный отбор произведений определенной формы и тематики, написанных в конкретных жанрах, с последующей материальной и информационной поддержкой авторов, попавших в шорт-лист литературной премии и, разумеется, победителя или победителей литературного конкурса. Литературные премии могут иметь самую различную направленность – она зависит, прежде всего, от исходных целей, которые ставят перед собой организаторы, при этом, литературные премии не являются коммерчески

Литература:

1. *Баймолдина С.М.* Особенности криминологической характеристики преступности в Российской Федерации / С.М. Баймолдина // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. № 1(13). С. 104–108.
2. *Белов В.А.* Современные читательские предпочтения подростков и юношества / В.А. Белов, В.В. Громова // Библиосфера. 2014. № 1. С. 31–37.

ориентированным институтом. Напротив, их деятельность направлена не столько на извлечение выгоды, сколько на поддержку начинающих авторов и развитие конкретных направлений литературного творчества. В России в настоящее время имеет место множество литературных конкурсов различной направленности, что открывает для начинающих авторов обширные возможности для самореализации и продвижения своих работ [7]. При этом, что немаловажно, с ведущими литературными премиями сотрудничают журналисты и издательства, что дает начинающим авторам (при условии, если они станут призерами литературного конкурса) возможность быстрого развития в литературной сфере.

Одной из важнейших особенностей литературных премий является то, что они, с одной стороны, дают начинающим авторам значительные перспективы развития в литературной среде, с другой – не являются обусловленными действующими культурными тенденциями. По этой причине посредством организации литературного конкурса может быть осуществлено стимулирование развития любого направления в литературной сфере. Это связано с тем, что авторы, пишущие в конкретном жанре и закладывающие в свои работы конкретное содержание, получают продвижение своих работ, в результате чего эти работы начинают оказывать влияние на широкую читательскую аудиторию. Причем, еще раз следует обратить внимание на то, что литературные премии могут быть организованы в любой жанровой и тематической направленности, в связи с чем исследователи обращают внимание на высокую значимость литературных премий, как одного из инструментов опосредованного воздействия на культуру общества и социальные отношения в целом. Об этом мы более подробно уже говорили ранее [3].

Подведем итог. В современном мире наблюдаются серьезные кризисные тенденции, охватывающие, в том числе, культурную сферу, причем эти тенденции носят во многом воспроизводимый характер. Воспроизводство негативных социальных установок (равно как и общественно значимых) реализуется в процессе коммуникации членов общества, одним из аспектов которой является коммуникация авторов и читателей через тексты литературных произведений. И в данном случае одним из важных социальных механизмов, на уровне которого становится возможным целевое конструктивное воздействие на культурную сферу, является институт литературных премий.

Literature:

1. *Baymoldina S.M.* Features of criminological characteristics of crime in the Russian Federation / S.M. Baymoldina // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2009. № 1 (13). P. 104–108.
2. *Belov V.A.* Modern reader preferences of adolescents and youth / V.A. Belov, V.V. Gromova // Biosphere. 2014. № 1. P. 31–37.

3. Вологина Е.В. Литературные премии как инструмент опосредованного воздействия на общество: медийный аспект / Е.В. Вологина // Вестник ВУиТ. 2021. №4(36). С. 83–91.
4. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А.Б. Гофман // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С. 97–167.
5. Кругликова А.Ю. Картина чтения современных студентов: опыт исследования / А.Ю. Кругликова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2014. № 2. С. 61–65.
6. Ланге Н.А. Роль художественной литературы в духовно-нравственном воспитании современной молодёжи / Н.А. Ланге // Наука, образование и культура. 2019. № 9(43). С. 30–33.
7. Луков В.А. Премии литературные / В.А. Луков // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 281–286.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
9. Рудаков В.А. Чтение: две грани проблемы / В.А. Рудаков // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (59). С. 127–15.
10. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц; Сост. А. Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
11. Якимов Г.Н. Государство и экстремизм / Г.Н. Якимов // Вестник ОмГУ, 2007. № 3. С. 68–70.
3. Vologda E. V. Literary awards as a tool of indirect influence on society: media aspect // Vestnik VUiT. 2021. №4 (36). – pp. 83-91
4. Hoffman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration / A.B. Hoffman // Sociological Yearbook 2012. Collection of scientific papers. Ed. N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko. M. : INION RAS; Department of General Sociology, HSE, 2013. P. 97–167.
5. Kruglikova A.Yu. The picture of reading modern students: research experience / A.Yu. Kruglikova // Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. 2014. № 2. P. 61–65.
6. Lange N.A. The role of fiction in the spiritual and moral education of modern youth / N.A. Lange // Science, education and culture. 2019. № 9(43). P. 30–33.
7. Lukov V.A. Literary awards / V.A. Lukov // Knowledge. Understanding. Ability. 2011. № 2. P. 281–286.
8. McLuhan M. Understanding media: external extensions of a person. M., 2003.
9. Rudakov V.A. Reading: two facets of the problem / V.A. Rudakov // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2019. № 2(59). P. 127-15.
10. Schutz A. Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / A. Schutz; Comp. A.Ya. Alkhasov; Translated from English by A.Ya. Alkhasova, N.Ya. Mazlumyanova; Scientific ed. of translation by G.S. Batygin. M. : Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.
11. Yakimov G.N. The State and extremism / G.N. Yakimov // Bulletin of OmSU. 2007. № 3. P. 68–70.

Герасимов Максим Васильевич
преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский филиал
Российского государственного
университета правосудия
m.gerasimov@ro.ru

Дровалева Людмила Семеновна
кандидат педагогических наук,
доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский филиал
Российского государственного
университета правосудия
lsmirag@mail.ru

Шалагинова Наталья Алексеевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский филиал
Российского государственного
университета правосудия
shalaginova_nata@mail.ru

Паламарчук Сергей Александрович
старший преподаватель
кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский филиал
Российского государственного
университета правосудия
spalamar41@gmail.com

Риски и угрозы молодежной социализации, представленные в сети Интернет

Аннотация. В статье рассматриваются деструктивные онлайн-сообщества, пользующиеся популярностью среди молодежной аудитории в сети Интернет. Сеть Интернет выступает сегодня в качестве важнейшей социализационной среды для молодых россиян, а это значит, что риски связанные с онлайн-социализацией, заслуживают внимания научного российского сообщества. Осознание наличия проблемы и необходимости преодоления данного рода социализационных рисков требует комплексного подхода.

Ключевые слова: социализация, риски, угрозы, молодежь, сеть Интернет, онлайн-сообщества, социальные сети.

Maxim V. Gerasimov
Lecturer of Department
of Social and Economic
and Humanitarian Disciplines,
Rostov branch
of the Russian State University of Justice
m.gerasimov@ro.ru

Lyudmila S. Drovaleva
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Social and Economic
and Humanitarian Disciplines,
Rostov branch
of the Russian State University of Justice
lsmirag@mail.ru

Natalya A. Shalaginova
Candidate in Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Social and Economic
and Humanitarian Disciplines,
Rostov branch
of the Russian State University of Justice
shalaginova_nata@mail.ru

Sergey A. Palamarчук
Senior Lecturer of the Department of Social
and Economic and Humanitarian Disciplines,
Rostov branch
of the Russian State University of Justice
spalamar41@gmail.com

RISKS AND THREATS OF YOUTH SOCIALIZATION PRESENTED ON THE INTERNET

Annotation. The article deals with destructive online communities that are popular among the youth audience on the Internet. The Internet today acts as the most important socialization environment for young Russians, which means that the risks associated with online socialization, deserve the attention of the Russian scientific community. Awareness of the existence of a problem and the need to overcome this kind of socialization risks requires an integrated approach.

Keywords: socialization, risks, threats, youth, Internet, online communities, social networks.

В жизнь современных детей, подростков и молодежи с самого раннего возраста вошли различного рода гаджеты и сеть Интернет в непропорционально большом количестве, по сравнению с реальными социальными практиками, реальной жизнью, в процессе которой ранее осуществлялась традиционная социализация. Обучение, спорт, физическая культура, общение со сверстниками, увлечения, не связанные с интернет-средой в мире офлайн, все это стремительно теряет актуальность в сравнении с новой сетевой реальностью, так называемой киберсоциализацией молодых поколений [1]. Это происходит по ряду причин: родители сами заваливают детей различными техническими ресурсами – компьютерами и смартфонами с самого раннего возраста, чтобы отвлечь, успокоить, занять чем-то или просто, чтобы отвлечься от своих, действительно не простых родительских обязанностей, уделив время себе или погрузиться в работу.

Сегодняшняя молодежь, называемая поколением Z, состоит, по большей части, из «гаджето-зависимых» молодых людей, чьим важнейшим социальным агентом выступает мировая сеть Интернет, а не педагог и родители. Современная молодежь действительно отличается от предыдущих поколений рядом параметров. Важнейшими из них, на наш взгляд, выступают следующие параметры:

- отсутствие коллективного опыта в реальном мире;
- трудности с осуществлением коммуникативного процесса даже в среде сверстников (одноклассников, одноклассников, товарищей по месту жительства);
- фрагментарность мышления, а также влияние фейковой реальности на молодежное сознание, что, осложняет процесс обучения и развития мыслительных процессов, изменяет сознание молодежи [2];
- проблемы на уровне социального здоровья: снижается его уровень у молодежи, согласно данным российских исследователей [3; 4];
- гипериндивидуализм, целенаправленно и бессознательно развиваемый их родителями и глобальной сетью в период первичной социализации, «поэтому молодежь легко попадает под влияние социальных сетей как средства и инструмента коммуникации и обнаруживает так называемый сетевой индивидуализм» [3, с. 45].

В современном мире дети и молодые люди – с одной стороны, и их родители, иногда и педагоги, – с другой стороны живут в двух различных информационных реальностях.

В рамках данной статьи, мы говорим о негативных явлениях, имеющих место в различных онлайн-сообществах, популярных у молодежи и ведущих при этом к негативным социальным последствиям.

Социальное становление молодежи имеет решающее значение, как для дальнейшей жизни самих

молодых людей, так и будущего нашей страны на макросоциальном уровне. Чтобы, сколько бы то ни было эффективно, управлять процессами социализации молодежи, необходимо иметь комплексное представление о важнейшем на сегодняшний день социальном пространстве, представленном сетью Интернет. Многие аспекты сетевой социализации неочевидны для представителей предыдущих поколений. В новом жизненном пространстве молодежи – онлайн-пространстве – объективно существует целый ряд деструктивных направлений. Наиболее популярными из них выступают онлайн-сообщества, посвященные:

- запрещенной в нашей стране ЛГБТ пропаганде;
- запрещенной молодежной криминальной субкультуре АУЕ, имеющей два семантических значения данной аббревиатуры: «Арестантское уркаганское единство» и «Арестантский уклад един». Именно второе значение «является молодежным неформальным движением, участники которого придерживаются уголовных понятий» насильственно навязывают свое мышление, берущего истоки из преступного мира, «проецируя на взаимоотношения с окружающими тюремные поведенческие схемы» [5, с. 108], вынашивание планов «школьных расстрелов»;
- «Крипипасте» – жанр-Интернет-фольклора, представляющий собой небольшие рассказы, цель которых – напугать ужасами читателя, которые маскируются под реальные истории, подлинные документы, дневники и письма настоящих людей;
- онлайн-сообщества, чья деятельность посвящена убийству животных;
- экстремистско-террористические онлайн-сообщества в медиaprостранстве [6].

Далее мы рассмотрим наиболее деструктивные онлайн-сообщества более подробно.

Даже при наиболее поверхностном рассмотрении выясняется, что на момент середины 2022 года в «нашей» социальной сети ВКонтакте существуют и пользуются популярностью среди молодежи сотни открытых и закрытых групп, содержащих прямой и косвенный суицидальный контент. Существуют они очень давно и все эти «синие киты», о которых нередко писали в прессе несколько лет назад, до сих пор живы, в отличие от некоторых представителей этих молодежных онлайн-сообществ. Дело в том, что в рамках действующего законодательства лишь прямые призывы к суициду рассматриваются в качестве суицидального контента.

По оценкам специалистов по кибербезопасности, неверно было бы считать, что в ТикТоке с его забавляющими детей короткими видео, суицидальный контент не представлен, там он, как правило, распространяется через, так называемые, хештеги, учитывая алгоритмы работы данной социальной сети; эти «плохие» ролики могут

случайно попасть в ленту к любому пользователю. Также, обильно представлены видеоматериалы, посвященные наркотикам и их закладкам.

Вновь возвращаясь к самой популярной в нашей стране социальной сети, нельзя не вспомнить и про группы, занимающиеся прямой пропагандой наркотиков; в этих же группах под постами и комментариями пользователей присутствуют ссылки на онлайн-магазины, где можно их приобрести. Это – «магазины», находящиеся, в, так называемом, теневом сегменте Интернета; их рекламой исписаны стены домов и заборы в городах и даже сельских населенных пунктах. Возникает закономерный вопрос: Почему сама сеть ВКонтакте не видит в этом проблемы? А, например, аккаунт Захара Прилепина в ВК заблокирован навсегда за сбор гуманитарной помощи Донбассу.

Что касается адептов популярной молодежной онлайн – субкультуры «Крипипаста», то их кумирами являются различные маньяки и серийные убийцы, создателям данных онлайн-сообществ индифферентен запрет на материалы, провоцирующие насилие и жестокость, а эта субкультура весьма популярна у молодежи младшей возрастной подгруппы. Можно констатировать взаимосвязь рассматриваемой субкультуры с другими онлайн-сообществами, в частности, такими сообществами, которые преследуют цели «школьных расстрелов».

Нашумевшая несколько лет назад молодежная криминальная субкультура АУЕ, речь о которой шла ранее, имела своих адептов по всей стране – от городов-миллионников до поселков городского типа, и была заслуженно запрещена. В это время данную аббревиатуру школьники рисовали на партах и подоконниках, были даже футболки, худи и шапки с ее изображением, также пользующиеся определенной популярностью в молодежной среде [7]. Стоит вспомнить, что этот тренд был активно подхвачен, воспет и монетизирован отдельными российскими исполнителями рэпа. А были и такие, кто от нее реально пострадали, те кто, учась в школах вместе с активными членами данной субкультуры, отказывались «скидываться» якобы на поддержку заключенных в местах лишения свободы, некоторые дети были убиты за это своими сверстниками [7]. Да, сама аббревиатура – название организации – под запретом на законодательном уровне, но разнообразный контент, посвященный романтизации организованной преступности и соответствующего образа жизни, из социальных сетей никуда не пропал.

В нашей стране существует запрет, направленный на материалы, отрицающие ценность семьи, толкающие на пренебрежительное отношение к родителям, формирующие положительное мнение о нетрадиционных сексуальных отношениях. Одновременно с этим, в наиболее востребованной аудиторией социальной сети, присутствует порядка девятнадцать тысяч сообществ в различных формах занимающихся пропагандой ЛГБТ [8]. Возраст подписчиков данных сетевых сообществ перед вступлением в них никто не контролирует.

По мнению экспертов, значимым инструментом ЛГБТ пропаганды в молодежной среде выступает сегодня безобидная на первый взгляд японская анимация под названием «аниме» [8, 9]. Если субкультура аниме (хикимиори – в пер. с японского «нахождение в уединении») предназначена в Японии для просмотра подростками и взрослыми, то в нашей стране данный вид мультипликации чрезвычайно востребован именно среди детей, в том числе самых маленьких. Япония подарила миру целый жанр аниме, посвященный сексуальным отношениям между мужчинами «ЯОИ», таким образом, самые маленькие зрители по всему миру и в нашей стране могут ознакомиться с данным контентом, в котором выбор образа жизни хикимиори связан с неприязнью к действующему реальному миру [9]. Так, японский психиатр Тамаки Сайто, которые ввел термин «хикимиори», обнаружил, что для молодых людей, исповедующих субкультуру хикимиори характерно стрессовое состояние, социальное тревожное расстройство, склонность к суицидальному поведению, а иногда – к общему нарушению развития [10].

Что касается контента, демонстрирующего и культивирующего запрещенное в нашей стране жестокое отношение к животным, то он также активно представлен в глобальной сети. О том, что это присутствует говорить крайне больно, но, к сожалению, необходимо. В 2021 году супружеская пара «недолюдей» из Северодвинска, их фамилии и имена мы не будем указывать, поскольку в отношении подобных «нелюдей» нам импонирует «западный» подход, когда нелюдь лишен имени и фамилии, на протяжении недели подвергали пыткам и, в конечном счете, убили беззащитное животное. Душераздирающий для любого психически здорового человека контент снимался на смартфон и ежедневно выкладывался в самую популярную социальную сеть. Администрация «нашего» российского Интернет ресурса не принимала никаких мер и не сообщала в правоохранительные органы о происходящем. Но это лишь вершина айсберга, скрывающая сотни скрытых групп «нелюдей», объединяющихся на почве ненависти к животным. О том же, какой контент аккумулируется администраторами закрытых групп, посвященных подобной тематике, точно лучше не знать никому.

Мы не имеем целью демонизировать процессы сетевизации, признавая, в том числе, и позитивные аспекты социализации в сети Интернет, которые, безусловно, существуют и нередко незаслуженно игнорируются некоторыми наиболее консервативными представителями российского научного и педагогического сообщества, но мы в рамках данной статьи рассматривали именно деструктивные онлайн-сообщества, пользующиеся популярностью у значительной части молодежи.

Независимо от личных оценок влияния сети Интернет на социальное становление молодежи, мы констатируем, что именно сеть Интернет является сегодня важнейшим агентом молодежной социализации, а значит и контент, к которому молодые люди имеют постоянный доступ, играет важнейшую роль в процессе этой сетевой

социализации. Формирующийся в подобных онлайн – условиях социальный облик личности молодого человека будет зависеть от агентов влияния в сети Интернет. Мы считаем, что не должно быть агентов социализации российской молодежи подобных тем, что были ранее описаны. В противном случае – это значит, что социальный портрет типичного молодого человека в современной России будет характеризоваться все меньшими отличиями от облика североамериканской и западноевропейской молодежи. Но мы, все-таки, хотим чтобы «наши дети» оставались «нашими», а не слепо копировали западный набор убеждений и ценностей, являющийся неприемлемым для нас в целом ряде аспектов, касающихся, например, насильственного привития ценностей западной ЛГБТ субкультуры социализирующимся в сети молодым индивидам. Это то, что необходимо принять во внимание, а не игнорировать в дальнейшем, в противном случае если мы и дальше продолжим делать вид, что ничего не происходит, нашу страну будут ждать самые негативные последствия на макросоциальном уровне. Ведь еще мыслители античности рассматривали молодежь как будущее страны, чью роль невозможно переоценить.

Стоит ли говорить что вступивший в силу 02 июля 2013 года закон, дополняющий КоАП РФ статьёй 6.21, устанавливающей ответственность за «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», в сети Интернет и соцсетях в частности, то ли не работал вообще, то ли не работает почти, иначе – чем объяснить обилие контента, посвящённого ЛГБТ-тематике доступного молодежи?

Пора перестать считать, что все эти изменения происходят с нашей молодежью случайно, и не имеют четкого и злого умысла, эффективно достигаемого кураторами данных сетевых процессов, находящимися за пределами нашей страны. Не подвергая сомнению утверждение, что любой человек может и должен делать свой выбор самостоятельно, необходимо принимать во внимание то, что для этого необходимо быть социально зрелой личностью, а не

Литература:

1. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье в условиях киберсоциализации российской молодежи: к вопросу обеспечения информационной безопасности молодежи / Н.Х. Гафиатулина, Н.П. Любецкий, Т.Ю. Захарова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 28–31.
2. *Ковров В.В.* Фейковая медиареальность в российском обществе как фактор влияния на молодежное сознание / В.В. Ковров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 40–43.
3. *Власова В.Н.* Информационное общество как фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи / В.Н. Власова, Н.Х. Гафиатулина,

социализирующимся субъектом, находящемся на пути от индивида к личности. Ни десяти-, ни двенадцати- или пятнадцатилетний ребенок не должен быть под влиянием пропаганды и принимать для себя ценности ЛГБТ сообщества, характеризующиеся его сетевыми кумирами, как заслуживающие интерес.

Рассмотрев проблемы, связанные с популярными у детей и молодежи сетевыми сообществами в сети Интернет, мы убеждены в необходимости государственного социального контроля в данной области, в противном случае это будет являться проблемой государственной безопасности. Поскольку при отсутствии такового контроля со стороны государства за новой социализационной средой молодежи, цензурой, если угодно, спектр социализационных проблем в дальнейшем будет лишь увеличиваться, следствием чего будут являться в лучшем случае поведенческие девиации молодежи, а в худшем – рост молодежной преступности в реальном мире.

И только сейчас в 2022 году, есть основания полагать, что процессы глобализации, стирающие все преграды на своем пути, осуществляемые огромными темпами на протяжении, как минимум трех десятилетий, в нашей стране будут приостановлены, поскольку необходимость этого, осознанная руководством нашей страны, становится все более очевидной для рядовых обывателей, для родителей, и, конечно, самих педагогов, чьей важнейшей миссией, как и прежде, является привитие молодежи здоровых ценностных ориентаций. Достижения позитивного результата представляется нам реальным только при четком осознании факта наличия данных социализационных угроз в сети Интернет. Государство, научно-педагогическое сообщество России и родители, объединив свои усилия, смогут в значительной мере обезопасить информационное пространство сети Интернет, что, в свою очередь, позволит обеспечить растущий интерес детей и молодежи к самой реальной жизни, к традиционным социальным практикам в реальном мире, таким как обучение, спорт и прочее.

Literature:

1. *Gafiatulina N.Kh.* Social health in the context of cyber socialization of Russian youth: on the issue of ensuring the information security of young people / N.Kh. Gafiatulina, N.P. Lyubetsky, T.Yu. Zakharova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 4. P. 28–31.
2. *Kovrov V.V.* Fake media reality in Russian society as a factor of influence on youth consciousness / V.V. Kovrov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 4. P. 40–43.
3. *Vlasova V.N.* Information society as a factor of influence on the social health of Russian youth / V.N. Vlasova, N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov //

С.С. Косинов // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 3. С. 43–52.

4. *Власова В.Н.* Социальное здоровье российского населения в условиях рискогенной среды / В.Н. Власова // *Философские проблемы биологии и медицины: материалы XIV Всерос. науч. конф. Воронеж, 2021. С. 25–29.*

5. *Меняйло Д.В.* АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения / Д.В. Меняйло, Ю.А. Иванова, Л.Н. Меняйло // *Вестник Московского университета МВД России. 2019. № (3): 107-11.*

6. *Брусенцева Д.М.* Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиaprостранстве. Ростов-н/Д., 2018.

7. *Тарасов А.* Страна из трех букв АУЕ: кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство или Хроники новой инерции / А. Тарасов // *Новая газета. 2017. № 63.*

8. Проблема восприятия гомосексуальности в современной России: основания актуального дискурса / В.В. Кортунов [и др.] // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 9(53).*

9. *Афанасьева Л.И.* Японские анимационные сериалы «аниме» как средство пропаганды психосоциального феномена «хикикомори» среди российских школьников / Л.И. Афанасьева, Я.А. Тимофеева // *Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-1. С. 285–288.*

10. *Saito T.* Evaluations and support. Tokio: ministry of Health, Labor and Welfare. 2010 (jap).

Humanitarian of the South of Russia. 2022. Vol. 11. № 3. P. 43–52.

4. *Vlasova V.N.* Social health of the Russian population in a risk environment / V.N. Vlasova // *Philosophical problems of biology and medicine: materials of the XIV All-Russia. scientific conf. Voronezh, 2021, P. 25–29.*

5. *Menyailo D.V.* AUE – criminal youth movement: essence and methods of distribution / D.V. Menyailo, Yu.A. Ivanova, L.N. Menyailo // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № (3): 107-11.*

6. *Brusentseva D.M.* A model for countering the coverage of a terrorist organization in the media space. Rostov-on/D., 2018.

7. *Tarasov A.* Country of three letters AUE: who is behind the criminalization of adolescents, introduces them into the criminal space or Chronicles of new inertia / A. Tarasov // *Novaya Gazeta. 2017. № 63.*

8. The problem of the perception of homosexuality in modern Russia: the foundations of current discourse / V.V. Kortunov [et al.] // *Modern studies of social problems (electronic scientific journal). 2015. № 9(53).*

9. *Afanas'eva L.I.* Japanese animation series «anime» as a means of promoting the psychosocial phenomenon «hikikomori» among Russian schoolchildren / L.I. Afanas'eva, Ya.A. Timofeeva // *Problems of modern pedagogical education. 2020. № 68-1. P. 285–288.*

10. *Saito T.* Evaluations and support. Tokio: ministry of Health, Labor and Welfare. 2010 (jap).

Гнатюк Максим Александрович

кандидат социологических наук,
доцент,
Самарский государственный
университет путей сообщения
gnatyuk@samgups.ru

Усов Владимир Николаевич

кандидат социологических наук,
доцент,
Самарский государственный
университет путей сообщения
v.n.usov@gmail.com

Кротов Дмитрий Валерьевич

доктор социологических наук,
профессор,
Ростовский государственный
экономический университет
dsm2000@mail.ru

**СТУДЕНЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ
КАК ФАКТОР, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ
РОСТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА
МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. В данной статье анализируются эффективность, а также – факторы снижения неопределенности в России с помощью организационной формы студенческих отрядов в формировании продуктивного социального капитала молодежи. Для повышения эффективности социального капитала в студенческой молодежной среде, необходимо повышение организационных усилий со стороны государственно-правовых институтов, а также – со стороны административной составляющей в управлении российскими образовательными организациями. Необходимо совершенствовать и сохранять единую систему координации деятельности отрядов по всей России.

Ключевые слова: студенческие отряды, социальный капитал, трудовое воспитание, молодежь.

Производство социального капитала является важным фактором и ресурсом национального экономического развития и социально-политической стабильности. Однако эмпирическое подтверждение важности социального капитала достаточно затруднительно. Несмотря на данное обстоятельство, государственная политика по стимулированию роста социального капитала должна учитывать, в числе прочего, и трудовое воспитание молодежи как одно из условий ускоренного накопления человеческого, структурного и социального капитала.

Maksim A. Gnatyuk

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Samara State Transport University
gnatyuk@samgups.ru

Vladimir N. Usov

Candidate of Sociological sciences,
Associate Professor,
Samara State Transport University
v.n.usov@gmail.com

Dmitry V. Krotov

Doctor of Social Sciences,
Professor,
Rostov State Economic University
dsm2000@mail.ru

**STUDENT GROUPS AS A FACTOR
ENSURING THE GROWTH
OF THE SOCIAL CAPITAL OF YOUTH**

Annotation. This article analyzes the effectiveness, as well as the factors of reducing uncertainty in Russia with the help of the organizational form of student groups in the formation of productive social capital of youth. To increase the efficiency of social capital in the student youth environment, it is necessary to increase organizational efforts on the part of state and legal institutions, as well as on the part of the administrative component in the management of Russian educational organizations. It is necessary to improve and maintain a unified system for coordinating the activities of detachments throughout Russia.

Keywords: student groups, social capital, labor education, youth.

Представление о человеке, как Homo Economicus, является не действительным, а абстрактным экономическим понятием, если не карикатурным образом человека. На практике не существует человека, который бы постоянно руководствовался исключительно стимулом максимизации своей прибыли. В действительности, люди ведут себя достаточно иррационально. Примером тому могут стать опасные профессии, донорство, благотворительность, помощь людям из маргинальных слоев общества, замечания по поводу общественного порядка и многое другое. Но

иррациональное поведение еще не означает, что действия людей не имеют каких-либо положительных эффектов, сказывающихся, в том числе, и на экономике. Как показал П. Бурдьё «все действия, даже свободные от интересов и не имеющие явной цели, все-таки направлены на максимизацию материальных и символических выгод» [1]. Немаловажно отметить и тот факт, что экономическая выгода не является единственным «выигрышем» от человеческих отношений, существует множество иных полей интереса, напрямую никак не связанных с непосредственной финансовой выгодой. Бурдьё вводит в социальные науки понятие «габитус», как «системы приобретенных схем восприятия и оценивания». Формирование габитуса происходит именно в процессе и через взаимодействие людей друг с другом. Габитус позволяет спонтанные интеракции, которые минуя процедуру рациональной оценки ситуации и опираются на приобретенный в прошлом опыт, становящийся, тем самым, схемой социального действия, применяемой в дальнейшем в ускоренном режиме [1].

На первый взгляд, могло бы показаться, что рынок как сумма индивидуальных усилий, не координируемых никем и ничем, должен стать саморегулирующимся и сверхэффективным социальным институтом, подобным биогеоценозу в природе. Но рыночное равновесие не всегда распределяет ресурсы оптимальным образом. В случае, если бы было иначе, то в гражданском обществе, как неформальном регуляторе общественных отношений, не было бы никакой нужды, поскольку со всеми проблемами, в том числе, и социального типа, вполне было бы под силу справляться рынку. Но в реальности чистый рынок, сам по себе, не является ключом к процветанию. Категорией, дополняющей ситуацию чистых рыночных отношений, является социальный капитал. Данное понятие является «упущенной» категорией, не учитывающейся долгое время при анализе факторов социального благополучия.

Социальный капитал можно считать как социологическим, так и экономическим понятием, поскольку он имеет влияние, как на структуру социальных взаимосвязей, так и на рост общественного благосостояния. В рамках концепции социального капитала возникает возможность анализа экстерналий, т.е., внешних эффектов деятельности личности или коммерческой компании для другого человека или общества, в целом. К примеру, внешние эффекты возрождения движения студенческих отрядов, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, достаточно серьезны для того, чтобы настаивать на их практическом и социально-политическом, а также, на правовом развитии в дальнейшем. Но экстерналии могут быть как положительными, так и отрицательными, поэтому социальный капитал должен строиться таким образом, чтобы общая сумма положительных экстерналий значительно превышала отрицательные.

Университеты в качестве положительных экстерналий создают новые социальные связи и компетенции. Студенческие отряды формируют практические навыки и малые социальные группы,

которые обладают способностью вырастать в новые организационные формы, обеспечивающие как новый социальный капитал, так и национальный экономический рост.

Добровольное сотрудничество в форме волонтерства и студенческих отрядов не должно использоваться исключительно в коммерческих рамках. Конечной целью создания студенческих отрядов, кроме очевидных целей трудового воспитания, является создание общественного блага, т.е., такого блага, которое обладает свойствами совместного потребления и неисключаемости, которые могут потребляться большим количеством людей. Важно учитывать, что при использовании формы студенческих отрядов возможно обнаружение некоторых членов, которые, будучи воспитанными в концепции классической политэкономии, могут реализовать «стратегию безбилетника», т.е., пользуясь общественным благом, внешне поддерживая идею, в то же время, не внося вклад в его создание. При этом такие «безбилетники» могут мигрировать своим поведением в сторону активного участия, мимикрируя к изменению внешних условий.

Студенческий отряд, с точки зрения социологии и социальной психологии, можно понимать как один из видов малой группы. Связь между закономерностями функционирования малой группы и социальным капиталом можно проследить, обратившись к определению социального капитала П. Бурдьё. Он полагал, что социальный капитал – это «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [1]. Обратим внимание на последние слова «с членством в группе», т.е., социальный капитал можно обратить в капитал экономический исключительно посредством «монетизации» новых социальных взаимодействий. Сам факт принадлежности человека к малой группе обеспечивает ее «членом взаимную «кредитоспособность», а за пределами группы формируется ее «репутация» как сплоченной». Так, к примеру, встреча двух незнакомых людей на «дежурной» вечеринке и выяснение факта причастности к движению студенческих отрядов и работы на одном трудовом проекте, знание обоими командира проекта вполне может стать причиной их дальнейшего сотрудничества, основанного не столько на принципах гражданского договора, сколько на принципе взаимного доверия. Тем самым, социальный капитал, возникший внутри малой группы, вполне способен привести к ощутимой финансовой выгоде (в данном случае, к исключению затрат на нотариальное заверение договора или на иные юридические гарантии).

Следовательно, при анализе социальных эффектов (в том числе, и роста социального капитала молодежи), возникающих вследствие взаимодействия бойцов студенческого отряда друг с другом и администрацией, вполне уместно использовать закономерности возникновения, развития и угасания интеракций в внутри малой группы. Именно внутри малой группы и в ответах на вызовы,

которые спровоцированы внешними условиями и обстоятельствами по отношению к социальным взаимодействиям малой группы, обеспечивается рост ценности каждого отдельного участника для общества в целом и конкретного проекта в частности. Тем самым обеспечивается рост социального капитала студенческой молодежи.

Положительной экстерналией является социальный эффект получения в рамках студенческого отряда членами группы своеобразного «всеобуча» по общению в малой группе. Краткосрочные социальные взаимодействия, переросшие в долгосрочные деловые отношения за счет облегчения Интернет-коммуникаций, исключающие дополнительные правовые затраты, являются результатом социального капитала, трансформировавшегося в культурную традицию. Но не всякое взаимодействие способно перерасти в социальный капитал, кроме того, не всякий социальный капитал можно квалифицировать как качественный, т.е., сопровождающийся положительными экстерналиями. Так, например, девиантные контакты приобретают ценность именно благодаря нарушению табу, а значит девиантные контакты также можно считать социальным капиталом молодого поколения. Но экстерналии такого социального капитала нельзя назвать качественными, поскольку они, зачастую, ведут к нормативному искажению мировоззрения молодого человека.

«Социальный капитал «всецело подчинен логике знания и признания, что всегда функционирует как символический капитал». Символизм социальных отношений имеет огромное значение и для развития студенческих отрядов, поскольку все отношения между людьми носят символический, и даже ритуальный характер, что было осознано еще задолго до П. Бурдьё в Древнем Китае.

Признание человека своим в малой группе является результатом признания с его стороны истинности символов, которые на деле объективируют и легитимируют нормативные, должные поведенческие реакции, принятые в данном коллективе. Их нарушение немедленно влечет совокупность санкций разного рода (моральные (вина и стыд), коллективное порицание, разрешение мести, исключение из микрогрупп, возможность распространения негативной информации о нарушителе, из которых исключены правовые санкции, поскольку их легализация ведется иным путем, чем легитимизация норм малой группы.

Само понятие «социальный капитал», если учесть сказанное выше, не вполне точно и не укладывается в требования к логической процедуре определения понятия. В частности, любое понятие, используемое в рамках науки, должно быть ясным, отчетливым и однозначным, что означает недопустимость метафорического толкования, приводящего к размытости содержания понятия, и, как следствие, к несоблюдению центрального закона логики - закона тождества. Блок М. и Головин Н.А. предлагают выход из создавшегося затруднительного положения с помощью замены словесной формы понятия «социальный капитал» на понятие «социальные коммуникативные активы» [2], одновременно сохраняя

утвердившийся в социологических, правовых и политологических текстах термин «социальный капитал». Но такая замена не решает проблему метафоричности понятия «социальный капитал», поскольку не обеспечивает ее количественными средствами измерения.

Относительно российской студенческой молодежи социальный капитал имеет непреходящее значение, в частности, являясь определяющим фактором повышения адаптивных способностей каждого из студентов. Особенно важно сохранение традиции установления неформальных социальных связей, основанных на доверии в периоды серьезных социальных трансформаций. Но при этом важно включение социального капитала и в формальные отношения с различными уровнями власти. Принципом таких отношений должно стать соблюдение паритета между свободой применения связей социального капитала, обеспечиваемых со стороны норм гражданского общества и гарантиями выполнения обязательств, обеспечиваемых со стороны публичной государственной власти. В конце концов, общественное и государственное на современном этапе развития государства должны не столько вступать в противоречие, сколько находить возможности для создания совместных проектов, в которых будут задействованы ресурсы обеих сторон. Таким образом, формируется новый «общественный договор» между органами власти и частью общества объединенной, в данном случае в студенческие отряды.

Подобные задачи сотрудничества гражданского общества и государства были осознаны еще на самой заре становления новой России: «Главное в государственной молодежной политике – повышение активности молодых людей и молодежи как социальной группы в реализации личных, государственных и общественных интересов, направленных на возрождение России и социальное развитие личности» [3]. Особенно важно использование возможностей социального капитала российского студенчества как традиционно наиболее социально активного слоя российского общества.

Особенности активности студенческих отрядов должны учитываться при построении государственной молодежной политики. Для этого крайне необходимо изучение механизмов образования студенческих отрядов, исключающих прямое принуждение к трудовой деятельности, но включающих нематериальную мотивацию. Объяснение ценности, создаваемых в процессе общей трудовой деятельности социальных связей, удовлетворение от реализованных проектов, чувства «плеча товарища» создает особую социально-креативную атмосферу доверия и сотрудничества, не заменимую никакими экономическими активами [4].

Студенты приобретают навыки самоорганизации, постепенно создавая новую структуру российского общества, пришедшего на смену советской директивной структуре. «Являясь составной частью молодежного общественного движения,

студенческие отряды обладают мощным деятельностным потенциалом позитивной направленности, эффективная реализация и развитие которого может осуществляться в процессе взаимодействия с органами управления молодежной политикой в качестве субъекта реализации государственной молодежной политики на основе использования принципов и механизмов социального партнерства» [5]. И недооцененным ресурсом в числе средств государственной молодежной политики является использование потенциала социального капитала.

Но, несмотря на достаточно высокий потенциал социального капитала современной российской студенческой молодежи, со стороны государственной молодежной политики нельзя уповать исключительно на самоорганизацию молодежи [6]. Студенческая молодежь является своеобразным зеркалом современного российского общества. Как и общество, она достаточно неоднородна по своему финансовому, образовательному, и даже правовому статусам. Социальный капитал, несомненно, отчасти, является фактором, нивелирующим социальную неоднородность российского общества. Но истинным и непреходящим средством достижения подобного социального равенства в студенческой среде является трудовое воспитание, достижимое, в числе прочего, и в рамках организованных, как со стороны гражданского общества, так и со стороны государства.

Литература:

1. Бурдье П. Формы капитала / П. Бурдье // Экономическая социология. 2005. № 3. С. 60–74. С. 62.
2. Блок М. Социальный капитал: к обобщению понятия / М. Блок, Н.А. Головин // Вестник Санкт-Петербургского университета Серия 12. Выпуск 4. 2015. С. 99–111. С. 106.
3. Лутай М.Е. Партийное руководство трудовым воспитанием студенческой молодежи в 60–80-е годы : дис. ... д-р. ист. наук. М., 1992. С. 5.
4. Студенческие отряды в формировании трудового воспитания и социального капитала молодежи России / Д.В. Кротов [и др.]. Ростов-н/Д. 2018.
5. Ховрин А.Ю. Студенческие отряды как субъект реализации государственной молодежной политики: социолого-управленческий анализ : дис. ... канд. социол. наук. М.: 2003. С. 15.
6. Гнатюк М.А. Российская молодежь в условиях глобализации: особенности социализации и формирования трудовых ценностей / М.А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 17. № 1. С. 219–228.

Для повышения эффективности социального капитала в студенческой молодежной среде, необходимо повышение организационных усилий со стороны государственно-правовых институтов, а также, со стороны административной составляющей в управлении российскими образовательными организациями. Необходимо совершенствовать и сохранять единую систему координации деятельности отрядов по всей России и в регионах, и совершенствовать механизмы правовых механизмов регулирования отношений как внутри целостной системы администрирования деятельности студенческих отрядов, так и внутри малых групп, на которые в реальном социальном бытии распадается все студенческое движение.

Кроме создания организационно правовых форм регулирования движения, необходимо повышать качество символического капитала, повышающего ценность, престижность звания бойца студенческого отряда, выращивать бойцов-примеров для подражания, разрабатывать формы награждения и материального поощрения. Вся совокупность указанных мер должна иметь своим ориентиром, кроме решения практических задач производственного характера в формате привлечения студенческих отрядов в качестве рабочей силы, и повышение социального капитала (социального актива) российского общества, который обладает структурной возможностью трансформироваться, в будущем, в действительный экономический актив.

Literature:

1. Bourdieu P. Forms of capital / P. Bourdieu // Economic sociology. 2005. № 3. P. 60–74. P. 62.
2. Blok M. Social capital: to generalize the concept / M. Blok, N.A. Golovin // Bulletin of St. Petersburg University Series 12. Iss. 4. 2015. P. 99–111. P. 106.
3. Lutai M.E. Party leadership of labor education of student youth in the 60-80s : dis. ... d-r of hist. sciences. M., 1992. P. 5.
4. Student detachments in the formation of labor education and social capital of the youth of Russia / D.V. Krotov [et al.]. Rostov-on/D., 2018.
5. Khovrin A.Yu. Student detachments as a subject of state youth policy implementation: socio-managerial analysis : dis. ... cand. of social. sciences. M. : 2003. P. 15.
6. Gnatyuk M.A. Russian youth in the conditions of globalization: features of socialization and formation of labor values / M.A. Gnatyuk // Humanities of the South of Russia. 2016. Vol. 17. № 1. P. 219–228.

Деточенко Людмила Станиславовна

кандидат философских наук,
доцент,
заведующая кафедрой
социальных технологий,
Институт философии
и социально-политических наук
Южного федерального университета
detochenko@sfnedu.ru

Костырин Евгений Геннадьевич

научный стажер,
ассистент кафедры
социальных технологий,
Институт философии
и социально-политических наук
Южного федерального университета
ekostyrin@sfnedu.ru

**ТРУДОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ
С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ
ВОЗРАСТНЫХ ПЕРЕХОДОВ**

Аннотация. В статье на основе исследования, проведенного в Ростовской области среди инвалидов от 18 до 40 лет, анализируется важнейший возрастной переход – выход на рынок труда. Профессиональная трудовая деятельность является значимым критерием зрелости. Исследование показало наличие высоких рисков лиминальности (незавершенности) перехода. Социальными детерминантами, влияющими на успешность трудовой интеграции, являются: наличие профессионального образования, социальная активность самих инвалидов, гендер, место проживания, характер заболевания, возраст приобретения инвалидности. В целом, представление об оптимальном возрасте выхода на рынок труда и реальным возрастным периодом трудовой интеграции не совпадают.

Ключевые слова: возрастные переходы, лица с ограниченными возможностями здоровья, трудовая интеграция, молодые инвалиды.

Постановка проблемы исследования. Социализация молодого поколения всегда находилась в фокусе внимания ввиду значимости для воспроизводства общества. Историческая и социокультурная специфика транзитивного периода перехода к зрелости актуализирует изучение данного процесса и сегодня. Усложнение общественных структур не только повышает риски лиминальности (незавершенности) некоторых возрастных переходов, но и создает вариабельность темпов, результатов, стратегий и характера

Lyudmila S. Detochenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Social Technologies,
Institute of Philosophy and Socio-Political
Sciences of Southern Federal University
detochenko@sfnedu.ru

Evgeny G. Kostyrin

Research Intern,
Assistant of the Department
of Social Technologies,
Institute of Philosophy
and Socio-Political Sciences
of the Southern Federal University
ekostyrin@sfnedu.ru

**LABOR INTEGRATION
OF YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES
IN THE CONTEXT OF AGE TRANSITIONS**

Annotation. Based on a study conducted in the Rostov region among the disabled from 18 to 40 years, the article analyzes the most important age transition – entering the labor market. Professional work activity is a significant criterion of maturity. The study showed the presence of high risks of liminality (incompleteness) of the transition. The social determinants affecting the success of labor integration are the availability of vocational education, the social activity of the disabled themselves, gender, place of residence, the nature of the disease, the age of acquisition of disability. In general, the idea of the optimal age of entry into the labor market and the real age period of labor integration do not coincide.

Keywords: age transitions, persons with disabilities, labor integration, young people with disabilities.

переходов к зрелости некоторых категорий населения [1]. Особое внимание сегодня требует изучение закономерностей возрастных переходов молодых людей с инвалидностью. По данным Федеральной службы государственной статистики, численность инвалидов в возрасте от 18 до 30 лет составляет 490 тыс. человек [2].

Состояние здоровья объективно задает специфику того выбора, который сопровождает человека в период взросления. Но и социальные последствия инвалидности острее всего

проявляются именно в столкновении с той узостью коридора возможностей, который задает общество лицам с ограниченными возможностями здоровья. В период взросления молодые инвалиды сталкиваются с двойной дискриминацией и стигматизацией, вызванных состоянием их здоровья и возраста. Специфика конструирования возрастных переходов обществом для инвалидов задает всю последующую специфику их жизнедеятельности.

Данная статья, опираясь на авторское исследование особенностей возрастных переходов молодых инвалидов, направлена на выявление особого контекста одного из переходов – выхода на рынок труда.

Низкие статусные позиции лиц с инвалидностью, чаще всего, определяются экономическим обезцениванием данной группы, а поэтому борьба за трудовую интеграцию является краеугольным камнем в движении за независимую жизнь инвалидов и в практике социальной парадигмы инвалидности. Практическая значимость вопроса трудоустройства инвалидов определяет разнообразие исследовательских подходов к проблеме. Апологеты социальной парадигмы инвалидности, чаще всего, опирающиеся на структурно-функциональный подход, рассматривают вопросы трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья в ключе общей проблематики интеграции инвалидов в социальную структуру общества, повышения независимости, нормативно-правового регулирования поддержки инвалидов на рынке труда (М. Оливер [3], D. Dean, J. Pepper, S. Stern [4] M. Maroto, D. Pettinicchio [5] O. Reilly [6]).

Социальные барьеры трудоустройства, практики инклюзии и эксклюзии рассматриваются в работах Р. Брукса [7], Д. Форда, М. Гленна [8] и др. [9]. В последние годы вектор исследования инвалидности начинает смещаться в область изучения взаимоотношения инвалида с общественными институтами. Центральное значение профессионального образования определяет большое количество работ, выявляющих закономерности успешности трудоустройства выпускников профессиональных образовательных учреждений, описывающих механизмы успешной профессиональной интеграции лиц с инвалидностью (Дьякова М.А. [10], Тукарев П.Ю. [11], Старобина Е.М. и др.) [12]. Процесс трудоустройства инвалидов как фактор, стимулирующий интеграцию лиц с ограниченными возможностями здоровья в наше общество и повышающий их самостоятельность, рассматривают С.Н. Кавокин [13], Е.И. Холостова [14], Т.М. Малева, С.А. Васин, С.В. Бесфамильная [15], методы профессиональной реабилитации инвалидов отражены в работах Л.П. Храпылина, Е.И. Холостова и др.

Важное значение в успешности трудовой интеграции играет социальная активность самих инвалидов. Вопросы мотивации лиц с ограниченными возможностями здоровья и факторов ее формирования рассматривает Е. Sigrid, T. WikJan [16], Е.Г. Бабич [17]. Разнообразие указанных подходов не учитывает специфику трудовой

интеграции на каждом этапе жизненного пути. С этой точки зрения, дополнительную информацию о барьерах трудоустройства, детерминантах успешности этого процесса и роли трудовой интеграции для социализации дает рассмотрение вопросов трудоустройства с позиций концепции жизненного пути. В данной статье выход на рынок труда и интеграция к нему рассматриваются именно с позиций данного подхода. Введенный С. Buhler [18] в 1920-м г. концепт жизненного пути, позволяет не только проследить социальные детерминанты данного возрастного статусно-ролевого перехода, но и проследить уникальность тактик для конкретных групп населения. Понятие «жизненный путь» активно использовалось в концепциях взросления И.С. Кона [19] и М.Х. Титма, Э. Саар [20] и др. Однако данный инструментарий не применялся к анализу проблеме трудоустройства молодых инвалидов в нашей стране.

Методы исследования. Исследование проводилось в Ростовской области в период с 01.03.2022 по 30.05.2022. Метод анкетирования (письменный). Многоступенчатая выборка. Общее количество респондентов – 260 человек. Возраст респондентов от 18 до 40 лет. В опросе приняли участие 114 мужчин и 146 женщин. Из общего числа респондентов горожане составляют 194 человека, а жители сельской местности составляют 66 человек. Чтобы иметь представление обо всех этапах перехода зрелости и основных маркерах каждого этапа, выборочная совокупность была поделена по возрасту респондентов исходя из 4 возрастных групп: 17- 22 года; 23–28 лет; 29 – 34 года; 35–40 лет. Выборка учитывала характер заболевания. При формировании инструкции к опросу была включена задача охватить респондентов, представляющих все группы инвалидности, хотя в поиске респондентов приоритет отдавался инвалидам 1 и 2 групп.

Трудовая интеграция молодых инвалидов. Цикл возрастных переходов «получение профессионального образования» – «выход на рынок труда» - «обретение финансовой независимости» играет важное значение для приобретения статуса зрелого человека. Наряду с формированием своей собственной семьи, способностью самостоятельно заботиться о себе и обслуживать, нести ответственность за принимаемые решения, молодые люди с ограниченными возможностями здоровья склонны считать результаты данных возрастных переходов значимыми критериями зрелости.

Получение профессионального образования считают критерием зрелости 49,6 % респондентов, профессиональную трудовую деятельность – 40,8 %, финансовую независимость – 45,8 %.

Достаточная высокая ценность профессиональной интеграции на фоне других критериев должна побуждать молодежь стремиться не только к правильному и осознанному выбору будущей профессиональной области деятельности, но и к более раннему выходу на рынок труда. Однако результаты исследования показали, что из общего числа респондентов только 26,92 % определили в качестве основной формы занятости работу.

Практически каждый пятый (17,7 %) респондент не обучается и не работает. Среди обучающейся молодежи пытаются подработать 33,8 %. Сохранение значительных рисков в успешной трудовой интеграции подтверждает тот факт, что только 37,5 % респондентов в возрасте от 35 до 40 лет в настоящее время трудоустроены.

Среди работающих респондентов официально трудоустроены 68,9 %. Теневая занятость закрывает возможность государства защитить права молодых людей с инвалидностью. Возможные причины достаточного частого неофициального характера трудоустройства лежат не только в самой структуре российского рынка, но и в наличии правовых барьеров трудоустройства для некоторых категорий инвалидов, в неразвитости механизмов использования остаточной трудоспособности, неравномерности доступа к квотируемым местам и т.д. [21].

Квалифицированными видами труда заняты 64,4 % респондентов, не квалифицированными видами труда – 35,6 %. Финансовая независимость отмечается не только как важный критерий зрелости, но и как признак жизненной успешности. Тесным образом материальный достаток связан с успешностью выбора профессиональной деятельности и профессиональной интеграции. 29 % респондентов отметили, что их работа дает полную финансовую независимость и самостоятельность, 53,3 % отметили частичное удовлетворение собственной работой с точки зрения финансовой независимости и самостоятельности, 12,3 % молодых людей с ограниченными возможностями здоровья назвали в качестве причины отсутствия работы – низкий уровень оплаты труда тех позиций, которые предлагаются им на рынке труда. Среди

не работающей молодежи 70 % имеют опыт трудовой деятельности, 57,7 % – официального трудоустройства. Квалифицированные виды деятельности дают большие шансы на успешное завершение данного возрастного перехода в условиях конкурентного рынка. 55,4 % респондентов, которые не работают и не обучаются в настоящее время, занимали неквалифицированные позиции на рынке труда. Треть респондентов сталкивалась с ситуациями дискриминации на рынке труда по признаку здоровья. На вопрос: «Сталкивались ли Вы с примерами дискриминации на рынке труда по признаку здоровья?» 23 % ответили – «да, неоднократно»; 26,2 % – «да, иногда». Большинство респондентов (80,4 %) полагают, что на рынке труда существуют барьеры для трудоустройства молодых людей с инвалидностью. Наиболее существенным барьером в трудоустройстве большинство молодых людей назвали социальные барьеры – 46,5 %. Наличие правовых барьеров отметили 31,9 % респондентов; экономических – 21,9 %. Следует отметить, что некоторые молодые люди отметили наличие психологических барьеров в трудоустройстве, а также обозначили наличие субъективных причин как барьеров («лень», «нежелание самих инвалидов работать», «иждивенческая позиция»). Данное утверждение подтверждается и анализом ответов на вопрос о причинах отсутствия работы у тех, кто не работает и не обучается: 10,8 % респондентов отметили в качестве таковой отсутствие желания работать.

Оптимальный и реальный возраст выхода на рынок труда. Анализ количества работающих по возрастам позволяет говорить, что основным возрастным периодом для выхода на рынок труда является возраст от 23 до 28 лет (табл. 1).

Таблица 1

Распределение процентного соотношения работающей молодежи по возрастам

Возрастной диапазон	Процент
17–22 года	3,3
23–28 лет	30,9
29–34 года	33,8
35–40 лет	37,5

Представление об оптимальном возрасте выхода на рынок труда и реальном возрастном периоде не совпадают. Большинство респондентов (73,9 %) отметили в качестве оптимального времени выхода возрастной диапазон от 18 до 24 лет.

Среди респондентов в возрасте от 35 до 40 лет только 54,3 % отметили, что имели опыт трудоустройства. И только 37,5 % респондентов от 35 до 40 лет в настоящее время трудоустроены (табл. 2).

Таблица 2

Как Вы считаете, к какому возрасту человеку необходимо иметь место работы, обеспечивающее ему финансовую независимость?

Возрастной диапазон	Процент
18–24	55,4
25–30	30,4
31–35	6,5
36–40	0,8
41–45	0,4
Затрудняюсь с ответом	6,5

Факторы успешности и риски лиминальности. Процент работающих юношей выше, чем

девушек: 21,9 % девушек указали в качестве основной формы занятости – «работаю», среди

юношей таковых 31,6 %. Процентное соотношение мужчин и женщин, определивших свою основную форму занятости как «не работаю и не обучаюсь» также показывает, что для юношей, более чем для девушек, высока вероятность успешного завершения возрастного перехода к статусу «работающий». Среди девушек не работают и не обучаются 20,55 %, среди юношей – 14,03 %.

Территориальное неравенство шансов в трудоустройстве у селян выше: удельный вес работающих горожан составляет 31,4 %, а сельских жителей – 13,6 %. 12,3 % респондентов отметили в качестве причины отсутствия работы – невозможность найти место работы в населенном пункте проживания, причем, большинство из них – жители сельской местности.

Наличие профессионального образования повышает шансы на успешную трудовую интеграцию. Так, удельный вес работающих среди респондентов с высшим образованием составляет 76,92 %, со средним профессиональным образованием – 70,96 %. Однако наличие профессионального образования не является гарантией трудоустройства: 18,5 % респондентов в качестве причины безработицы отметили отсутствие работы, которая соответствовала бы их квалификации.

Самый высокий уровень трудовой интеграции показали лица с общими заболеваниями (60 %) и с ограничениями по зрению (69,2 %). Только 44,4 % респондентов с ограничениями опорно-двигательного аппарата и 50 % с ограничениями слуха трудоустроены. Среди лиц с ментальными особенностями здоровья шансы на успешную трудовую интеграцию остаются крайне низкими. Результаты исследования позволяют также говорить о более высоких шансах успешности своевременного трудового перехода для лиц, которые приобрели инвалидность с рождения или в раннем детском возрасте, чем для тех, кто приобрел статус в более позднем периоде. Процент трудоустроенных среди респондентов, имеющих инвалидность с рождения или приобретших ее в раннем детском возрасте, составляет 73,25 %; среди лиц, получивших инвалидность в более позднем возрасте – 30 %. Адаптация к новым координатам жизнедеятельности, а иногда, и поиск нового профессионального самоопределения требуют времени, что не позволяет лицам с более поздним

Литература:

1. *Arnett J.* Emerging adulthood: a theory of development from the late teens through the twenties / J. Arnett // *American Psychologist*. 2000. № 55(5). P. 469–480.
2. Распределение инвалидов по полу и возрасту. Федеральная служба государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
3. *Oliver M.* The Politics of Disablement. Basingstoke : Macmillan Education, 1990. P. 152.
4. *Dean J.* Stern The effects of youth transition programs on labor market outcomes of youth with disabilities / J. Dean, S. Pepper // *Economics of*

приобретенным статусом завершить переход в нормативно одобряемый срок.

Выводы.

Выход на рынок труда и последующая трудовая интеграция являются важными маркерами зрелости, во многом влияющими на успешность других возрастных переходов.

Основной характеристикой, отличающей молодых работников, является отсутствие опыта работы, что делает их менее конкурентноспособными как на этапе поиска работы, так и на этапе профессиональной адаптации. Однако среди обучающейся молодежи количество респондентов, совмещающих обучение с подработкой, является небольшим.

Для лиц с ограниченными возможностями характерны высокие риски лиминальности (незавершенности) приобретения трудового статуса.

Трудовая сегрегация проявляется в том, что молодые инвалиды часто работают на низкоквалифицированных работах, а правовые и экономические барьеры стимулируют к поиску неофициального трудоустройства.

Негативными факторами трудоустройства являются как разнообразные практики дискриминации, так и низкая социальная активность некоторых молодых инвалидов.

Представление об оптимальном возрасте выхода на рынок труда (18–23 года) и время реального приобретения трудового статуса не совпадает.

Социальными детерминантами, повышающими риски лиминальности, являются: женский пол, сельское место жительства, отсутствие профессионального образования, профессиональный дебют на неквалифицированных видах труда, приобретение инвалидности в период подросткового или молодого возраста.

Успешность возрастного перехода к трудовому статусу связана с нозологией молодых инвалидов. Риски незавершенности выше у лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата, слуха, ментальными особенностями.

Literature:

1. *Arnett J.* Emerging adulthood: a theory of development from the late teens through the twenties / J. Arnett // *American Psychologist*. 2000. № 55(5). P. 469–480.
2. Распределение инвалидов по полу и возрасту. Федеральная служба государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
3. *Oliver M.* The Politics of Disablement. Basingstoke : Macmillan Education, 1990. P. 152.
4. *Dean J.* Stern The effects of youth transition programs on labor market outcomes of youth with disabilities / J. Dean, S. Pepper // *Economics of*

Education Review 05 December. 2018. Vol. 68 (Cover date: February 2019) P. 68–88.

5. *Maroto M.* Disability, structural inequality, and work: The influence of occupational segregation on earnings for people with different disabilities / M. Maroto, D. Pettinicchio // Research in Social Stratification and Mobility December. 2014. Vol. 38. P. 76–92.

6. *Reilly O.* The Right to Decent Work of Persons With Disabilities. Working Paper, 2003. P. 45–47.

7. Perceived barriers to employment among individuals living with HIV/AIDS / R.A. Brooks [et al.] // AIDS Care. 2010. № 16. P. 756–766.

8. Employment issues as related by individuals living with HIV or AIDS / M.K. Glenn [et al.] // J Rehabil. 2003. P. 30–36.

9. Discrimination towards disabled people seeking employment Social Science & Medicine October 1992. Vol. 35. Iss. 8. P. 951–958. Jean-François Ravaud Béatrice Madiot Isabelle Ville Constructing a positive identity as a disabled worker through social comparison: The role of stigma and disability characteristics Journal of Vocational Behavior 24 December 2020 Volume 125 (Cover date: March 2021) Article 103528 Sarah Richard Sophie Hennekam.

10. *Дьякова М.А.* Разработка программ по содействию трудоустройству и постдипломному сопровождению выпускников с инвалидностью в системе высшего образования / М.А. Дьякова // Ученые заметки ТОГУ. 2020. Т. 11. № 1. С. 80–87.

11. *Тукарев П.Ю.* Проблемы обеспечения занятости выпускников вузов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в условиях экономической нестабильности / П.Ю. Тукарев // Человек. Общество. Инклюзия. 2022. № S1 (49). С. 45–48.

12. *Старобина Е.М.* Проблемы трудоустройства выпускников профессиональных образовательных организаций с инвалидностью / Е.М. Старобина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2022. № 2. С. 436–447.

13. *Кавокин С.Н.* Глобальный кризис и положение инвалидов в современной России / С.Н. Кавокин // Уровень жизни населения регионов России. 2009. № 7–9.

14. *Холостова Е.И.* Социальная реабилитация : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Дашков и К, 2006. 340 с.

15. *Малева Т.М.* Инвалиды в России: причины и динамика инвалидности, противоречия и перспективы социальной политики / Т. Малеева, С. Васин, О. Голодец, С. Бесфамильная // Бюро экономического анализа. М. : РОССПЭН, 1999. 368 с.

16. Motivation for work among non-working disabled people in Norway in a life course perspective Alter-January. 2014. Vol. 8. Iss. 1. P. 40–52.

Education Review 05 December. 2018. Vol. 68 (Cover date: February 2019) P. 68–88.

5. *Maroto M.* Disability, structural inequality, and work: The influence of occupational segregation on earnings for people with different disabilities / M. Maroto, D. Pettinicchio // Research in Social Stratification and Mobility December. 2014. Vol. 38. P. 76–92.

6. *Reilly O.* The Right to Decent Work of Persons With Disabilities. Working Paper, 2003. P. 45–47.

7. Perceived barriers to employment among individuals living with HIV/AIDS / R.A. Brooks [et al.] // AIDS Care. 2010. № 16. P. 756–766.

8. Employment issues as related by individuals living with HIV or AIDS / M.K. Glenn [et al.] // J Rehabil. 2003. P. 30–36.

9. Discrimination towards disabled people seeking employment Social Science & Medicine October 1992. Vol. 35. Iss. 8. P. 951–958. Jean-François Ravaud Béatrice Madiot Isabelle Ville Constructing a positive identity as a disabled worker through social comparison: The role of stigma and disability characteristics Journal of Vocational Behavior 24 December 2020 Volume 125 (Cover date: March 2021) Article 103528 Sarah Richard Sophie Hennekam.

10. *Dyakova M.A.* Development of programs to promote employment and postgraduate support of graduates with disabilities in the higher education system / M.A. Dyakova // Scientific notes of TOGU. 2020. Vol. 11. № 1. P. 80–87.

11. *Tukarev P.Yu.* Problems of ensuring employment of university graduates with disabilities and disabilities in conditions of economic instability / P.Yu. Tukarev // Man. Society. Inclusion. 2022. № S1 (49). P. 45–48.

12. *Starobina E.M.* Problems of employment of graduates of professional educational organizations with disabilities / E.M. Starobina // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2022. № 2. P. 436–447.

13. *Kavokin S.N.* Global crisis and the situation of disabled people in modern Russia / S.N. Kavokin // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2009. № 7–9.

14. *Kholostova E.I.* Social rehabilitation: studies. manual. 4th ed. M. : Dashkov and K, 2006. 340 p.

15. *Maleva T.M.* Disabled people in Russia: causes and dynamics of disability, contradictions, and prospects of social policy / T. Maleeva, S. Vasin, O. Golodets, S. Besfamilnaya // Bureau of Economic Analysis. M. : ROSSPEN, 1999. 368 p.

16. Motivation for work among non-working disabled people in Norway in a life course perspective Alter-January. 2014. Vol. 8. Iss. 1. P. 40–52.

17. *Babich E.G.* Социально-психологические технологии содействия трудоустройству студентов с инвалидностью, обучающихся в вузе / *E.G. Babich* // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2021. Т. 20. № 2(159). С. 37–44.
18. *Buhler C.* Basic theoretical concepts of humanistic psychology / *C. Buhler* // *American Psychologist*. 1971. Vol. 26. № 4. P. 378–386.
19. *Kon I.S.* Социология личности. М. : Издательство политической литературы, 1967. 384 с.
20. *Titma M.H.* Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). М. : Мысль, 1975; *Titma M.H.* Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / *M.H. Titma, J.T. Golenkova*. М. : ИС РАН, 1997. 278 с.; *Titma M.H.* Молодое поколение / *M.H. Titma, E.A. Saar*. М. : Мысль, 1986.
21. *Detochenko L.S.* Переходы к зрелости молодых людей с инвалидностью : монография / *L.S. Detochenko*; Южный федеральный университет. Ростов-н/Д.; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. 222 с.
17. *Babich E.G.* Socio-psychological technologies for facilitating the employment of students with disabilities studying at the university / *E.G. Babich* // *Scientific notes of the Russian State Social University*. 2021. Vol. 20. № 2(159). P. 37–44.
18. *Buhler C.* Basic theoretical concepts of humanistic psychology / *C. Buhler* // *American Psychologist*. 1971. Vol. 26. № 4. P. 378–386.
19. *Kon I.S.* Sociology of personality. M. : Publishing House of Political Literature, 1967. 384 p.
20. *Titma M.H.* The choice of profession as a social problem (based on the materials of specific studies in the SSR). M. : Mysl, 1975; *Titma M.H.* Social stratification of the age cohort: Graduates of the 80s in the post-Soviet space / *M.H. Titma, J.T. Golenkova*. M. : IS RAS, 1997. 278 p.; *Titma M.H.* The younger generation / *M.H. Titma, E.A. Saar*. M. : Mysl, 1986.
21. *Detochenko L.S.* Transitions to maturity of young people with disabilities : monograph // *L.S. Detochenko*; Southern Federal University. Rostov-on/D.; Taganrog : Southern Federal University Press, 2022. 222 p.

Ельникова Галина Алексеевна

доктор социологических наук,
профессор,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права
elnikova.galina@gmail.com

Дьячук Дмитрий Сергеевич

аспирант кафедры
гуманитарных и социальных дисциплин,
Белгородский университет кооперации,
экономики и права
dmitrybody@yandex.ru

Поляков Иван Сергеевич

аспирант кафедры гуманитарных
и социальных дисциплин,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права
ivan-p1996@mail.ru

**Роль массового спорта
в улучшении социального
самочувствия
онлайн-работников**

Аннотация. Социальное самочувствие является значимым показателем состояния общества и положения в нем отдельных групп. Формирующаяся на наших глазах новая социально-профессиональная группа онлайн-работников, требует установления специфики ее положения и факторов улучшения ее социального самочувствия. В статье дается определение социальной группы «онлайн-работники»; выдвигается и проверяется гипотеза о возможности рассмотрения массового спорта как одного из действенных факторов улучшения социального самочувствия онлайн-работников.

Ключевые слова: социальное самочувствие, удаленная работа, онлайн-работники, массовый спорт.

Социальное самочувствие населения, отдельных групп и индивидов является своеобразным показателем их удовлетворенности своим положением и положением в стране, а также, индикатором как социального благополучия, так и социальной напряженности в обществе. Изучение социального самочувствия – неременное условие формирования и корректировки социальной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. При этом проведение наиболее эффективной социальной политики требует учета интереса и потребностей всех социальных групп, преимущественно выявляемых через изучение социального самочувствия.

Galina A. Elnikova

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
elnikova.galina@gmail.com

Dmitry S. Dyachuk

Postgraduate Student of the Department
of Humanities and Social Disciplines.
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
dmitrybody@yandex.ru

Ivan S. Polyakov

Postgraduate Student of the Department
of Humanities and Social Disciplines
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
ivan-p1996@mail.ru

**THE ROLE OF SPORTS FOR EVERYONE
IN IMPROVING THE SOCIAL
WELL-BEING OF ONLINE WORKERS**

Annotation. Social well-being is a significant indicator of the state of society and the position of certain groups in it. The new socio-professional group of online workers, which is forming before our eyes, requires the establishment of the specifics of its position and factors for the improvement of its social well-being. The article defines the social group «online workers»; it puts forward and tests the hypothesis about the possibility of considering sports for everyone as one of the effective factors of improving the social well-being of online workers.

Keywords: social well-being, remote work, online workers, sports for everyone.

Однако в современном быстро меняющемся и усложняющемся обществе перманентно появляются новые социальные группы, специфика социального самочувствия которых еще не эксплицируется в социологических опросах и мониторингах. К такой социальной группе можно отнести онлайн-работников, число которых постоянно растет и которые уже занимают заметное место в социальной структуре общества. Изучение социального самочувствия онлайн-работников, как и факторов, которые могут способствовать его улучшению, в современных условиях актуально с теоретической и практической точек зрения.

Целью статьи является рассмотрение возможностей массового спорта в улучшении социального самочувствия онлайн-работников.

Эмпирическую базу статьи составили результаты пилотного социологического исследования на тему: «Влияние режима удаленной работы на социальное самочувствие онлайн-работников», проведенного авторами в январе 2022 года. В рамках этого исследования было проведено: интервью с онлайн-работниками (N = 23); анкетирование через google-форм (N = 179). А также был осуществлен вторичный анализ мониторинговых исследований ВЦИОМ на тему социального самочувствия россиян [3] (N = 1600); оценок социального самочувствия, регулярно проводимых Левада-центром (разово в пределах N = 1600) [6]

В современной научной литературе не существует единого емкого определения лиц, работающих удаленно. Как правило, они маркируются через выделение двух больших групп, каждая из которых имеет свое обозначение: фрилансеры (свободный работник без постоянного трудоустройства в какой-либо организации) и дистанционные работники (работающие удаленно, но имеющие постоянное место работы на основе трудового договора). При этом, согласно Федерального закона от 08 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях», дистанционные работники разделяются на три подгруппы в зависимости от времени нахождения на дистанционной работе: постоянно работающие удаленно; временно (до шести месяцев) работающие удаленно; сочетающие дистанционную работу с работой на стационарном рабочем месте (гибридная форма) [1]. В свою очередь, фрилансеры также делятся на две большие подгруппы: самозанятых и индивидуальных предпринимателей.

В выделяемую группу онлайн-работников мы включаем всех фрилансеров и дистанционных работников, постоянно осуществляющих свою деятельность в удаленном формате.

Сам термин «онлайн-работники» образован от английского слова «online» – «на линии» и в его значение может включаться «деятельность [то есть, работа], ... которая доступна исключительно через Интернет» [10]. Термин «онлайн-работники» еще не освоен в отечественной научной литературе, но в англоязычной форме «online workers» уже достаточно часто встречается в зарубежных публикациях [9; 11; 12].

Несмотря на очевидные различия в организации трудового процесса разных категорий онлайн-работников, их объединяет, прежде всего, образ жизни, определяемый работой в удаленном формате. И именно образ жизни, преимущественно, обуславливает специфику социального самочувствия онлайн-работников.

Понятие «социальное самочувствие» вошло в научный обиход с 80-х годов XX века и в настоящее время широко используется как категория междисциплинарного анализа. Однако до сих пор не существует общепринятого и однозначного его определения. В статье мы придерживаемся понимания социального самочувствия как субъективного восприятия индивидом социальной реальности и своего положения в ней, а также, оценки им сложившейся конкретной ситуации с позиции удовлетворенности/неудовлетворенности.

При проведении анализа социального самочувствия онлайн-работников мы ориентировались на выделение отдельными исследователями двух подходов к толкованию понятия «социальное самочувствие»: «широкого» и «узкого» [5].

В рамках «широкого» подхода, в сумму определяемых показателей социального самочувствия, которые можно обозначить как макропоказатели, включаются: оценка положения в стране, уровень доверия к властям, оценка своего положения (чаще всего, материального) и его перспектив и т.п.

«Узкий» подход к определению социального самочувствия акцентирует внимание на показателях личной удовлетворенности индивида всеми или отдельными сторонами своей жизни (микропоказатели). И в этом случае индикаторами социального самочувствия выступает осознание индивидами своей удовлетворенности основными биологическими и социальными потребностями, такими как жилье, питание, здоровье, образование, общение, ресурсы для развития.

В проведенном социологическом исследовании в анкету были включены вопросы, позволяющие выделить макро-, так и микропоказатели социального самочувствия. Для возможности осуществления сравнительного анализа часть вопросов анкеты соответствовала вопросам мониторингов о социальном самочувствии населения России, осуществляемых ВЦИОМом и Левада-центром. Эти вопросы касались, в первую очередь, макропоказателей.

В ходе авторского исследования было установлено, что на вопрос «Устраивает ли Вас та жизнь, которую Вы сейчас ведете?» 45 % онлайн-работников ответили, что «в целом устраивает»; 27 % – «в целом не устраивает»; 23 % – «Отчасти устраивает, отчасти нет»; 5 % – затруднились с ответом. На вопрос: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?» 9 % респондентов ответили «как хорошее»; 63 % – «как среднее»; 21 % – «как плохое»; 7 % – затруднились с ответом. На вопрос: «Доверяете ли Вы президенту и правительству» ответили: 72 % – доверяю полностью; 12 % – больше доверяю, чем не доверяю; 6 % – больше не доверяю, чем доверяю; 7 % – не доверяю; 3 % – затруднились с ответом.

Сравнительный анализ авторского исследования и мониторингов социологических центров продемонстрировал, что ответы онлайн-работники по макропоказателям дают, в целом, ту же картину,

что и ответы населения, в целом, и в процентном отношении показатели практически не отличаются. Однако ситуация по микропоказателям социального самочувствия иная. Так, если опрос населения (Левада-центр, апрель 2022 г.) [6] показал, что чувство одиночества, заброшенности испытывало всего 4 % от опрошенных, то среди онлайн-работников – 29 %. Также, опрос населения на тему «Забота о здоровье», проведенный Левада-центром в январе-феврале 2022 года, зафиксировал, что 52 % респондентов положительно оценили свое физическое и ментальное здоровье; удовлетворительно – 38 %, как слабое – 9 % [7]. Тогда как проведенный опрос онлайн-работников показал, что положительно оценили свое здоровье 41 % опрошенных; удовлетворительно – 34 %; как слабое – 25 %. Во время интервью респонденты уточняли, что считают свое здоровье «не совсем слабым, а скорее ослабленным».

Специфика социального самочувствия онлайн-работников, определяемая через микропоказатели, нашла свое подтверждение и при интервьюировании. В ходе интервью 19 респондентов (82,6 %) отметили, что чувствуют себя изолированными от общественной жизни и ощущают нехватку общения, что постоянная работа за компьютером негативно сказывается на их здоровье. 12 человек из интервьюированных (52 %) пожаловались на постоянную усталость, стресс и отсутствие полноценного отдыха. При этом 14 (61 %) респондентов высказали предположение о том, что занятия физической культурой и спортом могли бы улучшить их «общее самочувствие».

Анализ результатов проведенного исследования позволил выдвинуть гипотезу о возможности рассмотрения массового спорта как одного из действенных факторов улучшения социального самочувствия онлайн-работников.

В научной литературе массовый спорт определяется как «совокупность всех видов физической активности представителей различных социальных групп и слоев населения с целью оздоровления, рекреации, самосовершенствования, общения с другими людьми в соответствии с собственными потребностями и интересами» [4, с. 69].

Массовый спорт или «Спорт для всех» обладает рядом специфических характеристик, которые отличают его от «спорта высоких достижений». К ним можно, прежде всего, отнести доступность, отсутствие коммерциализации, непрофессиональный способ участия. Массовый спорт дает возможность каждому человеку, вне зависимости

Литература:

1. Федеральный Закон от 08 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в

от его физических способностей, заниматься в спортивных секциях, стать членом спортивной команды и участвовать в массовых соревнованиях. Перечисленные характеристики массового спорта дают основание говорить о реальной возможности для занятия им онлайн-работников.

Среди наиболее значимых функций массового спорта ученые называют оздоровительно-рекреационную функцию, которая способствует «сохранению и развитию физических свойств и функций, психических и социальных качеств ...» и дает «возможность в непринужденной атмосфере двигательной активности и дружеского спортивного соперничества отдохнуть, «разрядиться», развлечься, получить положительные эмоции, удовольствие, пообщаться с друзьями...» [8, с. 59]. Обращается также внимание на то, что массовый спорт позволяет «отвлечься от негативных социальных явлений, дает возможность «выпустить пар», уйти от экзистенциального кризиса», следствием чего являются «приращение человеческого капитала и повышение качества жизни» [2, с. 42].

Для онлайн-работников выделенные функции и эффекты действия массового спорта позволяют решить те проблемы, которые являются специфическими индикаторами их заниженного социального самочувствия. Занятия массовым спортом как формой физической активности улучшает состояние здоровья, создает условия для ведения здорового образа жизни. Следствием этого выступает повышение работоспособности и социальной активности. Общение, приобретение новых социальных связей, которые возникают вследствие участия в спортивных мероприятиях, позволяет онлайн-работникам преодолеть чувство одиночества, изоляции. Они становятся членами социальных групп, складывающихся вокруг новых для интересов.

Важную роль массовый спорт призван сыграть и в преодолении усталости, постоянно испытываемой онлайн-работниками. Как уже отмечалось выше, массовый спорт позволяет отдохнуть, отвлечься от возникающих проблем, восстановить физическую и умственную работоспособность.

Таким образом, массовый спорт может рассматриваться как действенный фактор повышения социального самочувствия онлайн-работников, так как дает им возможность улучшить состояние здоровья, преодолеть социальную изоляцию, восстановить работоспособность и избавиться от постоянной усталости.

Literature:

1. Federal Law of December 08, 2020 № 407-FZ «On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation to regulate distant (remote) work and temporary transfer of an employee to distant (remote) work at the initiative of the employer in exceptional cases». URL : <https://base.garant.ru/75015881/>

исключительных случаях». URL : https://base.garant.ru/75015881/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_16 (дата обращения 17.01.2022).

2. *Адельфинский А.* Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта. М. : Дело, 2018. 384 с.

3. ВЦИОМ. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring> (дата обращения 27.08.2022).

4. *Клюев А.В.* Тенденции и барьеры управления массовым спортом в современной России (на материалах экспертного опроса) / А.В. Клюев, П.К. Кузнецов // *Управленческое консультирование*. 2013. № 2(50). С. 68–76.

5. *Кученкова А.В.* Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения / А.В. Кученкова // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2016. № 2(4). С. 118–127.

6. Левада-центр. URL : <https://www.levada.ru/2022/05/18/otsenki-sotsialnogo-samochuvstviya> (дата обращения 27.08.2022).

7. Левада-центр. URL : <https://www.levada.ru/2022/03/28/zabota-o-zdorove> (дата обращения 27.08.2022).

8. *Столяров В.И.* Теоретико-методологические основания современной концепции массового спорта / В.И. Столяров, Ю.В. Окуньков, Э.А. Зюрин // *Вестник спортивной науки*. 2019. № 3. С. 58–63.

9. *Gerber C.* Community building on crowdwork platforms: Autonomy and control of online workers? / C. Gerber // *Competition & Change*. 2021. Vol. 25. № 2. P. 190–211.

10. Dictionary of British and World English. Oxford University Press. URL : <https://en.oxforddictionaries.com/definition/online> (date of the application 11.08.2022).

11. *Kässi O.* How many online workers are there in the world? A data-driven assessment / O. Kässi, V. Lehdonvirta, F. Stephany // *arXiv preprint arXiv:2103.12648*. 2021.

12. *Lin C.P.* To share or not to share: Assessing knowledge sharing, interemployee helping, and their antecedents among online knowledge workers / C.P. Lin, S.W. Joe // *Journal of business ethics*. 2012. Vol. 108. № 4. P. 439–449.

1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_16 (date of the application 17.01.2022).

2. *Adelfinsky A.* In spite of the records. Experience in the study of mass sports. M. : Delo, 2018. 384 p.

3. ВЦИОМ. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring> (date of the application 27.08.2022).

4. *Klyuev A.V.* Tendencies and barriers of managing mass sports in modern Russia (on the materials of an expert survey) / A.V. Klyuev, P.K. Kuznetsov // *Management consulting*. 2013. № 2(50). P. 68–76.

5. *Kuchenkova A.V.* Social well-being and subjective well-being: correlation of concepts and methods of measurement / A.V. Kuchenkova // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series «Philosophy. Sociology. Art Criticism»*. 2016. № 2 (4). P. 118–127.

6. The Levada Center. URL : <https://www.levada.ru/2022/05/18/otsenki-sotsialnogo-samochuvstviya/> (date of the application 27.08.2022).

7. The Levada Center. URL : <https://www.levada.ru/2022/03/28/zabota-o-zdorove> (date of the application 27.08.2022).

8. *Stolyarov V.I.* Theoretical and methodological foundations of the modern concept of mass sports / V.I. Stolyarov, Yu.V. Okunkov, E.A. Zyurin // *Bulletin of sports science*. 2019. № 3. P. 58–63.

9. *Gerber C.* Community building on crowdwork platforms: Autonomy and control of online workers? / C. Gerber // *Competition & Change*. 2021. Vol. 25. № 2. P. 190–211.

10. Dictionary of British and World English. Oxford University Press. URL : <https://en.oxforddictionaries.com/definition/online> (date of the application 11.08.2022).

11. *Kässi O.* How many online workers are there in the world? A data-driven assessment / O. Kässi, V. Lehdonvirta, F. Stephany // *arXiv preprint arXiv:2103.12648*. 2021.

12. *Lin C.P.* To share or not to share: Assessing knowledge sharing, interemployee helping, and their antecedents among online knowledge workers / C.P. Lin, S.W. Joe // *Journal of business ethics*. 2012. Vol. 108. № 4. P. 439–449.

Капитанова Надежда Валентиновна
аспирантка,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
900nnovgorod@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ К УСЛОВИЯМ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социальной адаптации преподавателей высших учебных заведений к цифровой модернизации образования. Важнейшей проблемой профессиональной адаптации преподавателей является растерянность в определении социальной роли педагога в новых образовательных условиях. На основе анализа нормативно-правовой документации, результатов теоретических и эмпирических исследований в области социологии образования автором предложена собственная компетентностная модель современного преподавателя высшей школы. Делается вывод о том, что овладение новыми, цифровыми компетенциями и уверенное пользование ими в профессиональной деятельности позволит педагогу выстроить образовательный процесс в соответствии с требованиями современного общества.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, цифровая образовательная среда, цифровизация, образование, преподаватель высшей школы, профессиональные компетенции, компетентностная модель преподавателя, информационные технологии.

В настоящее время все мы являемся непосредственными участниками цифровой революции, неотъемлемыми элементами которой стали объединение естественного и искусственного миров, соперничество интеллекта машинного и человеческого, смена социализации на технологично-машинное обучение, а социальности человека на его гаджетальность (обусловленность гаджетами). Цифровизация, став неотъемлемым элементом социального бытия, оказывает значительное влияние на все сферы общественной жизни, в том числе на образование. Это важно осознать особо, так как именно в системе образования целенаправленно формируется мировоззрение и сознание молодого поколения, расставляются жизненные приоритеты, образуется система ценностных ориентиров и образцов поведения. Особенное внимание в контексте анализа системной трансформации общественных

Nadezhda V. Kapitanova
Graduate Student,
Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
900nnovgorod@mail.ru

FEATURES OF ADAPTATION OF HIGHER SCHOOL TEACHERS TO THE CONDITIONS OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Annotation. The article deals with the problems of social adaptation of teachers of higher educational institutions to the digital modernization of education. The most important problem of professional adaptation of teachers is confusion in determining the social role of a teacher in new educational conditions. Based on the analysis of regulatory and legal documentation, the results of theoretical and empirical research in the field of sociology of education, the author proposes his own competence model of a modern high school teacher. It is concluded that mastering new, digital competencies and confident use of them in professional activities will allow the teacher to build the educational process in accordance with the requirements of modern society.

Keywords: adaptation, social adaptation, digital educational environment, digitalization, education, higher school teacher, professional competencies, teacher competence model, information technology.

отношений следует уделить социальному институту высшего образования, который оказывает влияние на становление профессионально-значимых качеств современной личности и способствует обеспечению прогрессивного развития общества.

Проблема адаптации педагогических работников к цифровой реальности уже нашла свое раскрытие в ряде исследований таких ученых, как И.С. Багракова, Д.В. Галицкая, Е.Н. Глубокова, Д.В. Голоухова, Л.А. Гриневич, Е.И. Кузьмина, А.В. Носкова, С.А. Писарева, А.П. Тряпицына. В целом, работы в данной области утверждают необходимость для современного преподавателя менять характер своей многогранной профессиональной деятельности, включающей педагогический, научно-исследовательский, организационно-исследовательский и воспитательный компоненты, в соответствии с новыми условиями

образовательного процесса, активизировать свой творческий потенциал в направлении овладения новыми средствами обучения при бережном отношении к традиционным. При этом формирование нового востребованного образа преподавателя остается одной из актуальных проблем современного высшего образования и требует уточнения и развития.

Цель данной статьи заключена в определении особенностей адаптации и основных характеристик модели преподавателя высшей школы в условиях цифровой среды образования.

Для достижения поставленной цели мы, опираясь на принципы диалектики социального познания, осуществили анализ нормативно-правовых актов, регулирующих процессы цифровизации образования в России, результатов теоретических и эмпирических исследований в области социологии образования. В работе был осуществлен синтез полученной информации, использован метод социального моделирования с опорой на эмпирические данные, полученные путем проведения вторичного анализа эмпирических данных.

Некоторые аспекты цифровой модернизации образовательного процесса уже нашли отражение в государственных нормативных актах, определяющих обязательный характер цифровых трансформаций отечественной системы образования и соответствующие требования к квалификации педагогических кадров.

Так, ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [12] предписывает образовательным организациям при реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных технологий создавать условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные, образовательные и телекоммуникационные технологии и ресурсы.

О необходимости подготовки специалистов в области информационных технологий, в том числе, педагогических работников в сфере информационных технологий, а также – о повышении цифровой грамотности населения говорится в «Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» [9]. О развитии информационной инфраструктуры и сети «Интернет», использовании при реализации образовательных программ различных образовательных технологий, в том числе, дистанционного и электронного обучения говорится в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [7].

В рамках Указа Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [10] реализуется Национальный проект «Образование», приоритетными направлениями которого являются создание современной, безопасной и доступной цифровой образовательной среды,

раскрытие талантов и способностей обучающихся, усиление конкурентоспособности российской высшей школы [5].

В Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [11], определяющем цифровую трансформацию как одну из национальных целей развития Российской Федерации, говорится о том, что образование, как жизнеобеспечивающая отрасль, должно достичь «цифровой зрелости» к 2030 году.

В соответствии с указанными документами, целенаправленный и планомерный процесс трансформации образовательного пространства идет параллельно с адаптацией педагогических работников к новым условиям цифровизации образования. Заметим, что использование информационных технологий в ежедневной практике порождает внутренние противоречия в педагогической среде. Так, с одной стороны, сформировалось убеждение в том, что среди современных компетенций преподавателя одной из ключевых является информационная, т.е., способность применять новейшие технологические средства и цифровые ресурсы в учебном процессе для развития в современных условиях мыслительных способностей студентов, а не просто способности запоминания [4]. С другой стороны, педагогические работники испытывают когнитивный диссонанс при использовании цифровых ресурсов в обучении, демонстрируя неприятие процесса преподавания в виртуальной среде [6, с. 9]. Именно отсутствие необходимых профессиональных качеств у педагогов обуславливает рост их востребованности в современных общественных условиях и включение в модель педагога, работающего в техносреде.

По мнению В.А. Заиченко, как особый вид социальной адаптации человека в условиях техногенного общества следует рассматривать информационно-технологическую адаптацию, поскольку сформированные на предыдущих исторических этапах механизмы и алгоритмы поведения перестают обеспечивать успешное протекание инновационной деятельности. Новый вид адаптации (информационно-технологическая) будет представлять собой приспособление и преодоление именно информационных и технологических барьеров техногенного общества, преодоление которых приведет к повышению информационной культуры и ускорению протекания профессиональной адаптации соответственно [3, с. 5–7].

Результаты исследования, проведенного Министерством образования и науки Российской Федерации совместно с Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, свидетельствуют о том, что в начале всемирной пандемии весной 2020 года многие преподаватели вузов психологически не были готовы к работе в дистанционном формате, ставя под сомнение качество образования в онлайн среде и отдавая предпочтение традиционной форме обучения и преподавания [8]. В контексте нашей работы, важно указать на то, что проблемы профессиональной

адаптации преподавателей в большей степени, как демонстрируют результаты выделенного нами исследования, связаны с недостаточными техническими навыками и выходом педагогов из «зоны комфорта», из их привычного образа жизни. Важнейшая адаптационная проблема педагогических работников связана с их растерянностью в определении социальной роли и утратой образа профессии в новых образовательных условиях, что лишает педагогическую деятельность смысловой наполненности и аксиологической значимости, формируя ощущение уязвимости и профессиональной несостоятельности педагогов перед лицом учеников, коллег и родителей. Если раньше профессия учителя подразумевала некую «априорную непогрешимость, запрет на критику» ввиду возраста и педагогического опыта, то преподавание в контексте цифровизации подразумевает снижение учительского авторитета и возможность внешней критики. Принятие этой «префигуративной культуры» [1] представляется также важным элементом в новой модели преподавателя в цифровой среде, становление которой происходит в современной науке.

Так, отметим коллективную работу А.В. Носковой, Д.В. Голоуховой, Е.И. Кузьминой, Е.И. Галицкой, в которой определены следующие категории преподавателей в зависимости от их установок на инновационное развитие собственной профессиональной деятельности и роли в производстве изменений: инноваторы – производители новых образовательных практик, популяризаторы – легко и активно, но неоднозначно реагирующие на изменения среды, рутинёры – не приемлющие цифровых инноваций в образовании и новых требований к своей работе [6]. Естественно, инновационное развитие отечественного образования требует формирования в педагогической среде необходимых качеств, которые, в свою очередь, нуждаются в определении.

Мы солидарны с позицией Л.А. Гриневиц, которая, проводя анализ проблем подготовки педагогических кадров к трансформациям в сфере образования, актуализирует потребность в становлении таких качеств современного педагога, как настроенность на изменения, высокий уровень профессионального и социального оптимизма, наличие цифровых компетенций, готовность перестраивать свою профессиональную деятельность в соответствии с изменившимися запросами общества, владение новыми методиками обучения и вовлечения в деятельность [2].

В целом, отметим, что формирующиеся требования к компетенциям современного преподавателя генерируются в ответ на потребности среды и социальных институтов. Реализация

федеральных образовательных стандартов, положения нормативной документации, результаты проведенных исследований требуют от высшей школы (да и всего образования) профессионально подготовленных, разносторонне развитых и успешно адаптированных к новым условиям работы преподавателей, которые способны не только виртуозно разрабатывать, внедрять и использовать современные технологии при организации образовательного процесса, но и брать ответственность за результаты этого использования.

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что для успешной адаптации к новому формату профессиональной деятельности педагогическим работникам необходимо формировать у себя новые профессиональные компетенции, соответствующие современным общественным реалиям. Их совокупность образует модель преподавателя как цели и ценности профессиональной адаптации и совершенствования.

Нам представляется, что модель современного преподавателя высшей школы, соответствующая требованиям цифрового образовательного пространства и уровню развития общества, должна включать следующие элементы:

- профессиональные качества (научная и цифровая компетентность, профессиональный оптимизм, готовность к постоянному увеличению знаний в области преподаваемых дисциплин, способность и готовность к изменению своей ежедневной профессиональной деятельности в соответствии с изменяющимися требованиями общества);

- личностные качества (способность к самооценке, готовность к самоотдаче избранному делу, эмоциональное равновесие, креативность, наличие творческих способностей и нестандартного гибкого мышления, организаторская и коммуникативная компетентности).

Их дальнейшая разработка, определение индикаторов и критериев достижения видится нам необходимым направлением развития научных исследований, имеющих важное практическое значение. Считаем, что сочетание определенных нами профессиональных качеств и сформированных личностных характеристик будет способствовать успешной адаптации преподавателя к новым условиям образования. Овладение цифровыми компетенциями и уверенное пользование ими в профессиональной деятельности позволит педагогу выстроить образовательный процесс в соответствии с требованиями современного общества.

Литература:

1. *Бекарев А.М.* Цифровая компетентность и возраст преподавателя в условиях префигуративной культуры / А.М. Бекарев, Г.С. Пак // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 74–81.

Literature:

1. *Bekarev A.M.* Digital competence and the age of a teacher in the conditions of prefigurative culture / A.M. Bekarev, G.S. Pak // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. № 1 (65). P. 74–81.

2. *Гриневиц Л.А.* Цифровизация высшего образования в современной России: теория и практика / Л.А. Гриневиц // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 57. С. 242–248.
3. *Заиченко В.А.* Информационно-технологическая адаптация как механизм техноэволюции : автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Заиченко Владимир Александрович. Пятигорск, 2011. С. 25.
4. *Ким И.Н.* Формирование базовых составляющих профессиональной компетентности преподавателя вуза / И.Н. Ким // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. 2018. Вып. 18. URL : <https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/articles-almanac-18-2018/Ким.pdf> (дата обращения 22.06.2022).
5. Ключевые результаты Национального проекта «Образование» по итогам 2019–2021 годов <http://edu.gov.ru> (дата обращения 18.07.2022).
6. Цифровые компетенции преподавателей в системе академического развития высшей школы: опыт эмпирического исследования / А.В. Носкова [и др.] // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 159–168.
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203. URL : <http://www.garant.ru/hot-law/federal/1110145/> (дата обращения 21.06.2022).
8. Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн. Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL : <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21584> (дата обращения 14.07.2022)
9. Распоряжение Правительства РФ от 01 ноября 2013 г. № 2036-р Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г. (с изменениями и дополнениями). URL : <https://base.garant.ru/70498122/> (дата обращения 21.06.2022).
10. Указ Президента от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (Дата обращения: 7.06.2022).
11. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 21.06.2022)
12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.06.2022).
2. *Grinevich L.A.* Digitalization of higher education in modern Russia: theory and practice / L.A. Grinevich // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2021. № 57. P. 242–248.
3. *Zaichenko V.A.* Information technology adaptation as a mechanism of techno-evolution : abstract. dis. ... cand. of philos. sciences: 09.00.11 / Zaichenko Vladimir Aleksandrovich. Pyatigorsk, 2011. P. 25.
4. *Kim I.N.* Formation of the basic components of the professional competence of a university teacher / I.N. Kim // The power of the book: library, publishing house, university. 2018. Iss. 18. URL : <https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/articles-almanac-18-2018/Ким.pdf> (date of the application 22.06.2022)
5. Key results of the National Project «Education» based on the results of 2019–2021. URL : <http://edu.gov.ru> (date of the application 18.07.2022).
6. Digital competencies of teachers in the system of academic development of higher education: empirical research experience / A.V. Noskova // Higher education in Russia. 2022. Vol. 31. № 1. P. 159–168.
7. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 09, 2017 № 203. URL : <http://www.garant.ru/hot-law/federal/1110145/> (date of the application 21.06.2022).
8. Teachers expressed their opinion about the forced transition of the educational process to online. Website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL : <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21584> (date of the application 14.07.2022)
9. Decree of the Government of the Russian Federation № 2036-r of November 01, 2013 On the Approval of the Strategy for the Development of the Information Technology Industry in the Russian Federation for 2014–2020 and for the Future until 2025 (with amendments and additions). URL : <https://base.garant.ru/70498122/> (date of the application 21.06.2022).
10. Presidential Decree № 204 of May 07, 2018 «On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (date of the application 07.06.2022).
11. Decree of the President of the Russian Federation dated 21.07.2020 № 474 «On National development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (date of the application 21.06.2022).
12. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 № 273-FZ. URL : <http://www.consultant.ru/> (date of the application 21.06.2022).

Карепов Геннадий Ефремович
профессор кафедры изобразительного искусства и компьютерной графики, Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета
g.karepov@mail.ru

Карепова Светлана Геннадьевна
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
svetran@mail.ru

ПРОПАГАНДА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена общему теоретическому рассмотрению феномена пропаганды с актуализацией социокультурного и художественного аспектов его функционирования. Авторами отражены как общие теоретико-методологические основания изучения этого феномена в социально-научном знании, так и его специфика, и ключевые характеристики. Особое внимание уделено вызовам и рискам художественного и социально-психологического воздействия пропаганды на современный социум.

Ключевые слова: пропаганда, феномен, воздействие, манипуляция, сознание, социум, социокультурный и художественный аспекты.

Введение. Ключевым условием развития современной социальной реальности является наличие процессов управления современным социумом. Устоявшиеся в современном обществе управленческие практики содержат многоуровневые конструкции, в которые наряду с антропоцентристскими направлениями развития общества, включены иррациональные или негативные и скрытые от глаз методы воздействия. Речь идет как о социально и нормативно одобряемых методах управления социумом, так и о теневых (скрытых) аспектах воздействия на управленческий процесс. К таким технологиям можно отнести феномен пропаганды, актуальность изучения которого в условиях доминирования информационной среды будет только актуализироваться.

Теоретико-методологическая разработанность феномена. Различные этапы развития научного знания о феномене пропаганды ознаменовались трудами социальных ученых-теоретиков и практиков ряда советских и современных

Gennady E. Karepov
Professor of the Department Chair of Figurative Art and Computer Graphics, Institute of Architecture and Design of the Siberian Federal University
g.karepov@mail.ru

Svetlana G. Karepova
Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
svetran@mail.ru

PROPAGANDA: SOCIOCULTURAL AND ARTISTIC ASPECTS

Annotation. The article deals with a general theoretical analysis of propaganda by actualising the sociocultural and artistic aspects of its functioning. The authors highlight both general theoretical and methodological foundations for studying this phenomenon in socially scientific knowledge and its key characteristics. Special attention is paid to the challenges and risks of propaganda's artistic and socio-psychological impact on modern society.

Keywords: propaganda, phenomenon, influence, manipulation, consciousness, society, sociocultural and artistic aspects.

российских школ. К ключевым исследованиям можно отнести труды О.М. Цветкова, А.М. Цуладзе, Е.Л. Доценко, Е.В. Аргунова, О.И. Бородина, М.В. Киселева, В.И. Елева, Д.В. Нежданова, Г.Г. Почепцова, С.Г. Кара-Мурзы и др. Важный вклад в разработку теоретико-методологических и научно-практических основ пропаганды также внесли представители американской, немецкой и французской научных школ К. Гюнцль, К. Юнг, Р. Хольт, Г. Лассуэлл, Ч. Симман, У. Липпман, М. Чукас, Г.С. Джоуэтт, Ж. Эллюль, О. Томпсон, Дж. Клэппер, Р. де Вельде, В. О'Доннел, и другие.

Сам термин «пропаганда» (от лат. *propaganda* – распространение) обладает множеством социально научных дефиниций. Современные научные издания и словари предлагают различные устоявшиеся определения этого термина. Приведем некоторые из них:

«...1 – система деятельности, направленная на распространение знаний, художественных ценностей и другой информации с целью

формирования определенных взглядов, представлений, эмоциональных состояний, оказывая влияния на социальное поведение людей;

2 – распространение в массах идеологии политики определенных классов, партий, государств;

3 – средство манипуляции массовым сознанием» [1, с. 271].

Пропаганда также определяется учеными как «...распространение и внушение взглядов, идей, мнений с целью позитивно или негативно настроить аудиторию (любого состава – от нескольких человек до масс и даже общества в целом) и стимулировать ее реакции в желательном направлении» [2, с. 366]. Феномен включает в себя распространение в обществе идей, знаний путем глубокого их разъяснения социуму и по средствам убеждающего визуального ряда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что научная дефиниция феномена «пропаганда» достаточно широкая и включает в себя разнообразные толкования, но *ключевым* аспектом является информационная, наглядная составляющая, заключенная в различные социокультурные и художественные формы и призванная создавать в социуме нужное общественное мнение по заданным *извне запросам*. Исследователи сходятся во мнении о том, что главная цель пропаганды – влияние через инструментарий (социальный, художественный и др.) на ценности и установки социума, которые изменяются через создание их новых вариантов или через усиление и ослабление настоящих. Пропаганда воздействует как на разум, так и на эмоции людей. Рассмотрение этого феномена всегда осуществлялось в междисциплинарных рамках социального знания и художественного творчества с учетом инструментария социологии, психологии, политологии, художественных дисциплин и т.д. Именно такой подход позволяет выйти исследователям на системный уровень его понимания.

Ключевым условием эффективного функционирования пропаганды, с нашей точки зрения, является обозначенный выше ее социокультурный аспект, в рамках которого, воздействие феномена нацелено на общество как некое единство культуры и социальности человека. Речь идет о прямом влиянии пропаганды на социальную и культурную среды человека, на те среды, в которых происходит его духовный и нравственный рост, и становление личности. Данные среды оказывают решающее значение на формирование базовых идей и ценностей в современном обществе, на основании которых, строится вся система воспитания. По сути, затрагивается глубинная сфера, как индивидуального сознания человека, так и коллективного сознания социума в целом. Именно социокультурный аспект в ответе за формирование тех установок, ценностей и диспозиций в сознании, на основании которых люди будут создавать желательные для себя «картины мира» и социальную реальность будущего [3]. Особое внимание при применении пропаганды уделяется ее информационному контенту и внешней визуализации посредством художественных приемов.

Специфика и основные характеристики пропаганды. Феномен пропаганды формализован с точки зрения наличия обязательных характеристик и функционирования. Ему присущи устойчивые структуры, отвечающие за процесс воздействия. В пропаганде нет ничего случайного: все этапы определены внутренней логикой, зависящей от стратегий воздействия и целей. Феномен всегда устремлен на результат, а его методология продумана и зиждется на «удобных» фактах и подчас лжи для движения к целям.

Для пропаганды характерны четкие конструкции, в которых присутствуют:

– *отправитель и получатель сообщения* (коммуникатор и реципиент);

– *средства коммуникации* – (слова, визуальный ряд и т.п.), каналы передачи сообщений (Интернет, телевидение, радио, баннеры, плакаты и т.п.);

– *предмет коммуникации* (событие) и отображающее его сообщение (сюжет, статья, художественное произведение и т.п.);

– *эффекты коммуникации* – последствия воздействия и изменение состояния субъектов процесса и т.д.

Коммуникаторами феномена или его заказчиками выступают правительства, местные администрации и т.д., а *реципиентом* становится массовое сознание социума. «...Здесь есть и коммуникатор, и адресат (реципиент), и различные шумы как технологические, так и психологические. Специфика же состоит в том, что аудитория, так называемый объект воздействия, определяется самим коммуникатором» [4]. Речь идет о системе используемых приемов, к которым можно отнести и перевод информации из одной в другую и так называемые «шумы» и т.д.

Как правило, сам процесс внедрения информации в сознание социума состоит из двух этапов, где *первый этап* – пропагандируемый объект, который демонстрируется с представляющей ценность для реципиентов стороны. *Второй этап* ознаменован тем, что социуму прививается мысль о том, что он самостоятельно сделал навязанный ему *извне* выбор. Феномен пропаганды нацелен на изменение поведения общества за счет изменения его сознания. Это происходит путем перевода на автоматизм восприятие определенных явлений. В данном случае, стоит вести речь не только о запуске механизма манипуляции поведением и сознанием социума, но о таком воздействии, при котором бы общество было уверено в том, что само делает свободный выбор и его к нему никто не подталкивает.

К сожалению, процесс манипуляция сознанием является неотъемлемой частью феномена пропаганды, где «...природа манипуляции состоит в наличии двойного действия – вместе с открытым сообщением, манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата образы,

нужные манипулятору. Искусство манипуляции заключается в том, чтобы направить воображение по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил воздействия» [5, с. 99]. В основе феномена лежит принуждение реципиента к нужному кому-то решению. Подобная манипуляция выступает как насилие.

Для быстрого прохождения в глубины подсознания содержание пропаганды должно быть доступным и легко воспринимаемым всеми, включая самых малообразованных индивидуумов. По сути, чем большее число людей включено в процесс пропагандистского воздействия, тем проще должен быть ее идейный контекст. «...Худший враг любой пропаганды – интеллектуализм. Поиск правды не входит в ее задачи» [6], что способствует разрушению феномена. Особенности ее функционирования спровоцировали возникновение языкового и визуального кода, который сообщает обществу информацию так, чтобы она была понятна. Речь идет о выработанной системе художественных и языковых приемов используемой пропагандой на практике.

Социокультурный и художественный аспекты феномена пропаганды: вызовы и риски. Особое инструментальное значение при применении пропаганды на практике имеет ее художественный аспект, воздействующий на сознание социума через наглядный визуальный и образный ряд. *Искусство и художественное творчество способствуют беспрепятственному проникновению нужной информации на психофизиологический уровень мышления человека, а также уровень его сознания и подсознания.*

С учетом обозначенной специфики воздействия, у человека во время восприятия транслируемой извне информации в визуальной форме, происходит «отключение» последовательного когнитивного процесса, в рамках которого сознанием и подсознанием производится обработка, усвоение и фильтрация любой входящей информации. Подобное отключение когниции способствует формированию управляемых и легко внушаемых людей с отсутствием стратегии развития социума. Речь идет о том, что включение в процесс пропагандистского воздействия художественных произведений и творческих людей, их создающих, не случайно. Именно представители искусства, владеющие мастерством художественного воплощения идей, а, следовательно, визуальной их передачей, имеют возможность легкого проникновения в плоскость сознания социума. Как правило, это осуществляется с помощью готовой к «ментальному употреблению» художественной упаковки или самого произведения, как такового. Пропагандистское воздействие осуществляется с помощью создаваемого художественного образа, яркого и доходчивого, и в случае если образ глубоко пронизан чаяниями общества и убедителен, то его проникновение в сознание состоится, и цель коммуникатора будет достигнута. Яркость и образность художественного произведения не позволяют транслируемой в нем идеи задерживаться на поверхностном уровне сознания – основные послы мгновенно уходят на глубинный уровень подсознания, после чего происходит

автоматическое принятие заложенных в производстве идей на веру, без их критического осмысления. Происходит обращение через пропаганду сугубо к эмоционально-волевой сфере сознания, воздействуя на которую общество побуждается к совершению нужных коммуникатору действий. Эмоции вызываются автоматически. Все решает постоянное поддержание их критически высокого уровня. Именно так через искусство и художественное творчество коммуникаторами создаются системы привязанностей людей к искомому заинтересованной стороной идеям. Особую роль в управлении эмоциями также играют СМИ, которые на службе пропаганды не дают социуму возможность увидеть объемно происходящие события, сеют хаос, создавая благодатную основу для манипулирования им [7]. *Все это порождает на перспективу ряд вызовов и рисков, требующих учета:*

– *сознательное создание поля хаоса, где любой хаос, включая информационный и художественный, имеет четкие причинно-следственные закономерности. Разумно воспринимать его как единый взаимосвязанный процесс в социуме. Это позволит понять многие происходящие в нем события, а также определиться «зачем? и куда?» они ведут общество. Только сторонний взгляд на хаос как на единую мозаику из происходящих событий позволит его развеять. Любой хаос, как правило, управляем, в нем есть заинтересованные стороны, и он является частью гибридных процессов, нацеленных на сознание социума. Воздействие на этот пласт психики влечет за собой, как отмечалось выше, проблемы мировоззренческого характера и влияет на установки, на основе которых общество конструирует свое будущее;*

– *формирование поверхностного сознания социума. Подобные атаки хаоса формируют незрелое с отсутствием глубокой событийной и информационной рекогносцировки, а также социальной ответственности сознание общества. Подобный вид сознания готов к восприятию любой закладываемой в него философии – философии хаоса, свободы, разложения, разрушения и т.д. Примером может служить пропаганда новой философии свободы в надписях на городских заборах и заграждениях, в результате чего «забор пришел» уже в виде новых форм принятого обществом искусства. Данные тенденции безобидны до момента отсутствия асоциальных призывов, но что будет, если они появятся? Поверхностное и аморальное мировоззрение, подготовленное хаосом к восприятию любого пропагандистского воздействия, легко усваивает через художественный ряд нужную коммуникатору информацию и принимает ее как личное решение. Такое управление устраивает организаторов хаоса;*

– *пропаганда как инструмент «художественной провокации» в обществе. Слово провокация в данном контексте выступает социальным маркером, отражающим современные «передовые» тенденции, распространенные в художественной среде. Речь идет о модном инструменте пропаганды, умело нацеленном на незрелое или «юношеское» сознание социума, о котором уже шла*

речь. Пропагандистская провокация через образы в искусстве транслирует не самые высокие нравственные образцы, поднятые с глубин человеческого субъективизма, яркие и легко запоминающиеся, но по исполнению далекие от высокохудожественного исполнения. Провокация есть игра в концептуальное искусство, которого как такового нет, но есть заказанные коммуникаторами агрессивные концепты, заключенные в примитивную художественную форму. Налицо тенденции формирования низкокультурного и «всеядного» социума, требующие на перспективу включения работы института цензуры;

– *сознательный отход от высоких художественных форм и занижение статуса академического искусства* прослеживается как в самом содержании современного пропагандистского воздействия, так и в ремесленном уровне исполнения его визуального ряда. Ориентирами служат не образцы высокого классического искусства, воспитывающие художественный вкус общества и поднимающие его сознание через высоту их звучания, а формальные росписи – граффити, не требующие мастерства выполнения и не отличающиеся внешней эстетикой. Коверкание и высмеивание высококультурных образцов – еще один инструмент контрпропаганды, играющий на низких эмоциях социума;

– *выход эстетики хаоса через пропаганду на формирование городской среды.* Эстетика хаоса как часть прорывных тенденций в художественной сфере захватывает и монументально-декоративный план оформления городской среды, что чревато для социума выведением на зрительный уровень разрушительных по содержанию и

непрофессиональных по исполнению произведений. Подобные прорывные «произведения» в силу заложенного в них разрушительного дискурса осуществляют прорыв в сознании, но прорыв в хаос и в расшатывание устоев социума. Спровоцированные эстетикой хаоса и незрелым сознанием их создателей пропагандистские произведения (росписи стен, плакаты, монументальная живопись на фасадах домов и т.д.) способствуют «опусканию» уровня городской культуры. Поддержка администраций городов данного художественного направления или культуры молодежи, как ее сейчас принято называть к оформлению городского экстерьера чревато общим падением культурного уровня социума.

Перечисленные вызовы и риски не являются исчерпывающими и требуют дальнейшего изучения во избежание формирования негативных ориентиров социума, манипуляций его сознанием и повышения управляемости им.

Заключение. В эпоху развитых информационных технологий быть вне пропагандистского воздействия в социуме невозможно, а сложившаяся в обществе социокультурная и как следствие информационная и художественная среды стали его неотъемлемой частью. Только адекватное понимание на уровне критического мышления тех процессов, что реально происходят в социуме, позволит обществу сохранить самоидентичность и автономность мышления вне манипуляционных процессов. Это также позволит ему выстроить желательную стратегию своего будущего и содействовать включению в практику государственного управления деятельности института цензуры.

Литература:

1. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Ред. Г.В. Осипов. М. : Издательская группа ИНФРА-М, 1998. С. 271.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. общ. -научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М. : Мысль, 2010. Т. III. С. 366.
3. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Кол. монография). М.; СПб. : Нестор-История, 2020. 208 с.
4. *Коржавин Ф.В.* Пропаганда как технология манипулирования общественным сознанием / Ф.В. Коржавин, И.В. Бочарников // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. URL : <https://nic-pnb.ru/raboty-molodyx-uchyonyx/propaganda-kak-tehnologiya-manipulirovaniya-obshhestvennym-soznaniem>
5. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005. С. 99.

Literature:

1. Encyclopedic Dictionary of Sociology. In Russian, English, German, French and Czech / Editor G.V. Osipov. M. : INFRA-M, 1998. P. 271.
2. New Encyclopedia of Philosophy : 4 vol. / Institute of Philosophy of Guseinov, G.Yu. Semigin (vices-chairman), A.P. Ogurtsov (research secretary). M. : Mysl', 2010. Vol. III. P. 366.
3. New social reality: system-creating factors, security and development prospects (A multi-authored monograph). M.; SPb. : Nestor-Historia, 2020. 208 p.
4. *Korzhavin F.V.* Propaganda as a technique of collective consciousness manipulation / F.V. Korzhavin, I.V. Bochamnikov // Research Center for National Safety Issues. URL : <https://nic-pnb.ru/raboty-molodyx-uchyonyx/propaganda-kak-tehnologiyamanipulirovaniya-obshhestvennym-soznaniem>
5. *Kara-Murza S.G.* Mind control. M. : Eksmo, 2005. P. 99.

6. Десять правил Геббельса, которые работают и сейчас//«Знак». URL : https://www.znak.com/2014-10-29/desyat_pravil_gebbelsa_kotorye_rabotayut_i_seychas

7. Карелова С.Г. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: теоретический аспект / С.Г. Карелова, С.В. Некрасов, А.Н. Пинчук // Вестник НГЭУЭ. 2020. № 4. С. 212–229.

6. Goebbels's ten commands that work now// «Znak». URL : https://www.znak.com/2014-1029/desyat_pravil_gebbelsa_kotorye_rabotayut_i_seychas

7. Karepova S.G. Propaganda as a method of influence on collective consciousness: a general theoretical aspect / S.G. Karepova, S.V. Nekrasov, A.N. Pinchuk // Vestnik of NGEUE. 2020. № 4. P. 212–229

Карлеба Владимир Александрович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
karleba@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Аннотация. Новый социальный порядок в России выстраивается на общественном опыте прошлого, когда взгляды величайших мыслителей о том, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», были преданы забвению. Статья посвящена проблемам усвоения этических знаний, формирования нравственных мотивов и накопления опыта морального поведения у студентов юридических факультетов, а также, решению задач распознавания (классификации) фактов и явлений в условиях проблемного обучения, которые способствуют осознанию личной значимости усваиваемых мировоззренческих и этических идей.

Ключевые слова: социальный порядок, социальные институты, сознание, идеология, мотивации, поведение, профессиональный труд, профессиональное обучение юристов.

Новый социальный порядок в России выстраивается на общественном опыте прошлого, когда взгляды величайших мыслителей о том, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», были преданы забвению. Подобные установки в общественных науках отразились и на развитии теоретических проблем мотивации. Господствующий ранее идеологический подход к проблемам мотивированного поведения привел к гипертрофированию чувства долга на всех уровнях воспитания личности. Естественная природа человека во внимание не принималась, воспитание воли направлялось на соблюдение «Морального кодекса строителя коммунизма», ведомственных традиций, уверование в непогрешимость вождей.

Симптоматично и то, что два важнейших педагогических эксперимента советского периода (А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский), в которых во всех деталях обоснованы принципы идеологического воспитания, обошлись без рассмотрения проблем мотивации личности.

Изменения, происшедшие в общественно-политическом и экономическом устройстве Российского государства, коренным образом

Vladimir A. Karleba
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Kuban State Agricultural University
karleba@mail.ru

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MOTIVATION FOR PROFESSIONAL LEARNING IN THE SETTING OF A NEW SOCIAL ORDER

Annotation. The new social order in Russia is built on the social experience of the past, when the views of the greatest thinkers that «the free development of each is a condition for the free development of all» were forgotten. The article is devoted to the problems of assimilation of ethical knowledge, the formation of moral motives and the accumulation of experience in moral behavior among law students, as well as the solution of problems of recognizing (classifying) facts and phenomena in the context of problem-based learning, which contribute to the awareness of the personal significance of assimilated worldview and ethical ideas.

Keywords: social order, social institutions, consciousness, ideology, motivation, behavior, professional work, professional training of lawyers.

преобразовали сферу интересов и ценностных устремлений ее граждан.

В настоящее время сознание индивида и общественное сознание ориентированы на множественность идеологических учений, веротерпимость, культ денег и неограниченное удовлетворение личных потребностей.

Предметно-вещественные «потребности для себя» и их удовлетворение в современных реалиях общественного развития отрицательно повлияли на мотивацию большей категории граждан нашей страны.

К этому привели следующие основные причинные факторы:

- полный отказ от официальной коммунистической идеологии и мировоззрения, в условиях отсутствия какой либо другой идеологии;
- революционный слом планово-бюрократической экономики и переход к рыночной экономике;
- политическая нестабильность и рост преступности.

К большому сожалению, все это привело к тому, что в сознании граждан России, а, в первую очередь, в сознании молодых людей, сформировались такие негативные взгляды, как крайний эгоизм, вседозволенность, стремление добиться материального успеха, не считаясь со средствами, пренебрежение моральными и культурными ценностями и т.д.

Возникает закономерный вопрос: «Где механизм, выполняющий роль стабилизирующего социального института, противостоящего социальным потрясениям и хаосу?» На наш взгляд, такими институтами должны быть суды, правоохранительные органы и правозащитные организации, но только в том случае, если будут состоять из ответственных, социально ориентированных и нравственно устойчивых сотрудников-юристов. Отсюда вытекает задача разработки и внедрения в жизнь теоретических положений личностно-развивающего обучения, тесно взаимосвязанного с мотивацией на избранную профессиональную деятельность.

Любой профессиональный труд связан с потребностями различного характера и осуществляется путем профессиональных действий. Они мотивированы, целенаправлены. Результат действий является самостоятельной побудительной силой. При этом, возникшие мотивы в отличие от целей, не осознаются субъектом. Человек не отдает себе отчета о том, что же побуждало его к действиям и его мотивировки (объяснения) не всегда указывают на действительный мотив действий. Однако даже когда они не осознаются, мотивы не отделены от сознания и находят свое психическое отражение, но в особой форме, в форме эмоциональной окраски действий, и открываются сознанию только объективно, путем анализа деятельности, ее динамики. Субъективно же они выступают только в своем косвенном выражении – в форме переживания, желания, стремления к цели

Процесс изучения личности – это выявление мотивов и выяснение их иерархических связей, а так как образование этих связей всегда предполагает движение определенной системы деятельности субъекта, в которой формируется его личность, то изучению подлежит и сама система: семья, учебная группа, самодеятельные и общественные организации, религиозные учреждения и объединения, сфера трудовой деятельности и т.д. В каждом социуме проявляется определенная иерархия мотивов, поощряемая или осуждаемая окружающими и обществом в целом. Все многообразие мотивов трудовой деятельности в сфере материального производства может быть сведено к четырем группам [1].

Исходный пункт мотивации труда – материальная заинтересованность. По мере решения проблем материальной обеспеченности на некотором стабильном уровне человек трудится уже не только ради заработка, но и в силу интереса к содержанию своей работы. Оба вида мотивации, обе линии заинтересованности переплетаются.

Третий круг мотивов трудовой деятельности человека связан с его установками межличностного общения, с естественным желанием каждого быть среди людей, активно участвовать в общих заботах определенной социальной группы, ячейки. Этот вид мотивов как бы надстраивается над предыдущими мотивами. Этому виду мотивации присущи специфические противоречия. Их формирование – сложный процесс: групповые и корпоративные интересы, доверие партнеров, разногласия, конфликты, борьба за лидерство, понимание престижа профессии, ведомства.

Четвертая группа мотивов, интегрирующая действия предшествующих уровней мотивации – осознание смысла работы, ее значимости для общества. Такое осознание поднимает всю систему мотивации на новый уровень: понимание общественных интересов. Это возможно при философском обосновании своей жизненной позиции.

Осознание смысла и общественной значимости трудовой деятельности – один из главных компонентов мировоззрения и нравственной силы человека.

Таким образом, на социально-психологическом уровне четко различимы три мотивационных процесса, присущих личности: познавательный, функциональный и мировоззренческий. Однако для выработки системы методов (методик) целенаправленного и эффективного педагогического воздействия на личность обучаемого, формирования у нее заданных форм мотиваций необходимы также представления на нейропсихологическом уровне.

П.В. Симонов утверждает, что личность – это сложная организация психологических систем, и каждая из них связана с эмоциями [2]. Проведенные ученым многочисленные исследования позволили ему сделать заключение о том, что эмоции имеют центральное значение для мотивации.

Американский психолог, доктор философии Кэрролл Е. Изард, опираясь на конкретные эксперименты и выводы современной науки о том, что сознание личности по природе постоянно чувственно, выдвинул теорию дифференциальных эмоций [3]. Первичные из них (принятие, отвращение, гнев, страх, радость, горе, испуг, ожидание или любопытство) являются врожденными, обеспечивавшие и обеспечивающие выживание генотипа и каждого индивида на всех эволюционных этапах и возрастных уровнях развития.

Сочетание указанных и некоторых других эмоций (интерес-возбуждение, удовольствие-радость, отвращение-омерзение, презрение-пренебрежение, страх-ужас, стыд-застенчивость, вина-раскаяние, а также – их диады и триады) ученый называет фундаментальными эмоциями. Именно они являются основой мотивационной сферы личности, а всякое мотивированное действие является функцией эмоций и познавательных процессов [4].

Бельгийский ученый Ж. Нюттен на основе экспериментальных данных пришел к выводу о том,

что мотивация выражается в возникающей ориентации «на тот или иной объект, достижение которого и завершает ее» [5]. Это – «промежуточная переменная» психологического процесса. Она характеризует и поведение, и деятельность личности.

Мотивационный процесс характеризуется постоянным нарушением состояния равновесия. Как только личность достигает поставленной цели, она строит новые планы и устремляется к другим целям. Выдвижение, формирование более трудных целей связано с усилением мотивации такими усвоенными личностью ценностями, как свобода, истина, родина, вера, законность, патриотизм, справедливость, ответственность, профессиональная гордость и т.д.

В настоящее время состояние психологической науки не позволяет сформулировать единую динамическую схему, пригодную для объяснения всех видов мотивации поведения и деятельности. Однако исследования познавательной деятельности позволяют четко видеть зависимости усиления фаз мотивации от новых напряжений, сформировавшихся предметно-функциональных потребностей, усвоенного профессионального опыта.

В экспериментальной психологии и педагогической практике советского периода системно обоснованы три подхода к проблемам формирования потребностей, ценностей, интересов, убеждений и мотивационной сферы личности: функциональный [6]; целостный [7]; ценностно – деятельностный [8]. Методы и методики, рекомендованные в них, при понимании взаимосвязанного характера проблем и учете конкретных условий имеют не только прикладное, но и методологическое значение. С другой стороны, надо учитывать, что описания практических наработок во многих случаях носят искусственно заидеологизированный характер.

Литература:

1. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М. : Политиздат, 1986. С. 204–205.
2. *Симонов П.В.* Высшая нервная деятельность человека: мотивационно-эмоциональные аспекты. М. : Наука, 1975.
3. *Изард К.* Эмоции человека / К. Изард; Пер. с англ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 440 с.
4. *Изард К.* Эмоции человека / К. Изард; Пер. с англ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 55.
5. *Нюттен Ж.* Мотивация / Ж. Нюттен; Ред.-сост. Поль Фресс и Жан Пиаже; Пер. с фр. // Экспериментальная психология. М. : Прогресс, 1975. С. 19.
6. *Ковалев А.Г.* Психология личности. М. : Просвещение, 1965.

С учетом отмеченного можно, на наш взгляд, ориентироваться на следующие теоретические положения и, высказанные в указанных исследованиях, рекомендации:

- структура понятия «мировоззрение» в себя включает: знания, нравственные установки, убеждения, идейную убежденность, личностные ценности, принципы и идеалы;
- психологический механизм образования убеждений триедин – слияние знаний с индивидуальными чувствами и опытом позитивной деятельности;
- системное решение задач распознавания (классификации) фактов и явлений в условиях проблемного обучения способствуют осознанию личной значимости усваиваемых мировоззренческих и этических идей (понятий, оценок, норм);
- только в преодолении ошибочных мнений, взглядов, действий складываются прочные взгляды, образующие личные убеждения;
- содержательно процесс образования нравственных убеждений проходит три стадии: усвоение этических знаний, формирование нравственных мотивов и накопление опыта морального поведения;
- в условиях продолжительного обучения, при изучении развития мотивационной сферы личности наряду с методом «срезов» эффективным является и путь, когда объектом «срезов» служат одни и те же обучаемые в период их пребывания в вузе, а затем – на самостоятельной практической работе.

Решение такого комплекса задач требует междисциплинарного подхода и соответствующего психологического обеспечения, что должно повседневно учитываться в профессиональном обучении.

Literature:

1. *Zdravomyslov A.G.* Needs. Interests Values. M. : Politizdat, 1986. P. 204–205.
2. *Simonov P.V.* Higher nervous activity of a person: motivational-emotional aspects. M. : Nauka, 1975.
3. *Isard K.* Human Emotions / K. Isard; Transl. from English M. : Publishing House Mosk. University, 1980. 440 p.
4. *Isard K.* Human Emotions / K. Isard; Transl. from English M. : Publishing House Mosk. University, 1980. P. 55.
5. *Nutten J.* Motivation / J. Nutten; Editor originator Paul Fress and Jean Piaget; Transl. from French // Experimental Psychology. M. : Progress, 1975. P. 19.
6. *Kovalev A.G.* Psychology of Personality. M. : Education, 1965.

7. *Менчинская Н.А.* Формирование научного мировоззрения как предмет психологических исследований / Н.А. Менчинская, Т.К. Мухина // Советская педагогика. 1976. № 2.

8. *Залесский Г.Е.* Психологические вопросы формирования убеждений. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.

7. *Menchinskaya N.A.* The formation of a scientific worldview as a subject of psychological research / N.A. Menchinskaya, T.K. Mukhina // Soviet pedagogy. 1976. № 2.

8. *Zalesky G.E.* Psychological issues of forming beliefs. M. : Publishing House Mosk. University, 1982.

Левченко Наталья Валерьевна
кандидат социологических наук,
научный сотрудник,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН
natalya_levchenk@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РФ, 2008–2020 ГГ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИРОДООХРАННОГО ВЕДОМСТВА

Аннотация. В статье показано, что с 2008 г. осуществлялся учет экологических интересов в целях развития экономики страны. В это время в глобализованном мире продолжается курс экомодернизации экономики. В 2012 году состоялся саммит глав государств Мира Рио+20 в Рио-де-Жанейро, где одним из основных направлений было обсуждение независимой сертификации управления природными ресурсами, не соблюдение которой может вытеснить производителей с мировых рынков. Российская власть вынуждена все больше принимать во внимание требования мирового сообщества. И в этом же году был принят, по сути, один из основополагающих документов в современной России, ориентированный на формирование баланса между интересами экономики и экологии. Как показало исследование, позиция власти в области охраны среды сводится к тому, что экологический контроль должен осуществляться, но в то же время не должен препятствовать экономическому развитию. Таким образом, развитие экополитики в России характеризуется постоянным изменением системы норм и правил охраны среды. Исследование показало, что изменения в российском законодательстве в области природоохранного регулирования тесно связаны с экономическими трансформациями в стране.

Ключевые слова: экологический контроль, экологическая политика, институционализация, реформы, законодательство, социально-экологическое неравенство.

Экологическая политика направлена на охрану окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, сохранение и развитие биосферы. Экополитика может быть международной, государственной, региональной, местной, а также – экологической стратегией бизнеса.

Международная экополитика представляет собой взаимодействие стран по поводу требуемых ограничений в сфере природопользования. Государственная заключается в формировании правовых

Natalia V. Levchenko
Candidate of Sociological Sciences,
Research Associate,
Institute of sociology of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
natalya_levchenk@mail.ru

ENVIRONMENTAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION, 2008–2020 RESTORATION OF THE ENVIRONMENTAL DEPARTMENT

Annotation. In the article is shown that from 2008 environmental interests were taken into account in order to develop the country's economy. At this time, the course of eco-modernization of the economy continues in the globalized world. In 2012, the Rio + 20 Summit of Heads of State of the World took place in Rio de Janeiro, where one of the main directions was the discussion of independent certification of natural resources management, failure to comply with which could oust manufacturers from world markets. The Russian government is forced to take into account the demands of the world community more and more. And in the same year, in fact, one of the fundamental documents in modern Russia was adopted, aimed at creating a balance between the interests of the economy and the environment. The study has shown that the position of the authorities in the field of environmental protection boils down to the fact that environmental control should be carried out, but at the same time should not hinder economic development. Thus, the development of environmental policy in Russia is characterized by a constant change in the system of norms and rules for environmental protection. The study has shown that changes in Russian legislation in the field of environmental regulation are closely related to economic transformations in the country.

Keywords: environmental control, environmental policy, institutionalization, reforms, legislation, socio-ecological inequality.

норм в области охраны окружающей среды от негативного воздействия на территории страны; для региональной экополитики характерна политика государства в сфере охраны окружающей среды относительно субъектов РФ.

Местная экополитика осуществляется путем реализации мониторинга в локальностях и организацией экологических программ и мероприятий для муниципальных территорий. Задача экополитики компаний состоит в том, чтобы обеспечить приоритет сохранения благополучной окружающей

среды в процессе производства и иной их деятельности.

К механизмам государственного регулирования деятельности в сфере природопользования относятся ряд административных и экономических элементов управления, таких как: экологический мониторинг, контроль за соблюдением природоохранного законодательства, стандартизация, экологическая сертификация, программы и аудит, планирование природопользования и разработка нормативно-правовых актов.

В качестве метода исследования был выбран анализ официальных документов, посвященных охране окружающей среды и публикаций в СМИ. Осуществлен вторичный анализ данных качественных исследований, изучены изменения организационной структуры экологической политики.

К 2008 году основными акторами экологической политики становятся ресурсодобывающие компании и государство, сокращена численность экспертов в регионах, ухудшилось качество экологических экспертиз. Разрушение природоохранного регулирования привело к «ухудшению имиджа и экологической репутации российской экономики и бизнеса в целом» [10, с. 30]. Ликвидация экологического контроля не привела к конкурентному преимуществу в борьбе за входжение на мировой рынок, т.к. доступ к внешним кредитам был тесно связан с соблюдением экологических стандартов производства. С этого момента Правительство открыто поворачивается в сторону экологизации экономики, то есть, превращения экологических ограничений в источники получения дополнительной прибыли, например, за счет удовлетворения спроса на экологически чистые или произведенные экологически чистым способом товары [1, с. 105].

В 2008 году выходит Указ Президента РФ от 12.05.2008 № 724, согласно которому, действующая структура преобразована в Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, которое существует по настоящее время. В подчинении Министерству добавилось два ведомства: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды и Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору. Однако при этом структура лишилась Федерального агентства лесного хозяйства.

Таким образом, в состав Министерства входят:

- Департамент государственной политики и регулирования в области водных ресурсов,
- Департамент государственной политики и регулирования в области геологии и недропользования;
- Департамент государственной политики и регулирования в области гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды;
- Департамент государственной политики и регулирования в области лесных ресурсов;

– Департамент государственной политики и регулирования в сфере охотничьего хозяйства и объектов животного мира;

– Департамент государственной политики и регулирования в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности.

К подведомственным службам Министерства относятся:

- Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды;
- Федеральная служба по надзору в сфере природопользования;
- Федеральное агентство водных ресурсов;
- Федеральное агентство по недропользованию, Федеральное агентство лесного хозяйства.

С этого момента Министр структуры стал открыто заявлять о «необходимости ужесточить меры за ущерб окружающей среде» и о создании экологического кодекса [7].

Кроме того, правительство вновь вернулось к вопросу об ядерных отходах. Согласно статье 31 Федерального закона «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», запрещается ввоз в Российскую Федерацию радиоактивных отходов в целях их хранения, переработки и захоронения [10].

В это время в глобализованном мире продолжается курс экомодернизации экономики. В 2012 году состоялся саммит глав государств Мира Рио+20 в Рио-де-Жанейро, где одним из основных направлений было обсуждение независимой сертификации управления природными ресурсами, не соблюдение которой может вытеснить производителей с мировых рынков. Российская власть вынуждена все больше принимать во внимание требования мирового сообщества. И в этом же году был принят, по сути, один из основополагающих документов в современной России, ориентированный на формирование баланса между интересами экономики и экологии. Так, 30 апреля 2012 года Президент РФ утвердил «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Среди основных механизмов реализации государственной политики в области экологического развития в «Основах» указывалось повышение эффективности государственного экологического надзора, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Также, в «Основах» уделялось внимание обеспечению экологически-ориентированного роста экономики, посредством введения ряда механизмов, среди которых: «Формирование эффективной, конкурентоспособной и экологически ориентированной модели развития экономики, обеспечивающей наибольший эффект при сохранении природной среды, её рациональном использовании и минимизации негативного воздействия на окружающую среду» [Основы].

2012 год был объявлен Годом охраны окружающей среды согласно Указу Президента от 10.08.2012 № 1157 [8]. «В целях привлечения внимания общества к вопросам экологического развития Российской Федерации, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности», 2017 год был объявлен Годом экологии [9].

В этом же году в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» появилась новая глава – «Ликвидация накопленного вреда окружающей среде».

Был принят еще ряд решений в сфере охраны окружающей среды. Например, в 2018 году запущен Национальный проект «Экология», который функционирует до 2024 года. Цели проекта заключаются в формировании эффективного обращения с отходами производства и потребления, снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, повышение качества питьевой воды для населения, сохранению биологического разнообразия и обеспечения баланса выбытия и воспроизводства лесов в соотношении.

Таким образом, на протяжении десятилетия предпринимались попытки институционализации учёта требований охраны окружающей среды, которые должны были способствовать экономическому развитию.

Формирование институтов экологического контроля стало условием привлечения инвестиций в российскую экономику. Ожидалось, что охрана окружающей среды в стране будет только совершенствоваться. Однако в 2019 году СМИ начинает активно транслировать информацию о возобновлении ввоза в страну урановых отходов. Российские законы по-прежнему запрещают ввозить в страну ядерные отходы в целях их хранения, переработки и захоронения, однако, допускается импорт ядерных материалов с последующим возвратом иностранному поставщику. Как сообщает РБК. В 2019 году Россия вновь начала принимать радиоактивные отходы с уранообогажительной фабрики компании Urenco в германской городе Горнау. Компания Urenco планирует ввести до 2022 года 12 тыс. радиоактивных отходов в Россию по соглашению с «дочерней компанией АО «Техснабэкспорт» [13]. С начала 2020 года было доставлено свыше трех тысяч тонн ядерных отходов.

Одновременно с этим, представители власти говорят о важности охраны окружающей среды для развития страны. В 2020 году Министр природных ресурсов и экологии РФ заявляет о необходимости экопросвещения населения, акцентируя внимание на том, что это одна из главных приоритетов государства. Глава министерства отмечает, что «сегодня мы уделяем пристальное внимание формированию экологической культуры в стране, начиная с самых юных россиян!» [3].

В этом же году при обращении к Федеральному собранию Президент РФ подчеркнул, что в 2021

году предстоит «сформировать полноценную систему экологического мониторинга». Также, Президент указывает на то, что нужно кардинально снизить объем отходов, поступающих на полигоны, внедрять отдельный сбор мусора, переходить на экономику замкнутого цикла и начать применение механизма расширенной ответственности производителей» [6].

Несмотря на открытое заявление власти о важности экологического контроля, влияние экономических факторов на экологическую политику продолжает наблюдаться и в настоящее время. Так, 15 апреля 2020 года Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) обратился в письме к премьер-министру Михаилу Мишустину с предложением приостановить «экологический надзор, контроль (в том числе, производственного, включая штрафы за его отсутствие) и согласования, отсрочку реализации природоохранных программ компаний, ликвидацию штрафов за несоответствие промышленных загрязнений нормативам (кроме аварий), смягчение и отсрочку уплаты экологических платежей» [2]. История показала неотвратимость негативных последствий как экологических, так и экономических при ликвидации экологического контроля. В то же время, в 2020 году Министерство направило на согласование проект Постановления Правительства «О продлении действия разрешений и иных особенностях в отношении разрешительной деятельности в 2020 году» [РСПП]. В результате, 03 апреля 2020 года выходит Постановление Правительства Российской Федерации № 440, согласно которому «в 2020 году право пользования недрами не прекращается, в том числе, в связи с истечением установленного в лицензии срока ее действия (за исключением прекращения по заявлению обладателя разрешения)» и продлевается на один год срок устранения нарушений условий пользования недрами. Кроме того, продлевается действие разрешений на выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух, лимитов на выбросы загрязняющих веществ, разрешений на сброс загрязняющих веществ в окружающую среду, лимитов на сбросы загрязняющих веществ, полученных юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах. Также продлевается на один год до 31 декабря 2021 г срок действия положительного заключения государственной экологической экспертизы [5].

Таким образом, наблюдается следующая картина: охрана среды должна осуществляться, но не должна мешать экономическому развитию. Деградация федеральной экополитики является процессом, жестко обусловленным ростом эксплуатации природных ресурсов [1, с. 317].

Мировой экологический менеджмент диктует соблюдение экологических стандартов в ходе производственных процессов. В свою очередь, российский экономический фактор требует институционализации экологического контроля, в то время, когда компании зависят от западных

инвестиций. Если зависимость ослабевает, то, предположительно, начинает действовать другой фактор: не мешать использованию ресурсов, приостановить экологический надзор и снизить

Литература:

1. Аксенова О.В. Иллюзия экологической модернизации / О.В. Аксенова // История и современность. № 2. 2011. С. 103–113.
2. Вирус вседозволенности // Газета «Коммерсантъ» № 72 от 21 апреля 2020. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4327027> (дата обращения 03.09.2022).
3. Глава Минприроды России дал старт Всероссийской акции «ЭкоТолк» // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 02 октября 2020. URL : https://www.mnr.gov.ru/press/news/glava_minprirody_rossii_dal_start_vserossiyskoy_aktcii_ekotolk/ (дата обращения 03.09.2022).
4. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года // kremlin.ru. 2012. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15177> (дата обращения 03.09.2022).
5. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 440 (ред. от 01.10.2020) «О продлении действия разрешений и иных особенностях в отношении разрешительной деятельности в 2020 году» (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.10.2020) // РОСПРИРОДНАДЗОР. URL : https://rpn.gov.ru/regions/33/news/o_prodlennii_deystviya_razresheniy_i_inykh_osobennostyakh_v_otnoshenii_razreshitelnoy_deyatelnosti_v_-63515.html (дата обращения 03.09.2022).
6. Путин: В России нужно сформировать систему экологического мониторинга // Российская газета от 15 января 2020. URL : <https://rg.ru/2020/01/15/putin-v-rossii-nuzhno-sformirovat-sistemu-ekologicheskogo-monitoringa.html> (дата обращения 03.09.2022).
7. Трутнев взялся за экологию // Взгляд. Деловая газета от 05 февраля 2008. URL : <https://vz.ru/economy/2008/2/5/142619.html> (дата обращения 03.09.2022).
8. Указ Президента Российской Федерации от 10.08.2012 г. № 1157 О проведении в Российской Федерации Года охраны окружающей среды // kremlin.ru.2012. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35918> (дата обращения 03.09.2022).
9. Указ Президента Российской Федерации от 05.01.2016 г. № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии» // kremlin.ru.2016. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40400> (дата обращения 03.09.2022).
10. Федеральный закон от 11.07.2011 № 190-ФЗ» Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Сборник

платежи. В любом случае, ни один из двух вариантов развития экополитики не подразумевает реальную охрану окружающей среды.

Literature:

1. Aksenova O.V. Illusion of Ecological Modernization / O.V. Aksenova // History and Modernity. № 2. 2011. P. 103–113.
2. Permissiveness virus // Newspaper «Kommersant» № 72 of April 21, 2020. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4327027> (date of the application 03.09.2022).
3. The head of the Ministry of Natural Resources of Russia launched the All-Russian campaign «Eco-Tolk» // Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation of October 02, 2020. URL : https://www.mnr.gov.ru/press/news/glava_minprirody_rossii_dal_start_vserossiyskoy_aktcii_ekotolk/ (date of the application 03.09.2022).
4. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of Russia for the period up to 2030 // kremlin.ru.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15177> (date of the application 03.09.2022).
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 03.04.2020 № 440 (as amended on 01.10.2020) «On the extension of permits and other features in relation to permitting activities in 2020» (as amended and supplemented, entered into force on 07.10. 2020) // ROSPRIRODNADZOR. URL : https://rpn.gov.ru/regions/33/news/o_prodlennii_deystviya_razresheniy_i_inykh_osobennostyakh_v_otnoshenii_razreshitelnoy_deyatelnosti_v_-63515.html (date of the application 03.09.2022).
6. Putin: Russia needs to form an environmental monitoring system // Rossiyskaya Gazeta, January 15, 2020 monitoringa.html (date of the application 03.09.2022).
7. Trutnev took up ecology // Vzglyad. Delovaya Gazeta, February 05, 2008. URL : <https://vz.ru/economy/2008/2/5/142619.html>
8. Decree of the President of the Russian Federation of August 10, 2012 № 1157 On holding the Year of Environmental Protection in the Russian Federation // kremlin.ru.2012. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35918> (date of the application 03.09.2022).
9. Decree of the President of the Russian Federation of January 05, 2016 № 7 «On holding the Year of Ecology in the Russian Federation» // kremlin.ru.2016. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40400> (date of the application 03.09.2022).
10. Federal Law of July 11, 2011 № 190-FZ «On the management of radioactive waste and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of laws. 2011. URL : <http://>

законов. 2011. URL : <http://sbornik-zakonov.ru/3579.html> (дата обращения 03.09.2022).

11. *Шварц Е.А.* Экологический императив, экологическая политика России 2000-х и конкурентоспособность экономики / Е.А. Шварц, А.Ю. Книжников // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 24–38.

12. «Ъ»: РСПП просит Мишустина приостановить экологический надзор из-за коронавируса // *Газета Знак* от 21 апреля 2020. URL : https://www.znak.com/2020-04-21/rspp_prosit_mishusti_na_priostanovit_ekologicheskiy_nadzor_iz_za_koronavirusa (дата обращения 03.09.2022).

13. Экологи узнали о возобновлении ввоза в Россию радиоактивных отходов // РБК от 23 декабря 2019. URL : <https://www.rbc.ru/society/23/10/2019/5db059f29a79474f7e18ec32> (дата обращения 03.09.2022).

sbornik-zakonov.ru/3579.html (date of the application 03.09.2022).

11. *Shvarts E.A.* Environmental imperative, environmental policy of Russia in the 2000s and the competitiveness of the economy / E.A. Shvarts, A.Yu. Knizhnikov // *Social sciences and modernity*. 2012. № 4. P. 24-38.

12. Kommersant: The Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs Asks Mishustin to Suspend Environmental Oversight Due to the Coronavirus // *Newspaper Znak*, April 21, 2020.

13. Ecologists learned about the resumption of the import of radioactive waste into Russia // RBC, December 23, 2019. URL : <https://www.rbc.ru/society/23/10/2019/5db059f29a79474f7e18ec32> (date of the application 03.09.2022).

Лилухин Андрей Михайлович
доцент кафедры экономической
и социальной теории,
Ростовский государственный
медицинский университет
Минздрава России
dalai-lama2006@yandex.ru

Баблюян Наталия Валериевна
доцент кафедры экономической
и социальной теории,
Ростовский государственный
медицинский университет
Минздрава России
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Корф Диана Семеновна
заведующая методическим кабинетом
кафедры экономической
и социальной теории,
Ростовский государственный
медицинский университет
Минздрава России
korf.diana@yandex.ru

ТЕОРИЯ МАРГИНАЛЬНОСТИ КАК ПОДХОД К ВЫЯВЛЕНИЮ СПЕЦИФИКИ ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В современной социологической науке нет единого мнения относительно универсального теоретического подхода к объяснению такого социального явления, как аддиктивное поведение в молодежной среде. В статье рассматривается теория маргинальности как один из подходов к пониманию аддиктивного поведения в молодежной среде. Представлено определение маргинальности, а также, пояснена связь, существующая между маргинальностью и девиантным поведением у молодежи. Даны рекомендации по профилактике маргинальности среди российской молодежи.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, маргинальность, социализация, молодежная среда, добровольная маргинализация.

В современной социологической науке нет единого мнения относительно универсального теоретического подхода к объяснению такого социального явления, как аддиктивное поведение в молодежной среде. Исследователям при изучении данной проблемы приходится работать в весьма широком диапазоне социологических теорий, главными из которых являются концепции социологии девиантного поведения и

Andrey M. Lilyukhin
Associate Professor of the Department
of Economic and Social Theory,
Rostov State Medical University of the Ministry
of Health of the Russian Federation
dalai-lama2006@yandex.ru

Natalia V. Babloyan
Associate Professor of the Department
of Economic and Social Theory,
Rostov State Medical University of the
Ministry of Health of the Russian Federation
econandsociologyrostgmu@yandex.ru

Diana S. Korf
Head of the Methodological Office
of the Department of Economic
and Social Theory,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation
korf.diana@yandex.ru

THE THEORY OF MARGINALITY AS AN APPROACH TO IDENTIFYING THE SPECIFICS OF THE BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH

Annotation. In modern sociological science, there is no consensus on a universal theoretical approach to explaining such a social phenomenon as addictive behavior in the youth environment. The article considers the theory of marginality as one of the approaches to understanding addictive behavior among young people. The definition of marginality is presented, and the relationship between marginality and deviant behavior in young people is explained. Recommendations for the prevention of marginality among Russian youth are given.

Keywords: addictive behavior, marginality, socialization, youth environment, voluntary marginalization.

социального контроля. Использование данных теорий служит инструментом для выявления специфики аддиктивного поведения в молодежной среде, а также, позволяет очертить определенные границы рамок его изучения в молодежной среде.

Одной из теорий, которая объясняет причины возникновения и особенности проявления

аддиктивного поведения в молодежной среде, является теория маргинальности. Для начала, надо актуализировать сам используемый нами термин «маргинальность». Данное определение в социологической науке допускает весьма много трактовок. Классическим, интегральным определением, как правило, признается следующее – это индивид, находящийся за границами своей социальной группы потому что «утратил прежние социальные связи и не приспособился к новым условиям жизни» [1]. Также, данное определение может дать характеристику не только социального, но и эмоционального состояния индивида, что подразумевает под собой «дезорганизованность, изолированность, отчужденность, непричастность, разрушение «жизненной организации», бессмысленность существования» [2, с. 396]. Уточняя данный термин, можно сделать следующий вывод: маргинальность – это «пограничность, периферийность или промежуточность по отношению к каким-либо социальным общностям. Главный принцип маргинализации – разрыв духовных, экономических и/или личностных связей» [3, с. 233]. Состояние, характерное для данного термина, выделяется в целом инфантилизмом, который включает в себя чувство неуверенности, боязни будущего, потерянности и постоянного стресса. Как правило, в имеющихся проблемах, касающихся лично их, маргиналы видят причину не в себе и своем образе жизни, а стараются обвинить в этом других людей или другие социальные группы, в целом. К примеру, классическое «во всех наших бедах виноваты приезжие/чиновники/государство/происки недружественных нам стран, которые не дают нам развиваться и нормально жить» [4].

В научный обиход социологии термин «маргинальность» впервые включил американский социолог Роберт Парк в 1930-х гг. XX века. Им он характеризовал социально-психологическое состояние иммигрантов, прибывающих в США со всего мира. Согласно его рассуждениям, данный термин связан с «сомнениями индивида относительно своей личной ценности, с неопределенностью дружеских связей, постоянной боязнью быть отвергнутым, склонностью избегать неопределенных ситуаций, болезненной застенчивостью, одиночеством, чрезмерной мечтательностью, излишним беспокойством о будущем» [5]. В нашей стране в обыденном смысле термин «маргинал» имеет резко негативное значение и определяется скорее как «изгой», «отрезанный ломоть». Во многом, это связано с традиционными коллективными ценностями, во многом характерными для нашего общества, в рамках которых, маргинал рассматривается как человек, идущий против общества и воли большинства. Но, согласно существующим тенденциям, можно отметить, что постепенно сугубо отрицательная смысловая нагрузка данного термина меняется на более нейтральные установки, с помощью которых объясняют неустойчивое положение отдельного индивида либо, что реже, социальных групп в контексте социальных изменений.

Что касается изучаемого нами аспекта аддиктивного поведения, то маргинальность в исследуемом случае служит обозначением

неопределенной социальной позиции человека в социуме. Главной причиной этого служит слабая погруженность индивида в социальную жизнь принимающей социальной группы из-за ряда объективных или субъективных факторов. То есть, маргиналы - это те члены социума, «не участвующие в производственном процессе, не выполняющие общественных функций, не обладающая социальным статусом и существующая на те средства, которые либо добываются в обход общепринятых установлений, либо предоставляются из общественных фондов» [6].

Исходя из вышеописанного, молодежь, априори, находится в зоне риска маргинальности, так как, в большинстве случаев, у ее представителей в силу объективных обстоятельств отсутствует устойчивый социальный статус в социуме. Это происходит по причине низкой материальной обеспеченности, которая обусловлена либо полным отсутствием работы, либо же наличием низкооплачиваемой. Как правило, молодежь не владеет профессиональными компетенциями и навыками, а только их приобретает, что и обуславливает отсутствие хорошей, престижной и высокооплачиваемой работы.

В изучении феномена маргинальности социологи отмечают существование трех основных подходов к рассмотрению данного явления. Это структурный, ролевой культурный подходы. Рассматривая структурную маргинальность, мы можем обозначить ее доминирующее положение согласно двум остальным, так как он показывает социальный статус человека в социальной иерархии общества. Изучаемая нами молодежь, как правило, в социальной иерархии, по совокупности вышеописанных факторов, занимает весьма низкое положение. Однако если посмотреть эту проблему с другой стороны, это может быть явлением временным, так как представители молодежи имеют шанс и тенденцию на улучшение своего социального положения в связи с имеющимися тенденциями к развитию и совершенствованию. Иногда, это называют «маргинальность-переходность» или «маргинальность-периферийность» [7]. Ролевая маргинальность проистекает из вышеописанной структурной и связана с отрыванием индивидом в зависимости от его групповой идентификации и соотношения себя с референтными группами нескольких пограничных социальных ролей. Культурная же маргинальность подразумевает под собой определенные ценностные установки молодежи, которые могут быть не идентичны господствующим в обществе ценностям.

Лучшей профилактикой маргинальности является активное включение молодежи в структуру и жизнь социума. В рамках социологической науки, данный процесс называется социализацией. Именно от нее зависит уровень интеграции молодежи в общество. Но, с другой стороны, именно социализация, по мнению сторонников теории маргинализации, может быть причиной возникновения аддиктивного поведения молодежи. Это может возникнуть в том случае, когда индивид в силу юношеского максимализма или иного

субъективного фактора сознательно уклоняется от социальной идентификации и встраивания себя в социальную систему, мотивируя это, чаще всего лозунгом, «не хочу быть таким, как все».

Следовательно, в результате такой сознательной десоциализации формируется модель аддиктивного поведения, в том числе, имеющая и маргинальные проявления. Зачастую, это принимает вид бродяжничества и сознательного исключения себя из социальной системы целиком. «Бродяжничество – пишет Ю. Антонян, – может рассматриваться как выражение субъективной бессознательной тенденции к преодолению своей групповой принадлежности и своей идентификации в качестве члена какой-либо группы» [8, с. 129]. Как считает автор, корень такого поведения лежит в «неосознаваемом стремлении к сохранению своей как субъективно-личностной, так и социальной дезидентифицированности. Формирование такой специфики самоидентичности связано с характером ранних внутрисемейных отношений индивидов». [8, с. 132] После утраты социального статуса и, возможно собственной идентификации, индивид вынужден строить заново свою систему ценностей, что, зачастую, идет вразрез с общепринятыми в обществе нормами. Во многом, это может быть следствием проблем в семейной жизни, конфликтами в учебном заведении, неуспехами в личной жизни, отсутствием друзей и непониманием со стороны взрослых. Стоит отметить, что основная масса молодежи, являющаяся проводником аддиктивного поведения, не страдает от нарушений психофизиологического толка и не имеют ярко выраженных психических отклонений. Это позволяет сделать вывод о том, что формирование аддиктивного поведения не подразумевает под собой болезненного состояния. Для большинства представителей молодежи причины данного рода поведения кроются в совокупности социальных, экономических и культурных факторов, которые приводят к изменению социального облика, но, как правило, в краткосрочной перспективе не являются причиной возникновения серьезных болезненных состояний. Субъективные причины аддиктивного поведения, характеризующие стиль жизни молодежи, нуждаются в дополнении объективными, отражающими ее образ жизни.

Групповая и массовая десоциализация и ресоциализация приводит к формированию маргинальных установок в молодежной среде. Одна из

основных социальных потребностей молодежи лежит в плоскости самоутверждения и признания со стороны общества. При недостаточной или полной неудовлетворенности данной потребности с помощью общепризнанных позитивных инструментов возможна попытка сублимировать это, используя альтернативные средства. Кроме того, возможен и акт пассивного протеста, сформированный в форме обращения к алкоголю, курению, наркотикам и т.д. К примеру, к этому могут привести существование жестких запретов, игнорирование потребностей молодежи со стороны родителей, их пренебрежение достижениями молодого человека. Результатом этого также может стать инфантильное поведение, ведущее «к блокировке самостоятельности (чтобы не навлечь гнев свыше), или к саботажу, как к бессознательной форме протеста («у меня не получается, сделай за меня»)). Другой исход наступает, когда внутреннее напряжение жертвы ограничений растет, копится, а потом прорывается наружу в виде агрессивного поведения, направленного на внешний мир, который не дает удовлетворения живущему в нем человеку («вот вам за все, что вы мне сделали»))» [9, с. 199].

Благодаря вышеизложенному, у индивида может появиться и развиться враждебность к любым поступкам родителей и недоверие к прочим агентам социализации. Это приводит к появлению достаточно примитивной, но пропитанной максимализмом картины мира, отрицанию всего и вся, максимальному эгоцентризму. Согласно данным установкам, формируется гипертрофированная и во многом искаженная картина мира.

Таким образом, относительно аддиктивного поведения молодежи маргинальность означает пограничное положение индивида в социальной структуре общества по причине слабой интегрированности в социальную жизнь. Этому способствуют процессы десоциализации и ресоциализации молодежи, благодаря которым, постоянное оппозиционирование среде становится особой формой социальной адаптации, внутри которой, идет позитивный рост. Происходит это по причине «добрвольной маргинализации», когда молодые люди стремятся сохранить субъективно-личностную идентичность при социальной дезидентифицированности – преодолении, отказе от своей групповой принадлежности. На основе подобной маргинальной позиции вырабатывается радикализованная система ценностей.

Литература:

1. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. URL : <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/marginal> (дата обращения 10.09.2022).
2. Бурцева В.В. Словарь иностранных слов / В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. М. : Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2009. 817 с.
3. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. М. : Проспект, 2013. 352 с.

Literature:

1. Zhmurov V.A. The Great Encyclopedia of Psychiatry. URL : <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/marginal> (date of application 10.09.2022).
2. Burtseva V.V. Dictionary of foreign words / V.V. Burtseva, N.M. Semenova. M. : Rus. yaz. Media; Drofa, 2009. 817 p.
3. Kravchenko A.I. Brief sociological dictionary. M. : Prospect, 2013. 352 p.

4. Словарь по психологии. URL : <http://psihotesti.ru/gloss/tag/marginalnost/> (дата обращения 08.09.2022).

5. Новая философская энциклопедия. URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4489/ (дата обращения 10.09.2022).

6. *Матвеева Е.Ю.* Концепция маргинальности как теоретический инструмент анализа современного студенчества. URL : <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-marginalnosti-kak-teoreticheskii-instrument-analiza-sovremennogo-studenchestva#ixzz3vQQGii5u> (дата обращения 10.09.2022).

7. *Галсанамжилова О.Н.* К вопросу о структурной маргинальности в российском обществе / О.Н. Галсанамжилова // Журнал социологии и социальной антропологии. URL : <http://www.old.jourssa.ru/2006/4/7aGalsanamzilova.pdf> (дата обращения 10.09.2022).

8. *Антонян Ю.М.* Феномен зависимого преступника / Ю.М. Антонян, О.В. Леонова, Б.В. Шостакович. М. : Аспект-Пресс, 2007. 192 с.

9. *Шабанов Л.В.* Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность. Томск : Томский государственный университет, 2005. С. 199.

4. Dictionary of Psychology. URL : <http://psihotesti.ru/gloss/tag/marginalnost/> (date of the application 08.09.2022).

5. The New Philosophical Encyclopedia. URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4489/ (date of the application 09/10/2022).

6. *Matveeva E.Y.* The concept of marginality as a theoretical tool for the analysis of modern students. URL : <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-marginalnosti-kak-teoreticheskii-instrument-analiza-sovremennogo-studenchestva#ixzz3vQQGii5u> (date of the application 09/10/2022).

7. *Galsanamzhilova O.N.* On the question of structural marginality in Russian society / O.N. Galsanamzhilova // Journal of Sociology and Social Anthropology. URL : <http://www.old.jourssa.ru/2006/4/7aGalsanamzilova.pdf> (date of the application 09/10/2022).

8. *Antonyan Yu.M.* The phenomenon of a dependent criminal / Yu.M. Antonyan, O.V. Leonova, B.V. Shostakovich. M. : Aspect-Press, 2007. 192 p.

9. *Shabanov L.V.* Socio-psychological characteristics of youth subcultures: social protest or forced marginality. Tomsk : Tomsk State University, 2005. P. 199.

Любецкий Николай Петрович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории
и практики физической культуры и спорта,
Донской государственной
технической университет
lyubeckiyn@mail.ru

Лукьяшко Алена Геннадиевна

старший преподаватель
кафедры теории
и практики физической культуры и спорта,
Донской государственной
технической университет
verina.t@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78_@yandex.ru

Труфанова Светлана Николаевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории
и практики физической культуры и спорта,
Донской государственной
технической университет
trufanova_s@mail.ru

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
КАК ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ЧАСТЬ 2)**

■ ■ ■

Аннотация. История человечества не раз показывала, что деградация наций и даже гибель государств, как правило, всегда начиналась с разложения духовности и основ культурной жизни, коррозии моральных принципов, внедрения в сознание людей ложных идей и подмены ценностей. Именно это и произошло в эпоху Брежнева-Андропова с идеологически переродившейся советской партийной элитой, предавшей в угоду Западу интересы собственного народа, из-за своей беспочвенности, легковесности и политической несамостоятельности перед лицом необъявленной информационно-психологической войны США против Советского Союза. (План Аллена Даллеса – директива 20/1 СНБ. США от 18 августа 1948 года). Авторы статьи справедливо считают, что возрождение русской нации и России связано с возрождением национальной элиты, которая должна любить свой народ, заботиться о нём и обладает чувством настоящего хозяина.

Nikolay P. Lyubetsky

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor of Department
Department of Theory and Practice
of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
lyubeckiyn@mail.ru

Alyona G. Lukyashko

Senior Lecturer, Department of Theory
and Practice of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
verina.t@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department of Financial
and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78_@yandex.ru

Svetlana N. Trufanova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
trufanova_s@mail.ru

**DOMESTIC INTELLIGENTIA
AS A FACTOR OF INSTABILITY
OF THE RUSSIAN STATEHOOD (PART 2)**

■ ■ ■

Annotation. The history of mankind has repeatedly shown that the degradation of nations and even the death of states, as a rule, always began with the decomposition of spirituality and the foundations of cultural life, the corrosion of moral principles, the introduction of false ideas into the minds of people and the substitution of values. This is exactly what happened in the era of Brezhnev-Andropov with the ideologically degenerated Soviet party elite, which betrayed the interests of its own people for the sake of the West, because of its groundlessness, lightness and political lack of independence in the face of the undeclared information and psychological war of the United States against the Soviet Union. (The Allen Dulles plan – directive 20/1 of the NSC. USA of August 18, 1948). The authors of the article rightly believe that the revival of the Russian nation and Russia is associated with the revival of the national elite, which must love its people, take care of them and have the feeling of a real master.

Ключевые слова: российское общество, отечественная интеллигенция, национальная элита, болезнь «европейничанья», «пятая колонна», идеология «конвергенции», «Семибанкирщина», СССР, Россия, США, нация.

Keywords: Russian society, domestic intelligentsia, national elite, disease of «Europeanization», «fifth column», ideology of «convergence», «Seven Bankers», USSR, Russia, USA, nation.

Наш исторический экскурс в бурные события XX–XXI века настойчиво подвигает нас к неожиданной мысли, что одной из главных причин обрушения нашей государственности (дважды) в XX веке является «перманентный дух самоотречения» – отличительная черта нашего противоречивого Национального характера. И действительно, в нашем национальном характере удивительным образом уживаются два взаимоисключающих друг друга психологических комплекса: комплекс социокультурной неполноценности – «болезнь европейничанья» и комплекс социальной исключительности – «Москва – Третий Рим, и четвертому не быть!», создающих антиномическое напряжение внутри мятущегося русского Духа, раздваивающих и разрывающих его целостность. Именно этот мятущийся, а точнее мятежный дух противоречия, – ещё задолго до трагических событий 1825 года, – поселился в сознании отечественной элиты, начиная с декабристов: Павла Пестеля, Петра Каховского, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьёва-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина и других вольнодумцев из дворян. Исторический парадокс заключался в том, что почти все эти представители русской элиты были масонами (то есть, агентами влияния Франции и Англии в России) и, одновременно, патриотами страны, ибо заботились не только о личном благе, но и о благе всех граждан России. Хотя забота эта была весьма своеобразной – с помощью государственного переворота, который (по их замыслу) должен был привести к слову институту Самодержавия (давняя мечта англосаксов) и привычного уклада жизни всего населения России. Однако не получилось. Впоследствии, разрушительные традиции декабристов в их яростной борьбе с самодержавием в России продолжили Александр Герцен, Николай Огарев, Николай Чернышевский, Михаил Бакунин, Георгий Плеханов, Владимир Ленин и др. Современник этих, прозападно ориентированных представителей российской интеллигенции, государственный К.П. Победоносцев пишет об экзальтированной, беспокойной российской интеллигенции: «...основное свойство нашей интеллигенции – это потеря смысла жизни, совершенная бесцельность существования. Отсюда и самоубийства, отсюда и измышления самых невообразимых целей, и в том числе – измышление цели – осчастливить людей экономическим равенством, материальным благосостоянием, которое по невообразимой путанице понятий, превозносится превыше всего, превыше чужой и собственной жизни, превыше тех, кого этими благами хотя бы осчастливить. Такая путаница понятий происходит, прежде всего, конечно, от потери веры, от забвения завета отцов – Божественного завета, а затем от того, что наша учащаяся молодёжь оставлена на произвол судьбы, оставлена праздности, лишена всякого руководства» [1, с. 71].

Заметим, что после неудачного восстания декабристов русская дворянская элита, полновластно управлявшая Россией с правления Елизаветы Петровны, вся в целом попала под подозрение Николая I и была им отодвинута от рычагов управления страной, потеснённая, в основном, немцами и поляками. К примеру, немцы составляли очень важную часть императорской власти, временами – до 30 % должностей в высшем аппарате, особенно в МИДе, армии и полиции. Это обстоятельство сыграло свою роль в отчуждении русского народа от российской элиты и в некоторой степени послужило одним из катализаторов революций 1905 и 1917 гг., в результате которых большая часть русской элиты была уничтожена, что представляет собой исторический факт [2, с. 458].

После большевистской революции 1917 года произошли этнические перемены в составе российской элиты. Вакуум, образовавшийся на месте русской и немецкой политической, военной, экономической и интеллектуальной, духовной элиты заполнился молниеносно. На долгое время у руля нашей страны в 1920–1930 гг. XX века оказались советские евреи (в центре и на местах), пока их не начали вытеснять государственник И.В. Сталин и сталинисты. То есть, в 1930–40-е годы с легкой (тяжелой) руки тов. Сталина начинается активный рост русской фракции в советской элите, который впоследствии продолжался до самого распада Советского Союза. Горбачёвская «Перестройка» (1985–1991 гг.) и его приход во власть, в результате государственного переворота Бориса Ельцина (1991–2000 гг.), повлекли за собой быстрый реванш евреев в российской политике и экономике. Достаточно вспомнить, что в определённый момент в конце XX века в России эпохи Ельцина семь из девяти его советников были евреями, исключительно еврейские головы определяли экономический курс России. Так, еврей Андрей Козырев творил новую российскую проамериканскую дипломатию (в русле агрессивной политики США по созданию и упрочению «Нового мирового порядка» на планете Земля), а еврей Михаил Швыдкой распоряжался российской культурой, основанной в период его правления на западных «общечеловеческих ценностях» (богоборчество, русофобия, культ секса, половой распущенности, уничтожения традиционной семьи, пропаганда аборт, гомосексуализма и «золотого тельца»).

Е.М. Примаков в своей книге «Встречи на перекрёстках» вспоминает о разговоре, состоявшемся между российским министром Андреем Козыревым и американским политическим деятелем Р. Никсоном. А.В. Козыревым было отмечено, что «Одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком зациклились

на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи, и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен» [3, с. 850].

Г. Зюганов дал такую оценку деятельности Андрея Козырева на посту министра иностранных дел России: «Это позор для России». Вот такие были «патриоты во власти» в эпоху Б. Ельцина. Поразительно, но в конце XX века первая десятка российских олигархов была почти исключительно представлена евреями, а реальную власть в стране осуществляла так называемая «Семибанкирщина»: Владимир Гусинский, Роман Абрамович, Михаил Фридман, Петр Авен, Борис Березовский, Михаил Ходорковский, Альфред Кох, Александр Смоленский – сообщество еврейских финансистов из советской интеллигенции и, увы, все они ментально и цивилизационно принадлежали к российской либеральной элите, точнее к советской контрэлите, одержимой болезнью «европейничанья» (глупое механистическое подражание Западу – без учета нашего культурно-исторического опыта и духовно-нравственной традиции).

Именно недостаточно воспитанное чувство советского патриотизма среди советской интеллигенции вызывало у И.В. Сталина серьезные опасения, когда он размышлял о будущем нашей страны и, неоднозначной роли в этом будущем нашей самостоятельной интеллигенции. Вот что сказал Сталин по этому поводу на встрече в Кремле с писателем Александром Фадеевым и поэтом Константином Симоновым 13 мая 1947 года в присутствии Молотова и Жданова: «Есть такая тема, которая очень важна, которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, то у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя ещё несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Надо бороться с духом самоуничужения у многих наших интеллигентов. Надо уничтожить дух самоуничужения. Надо на эту тему написать произведение. Роман» [4, с. 414].

Драматические события развала СССР изнутри, не без разрушительного участия в этом отечественной интеллигенции, показали, что опасения Сталина были не напрасны. В подтверждение сказанного цитируем выдержки из речи партийного бунтаря и «борца с привилегиями» Президента РФ Б.Н. Ельцина в Конгрессе США от 17 июня 1992 года: «Уважаемый Президент и сенаторы. Уважаемый господин спикер палаты представителей, уважаемые члены Конгресса, дамы и господа. Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас – на нашей земле мы не

дадим ему воскреснуть. Опыт минувших десятилетий научил нас – коммунизм не имеет человеческого облика. Свобода и коммунизм несоместимы». Каково, а?! А закончил Б. Ельцин эту позорную речь в американском Конгрессе проникновенно словами: «Господи, благослови Америку». При таком проамериканском «вожде», лидере нашей страны, как вы понимаете, уважаемый читатель, у ельцинской России в конце XX века будущего не было. И Россия, при Ельцине, стремительно деградировала – в 1992 году инфляция в стране, в результате либерализации цен в России, достигла 2500%! Посмотрим на валовый внутренний продукт России сегодня. Если до начала экономических и политических «реформ» прорабов «Перестройки», Советский Союз был второй экономикой в мире и ВВП СССР составлял 60 % от ВВП США – это пять Китаев, то сейчас ВВП России – 1,7 трлн. долл, 1,94 % от глобального продукта и это одна седьмая Китая! Для справки: ВВП Китая – 14,34 трлн долл, 16,34 % от глобального продукта! Не будем говорить о политике. Но на вопрос наших детей, почему страна наша, имея треть всех мировых минеральных ресурсов, находится по валовому внутреннему продукту (ВВП) на душу населения на 87-м месте в мире, почему живём бедно, проходится отвечать [5, с. 5].

Для понимания узости и ущербности мышления Бориса Ельцина, который явно не обладал способностью заглянуть в будущее, то есть, не обладал стратегическим мышлением, приводим для сравнения с уничижительной речью Ельцина в американском Конгрессе, выдержки из прагматичной и довольно откровенной, в отношении незавидного будущего России, речи Президента США Билла Клинтона, произнесённой на Совещании Объединённого комитета начальников штабов 24 октября 1995 года. Напомним эту значимую для российских граждан цитату Б. Клинтона: «Мы затратили на устранение сильнейших держав мира многие миллиарды долларов и уже сейчас близки к тому, что у русских называется самокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на пятнадцать миллиардов, сотни тонн серебра, золота, драгоценных камней и т.п. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы, свыше двадцати тысяч тонн алюминия, две тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т.д. Многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расширав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке» [6, с. 91]. Сегодня уже очевидно, что СССР в конце XX века был разрушен в результате успешной реализации американцами плана Аллена Даллеса (Директива 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 года) информационно-психологической войны против СССР и решений, заложенных в Резолюции СНБ США № 66 от 29 ноября 1982 года, где Администрацией США уже тогда был чётко взят курс на уничтожение СССР как геополитического конкурента США на мировой арене [7, с. 130, 133].

Таким образом, американцы придавали вопросам идеологической диверсии против России стратегическое значение, наряду с военным.

Причём, всё это было бы невозможно без помощи изнутри страны «пятой колонны» из числа российских «либерал-демократов», входивших в идеологическую, экономическую, военную и дипломатическую элиту нашей страны, ориентированных на Запад также как и «младореформаторы» академика Джермена Михайловича Гвишиани: Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Альфред Кох, Михаил Фридман, Павел Авен, Мих. Ходорковский, Станислав Шаталин и др. В итоге – после развала СССР Россия, которая в советское время называлась Советским Союзом (за границей её так и называли – Советская Россия), если говорить о наших национальных границах, утратила 23,8 % территории, 48,5 % населения, 41 % валового общественного продукта, 39,4 % промышленного потенциала. Обращаем внимание, и утратила почти половину, 44,6 % военного потенциала в связи с разделом Вооружённых сил СССР между бывшими союзными республиками [8, с. 31]. Несмотря на наши многочисленные просьбы и призывы к Администрации США о не расширении НАТО на Восток, «американская машина» заработала во всю мощь – натовский конвейер войны и смерти пошёл (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан, Украина). Сегодня действуют уже система ПРО на Аляске и в Калифорнии. Как результат расширения НАТО на Восток появились два американских района ПРО в Восточной Европе: в Румынии он уже создан, в Польше завершается его развёртывание [9].

Все эти негативные процессы по разрушению СССР изнутри, не без помощи «пятой колонны» из числа: советской партноменклатуры, силовиков КГБ, диссидентов, «теневых цеховиков» и творческой интеллигенции, – были бы невозможны при наличии в нашей стране качественной патриотичной национальной элиты, *ибо судьба нации – это во многом судьба её элиты*. Войну против государства провоцирует не его сила, а его слабость. А Россия сейчас предельно ослаблена её врагами, широко использующими для борьбы с ней криптоармии и тайные операции гибридной войны. И жестокое убийство украинскими националистами молодого, талантливого ученого *Дарьи Дугиной* в центре страны – тому подтверждение. Всё это стало возможным, поскольку нынешняя российская либеральная «элита» – беспочвенна, легковесна и не имеет прочных устоев, в том числе национальных. В этой связи напомним читателю ещё раз известное высказывание русофоба *Збигнева Бжезинского*: «Поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы ещё разберитесь: это ваша элита или уже наша?» А действительно, в условиях сегодняшних экономических санкций Запада российская бизнес-элита, и это: Тимур Турлов, Мих. Фридман, Леонид Михельсон, Алишер Усманов, Алексей Мордашёв, Пётр Авен, Владимир Потанин, Владислав Доронин, Роман Абрамович, Олег Тиньков, Виктор Рашников, Вадим Мошкович, Антон Михальков – это наша элита или как?! По-видимому, скоро узнаем.

Как же стал возможен распад СССР изнутри?

Уже давно не является секретом, что существует прямая связь между многими экономическими, политическими неудачами, замедлением процессов демократизации, издержками государственного строительства и... кризисом духовной культуры. История не раз показывала, что деградация наций и даже гибель государств, как правило, всегда начинались с разложения духовности и основ культурной жизни, коррозии моральных принципов, внедрения в сознание людей ложных идей и подмены ценностей. Именно это и произошло в эпоху Брежнева-Андропова с переродившейся правящей партийной элитой СССР, отказавшейся от «построения социализма в СССР» в угоду интеграции советской системы в буржуазную западную систему на «выгодных для нас условиях», в рамках пресловутой теории «конвергенции», изначально рождённой в умах членов масонского «Римского клуба» – Збигнева Бжезинского, Генри Киссинджера, Дэвида Рокфеллера и подхваченной знаковыми представителями нашей «пятой колонны» советским академиком Джерменом Гвишиани (зам. председателя Государственного комитета по науке и технике СССР), генералом Филиппом Бобковым (с 1983 года зам. главы КГБ СССР), дипломатом Николаем Луньковым, генералом КГБ Олегом Калугиным, директором Московского народного банка в Лондоне Андреем Дубоносковым, генерал-лейтенантом КГБ Евгением Питоврановым, академиком-экономистом Станиславом Шаталиным, экономистом Аркадием Вольским, академиком, экономистом Леонидом Абалкиным – советская контрэлита либерального толка.

Все эти знаковые и влиятельные люди из политической и экономической элиты страны входили в команду Ю.В. Андропова и в 80-х годах XX века активно занимались *разработкой будущих экономических и политических реформ в СССР по трансформации социалистической модели экономики в нэповскую модель государственного капитализма*, которые приняли такую уродливую форму в эпоху Горбачёва – Ельцина (1985–1999 гг.) и привели к гибели СССР. Так, например, новоспечённый Генсек ЦК КПСС Ю.В. Андропов – руководитель СССР в 1982–1984 годах, *собирался кардинальным образом перестроить всё административно-территориальное устройство Союза ССР*, уйти от «национальной федерации» и на месте союзных республик создать иную федерацию по типу американских штатов или западногерманских земель, построенную на базе «численности населения и производственной целесообразности». Также у *Юрия Андропова имелся ещё и проект политической реформы*, который предусматривал реальный «переток» властных полномочий, особенно в хозяйственно-производственной сфере, от партийных структур к Совету Министров СССР и органам советской власти всех уровней. В связи с этим он обдумывал вопрос не только о возможной ликвидации отраслевых отделов ЦК, как это сделал И.В. Сталин ещё в 1946 году, но и о возвращении старой сталинской задумки о проведении альтернативных выборов в Верховный Совет СССР. Ряд ближайших соратников Ю.В. Андропова по КГБ, как то:

В.М. Чебриков, В.В. Шарапов, Е.И. Сеницин и А.Г. Сидоренко, – подтверждают наличие этого плана политических реформ у их шефа [10]. Генерал-полковник КГБ Ф.Д. Бобков, который в январе 1983 года был назначен Ю. Андроповым заместителем главы КГБ СССР, прямо пишет о том, что у его бывшего шефа существовал реальный план экономических реформ на началах «конвергенции» и «интеграции» советской экономики в буржуазную западную систему на «выгодных для нас условиях». Для подобных экспериментов нужны были кадры, воспитанные с иными ценностными установками, чем у большинства советских граждан, поэтому, как уверяет С.В. Кугушев, которого поддержали А.В. Островский, Ф.И. Раззаков и И.И. Смирнов, лично либерал Ю.В. Андропов «решил пойти по пути Ленина, который в 1910-х годах создал во французском городке Лонжюмо партийную школу для подготовки» будущей партэлиты. А так как внутри самой страны никто не мог готовить таких специалистов для «новой рыночной экономики», было решено готовить их за её пределами, «на базе иностранного опыта». С этой целью, по утверждению С.В. Кугушева, под его руководством и была создана первая группа «стажёров», в которую вошло около двадцати человек и это: Анатолий Чубайс, А.Д. Жуков, М.Ю. Зурабов, Петр Авен, Егор Гайдар, П.О. Тимурович, В.И. Данилов-Данильян, Олег Ананьич, Михаил Фридман, Михаил Ходорковский – так называемые «младореформаторы». В роли такого «Лонжюмо» было решено «использовать Международной институт прикладного системного анализа – «МИПСА», а «идеологический контроль» за стажёрами возложить на чекистов, которые в связи с этим были направлены «под крышу» Госстроя СССР и уже оттуда командированы за границу [11]. Сам этот МИПСА был создан в октябре 1972 года по инициативе Римского клуба (Дэвид Рокфеллер, Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский) на базе договорённостей, достигнутых Л.И. Брежневым и Р. Никсоном во время первого визита американского лидера в Москву. Штаб-квартирой этого института стал небольшой городок *Лаксенбург под Веной*, а его создателями – три персоны: член Палаты лордов *Соломон Цукерман*, главный разработчик стратегии ковровых бомбардировок немецких городов, бывший помощник по национальной безопасности президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона *Макджордж Банди* и... заместитель председателя ГКНТ СССР *Джермен Михайлович Гвишиани* (зять А.Н. Косыгина – председателя Совета Министров СССР), который стал первым главой Совета МИПСА. Кстати, в начале 1976 года именно академик Д.М. Гвишиани инициировал создание в Москве филиала МИПСА, известного под названием Всесоюзного научно-исследовательского института системного анализа ГКНТ и АН СССР (ВНИИСИ) [12, с. 637].

По сути, это было первое полуофициальное представительство американского «Совета по внешней политике» – CFR (Council on Foreign Relations) в Москве. И здесь следует отметить, что именно «Совет по внешней политике» – CFR и продвигал «Новый мировой порядок» на планете Земля (в том числе и в СССР) в рамках либеральной глобализации. Именно в Московском Институте

Системных Исследований (директор института акад. Д.М. Гвишиани) вызревали идеи наших либерал-демократов по «управлению мировым сообществом», «перестройке», «гласности» и т.д. Советники и сподвижники «лучшего немца года» Горбачева – Яковлев, Шеварнадзе, Шахназаров и другие – постепенно пропитывались этими разрушительными идеями для советской государственности. В результате сталинская идея «построения социализма в СССР» была «реформаторами» отброшена в пользу лукавой теории «конвергенции». Чем это закончилось – всем известно: Варшавский договор был обрушен, открыв Администрации США новые невиданные доселе просторы для реализации американской идеи «исключительности» [13, с. 43].

Из всего нами вышеизложенного выходит, что истинным отцом «Перестройки» в СССР является Генсек Ю.В. Андропов (1982–1984), и его выдвигенец М.С. Горбачёв – это неумный и тщеславный исполнитель сомнительных либеральных идей Ю. Андропова, окончательно обрушивший СССР в период 1985–1991 гг.

Воистину – нам не дано предугадать, как слово (или дело) наше отзовется (Ф.И. Тютчев). И здесь, с развалом СССР, изнутри, именно тот самый случай, который Гегель назвал «коварством истории».

Ещё раньше, в конце 1950-х годов, в стране количество зарегистрированных кустарных промыслов достигало 150 тысяч, впоследствии эта цифра значительно выросла. Но теневое производство (цеховики) процветало по большей части не в русских областях РСФСР, а в южных республиках и на Кавказе. В 70–80-х годах XX века, – в эпоху торжества в нашей стране лукавой западной теории «конвергенции», – произошла смена типа мышления руководителей советского государства, цивилизационный надлом, ибо теория «конвергенции» предполагала в будущем экономическую интеграцию советской экономики в буржуазную западную систему на выгодных для нас условиях, то есть, сближение и взаимопроникновение капитализма и социализма в СССР. В итоге, если раньше (например, при И.В. Сталине) у руля страны нередко стояли творцы, энтузиасты прогресса, патриоты: Николай Байбаков, Петр Капица, Виктор Глушков, Владимир Челомей, Игорь Курчатов, Мстислав Келдыш, Николай Семёнов, Арсений Зверев, Алексей Косыгин, Авраамий Завенягин, Игорь Курчатов, Алексей Шахурин, Павел Фитин, Павел Судоплатов, Георгий Жуков, Константин Рокоссовский, Михаил Кошкин, Андрей Громыко, Александр Василевский, Дмитрий Устинов, Сергей Королёв и др., то теперь, в 70–80 годах XX века, случилась масштабная деинтеллектуализация советской правящей элиты, ибо на их место в эпоху Андропова – Горбачёва и даже раньше, в эпоху Брежнева, встали политические авантюристы, популисты, финансисты и их обслуга; номенклатурные партаппаратчики, силовики, и учёные-диссиденты из советской контрэлиты, и это: Борис Ельцин, А.Н. Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, Олег Калугин, Леонид Сумароков, Евгений Питовранов, Станислав Шаталин, Джермен Гвишиани, Григорий Явлинский, Георгий

Щедровицкий, Гавриил Попов, Виталий Коротич, Юрий Афанасьев, Александр Бовин и др. Причём и те, и другие, и третьи уже утратили чувство реальности, связь с землёй, и с простым народом. А некоторые из них в дальнейшем, стали, как генерал КГБ Олег Калугин, главный идеолог страны А.Н. Яковлев и академик Д. Гвишиани, на путь откровенного предательства своей родины. После развала СССР, подготовленного М.С. Горбачёвым, Георгием Щедровицким, Филиппом Бобковым, Александром Бовиным, Джерменом Гвишиани, А.Н. Яковлевым, Виталием Коротичем, Э.Шеварднадзе, Станиславом Шаталиным, Евгением Питоврановым, в 1991–1993 годах, когда свершилась буржуазно-демократическая революция и капитализм вновь обрёл все права на территории нашей страны, стартовые преимущества оказались отнюдь не у русских, а у их южных сограждан, скопивших состояния на «цеховой» и сельскохозяйственной продукции и/или создавших этнические ОПГ. А также, у евреев, получивших колоссальную фору за счёт зарубежных родственников и друзей, обеспечивших их консультациями, деловыми связями, товарными и банковскими кредитами, готовыми бизнес-схемами [14, с. 490]. Эта новая ельцинская бизнес-элита из политически несамостоятельной советской интеллигенции и советского «номенклатурного дворянства», генетически лишённая корней, оказалась непатриотичной в своей массе. Не говоря уже о нерусских её представителях (Борис Березовский, Пётр Авен, Георгий Щедровицкий, Михаил Фридман и др.), для которых интересы русских не могли ничего не значить в принципе, но и «новые русские» без зазрения совести сегодня норовят распродать подороже доставшееся им почти даром народное богатство, и затем вывозят капиталы из России, а не вкладывают деньги в её развитие; а своих детей отправляют учиться за рубежом с расчётом там и пристроить их на будущее. Представить себе в массовом виде подобный алгоритм поведения правящей элиты в дореволюционной России невозможно. К слову сказать, в России не было своего «третьего сословия», породившего европейскую буржуазную элиту. Роль этого сословия у нас до революции 1917 года сыграла отечественная интеллигенция из разночинцев. Потом была советская творческая интеллигенция, и «номенклатурное дворянство», а наша современная интеллигенция начала XXI века в лучшем случае была всего лишь второго – третьего поколения, советской выделки, не потомственно-преемственная. В её составе, налицо, имело место засилье нерусского элемента; русское элитарное национальное сознание ей никто никогда даже не пытался привить в эпоху советских партийных интернационалистов Н. Хрущёва, Л. Брежнева и Ю. Андропова, не говоря уже о приснопамятной эпохе «Перестройки» Горбачёва-Ельцина, а прививали, напротив, интернационализм, западничество (в том числе, в виде марксизма и либерализма) и эгалитаризм. А хуже всего то, что русских людей поколениями воспитывали в ненависти к «царскому режиму», по существу – к исторической России, которой мы, вообще-то говоря, всем обязаны, как своей матери. Таким образом, те, кто сегодня с грехом пополам мог бы претендовать на роль

отечественной элиты, – либо не элита, либо не русские, либо русские, но без корней. И здесь, следует отметить, один социальный феномен, характерный только для России – отчуждённость общества от власти, что является традиционной чертой отечественной политической культуры. Опасно, не только само наличие дистанции между властью и обществом, но и разнонаправленность векторов интересов «верхов» и «низов», хотя в нормальной ситуации политическая элита и граждане должны смотреть в одну сторону – и с точки зрения их личных интересов, и с точки зрения их восприятия интересов государства.

Прежняя, дореволюционная русская элита (дворяне, церковники, предприниматели, интеллигенция, кулаки, казаки), складываясь и вызревая тысячу лет, представляла собой мощный концентрат истории и духа, была по всем физическим и умственно-нравственным корням глубоко русской, имела уровень жизни выше среднего и держала в руках бразды правления обществом. А значительная часть нынешней прозападной «элиты» – беспочвенна, легковесна. И, увы, не имеет прочных устоев, в том числе национальных (русский клан патриотов России Суриковых-Михалковых здесь, как бы, не в счёт). Действительно, основная причина, по которой русский народ потерпел, в виде краха Советского Союза, очередное тяжелейшее историческое поражение, состояла в отсутствии у него подлинной национальной элиты, способной понимать, выражать и самоотверженно защищать его этнические интересы. Увы, но национальная, аристократическая элита России (императорская гвардия) была буквально преднамеренно выбита на полях сражений с германцами в Первую Мировую войну, особенно в бездарной битве на реке Стоход (1916 год), из-за предательства Верховного главнокомандующего М.В. Алексева [14, с. 394]. Потом уже большевики, руководствуясь классовым принципом, безжалостно уничтожали русскую элиту в период гражданской войны 1918–1921 гг. Более того, весь советский период партийные вожди-интернационалисты (Никита Хрущёв, Леонид Брежнев и Юрий Андропов) постоянно унижали русскую элиту, борясь с мнимым «русским Великороссовым шовинизмом», которого отродясь никогда не замечалось в русском народе, а фактически наши партийные интернационалисты боролись с русским народом. Поэтому такой качественной элиты у русских, как была ранее, нет и до сих пор. В нашей статье, наряду с понятием «интеллигенция» красной нитью постоянно проходит понятие «элиты», ибо в нашей стране эти два понятия взаимосвязаны, поскольку роль национальной элиты в России XIX–XX веков сыграла отечественная интеллигенция. В начале статьи (в первой её части) мы подробно остановились на расшифровке понятия «интеллигенция», теперь настал черёд дать определение понятия «элита». Первым термин «элита» ввёл в политологию и социологию итальянский мыслитель Вильфредо Парето (1848–1923). Элита, по Парето, – это совокупность лиц, имеющих наивысшие индексы в своих профессиональных сферах деятельности. Понятно, если мы говорим об элите безотносительно к её национальной

принадлежности (например, о мировой футбольной или шахматной элите), то можно ограничиться и таким определением. Но если мы говорим об элите народа, нации, то в силу биологической природы этих феноменов, нам не обойтись без биосоциального подхода. Вообще-то термин элита ведёт своё происхождение (от фр. *Elite* – лучшее, отборное) неотъемлемая и важная часть любого социума, залог стабильности, общества и государства. Поэтому, в нашем понимании «элита в социологии – это биосоциальная, пассионарная квинтэссенция (экстракт) нации, состоящая из наиболее талантливых, системно образованных и состоявшихся в личном профессиональном и общественном плане её выдающихся представителей, обладающая интеллектуальным превосходством, уровнем внутренней свободы недоступным для большинства, ярко выраженным национальным самосознанием, ответственностью и глубоко осозанным чувством патриотизма, а также несгибаемой волей, готовностью к самопожертвованию во имя свободы и независимости Отечества» (авт.).

Продолжая тему элиты, следует заметить, что понятие «элита» относится, прежде всего, к творческому меньшинству индивидов, предназначенному служить коллективу общественно полезным путём. Элиты – это эффективные и ответственные меньшинства. *Способен пожертвовать собой ради своего народа – значит элита, не способен – значит не элита, а псевдоэлита*, сколько бы ты ни набрал себе власти и имущества, как бы высоко ни вознёсся и чтобы о себе ни думал. Элита бывает: духовная, политическая, военная, экономическая, дипломатическая, интеллектуальная (научная), творческая и т.д. Говоря об отечественной элите уместно вспомнить о самодержавной эпохе Романовых, поскольку в царской России XIX века была своя потомственная национальная элита, генетический цвет русской нации. К сожалению, революция не только уничтожила тысячелетний биологический, генетический цвет русской нации, но и прервала, уничтожив условия, важнейший процесс социальной «возгонки» народа, его непрерывной селекции. Об этом ярко написано в воспоминаниях русского монархиста *Василия Витальевича Шульгина*. Современная элита всё никак не может стать настоящей русской национальной элитой, ни социально, ни политически, ни нравственно. Не дотягивает до этой высокой планки. Людей, подобных тем же героям Отечественной войны 1812 года или декабристам, мы в её среде почти не обнаруживаем.

Что же нужно, чтобы перековать современный российский политический класс и верхушку новой буржуазии в русскую элиту хотя бы дореволюционного образца? По мнению русского интеллигента, главного научного сотрудника Московского гуманитарного университета, кандидата филологических наук *Александра Никитича Севастьянова* (автора ой книги «Апология дворянства. Русская элита в катастрофах XX в.») необходимо:

– *Во-первых*, всё-таки национальная элита должна быть национальной. Она должна быть

плотью от плоти элитой своего народа. Иначе это уже не его элита. Если бы современная российская элита вся была не русская по крови, это, знало бы просто, что у русских нет и не будет своей элиты. К счастью, это не так. Так в журнале «Форбс» за 2012 год мы находим 124 русские фамилии в списке из двухсот человек: чуть более 60 %. Налицо рост русской национальной фракции в общем составе бизнес-элиты за десять последних лет – с 50 до 62 %. Аналогичный процесс сегодня происходит и в управленческой среде.

– *Во-вторых*, национальная элита должна быть националистична. Не просто патриотична (хотя и до этого в массе ещё пока далеко), а именно националистична. Она должна любить свой народ, из которого произошла, заботиться о своём народе, думать о нём. Представитель национальной элиты не может рано или поздно не осознать, что национальная солидарность представляет ни с чем не сравнимый ресурс в конкурентной борьбе с представителями других народов и стран.

Возьмите представителя английской элиты на протяжении последних двухсот лет – это английский националист, а именно: Антони Иден, Редьярд Киплинг, Уильям Питт, Томас Эдвард Лоуренс, Бенджамин Дизраэли, Генри Пальмерстон, Джордж Гамильтон – Гордон, Дэвид Ллойд Джордж, Уинстон Черчилль, Маргарэт Тетчер и др. Возьмите представителя еврейской элиты: это обязательно еврейский националист – Теодор Герцль, Голда Мееир-Мабович, В.Е. Жаботинский, Моше Даян, Менахем Бегин, Ицхак Рабин, Ариэль Шарон, Дэвид Бен-Гурион, Дэвид Бехкэм, Яков Кедми и др. Возьмите представителя казахской элиты: это казахский националист – Нурсултан Назарбаев, Тимир Килибаев, Касым-Жомарт Токаев и др. Или, к примеру, взять представителей русской дореволюционной элиты XVIII–XX вв. – это русские националисты: Гавриил Державин, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Григорий Потемкин, братья Григорий и Алексей Орловы, Матвей Платов, Алексей Ермолов, Михаил Катков, Федор Тютчев, Константин Леонтьев, Федор Достоевский, Константин Победоносцев, Иван Ильин, Георгий Жуков, Сергей Королёв, Сергей Есенин и др.

Это не случайность, а закономерность. *Естественный национализм – любовь к своему народу, забота о нём – это свойство настоящих элит*. При этом необходимо понимать различие между гипотетической русской элитой и реальным русским чиновничеством. У русских чиновников, увы, не развито национальное самосознание. Но ситуация не безнадежная, она поддается коррекции.

– *В-третьих*, в национальной элите должна действовать нравственная выбраковка, должны действовать суды чести, должен действовать кодекс чести, грубое нарушение которого влечёт к ostrакизму, к изгойству. Стать нерукотопжатым в дореволюционной России не хотел бы никто, этого боялись. А в сегодняшней России всё со всех – как с гуся вода. Кто из нынешних коррумпированных чиновников покончил с собой из-за

нравственного урона? Да никто. Поэтому, элита должна быть высоко- нравственной, что невозможно без ответственности, что и даёт ей право на элитный статус.

– *В-четвёртых*, у настоящей элиты должно быть чувство настоящего хозяина, который заботится о своём хозяйстве. Настоящий патриотизм, настоящий национализм – это патриотизм и национализм истинного хозяина страны. Если мы посмотрим на нынешнюю «элиту» России, то вот как раз этого – заботы о своей стране и о своём народе – мы и не увидим. Это объяснимо. Эти люди – скорехваты, говоря словами Солженицына: ненастоящие хозяева, не природные хозяева, они не выросли в итоге вековой селекции. Они не являются биосоциальной элитой. Такой, какой являлась элита дореволюционная. Естественная селекция происходила тогда во всех высших сословиях, взрощённых столетиями. А сегодня такой системы естественной селекции нет, в российскую элиту часто попадают случайные люди. И таких случайных людей в России, которые как бизнесмен О.Ю. Тиньков, актер и телеведущий Максим Галкин, актриса Чулпан Хаматова или журналист МГУ Иван Засурский стали «элитой по случаю», больше миллиона. Для них Россия – это просто штамп в паспорте и территория, с которой «надо валить», что они и сделали, испугавшись начала нашей специальной военной операции по денацификации и демилитаризации националистической, бандеровской Украины.

Их элитарное и историческое самосознание ещё незрелое, в лучшем случае зачаточное. А между тем российскому дому нужен хозяин. А то Родина-мать у нас вроде бы есть, а вот отца явно не хватает. Поэтому наши умственные усилия и энергию созидания нужно направить на создание в России подлинной национальной элиты, без которой нам не выжить в эпоху агрессивного «Нового мирового порядка» Клауса Шваба и Джорджа Сороса.

– *В-пятых*. Можем ли мы, говоря о русской элите, её воссоздании, ограничиваться лишь судьбой нашего политического класса и бизнес-элиты, забывая о духовной элите нации? Нет, конечно. Это было бы даже как-то не по-русски. Напомним, что к духовной элите России в XX–XXI века относятся: Патриарх Тихон, Иван Павлов, Патриарх Кирилл, Митрополит Тихон (Шевкунов), Архиепископ Лука (в миру В.Ф. Войно-Ясенецкий), Лев Николаевич Толстой, Сергей Аполлинариевич Герасимов, Сергей Бондарчук, Георгий Жжёнов, Вячеслав Тихонов, С.П. Королёв, Алексей Баталов, Михаил Калатозов, Михаил Кошкин, Павел Фитин, Дмитрий Шостакович, Михаил Булгаков, Сергей Прокофьев, Георгий Свиридов, Александр Проханов, Наталья Нарочницкая, Маргарита Симоньян, Сергей Глазьев, Николай

Литература:

1. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания / Сост. Т.Ф. Прокопов. М., 2001. 71 с.

Стариков, Сергей Кургинян, Андрей Фурсов, Никита Михалков, Александр Дугин, историк Феликс Разумовский, протоирей Андрей Ткачёв, генерал Андрей Картополов, и др.

– *В-шестых*. Элита должна быть творческой. Она должна искать и находить ответы на актуальные вызовы, стоящие перед обществом и национальной культурой. Нельзя не дооценивать посредственность в элите, элита должна быть пассивной.

– И наконец, *в-седьмых*. Элита является реальным общественным средством контроля за действиями власти. Она – тот «нерв», который начинает болеть, когда людям приходится тяжело, а страна сходит с рельсов цивилизационного развития [15, с. 136]. Что касается российской интеллигенции, претендующей быть элитой нашей страны, то интеллигенция сегодня – по мнению д-р. юрид. наук, канд. ист. наук. *Владимира Авдашевича Каламанова – в большей степени превращается в инертное реакционное наследие прошлого. Для того чтобы не утратить окончательно доверие и общества, и власти, «постинтеллигенция» должна преодолеть свой важный и очень опасный недостаток – безответственность.*

И тут уместно завершить нашу статью цитатой, взятой у русского философа и богослова о. Павла Флоренского: «Творческая личность не делается, никакие старания искусственно создать её воспитанием и образованием не приводят к успеху, и мечтать о массовых выводах творцов культуры, значит впасть в утопию. Задача трезвого государственного деятеля – бережно сохранять немного, что есть на самом деле, не рассчитывая на волшебные замки в будущем. Творческая личность – явление редкое, штучное, своего рода радиус человечества, и выискивать её надо по крупицам. Государственная власть должна вырабатывать аппарат для вылавливания таких крупинок из общей массы населения» [16, с. 505, 506, 507]. Сегодня на полях сражений российской армии с нацистскими батальонами «Азов» и «Айдар» на Украине рождается новая русская национальная элита Победы. И пока она не сформируется, не вызреет в нашей стране, нам не победить западного левиафана, мечтающего о мировом господстве. «Россия, встань и возвышайся! Твой час великий настает и пусть коварная Европа как при царях – в приёмных ждёт».

Мы, русские и православные, после спецоперации по денацификации и демилитаризации Украины предлагаем человечеству самую высшую свободу – метафизическую. Не в силе Бог, а в Правде! Так победим! [17, с. 60–69].

Literature:

1. Secret ruler of Russia: K.P. Pobedonostsev and his correspondents. Letters and notes. 1866–1895. Articles. Essays. Memories / Comp. T.F. Prokopov. M., 2001. 71 p.

2. *Севостьянов А.Н.* Апология Дворянства. Русская элита в катастрофах XX века. М. : Вече; Наше Завтра, 2021. С. 458.
3. *Примаков Е.М.* Встречи на перекрестках. М., 2015. 850 с.
4. Двести встреч со Сталиным / Павел Журавлёв. М., 2022. 414 с.
5. *Георгий Малинецкий.* Реанимация. Газета «Завтра», сентябрь, 2022. № 35(1496). С. 5.
6. *Грачёва Т.В.* Память русской души. Рязань : «Зёрна», 2011. 91 с.
7. *Любецкий Н.П.* Социальное здоровье. Массовый спорт как фактор социализации российской молодежи / Н.П. Любецкий, А.А. Князев. Ростов-н/Д. С. 130, 133.
8. *Георгий Малинецкий.* Российский императив – от прошлого к будущему. Журнал «Изборский клуб». 2022. № 1(99). С. 31.
9. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.03.2018 г. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>
10. *Цурканов Г.А.* Последние откровения бывшего главы КГБ В.М. Чебрикова / Г.А. Цурканов // Courier.ru.06.01.2001; *Бондаренко А.В.* Генсек из КГБ. Интервью с Ф.Д. Бобковым и В.В. Шароповым / А.В. Бондаренко // Красная звезда. 12.11.2002; *Синицин И.Е.* Андропов вблизи. М., 2015; *Сидоренко А.Г.* Таким мы знаем Ю.В. Андропова / А.Г. Сидоренко // Команда Андропова. М., 2005.
11. *Кугушев В.С.* Лонжюмо имени Андропова / В.С. Кугушев // Стрингер. 12.02.2002; *Островский А.В.* Кто поставил Горбачёва? М., 2010; *Смирнов И.И.* Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М., 2020.
12. *Спицын Е.Ю.* Политбюро и Секретариат ЦК в 1945-1985 гг.: Люди и власть. М. : Концептуал, 2022. 637 с.
13. *Дугин А.Г.* Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Вып. IV, 2010. С. 43.
14. *Севостьянов А.Н.* Апология Дворянства. Русская элита в катастрофах XX века. М. : Вече; Наше Завтра, 2021. С. 394–490.
15. *Каламанов В.А.* О власти: к политической философии государства и общества. М. : Изд. ЛЕНАНД, 2018. С. 136.
16. *Севостьянов А.Н.* Апология Дворянства. Русская элита в катастрофах XX века. М. : Вече; Наше Завтра, 2021. С. 505, 506, 507.
17. Отечественная интеллигенция как фактор нестабильности российской государственности / Н.П. Любецкий // Всероссийский научный журнал: Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. Ч. 1. № 2. С. 60–69.
2. *Sevostyanov A.N.* Apology of the nobility. Russian elite in the catastrophes of the XX century. M. : Veche; Our Tomorrow, 2021. P. 458.
3. *Primakov E.M.* Meeting at the crossroads. M., 2015. 850 p.
4. Two hundred meetings with Stalin / Pavel Zhuravlev. M., 2022. 414 p.
5. *Georgy Malinetsky.* Resuscitation. Newspaper «Tomorrow», September. 2022. № 35(1496). P. 5.
6. *Gracheva T.V.* Memory of the Russian soul. Rязан : «Grains», 2011. 91 p.
7. *Lyubetsky N.P.* Social health. Mass sports as a factor in the socialization of Russian youth / N.P. Lyubetsky, A.A. Knyazev. Rostov-on/D. P. 130, 133.
8. *Georgy Malinetsky.* Russian imperative – from the past to the future. Magazine «Izborsky club». 2022. № 1(99). P. 31.
9. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of March 01, 2018. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>
10. *Tsurkanov G.A.* The last revelations of the former head of the KGB V.M. Chebrikova / G.A. Tsurkanov // Courier.ru.06.01.2001; *Bondarenko A.V.* Secretary General of the KGB. Interview with F.D. Bobkov and V.V. Sharapov // Red Star. 11/12/2002; *Sinitsin I.E.* Andropov near. M., 2015; *Sidorenko A.G.* This is how we know Yu.V. Andropov // Andropov's team. M., 2005.
11. *Kugushev V.S.* Andropov Longjumeau / V.S. Kugushev // Stringer. 02/12/2002; *Ostrovsky A.V.* Who appointed Gorbachev? M., 2010; *Smirnov I.I.* Paths of history. Cryptanalyst of deep power. M., 2020.
12. *Spitsyn E.Yu.* Politburo and Secretariat of the Central Committee in 1945–1985: People and power. M. : Conceptual, 2022. 637 p.
13. *Dugin A.G.* Geopolitics. Information and analytical edition. 2010. Iss. IV. P. 43.
14. *Sevostyanov A.N.* Apology of the nobility. Russian elite in the catastrophes of the XX century. M. : Veche; Our Tomorrow, 2021. P. 394–490.
15. *Kalamanov V.A.* On power: to the political philosophy of the state and society. M. : Ed. LENAND, 2018. P. 136.
16. *Sevostyanov A.N.* Apology of the nobility. Russian elite in the catastrophes of the XX century. M. : Veche; Our Tomorrow, 2021. P. 505, 506, 507.
17. Domestic intelligentsia as a factor in the instability of Russian statehood / N.P. Lyubetsky // All-Russian scientific journal: Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Culturology. Political sciences. 2022. Part 1. № 2. P. 60–69.

Макеева Елена Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
elenamea82@yandex.ru

Макеева Инна Александровна

учитель иностранных языков,
МБОУ гимназия «САН», г. Пенза
innamia88@yandex.ru

Громова Кристина Александровна

студентка первого курса магистратуры,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
pguas.kr.gromova@bk.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКИХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ В СИСТЕМЕ
УСПЕШНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ**

■ ■ ■

Аннотация. Современная молодёжная политика связана с развитием новых форм организации мероприятий. Статья посвящена анализу деятельности Волонтерского центра Пензенского государственного университета архитектуры и строительства и его роли в успешной социальной адаптации школьников. Особое внимание в статье уделено анализу системы взаимодействия студентов университета с обучающимися школ и вовлечение школьников совместно со студентами в социальную, творческую, проектную, исследовательскую деятельность.

Ключевые слова: социальная адаптация, молодёжная политика, добровольческая деятельность, наставничество.

■ ■ ■

Современная молодёжная политика связана с развитием новых форм организации мероприятий. Активисты Волонтерского центра Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (далее, ПГУАС) при поддержке Федерального агентства по делам молодежи реализуют проекты, направленные на успешную социальную адаптацию обучающихся школ и вовлечение школьников совместно со студенческими объединениями в социальную, творческую, проектную, исследовательскую деятельность.

Одним из ведущих направлений молодёжной политики является вовлечение подрастающего поколения в мероприятия, посвященные культурно-историческому наследию, популяризации

Elena A. Makeeva

Candidate of Historic Science,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy,
Penza State University
of Architecture and Construction
elenamea82@yandex.ru

Inna A. Makeeva

Teacher of Foreign Languages,
MBOU Gymnasium «SAN», Penza
innamia88@yandex.ru

Kristina A. Gromova

First-year Graduate Student,
Penza State University
of Architecture and Construction
pguas.kr.gromova@bk.ru

**STUDENT ASSOCIATIONS' ACTIVITIES
IN THE SYSTEM OF SUCCESSFUL SOCIAL
ADAPTATION OF SCHOOLCHILDREN**

■ ■ ■

Annotation. Modern youth policy is associated with the development of new forms of organizing events. The article is devoted to the analysis of the activities of Penza State University of Architecture and Construction Volunteer Centre and its role in successful social adaptation of schoolchildren. In the article special attention is given to the analysis of the cooperation system of university students and schoolchildren and their involving in social, creative, project and research activities.

Keywords: social adaptation, youth policy, voluntary activity, mentoring.

■ ■ ■

молодежного туризма. Развитие молодёжного туризма предполагает необходимость ориентироваться на ценности и предпочтения подрастающего поколения [1]. Следует отметить, что для современных молодых людей важно активное участие в событиях, а не пассивное восприятие информации посредством посещения экскурсии и осмотра экспонатов в музеях. Волонтеры ПГУАС провели социологический опрос среди обучающихся школ, который показал, что у 47 % опрошенных уже сформировано равнодушие к культурно-просветительским мероприятиям именно в силу их шаблонности. Необходимо разрабатывать новые активные формы молодёжного туризма культурно-познавательной, патриотической, экологической, спортивно-оздоровительной направленности.

Проект волонтеров ПГУАС «Культурное волонтерство: маршрутами добра» познакомил сто школьников Пензенской области с деятельностью культурного добровольчества, обучающиеся школ были вовлечены в мероприятия, посвященные историческому и культурному наследию Пензенского края, приняли участие в творческих мастер-классах, фестивалях, тематических диалоговых площадках и разработке туристических маршрутов, узнали о проектах в области развития культурного добровольчества.

Особое внимание в организации работы с подрастающим поколением уделяется популяризации здорового образа жизни. По данным УНК УМВД России по Пензенской области в 2021 году на профилактический учет было поставлено 1163 несовершеннолетних, что на 4 % больше, чем в 2020 году. Для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, необходимо разрабатывать и внедрять новые эффективные технологии профилактики наркомании и правонарушений, исходящие от самой молодежи. Одной из форм такого взаимодействия стало добровольческое движение среди школьников по популяризации здорового образа жизни.

Проект волонтеров ПГУАС «Добровольческое профилактическое движение Пензенской области «Здоровая инициатива» расширил у обучающихся школ Пензенской области знания о волонтерской деятельности и роли волонтерского движения в популяризации здорового образа жизни и профилактике наркомании и правонарушений. Для школьников была организована Школа волонтера, по результатам проведения которой у двухсот обучающихся школ были сформированы навыки волонтерской профилактической деятельности. В десяти школах были созданы волонтерские движения профилактической направленности. Студенты ПГУАС совместно со школьниками проводят для молодежи Пензенской области социально значимые мероприятия по формированию навыков здорового образа жизни.

По результатам реализации проектов, в школах развиваются добровольческие движения. После реализации данных проектов студенты ПГУАС проводят совместно с обучающимися школ мероприятия по популяризации волонтерского движения и организовывают мероприятия по различным направлениям добровольческой деятельности. По данным администраций школ количество обучающихся, принимающих участие в социально значимых мероприятиях возросло в два раза, в классах, где обучаются активисты добровольческого движения, повысилась успеваемость, улучшилась дисциплина [2].

На совещании 01 июля 2022 года с представителями образовательных организаций высшего образования советник руководителя Федерального агентства по делам молодежи Мадлен Батурина отметила, что по данным социологических опросов более 80 % школьников имеют сложности с определением профессии, выбирают вуз в шаговой доступности или по рекомендации родителей. Также, Мадлен Батурина отметила, что при

реализации молодежной политики необходимо обратить особое внимание на создание оптимальных условий, которые будут способствовать осознанному выбору школьниками своей профессии, способствовать интеграции школьников в студенческую среду.

Неосознанный выбор вуза снижает у студентов первого курса мотивацию к активной самореализации в студенческой жизни. Так, по данным опроса, проведенного Центром социально-психологической помощи ПГУАС среди студентов первого курса, 92 % опрошенных испытывали трудности в адаптации к студенческой жизни, самоопределении и выборе студенческого объединения по направлениям деятельности.

На сегодняшний день добровольцы ПГУАС реализуют проект «Программа наставничества студенческими объединениями обучающихся школ Пензенской области «Открытое пространство».

Проект направлен на создание долгосрочной системы взаимодействия вуза и школ через реализацию программы наставничества студенческими объединениями обучающихся школ.

Проект «Программа наставничества студенческими объединениями обучающихся школ Пензенской области «Открытое пространство» включает:

- информирование школьников о студенческих объединениях и их направлениях деятельности;
- формирование у двухсот школьников надпрофессиональных навыков, профессиональной ориентации через проведение образовательной площадки, в рамках которой будут организованы мастерские научно-технического творчества (робототехника, увлекательная физика и технологии), тренинги по командообразованию, обучение социальному проектированию, навыкам добровольческой деятельности, мастер-классы по организации и проведению мероприятий, диалоговая площадка о молодежных форумах и конкурсах;
- привлечение школьников к социально значимой деятельности через организацию студенческими объединениями системы наставничества и проведение интерактивных площадок, социальных акций, научно-технических форумов, творческих фестивалей.

Проект будет способствовать успешной социальной адаптации и самоопределению обучающихся школ при поступлении в университет. Двести школьников Пензенской области познакомятся с деятельностью студенческих объединений, приобретут знания в области научно-технического творчества, рисунка и живописи, командообразования, социального проектирования. Студенты станут наставниками обучающихся школ и совместно со школьниками будут проводить социально значимые мероприятия; будет развиваться система взаимодействия вуза и школ в области совместной реализации внеучебной деятельности.

Литература:

1. *Макеева Е.А.* Образовательные форумы и фестивали как форма социальной активности молодежи / Е.А. Макеева, И.А. Макеева, Е.В. Логинова // Гуманитарные. Социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 36–39.

2. *Макеева Е.А.* Проектная деятельность как способ социализации и адаптации молодежи к социально-экономическим условиям развития общества / Е.А. Макеева, И.А. Макеева, Е.В. Логинова // Гуманитарные. Социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 41–44.

Literature:

1. *Makeeva E.A.* Educational forums and festivals as a way of youths social activity / E.A. Makeeva, I.A. Makeeva, E.V. Loginova // Human Sciences. Socio-economic and Social Sciences. 2018. № 8. P. 36–39.

2. *Makeeva E.A.* Project Activities as a Way of Youths Socialization and Adaptation to the Social and Economic Conditions of the Society // E.A. Makeeva, I.A. Makeeva, E.V. Loginova // Human Sciences. Socio-economic and Social Sciences. 2018. № 8. P. 41–44.

Орлова София Юрьевна

соискатель кафедры философии и социально-политических технологий, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
vrach315@yandex.ru

Sofia Yu. Orlova

Candidate of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies, Russian State University Oil and Gas (NRU) named after I.M. Gubkin
vrach315@yandex.ru

**Роль средств
массовой информации
в формировании доверия
к вакцинопрофилактике
в условиях пандемии COVID-19**

**THE ROLE OF MASS MEDIA
IN THE FORMATION OF CONFIDENCE IN
VACCINE PREVENTION IN THE CONTEXT
OF THE COVID-19 PANDEMIC**

Аннотация. Основой профилактики COVID-19 является вакцинация. Население из-за недоверия к вакцинам не готово к массовой иммунизации. В формировании доверия значимым фактором является информированность. Проведенное анкетирование 875 человек выявило высокую роль средств массовой информации в формирование доверия к вакцинации. Для лиц 18–30 лет основным источником информации является сеть интернет, для лиц старше 60 лет – телевидение, радио, пресса. Молодая аудитория с большим интересом и доверием относится к негативной информации о вакцинации. Необходимо, в целях пропаганды вакцинации, переориентировать средства массовой информации с учетом возрастной категории аудитории.

Annotation. The basis of COVID-19 prevention is vaccination. The population is not ready for mass immunization due to distrust of vaccines. Awareness is a significant factor in the formation of trust. The survey of 875 people revealed the high role of the media in the formation of confidence in vaccination. For people aged 18–30, the main source of information is the Internet, for people over 60 – television, radio, and the press. The young audience has a great interest and trust in the negative information about vaccination in the media. The data obtained indicate the need to reorient the media in order to promote vaccination, taking into account the age category of the audience.

Ключевые слова: COVID-19, средства массовой информации, сеть интернет, доверие к вакцинам, возрастные категории.

Keywords: COVID-19, mass media, Internet, trust in vaccines, age categories.

Введение.
Вирусные заболевания верхних дыхательных путей, включая грипп, являются наиболее распространенными и социально значимыми, приводя к высокому уровню временной нетрудоспособности [1]. Наиболее эффективными мерами борьбы с инфекцией является вакцинация [2; 3]. Однако еще до пандемии COVID-19 показатели вакцинации против гриппа были недостаточными в связи с отказом части населения вакцинироваться [4]. Основными причинами отказа являлись недоверие к защитным свойствам вакцин, страх осложнений и надежда в борьбе с инфекцией на собственный иммунитет [5]. Вакцину против COVID-19 во всех странах также приняли неоднозначно. К существующим негативным опасениям против вакцин добавилось недоверие к ним в связи с сокращенными сроками клинических исследований по их эффективности и безопасности. Несмотря на риски тяжелого течения COVID-19, часть населения активно выражала протесты в социальных сетях и в массовых выступлениях против вакци-

нопрофилактики, мер социального дистанцирования, перевода на удаленную работу/учебу [6, 7].

Теоретическим основанием исследования является концепция культурологической теории доверия П. Штомпки и проспективной теории А. Тверски и Д. Канемана [8; 9]. В условиях неопределенности значимым фактором принятия решения становится доверие, которое основывается на личном или наблюдательном опыте и информированности. В современных реалиях ведущая роль в формировании доверия населения к вакцинопрофилактике отводится средствам массовой информации (СМИ) [10].

Целью исследования явилась оценка влияния СМИ на доверие населения к вакцинопрофилактике в период пандемии COVID-19.

Методы исследования.

Проведено анкетирование среди 875 человек. Вопросы анкеты включали демографические данные, а также отношение к вакцинации против

COVID-19 и к СМИ. Статистическая обработка данных выполнена с использованием пакетов прикладных программ Statistica 10 и SAS JMP 11. Проведено прогнозирование с применением метода деревьев с оценкой AuROC.

Результаты исследования.

Анализ полученных результатов показал различия, обусловленные возрастом, в предпочтениях СМИ. Телевизор в возрасте 18–30 лет смотрят 13,5 % из них 75,3 % считают, что телевидение негативно влияет на психологическое состояние. После 60 лет телевизор смотрят 70,4 %, а негативно оценивают 59,2 % ($p < 0,0001$). С возрастом увеличивается доверие к положительной информации по телевидению о вакцинопрофилактике с 5 % до 20 % ($p < 0,0001$). После 60 лет предпочитают центральные каналы, в молодом возрасте в 2 раза чаще смотрят канал РБК и Euronews live. Радио после 60 лет слушают в 6 раз чаще, чем в молодом возрасте. После 60 лет из прессы предпочитают «Аргументы и факты», «Российскую газету» и «Комсомольскую правду». Читателями «Новой газеты» ,чаще всего, являются люди в возрасте 40–50 лет. Молодая аудитория доверяет

информации в сети интернет на 50–80 %, пожилые люди доверяют на 8 %. Из опрошенных 15–17 % специально интересуются информацией с сайтов противников вакцинации. Опрос показал, что аккаунты и блоги наиболее активно используют люди 30–40 лет. Степень доверия негативной информации о вакцинах в сети интернет был выше среди более молодой аудитории, чем среди лиц старшей возрастной категории. Оценка сети интернет, проведенная О.Б. Хорева и Е.А. Тарасенко, показало неоднозначную тональность подачи материала о вакцинации против COVID-19, что, по их мнению, требует пересмотр информационной политики онлайн ресурсов [11].

Оценивая модель диаграммы дерева-решений для показателя «Не планирует вакцинироваться», мы видим, что на первом уровне, если у индивида преобладает страх осложнений вакцинации, то вероятность не вакцинироваться составляет 48,2 %, если преобладает страх инфицирования COVID-19, то вероятность не вакцинироваться снижается до 8,6 %. Значимым фактором в пользу вакцинации является приказ руководства (рис. 1).

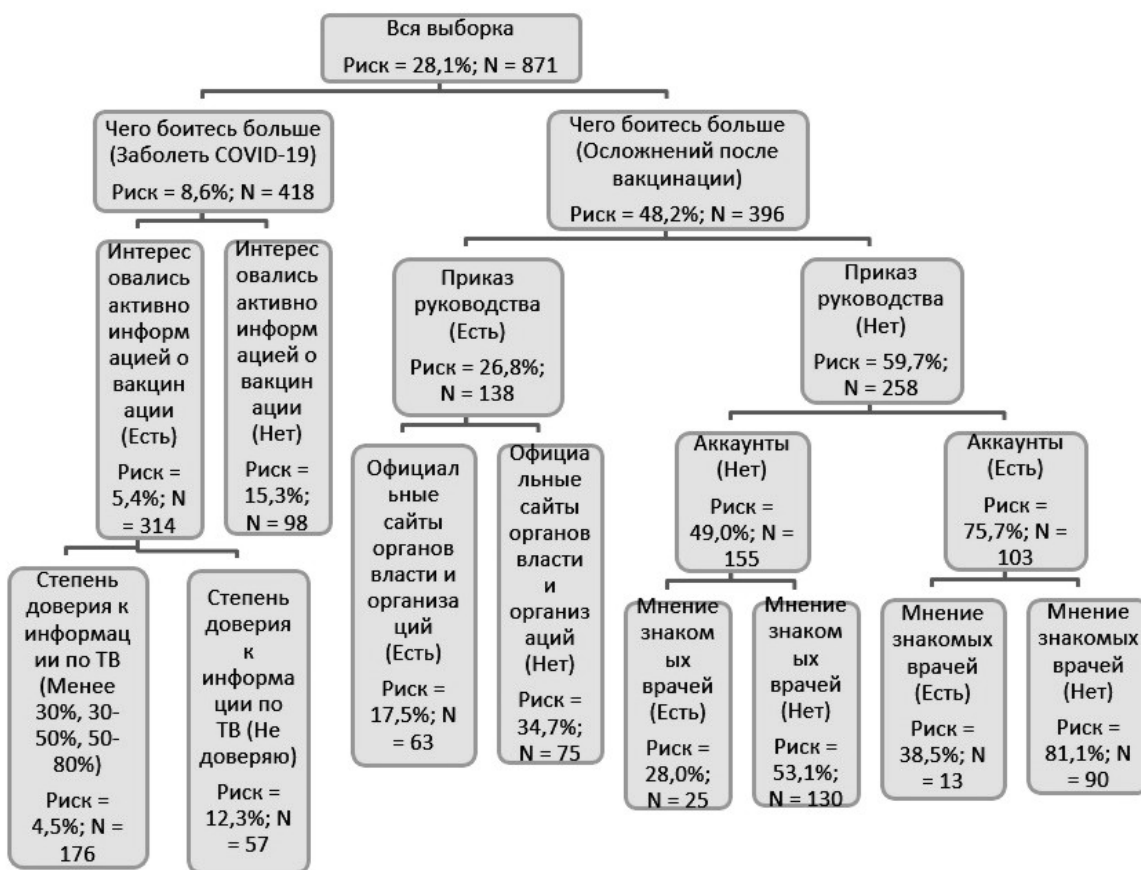

Рисунок 1 – Дерево классификации для показателя «Не планирует вакцинироваться»

Далее, мы видим влияние СМИ на вероятное принятие решения. Факторами, снижающими вероятность не вакцинироваться, являются активный поиск информации о вакцинации, высокая степень доверия

телевидению, влияние официальных сайтов органов власти, не использование аккаунтов и мнение медицинских работников. Наличие этих факторов снижает вероятность не вакцинироваться до 4,5 %, а отсутствие этих

факторов повышает риск не вакцинироваться до 81 %. Модель дерева решений обладает средним прогнозным качеством:

точка отсечения – 34,7 %, AuROC – 0,84, чувствительность – 75,1 %, специфичность – 79,9 %, эффективность – 77,5 % (рис. 2).

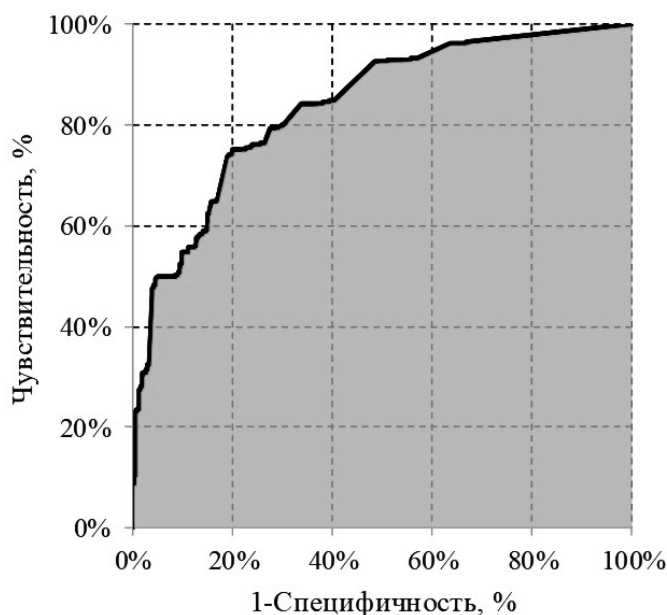

Рисунок 2 – ROC-кривая для целевого показателя «Не планирует вакцинироваться»

Выводы.

Проведенное исследование выявило значимую роль СМИ на формирование доверия к вакцинации против COVID-19. Предпочтения СМИ и степень доверия к ним ассоциированы с возрастом. Для лиц молодого возраста основным источником информации является сеть Интернет, предпочтениями старшей аудитории являются

телевидение, радио, пресса. Молодая аудитория с большим интересом и доверием относится к негативной информации о вакцинопрофилактике в СМИ. Полученные данные свидетельствуют о необходимости в целях пропаганды вакцинопрофилактики переориентировать информационные программы СМИ с учетом возрастной категории аудитории.

Литература:

1. Орлова Н.В. Острые респираторно-вирусные инфекции в практике врача терапевта / Н.В. Орлова // Трудный пациент. 2013. Т. 11. № 4. С. 22–27.
2. Никифоров В.В. Алгоритмы оказания медицинской помощи больным ОРВИ / В.В. Никифоров, Т.Г. Суранова // Медицинский алфавит. 2019. Т. 2. № 27(402). С. 6–13.
3. Чукаева И.И. Основы формирования здорового образа жизни : учебно-метод. пособие / И.И. Чукаева. М., 2016. 125 с.
4. Орлова Н.В. Современные подходы к лечению и профилактике острых респираторных вирусных инфекций / Н.В. Орлова, Т.Г. Суранова // Медицинский алфавит. 2018. Т. 2. № 21(358). С. 29–34.
5. Орлова Н.В. Современные подходы к терапии острых респираторных вирусных инфекций верхних дыхательных путей / Н.В. Орлова // Медицинский совет. 2017. № 5. С. 58–64.
6. Пинчук Т.В. Механизмы поражения печени при COVID-19 / Т.В. Пинчук // Медицинский алфавит. 2020. № 19. С. 39–46.

Literature:

1. Orlova N.V. Acute respiratory viral infections in the practice of a general practitioner / N.V. Orlova // A difficult patient. 2013. Vol. 11. № 4. P. 22–27.
2. Nikiforov V.V. Algorithms for providing medical care to patients with acute respiratory viral infections / V.V. Nikiforov, T.G. Suranova // Medical Alphabet. 2019. Vol. 2. № 27(402). P. 6–13.
3. Chukaeva I.I. Fundamentals of healthy lifestyle formation / I.I. Chukaeva // Educational and methodical manual. M., 2016. 125 p.
4. Orlova N.V. Modern approaches to the treatment and prevention of acute respiratory viral infections / N.V. Orlova, T.G. Suranova // Medical Alphabet. 2018. Vol. 2. № 21(358). P. 29–34.
5. Orlova N.V. Modern approaches to the treatment of acute respiratory viral infections of the upper respiratory tract / N.V. Orlova // Medical advice. 2017. № 5. P. 58–64.
6. Pinchuk T.V. Mechanisms of liver damage in COVID-19 / T.V. Pinchuk // Medical alphabet. 2020. № 19. P. 39–46.

7. Пинчук Т.В. Интерактивные методы обучения в высшем медицинском образовании (Аналитический обзор) / Т.В. Пинчук // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. Т. 11. № 3(39). С. 102–117.

8. Фреик Н.В. Петр Штомпка. Доверие: социологическая теория / Н.В. Фреик // Социологическое обозрение. 2002. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/petr-shtompka-doverie-sotsiologicheskaya-teoriya> (дата обращения 09.09.2022).

9. Корнилова Т. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска / Т. Корнилова // Психологические исследования. 2015. № 8(40).

10. Влияние средств массовой информации и социальных сетей на формирование общественного мнения о вакцинации / Н.В. Орлова, Ю.Н. Федулаев, М.Н. Филатова [и др.] // Consilium Medicum. 2020. № 4. С. 17–24.

11. Хорева О.Б. Роль информационного поля в формировании общественного мнения о вакцинопрофилактике / О.Б. Хорева, Е.А. Тарасенко // Информационное общество. 2021. № 6.

7. Pinchuk T.V. Interactive teaching methods in higher medical education (Analytical review) / T.V. Pinchuk // Medical education and professional development. 2020. Vol. 11. № 3(39). P. 102–117.

8. Freik N.V. Peter Shtompka. Trust: a sociological theory / N.V. Freik // The Sociological Review. 2002. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/petr-shtompka-doverie-sotsiologicheskaya-teoriya> (date of the application 09.09.2022).

9. Kornilova T. The principle of uncertainty in the psychology of choice and risk / T. Kornilova // Psychological research. 2015. № 8(40).

10. The influence of mass media and social networks on the formation of public opinion on vaccination / N.V. Orlova, Yu.N. Fedulaev, M.N. Filatova [et al.] // Consilium Medicum. 2020. № 4. P. 17–24.

11. Khoreva O.B. The role of the information field in the formation of public opinion on vaccination / O.B. Khoreva, E.A. Tarasenko // Information Society. 2021. № 6.

Ставило Сергей Петрович

кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
социально-экономических
и гуманитарных дисциплин,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
Stavilodallad@yandex.ru

Sergey P. Stavilo

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines,
Stavropol branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Stavilodallad@yandex.ru

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ КРИМИНОЛОГИИ**

**POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC
POTENTIAL OF CRIMINOLOGY**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные анализу изучения ценности криминологии для общества. Автор считает, что, благодаря криминологии, можно постепенно устранить или, по крайней мере, сгладить социальные, экономические, политические и иные (даже генетические) противоречия, порождающие преступность и другие негативные социальные явления, традиционно выраженные в беспризорности, наркотизме, пьянстве, проституции, иной правонарушаемости и социальном паразитизме. Криминология в данной научной работе предстает, как наука созидательная, расширяющая возможности общества и государства в целях самосовершенствования, устранения социальных противоречий, развивающая экономику, повышающая социальную защищенность и закрепляющая высокий социальный уровень жизни каждого человека.

Annotation. The article deals with issues related to the analysis and study of the value of criminology for society. The author believes that thanks to criminology, it is possible to gradually eliminate or at least smooth out the social, economic, political and other (even genetic) contradictions that generate crime and other negative social phenomena, traditionally expressed in homelessness, drug addiction, drunkenness, prostitution, other delinquency and social parasitism. Criminology in this scientific work appears as a creative science, expanding the possibilities of society and the state for self-improvement, eliminating social contradictions, developing the economy and increasing social security and consolidating a high social standard of living for each person.

Ключевые слова: аксиология, криминология, преступность, детерминация, профилактика, предупреждение, общественные отношения, криминогенность, латентность, виктимность, девиантность.

Keywords: axiology, criminology, criminality, determination, prevention, prevention, public relations, criminogenicity, latency, victimization, deviance.

Какова ценность криминологии? Для чего она нужна? Каковы ее перспективы в нашей стране и во всем мире? Имеет ли она реальную возможность влиять на общественные отношения с целью их оптимальной гуманизации и имплементации в них справедливости и добрых начал во всех сферах социальных взаимоотношений? В общем, способна ли криминология существенно изменять и совершенствовать этот мир? Мы считаем, что благодаря, в том числе и криминологии, можно постепенно устранить или, по крайней мере, сгладить социальные, экономические, политические и иные противоречия и даже генетические особенности отдельных представителей общества, порождающие преступность и другие негативные социальные явления, традиционно выраженные в беспризорности, наркотизме, пьянстве, проституции, иной правонарушаемости и ином социальном паразитизме.

Современность свидетельствует о том, что у значительной части населения нашей страны сформировался устойчивый запрос на эффективную, социально-ориентированную государственно-управленческую деятельность, способствующую стабильному миропорядку, развитию и росту собственной экономики с одновременной имплементацией ее в мировую экономическую систему, а в рамках специального предупреждения преступности – на эффективную и научно-обоснованную антикоррупционную, деятельность со стороны государственных органов и общественных организаций. При этом обеспечение и регулирование эффективной занятости населения обязательно должно способствовать восстановлению социального доверия к государству, на деле убедить россиян в его социальной сущности и обеспечить реализацию конституционных положений.

Уже давно назрел вопрос о введении рейтинговой оценки деятельности депутатов государственного (федерального, регионального) и муниципального уровней, чтобы была видна активность каждого депутата и эффективность (польза) предложенных им законодательных и иных инициатив. Тогда будет видно, насколько те или иные инициативы выгодны обществу, позволяют ли они совершенствовать систему управления, социальной защиты или как эффективно они совершенствуют экономические процессы. Каждая правовая инициатива депутата должна быть критически оценена собранием избирателей на предмет полезности для общества и на предмет отсутствия, даже малейшей возможности умаления или ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Депутаты не должны быть субъектами коррупционных отношений, не должны быть участниками всевозможных «лоббистских» технологий от кого бы они ни исходили, они должны выражать мнение только своих избирателей, действовать от их имени, в их интересах, являться реально и действительно народными трибунами, действующими во благо, а не во вред общественным отношениям.

Осознавая всю сложность и исторические корни коррупции, появилось понимание того, что коррупция – это негативное явление системного характера, и борьба с ней должна быть комплексной, гласной, с широким участием всех слоев населения. Можно понять тех, кто говорит, что власть и преступность взаимодетерминированы, так как преступность часто стремится к власти, а власть, обладая практически неограниченными возможностями, часто в своей деятельности прибегает к преступлениям, как к наиболее эффективным, по ее мнению, средствам разрешения возникающих управленческих и экономических проблем, политических или социальных конфликтов. Коррупционные преступления выступают и как средства личного обогащения в структуре формирующихся коррупционных властно-рентных отношений, которые фактически возрождают средневековую систему «кормления от должности». Криминология способна обнаружить детерминирующие факторы коррупции как социально-правового явления, сформировать и предложить эффективные средства профилактики этого негативного явления, основанные на расширении системы и совершенствования существующих элементов криминологической профилактики и предупреждения коррупционных преступлений.

В первую очередь, это касается подконтрольности власти обществу в вопросах стратегии будущего развития, формирования активной, целостной и наполненной позитивными смыслами парадигмы общественного сознания, основанной на включенности большинства членов общества в процессы принятия решений по реализации народо-властных и управления государством, в производство общественно значимого продукта, на осознании ценности, важности и приоритетности качества жизни россиян, когда их личные, персональные жизненные интересы должны иметь

первичный приоритет перед представителями иных юрисдикций и перед другими, несомненно, очень важными, государственными интересами.

Определяя собственные приоритеты, российское общество исходит из общечеловеческих ценностей, понимания, что социальный мир и согласие внутри страны, мир и общественный порядок, толерантность, интернационализм, дружеские, добрососедские отношения с соседними странами и народами и со всем миром, высокий уровень современной, рентабельной, модернизированной и конкурентоспособной экономики, науки, действенная и эффективная система социальной защиты населения, эффективные системы образования и здравоохранения и многое, многое другое являются ее национальными богатствами и формируют парадигму ее общественного сознания.

Индивидуальная профилактика преступлений, правонарушений, социального паразитизма должна включать механизмы вовлеченности лиц, могущих стать на преступный путь или ранее уже привлекавшихся к уголовной ответственности к созидательным процессам общественного развития и совершенствования условий жизни для всей страны. Это должен быть труд, который принесет пользу и самим этим лицам, позволит сформировать им аксиологическую, профессиональную, материальную, а возможно и духовную основу своей будущей жизни.

Особое внимание криминология уделяет индивидуальному преступному поведению в соотношении с ситуацией совершения преступления, а также, соотношению социального и биологического в личности преступника, вводя в научный оборот классификацию и типологию преступников и объясняя генетическую детерминацию преступности. В этом контексте, наибольшую тревогу вызывают криминогенные состояния, которые носят внешний, по отношению к виновному, характер: это – стихийные бедствия природного или техногенного характера, войны и массовые беспорядки, терроризм и криминальный экстремизм и др.

Именно криминология настаивает на совершенствовании уголовного законодательства, которое должно быть четким, справедливым, оптимальным. Только, своего рода, «достойные» деяния должны находить криминализацию в уголовном законе и защищать наиболее важные общественные отношения. Иные общественные отношения можно защитить и (или) урегулировать нормами административного и иных отраслей права. Еще раз хочу повторить: «Уголовный закон должен содержать только признаки достойных деяний» (то есть достойных называться преступлениями), при этом важнейшее значение должна иметь легитимность этих уголовно-правовых запретов, то есть согласие с ними общества. Если отсутствует легитимность закона, он, лишь отчасти жизнеспособен, так как значительная часть общества может его игнорировать, не воспринимать, как закон, а при первой возможности, такой закон будет объявлен не правовым и его повсеместное нарушение, а не соблюдение, станет фактором социальной легитимности при формировании иного,

возможно, абсолютно нового, другого, более совершенного, культурного и ответственного социального поведения.

Злоупотребление правом приводит к трагическим ошибкам для всего человечества! Так, Блаженный Аврелий Августин (354–430 гг.) говорил, что «существует два способа разложить нацию: наказывать невиновных и не наказывать виновных, государство, лишённое правосудия – есть не что иное, как шайка разбойников» [3]. Есть такое древне латинское выражение: «Право наслаждается справедливостью!» Как утверждает доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, академик РАЕН Павел Николаевич Панченко: «Миссия уголовного права – преобразование общества, основательно погрязшего снизу доверху в преступности, в общество, в котором не было бы преступлений или если они еще и совершались бы, то, по крайней мере, во-первых, в минимальных количествах, а во-вторых, на каждое из них (или хотя бы на каждое тяжкое или особо тяжкое преступление) осуществлялось бы предусмотренное законом реагирование» [4, с. 133–145].

Что касается роли криминальной виктимологии в деле совершенствования общественных отношений, то она тоже очень велика и позволяет реально не только обеспечить защиту прав и свобод потерпевших от преступлений, но и эффективно реализовать принцип неотвратимости наказания.

Литература:

1. Блаженный Аврелий Августин. О государстве и справедливости. О Граде Божиим. Книга IV, глава IV, 398.). URL : http://az.lib.ru/a/awgustin_a/text_0427_de_civitate_dei-1.shtml
2. Панченко П.Н. Уголовное право как право правды, право дела и право порядка (главный смысл уголовного права как отрасли права) / П.Н. Панченко // Интеллектуальная собственность и экономическое развитие регионов: проблемы права и правовой политики в первом десятилетии XXI-го века. Материалы региональной научно-практической конференции 10 апреля 2008 г. Н. Новгород : Стимул-СТ, 2008. Ч. 1. С. 133–145.

Именно благодаря использованию виктимологических знаний, можно обеспечить возмещение ущерба жертвам преступлений за счет государства, сформировав соответствующий фонд и систему государственного страхования. Государство должно возмещать вред потерпевшим от преступления, так как, обязуясь защищать их, формируя и содержа правоохранительные органы, оно плохо справляется со своими обязанностями, если допускает совершение преступлений. Уже потом, после задержания и привлечения к уголовной ответственности виновного, государство может, в порядке регрессного иска (лат. *regressus* – обратное движение), взыскать сумму причиненного преступлением ущерба с преступника.

Таким образом, можно констатировать, что криминология как наука, способна существенно улучшить общественные отношения, стремится выявить, изучить и постепенно минимизировать и нейтрализовать детерминирующие преступность негативные антропологические, этнические, генетические, политические, экономические, социальные и иные факторы. Она реально может изменить и усовершенствовать этот мир. Именно на криминологию можно надеяться при формировании нового человеческого общества, основанного на представлениях о добре и зле, об истинном праве и справедливости, которые будут отражать совокупный опыт, культуру, взгляды и надежды всех народов и всего человечества.

Literature:

1. Blessed Aurelius Augustine. About the state and justice. About the City of God. Book IV, chapter IV, 398.). URL : http://az.lib.ru/a/awgustin_a/text_0427_de_civitate_dei-1.shtml
2. Panchenko P.N. Criminal law as the law of truth, the law of business and the law of order (the main meaning of criminal law as a branch of law) / P.N. Panchenko // Intellectual property and economic development of regions: problems of law and legal policy in the first decade of the XXI century. Materials of the regional scientific and practical conference on April 10, 2008. N. Novgorod : Stimul-ST, 2008. Part 1. P. 133–145.

Щёлоков Денис Викторович
кандидат социологических наук,
научный сотрудник,
АНО «Лаборатория Крыштановской»
dshelokov@mail.ru

КРИТЕРИАЛЬНОСТЬ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Современное общество характеризуется высоким динамизмом. В таком контексте практическую значимость получает изучение общественных механизмов с позиции повышения устойчивости социальных структур. Подобное может быть максимально полно реализовано при изучении социальных трансформаций. Однако перебор всех возможных состояний в реальных условиях представляется сверхзатратным и потому нереализуемым процессом. При этом наиболее верным решением является создание модели соответствующего аспекта социальной реальности. Это актуализирует проблематику объективного выбора её критериев.

Ключевые слова: социальное моделирование, социальные трансформации, цифровая социология, динамика, критерии, оптимизация, условия, механизм.

Введение. Человеческое общество в целом и современное – в частности, представляет собой систему взаимосвязанных элементов. Такими являются как отдельные индивиды, так и их различные объединения. Последние характеризуются не только размерами, но и сущностью происходящих в них процессов. Они представляют собой совокупность взаимосвязанных единичных действий, направленных на достижение значимой цели и реализуемых в контексте господствующей культуры. Наличествующие в ней нормы и ценности детерминируют набор допустимых действий, а также основные характеристики социальной общности.

Развивающиеся в социуме процессы изучаются различными дисциплинами. Они представляют собой форму организации науки как человеческой деятельности, направленной на выработку и систематизацию объективных знаний об окружающей реальности. Будучи независимыми от желаний исследователя, научные дисциплины основываются на достоверных способах получения, анализа и систематизации значимой информации. Реализация третьего пункта тесно связана с содержанием второго, который предполагает применение средств объективной логики для

Denis V. Shelokov
Candidate of Sociological Sciences,
Researcher,
ANO «Kryshtanovskaya Laboratory»
dshelokov@mail.ru

CRITERIA OF MODELS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF DIGITAL SOCIOLOGY

Annotation. Modern society as a whole, regardless of the specific conditions of existence of national societies, is characterized by high dynamism. In this context, their study from the perspective of increasing the stability of social structures and developing processes within and between them is of practical importance. This can be implemented as fully as possible in the study of social transformations. However, sorting through all possible states in real conditions seems to be an extremely expensive and therefore unrealizable process. In such conditions, the most correct solution seems to be the creation of a model of the corresponding aspect of social reality. This actualizes the problem of the objective choice of its criteria.

Keywords: social modeling, social transformations, digital sociology, dynamics, criteria, optimization, conditions, mechanism.

поиска решений актуальной проблемы. Её выражение при помощи формальных средств способствует приданию ясности формулировке исследовательской задачи и облегчает поиск решения. В том или ином виде, изложенная логика применяется всеми науками, и социология не является исключением.

В рамках социологии, науки, изучающей закономерности общественного развития, а также элементы социальных систем в их взаимосвязи друг с другом, различных по масштабам и функциональной направленности, используются методы объективного анализа. Они основываются на классической логике, применяемой к объективной информации о социальных процессах, выраженной посредством цифр. Подобная позиция позволяет, на наш взгляд, трактовать социологию, в первую очередь эмпирическую, как цифровую науку. Это не противоречит интерпретации разделов цифровой социологии, одним из которых является анализ цифровых данных [6]. Таковые, будучи полученными при помощи объективных методов, являются отражением реальных состояний и процессов, развивающихся в социуме. Представляя собой новые знания о социальной реальности, подобные данные способствуют, в

том числе, и совершенствованию интерпретационных моделей.

Указанные элементы научного знания являются формами представления теоретического материала, способствующие расширению познавательных возможностей социологии. Созданные на основе объективных данных, упорядоченных некоторым образом при помощи математических процедур, они представляют собой совокупность признаков, способствующую получению ответа на поставленный исследовательский вопрос. Однако здесь и содержится основная проблема. Она заключается в том, что критериев, характеризующих состояние социальных структур и развивающихся в них процессов, весьма много и они разнообразны по содержанию. Это актуализирует вопрос: Какие критерии и как отбирать для формирования социальной модели? Подобное предполагает использование в основе соответствующей логики принципа критериальности – выделение критериев, значимых для построения модели процесса или явления, максимально приближенной к реальности.

Особенности моделирования социальных процессов. Следует заметить, что с позиции социального знания совокупность признаков, из которой происходит отбор, представляется достаточно ограниченной. В неё входят стандартные статистические характеристики, описывающие наиболее значимые аспекты существования изучаемых объектов. Это позволяет сравнивать информацию, полученную из различных источников, что расширяет возможности формируемой социальной модели. Подобное делает её действенным инструментом, способствующим получению объективной информации. При этом реализуется теоретико-познавательная функция социологии как науки, изучающей общественные явления и процессы. Это выражается в практической направленности получаемых данных.

Применение моделирования для изучения социальных процессов и явлений позволяет выявить и сущностно раскрыть их особенности. На современном этапе развития социологии это выражается в максимально детальном установлении содержания механизмов таких аспектов социальной реальности как социальная мобильность, миграция, социальные процессы в различных организациях, трансформации социальных структур [1]. Полученные при этом результаты могут незамедлительно внедряться в управленческую практику, что способствует повышению качества соответствующих процессов. Существенное значение имеет то, что такие модели основываются на математической логике, которая способствует максимально объективному раскрытию изучаемой проблематики. Математика, в подобном контексте, выполняет функцию цифрового аналитического аппарата. Он позволяет, стандартизированными способами (расчетами по устоявшимся формулам), проверить выдвинутые исследовательские гипотезы.

Социальная трансформация представляет собой сложный процесс, заключающийся в качественном преобразовании социальной системы или её

отдельных частей преимущественно ненасильственными и управляемыми способами. Являясь потенциально разнонаправленным процессом, она затрагивает различные аспекты существования некоторой совокупности взаимосвязанных элементов. Это ограничивает круг критериев, которые целесообразно использовать в модели соответствующего процесса или явления.

Важным аспектом трансформации социальных систем представляется их оптимизация для повышения стабильности внутренних процессов и устойчивости таких совокупностей элементов в целом. Это предполагает устранение социальных противоречий посредством согласования объективной логики внешних обстоятельств и внутренних условий социальной системы, детерминирующих процессы взаимодействия составляющих её элементов. Объективным критерием достижения данного условия представляется удовлетворенность отдельных индивидов складывающейся обстановкой. Это обстоятельство может быть измерено независимым инструментарием, что позволяет получить соответствующую информацию сравнительно просто. Подобное является одним из критериев социальной модели. Важным представляется тот факт, что данная информация может быть получена как непосредственно на основе опросов, так и при помощи расчета различных индексов, отображающих сущность социальных процессов или явлений.

Не менее важным условием, детерминирующим выбор критериев для социальной модели, является теоретико-методологическая база, находящаяся в основе конкретного исследования. Таковая формируется из элементов таких областей знания, как глобалистика, социология, в целом, и социология трансформационных процессов – в частности, социальная синергетика и т.п. Позволяя реализовать максимально объективный многоуровневый и многоэтапный анализ, соответствующие области социального знания детерминируют наиболее значимые критерии, способствующие полноценному раскрытию изучаемой проблематики [10].

Основы анализа социальных трансформаций. В целом, моделирование представляет собой процесс исследования объектов познания посредством создания их аналога в форме абстрактного представления. Соответствующие аналоги могут быть выражены в следующих видах:

- *эвристическом* – образе, созданном в сознании исследователя;
- *натурном* – материальном масштабированном подобии реальных соотношений элементов;
- *математическом* – формализованной совокупности взаимосвязанных формально-логических выражений реальных процессов и явлений.

Соответствующие модели могут применяться как по отдельности, так и в сочетании друг с другом, что зависит от целей и задач конкретного исследования. Как следует из названий и содержания представленных видов моделей, наиболее

близкой к проблемной области цифровой социологии является математическая. Она, посредством цифр, отражает содержательные аспекты реальных процессов и явлений. Будучи, по сути, формальной моделью, она выявляет основные закономерности и взаимосвязи. Это позволяет получить новые, неочевидные результаты, при значительной экономии наличествующих ресурсов [4].

В контексте актуальных для конкретного социума проблем, теоретико-методологической основой анализа социальных трансформаций являются следующие подходы.

Телеологический подход, трактующий соответствующие процессы как быстрый переход от одного состояния социума и его структур к другому, в соответствии с господствующими идеалами.

Эволюционизм и его различные виды (абсолютный, неклассический, коэволюционизм), раскрывающие трансформации как постепенное совершенствование социальной структуры и её элементов.

Генетический подход, направленный на выявление условий, значимых для запуска трансформационных процессов и факторов, способствующих их поддержанию.

Переход через заимствование, реализуемый как догоняющая модернизация, осуществляемая посредством частичного или полного внедрения элементов из одного социума в другой [8].

Теоретические взгляды, содержащиеся в указанных подходах, и соответствующие идеи представляют различные трактовки аспектов проблематики анализа социальных трансформаций. Это позволяет интерпретировать получаемые результаты с учетом актуальных теоретико-методологических воззрений. Кроме этого, используемые системы взглядов содержат некоторые критерии, отражающие значимые аспекты существования социальных систем и процессов, развивающихся внутри и между составляющими элементами. Несмотря на то, что такие критерии нередко содержатся в обобщенном виде, их правомочно использовать как первичный теоретико-объяснительный каркас. Также важным аспектом выбора критериев является направление внутрисистемных процессов. Если социальная система прогрессирует, то происходит усложнение наличествующих взаимосвязей и описывающих их критериев. При развитии регрессионных процессов взаимозависимости упрощаются, что соответствующим образом отражается на содержании применяемых показателей [7].

Несмотря на разностороннюю теоретическую проработку сущностного содержания социальных трансформаций, вопрос их критериальности всегда рассматривался как бы вскользь. В то же время, данные социальные процессы затрагивают практически все сферы общественной жизни. Это определяет многокритериальность трансформаций с учетом психологических детерминант, продиктованных спецификой культуры,

господствующей в конкретном социуме. Таким образом, приобретают значимость такие критерии социальных трансформаций как вариативность, множественность, противоречивость, низкая предсказуемость. Соответствующие изменения могут быть вызваны как внешними, так и внутренними (как ответ на внешние воздействия) факторами. Вне зависимости от источника изменений их характер, форма и результаты будут детерминироваться системными качествами, содержанием связей между элементами. Последнее выявляется посредством расчета корреляций что, по нашему мнению, позволяет отнести данную проблематику к цифровой социологии. Выявление формального критерия, определяющего область и причины возникающих трансформаций, позволяет позиционировать используемые методы как объективные. Это является основанием для того, чтобы считать объективными результаты, получаемые посредством их применения. Подобное способствует выявлению механизма совершенствования конкретного социума или его отдельных частей. Пространство, формируемое в случае расчета корреляций между более чем двумя признаками, является статистическим по своей сути и цифровым по содержанию.

На наш взгляд, теоретической основой, позволяющей объективно и всесторонне изучить затронутую проблемную область, является *функционализм*. Интерпретируя каждый элемент социума как часть механизма, действующего с целью достижения его стабильности, данная теория позволяет выявить критерии, которые описывают подобное состояние. Они представляют собой узловые аспекты социальной реальности, содержащие наиболее значимые характеристики такого состояния её элементов. Согласно основной идее данной теории, сферы общественного взаимодействия наполнены *социальными институтами* – совокупностями норм, правил и форм организации совместной жизни, сформировавшимися в ходе исторического процесса или в результате целенаправленных усилий наделенных властью элементами социума. Будучи комплексным образованием, они состоят из взаимосвязанных элементов, силу связи между которыми можно оценить при помощи объективных математических методов. Это также позволяет, на наш взгляд, отнести актуализированную в данной статье проблематику к области цифровой социологии. При этом основным условием выбора критериев при описании системных процессов является отражение ими функций, реализуемых взаимодействующими элементами. В таком контексте наиболее подходящей математической мерой является *корреляция* – степень связи нескольких элементов, отражающая соотношение между ними.

Ещё одним существенным условием, влияющим на такую интерпретацию, является одна из трактовок цифровой социологии как вычислительной науки [5]. Это выражается в оцифровке данных о социальных фактах посредством их преломления через математическую логику, отражающую исследовательский замысел. Подобное облегчает и ускоряет обработку, хранение, использование и

передачу информации о состоянии социальных структур, развивающихся в них и между ними процессов.

Взаимосвязь проблематики социальных трансформаций и цифровой социологии.

В настоящее время неотъемлемым элементом объективной реальности является распространённость цифровых коммуникационных технологий. Они трансформируют коллективную деятельность посредством повышения скорости передачи информации, значимой для принятия решений в конкретной ситуации. Подобное положительно сказывается на реализации коммуникативной функции социальных институтов, которая, в свою очередь, способствует повышению качества реализации интегративной функции.

Таким образом, происходит сплочение элементов социального института, следствием чего, является рост прочности социального института как целостной социальной конструкции. Это положительно отражается на соотношении сил и знаменует переход к шестому технологическому укладу [3]. В таких условиях практическую значимость получают такие цифровые технологии как большие данные и облачные вычисления. Находящийся в их основе математический аппарат, позволяет максимально полно раскрыть механизм взаимодействия в различных социальных системах. Подобное актуализирует новые критерии состояния общества, такие как размер символического, интеллектуального, социального капиталов, которыми обладают отдельные индивиды и малые группы. Эти, и схожие с ними критерии, способствуют, на наш взгляд, формированию моделей социальных трансформаций вне зависимости от области их применения. Это детерминируется практическим аспектом применения социальной модели [9].

Социальные трансформации тесно связаны с динамикой общественного сознания. Данный элемент представляет собой совокупность когнитивной, культурной, социальной и биологической компонент [2]. Социальные структуры и механизмы, формирующиеся на такой основе, являются, по сути, системными. В тоже время, они содержат совокупность критериев, затрагивающих различные аспекты жизни социума. Подобное позволяет трактовать их, в рамках затронутой проблематики, как критерии, описывающие социальные процессы. Будучи взаимосвязанными

Литература:

1. *Андерсон Д.Р.* Модельно-ориентированный вывод в науках о жизни. 2006. Springer. 416 с.
2. *Заславская Т.И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформаций. 2004. М. : Дело. 400 с.
3. *Игнатиев В.И.* Цивилизационный переход в фокусе междисциплинарной методологии. Рецензия на книгу Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н.

друг с другом на основе системности, такие критерии образуют совокупность, которая представляет собой модель. Подкрепленная математическим аппаратом, раскрывающим силу и направление взаимосвязей, она становится функционально обусловленной цифровой моделью. Раскрывая также причинно-следственные связи, она позволяет решить одну из задач социологии – выявление и изучение социальных механизмов, способствующих возникновению и развитию социальных процессов.

Важным аспектом, повышающим практическую значимость критериальности социальных трансформаций и соответствующих моделей, является то, что выявленные на этой основе свойства данных процессов, общие принципы их существования позволяют максимально объективно изучить механизмы и тенденции развития соответствующих аспектов социальной реальности [3]. Это способствует уточнению соотношений планомерного и стихийного в социальных трансформациях, что дает возможность оптимизировать соответствующие процессы, сделать их управляемыми. Распространение полученных результатов на иные социальные процессы будет способствовать повышению стабильности конкретной социальной системы. Поскольку механизм социальных трансформаций представляется сложным и многомерным явлением, то он обнаруживает множество критериев, качественно описывающих его различные состояния.

Заключение. Социальное моделирование представляется практически ориентированным методом познания социальной реальности. По этой причине, основным требованием к формируемой модели является максимально объективное отражение посредством неё действительных процессов, развивающихся в социуме, его отдельных структурах и между ними. Возникающие при этом реальные проблемы и связанные с ними запросы со стороны элементов социума, детерминируют цели и задачи конкретного исследования.

Таким образом, на выбор критериев, используемых в социальной модели, влияет качество описания проблемного поля, содержание, исходя из этого, формулировки целей и задач исследования. При этом отбор критериев осуществляется в соответствии с запросами, актуализированными основным исследовательским вопросом. Это детерминирует признаки отбора и используемые для этого логические приемы.

Literature:

1. *Anderson D.R.* Model-oriented inference in life sciences. 2006. Springer. 416 с.
2. *Zaslavskaya T.I.* Modern Russian society. The social mechanism of transformations. 2004. M. : Delo. 400 p.
3. *Ignatiev V.I.* Civilizational transition in the focus of interdisciplinary methodology. Review of the book Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. Sociology of

Социология цифрового общества : монография / В.И. Игнатъев // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 1. С. 121–130.

4. Макаров В.А. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели) / В.А. Макаров, А.Р. Бахтизин. 2013. М. : Экономика. 295 с.

5. Мещерякова Н.Н. Методология познания цифрового общества / Н.Н. Мещерякова // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 17–26.

6. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания / В.Ф. Ницевич // Цифровая социология. 2018. Т. 1. № 1. С. 18–25.

7. Плотинский Ю.М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. 1992. М. : Логос. 296 с.

8. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. 1998. М. : Логос. 325 с.

9. Родюкова Т.Н. Специфика использования социального моделирования в управлении / Т.Н. Родюкова // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 8. С. 154–163.

10. Wallerstein The modern World-System. 1974. New-York : Academic Press. 753 p.

Digital society : monograph / V.I. Ignatiev // Digital Sociology. 2022. Vol. 5. № 1. P. 121–130.

4. Makarov V.A. Social modeling – a new computer breakthrough (agent-oriented models) / V.A. Makarov, A.R. Bakhtizin. 2013. M. : Economics. 295 p.

5. Meshcheryakova N.N. Methodology of cognition of digital society / N.N. Meshcheryakova // Digital sociology. 2020. Vol. 3. № 2. P. 17–26.

6. Nitsevich V.F. Digital sociology: theoretical and methodological origins and foundations / V.F. Nitsevich // Digital Sociology. 2018. Vol. 1. № 1. P. 18–25.

7. Plotinsky Yu.M. Mathematical modeling of the dynamics of social processes. 1992. M. : Logos. 296 p.

8. Plotinsky Yu.M. Theoretical and empirical models of social processes. 1998. M. : Logos. 325 p.

9. Rodyukova T.N. Specifics of the use of social modeling in management / T.N. Rodyukova // Novy vzglyad. International Scientific Bulletin. 2015. № 8. P. 154–163.

10. Wallerstein The modern World-System. 1974. New-York : Academic Press. 753 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
начальник кафедры
гражданского права и процесса,
Краснодарский университет МВД России
anzor.afaunov@list.ru

Урумов Аскер Валерьевич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
специально-технической подготовки,
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России
(филиал) Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
urumov07@mail.ru

Тарасенко Денис Владимирович

преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
ystavnik14@mail.ru

**ДОВЕРИЕ К ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
КАК ФАКТОР СУЩЕСТВОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

■ ■ ■

Аннотация. В современном социальном дискурсе одной из важных проблем, которые подвергаются теоретической разработке, является проблема реализации принципов гражданского общества. В этом контексте производятся многочисленные исследования социально-политической направленности, в рамках которых соотносятся между собой идеи гражданского общества и политические факторы их реализации. Вместе с тем, общий спектр условий развития гражданского общества существенно шире, нежели сфера политических отношений. Одним из важнейших аспектов развития гражданского общества является характер социального мировоззрения участников общественных отношений. В настоящей статье осуществляется последовательное изучение социокультурных предпосылок развития гражданского общества. Анализируется значение правосознания как фактора правового поведения членов общества. Исследуются различные аспекты правосознания и их роль в формировании предрасположенности членов общества к правовому поведению. Рассматривается вопрос о значении доверия по отношению к правовой системе как фактора развития и существования гражданского общества. Обосновывается, что доверие по отношению к правовой системе является одним из ключевых факторов развития и существования гражданского общества.

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Sociological Sciences,
Head of Department Civil Law and Process,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
anzor.afaunov@list.ru

Asker V. Urumov

Candidate of Law,
Senior Lecturer of the Department
of Special Technical Training,
North Caucasus Institute
for Advanced Training of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
urumov07@mail.ru

Denis V. Tarasenko

Lecturer of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ystavnik14@mail.ru

**TRUST IN THE LEGAL SYSTEM
AS A FACTOR OF THE EXISTENCE
OF CIVIL SOCIETY**

■ ■ ■

Annotation. In modern social discourse, one of the important problems that are subject to theoretical development is the problem of implementing the principles of civil society. In this context, numerous studies of socio-political orientation are carried out, within the framework of which the ideas of civil society and the political factors of their implementation are correlated. At the same time, the general range of conditions for the development of civil society is much wider than the sphere of political relations. One of the most important aspects of the development of civil society is the nature of the social outlook of participants in public relations. In this article, a consistent study of the socio-cultural prerequisites for the development of civil society is carried out. The importance of legal awareness as a factor of legal behavior of members of society is analyzed. Various aspects of legal awareness and their role in the formation of the predisposition of members of society to legal behavior are investigated. The question of the importance of trust in relation to the legal system as a factor in the development and existence of civil society is considered. It is proved that trust in relation to the legal system is one of the key factors in the development and existence of civil society.

Ключевые слова: общество, государство, правовая система, гражданское общество, правовое государство, правосознание.

Keywords: society, state, legal system, civil society, legal state, legal consciousness.

Для общества одним из ключевых условий стабильного и благополучного существования является упорядоченный характер общественных взаимоотношений, что способствует эффективному функционированию основных общественных институтов и соблюдению ключевых интересов членов общества. Социальный порядок реализуется посредством действия различных социальных регуляторов, начиная с обычаев и установлений общественной морали, и заканчивая нормами права, определяющими характер и форму общественных отношений.

В последние десятилетия одним из ключевых концептов, осмысление которого осуществляется в рамках рассмотрения оптимального состояния социальной системы, является гражданское общество. Как отмечают исследователи, категория «гражданское общество», еще тридцать лет назад практически не присутствующая на уровне социального дискурса, ныне активно применяется в рамках развития демократической парадигмы социального управления и рассматривается как искомое состояние общественной системы [2], обеспечивающее благоприятный характер социального взаимодействия как на горизонтальном уровне (между отдельными социальными акторами), так и на уровне вертикальных социальных связей (отношение населения с носителями власти). Принципы построения гражданского общества, как отмечает Н.А. Алексеев, неразрывно связаны с идеей прав и свобод личности [1], что определяет специфическую смысловую нагруженность данного понятия, которое одновременно характеризует и характер политической структуры общества, и преобладание внутренних, основанных на убеждениях членов общества и их мировоззренческих установках форм регуляции над внешними, связанными с осуществлением принуждения членов общества к определенному модусу деятельности. При этом реализация механизмов принуждения в рамках деятельности государственных институтов происходит в тех случаях, когда институты и регулятивные механизмы гражданского общества обнаруживают свою несостоятельность [1].

Таким образом, гражданское общество представляет собой систему, регулирующую отношения между членами общества «параллельно» с существующими государственными институтами, в русле того социального порядка, который складывается в конкретном обществе. Учитывая то, что правоохранительная система реагирует, преимущественно, на случаи, когда осуществляется выход за рамки правового поля, благоприятные, нормальные общественные отношения представляют собой пример «естественного» следования социальным правилам и нормам, не требующего подкрепления в виде мер насильственного, принудительного характера. Такого рода порядок, когда люди, обладая рядом свобод, не выходят за рамки прав и интересов других членов общества,

по ряду критериев соответствует концептуальному содержанию категории «гражданское общество». При этом в смысловом плане категория «гражданское общество» соответствует идеям построения правового государства и противоречит идее построения «полицейского государства» [4].

Сама по себе, задача построения гражданского общества, которую зачастую декларируют политические деятели, видится сложной в плане своей реализации ввиду того, что категория «гражданское общество» характеризует одновременно и характер политического режима (момент взаимодействия власти и общества – вертикальная составляющая общественного устройства), и характер взаимодействия членов общества друг с другом (что характеризует горизонтальную составляющую системы общественных отношений). По этой причине факторы построения гражданского общества не пролегают в какой-либо одной плоскости (политическая, структурная, социокультурная), что характеризует исходную задачу по достижению характеристик гражданского общества как сложную, комплексную. Именно поэтому высокую степень значимости приобретает разработка вопросов, которым уделяется сравнительно мало внимания в исследовательской среде. Одним из ключевых в данном отношении, и при этом, в значительной мере недооцененным является вопрос о социокультурных факторах выстраивания гражданского общества. Если обратиться к современным исследованиям, наибольшей востребованностью в исследовательской среде приобретает аналитика «вертикального» аспекта выстраивания гражданского общества, характеризующая взаимосвязь гражданского общества и правового государства. Между тем, на наш взгляд, высокую перспективу имеет изучение вопроса: Какие характеристики социального мировоззрения членов общества способствуют построению гражданского общества, а какие, в свою очередь, препятствуют его формированию? В рамках настоящей статьи мы ориентированы на раскрытие соотношения между правовым мировоззрением членов общества и их склонностью к самостоятельной реализации конформного, не выходящего за рамки законных прав и интересов других людей, поведения. Это позволяет определить роль правосознания в формировании гражданского общества, а также, может способствовать осмыслению того, какого рода нарушения правосознания могут препятствовать выстраиванию благоприятных отношений в общественной среде, не требующих принудительного вмешательства со стороны действующих властных институтов.

Структура правосознания включает в себя представления о существующих нормах права, правовой ценности, а также – отношение к действующей правовой системе. Безусловно, знание законов является одним из важных факторов

следования им, однако, практика показывает, что в ряде случаев, члены общества склонны нарушать закон даже тогда, когда они отчетливо осознают противозаконный характер избираемого способа действия. В этом контексте, очень большую значимость приобретают мировоззренческие основания следования правовым нормам, к числу которых относятся правовые ценности и, в целом, отношение членов общества к действующей системе права.

Правовые ценности – это то, что определяет признание членами общества значимости правового способа поведения. Собственно, правовые ценности – это то, что определяет самоопределение субъекта по отношению к действующей системе права и, в частности, отличает законопослушного человека от представителя криминальной среды. Вместе с тем, следует отметить, что помимо наличия конструктивных ценностных ориентаций очень важным фактором поведения членов общества является характер их отношения к действующим нормам права и правовой системе, в целом. Характеризуя значимость отношения членов общества к правовой сфере, следует обратить внимание на то, что существующие нормы права и правовые институты могут восприниматься членами общества как адекватные и справедливые (если речь идет о нормах права), а также, эффективные (если речь идет о правовых институтах), что может способствовать индивидуальным усилиям членов общества по сохранению правового порядка взаимодействия, либо же могут восприниматься в качестве неадекватных и неэффективных. Последнее влечет за собой значительное нарушение правосознания, а также, снижение склонности членов общества к обращению в действующие правовые институты при условии, если они сталкиваются с какими-либо ситуациями нарушения собственных прав или прав других людей.

В этом контексте, хотелось бы обратить внимание на то, что позитивное отношение к правовой системе (которое, собственно, и определяет склонность членов общества к следованию действующим нормам права) включает в себя два важнейших элемента:

- принятие существующих законодательных норм как адекватных и справедливых;
- уверенность в том, что право выступает в качестве действительного регулятора общественных отношений, а не своеобразного внешнего выражения должного, которое не реализуется на практике.

Оба перечисленных аспекта, в той или иной степени, соотносятся с принципом доверия. Для того, чтобы обосновать данное положение, проанализируем мировоззренческие основания принятия содержания правовых норм и уверенности в их реальной действительности на уровне развращающейся социальной практики. Для начала, обратимся к вопросу о значении доверия к законодательной власти как фактора принятия справедливости и значимости действующих законов.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в демократическом обществе реализуется принцип представительской власти, иными словами, носители политической власти действуют от имени и в интересах населения [3]. В этом отношении представители законодательной власти выступают в качестве своеобразного «проводника воли» народа, при условии, если они действуют в интересах своих избирателей, а не реализуют какие-либо собственные интересы, заручившись властью. Если деятельность носителей власти соответствует данному принципу, и избиратели получают должную обратную связь на свои политические запросы, результатом этого становится формирование доверия к носителям законодательной власти, что выражается в понимании избирателями того, что законодатели учитывают их важнейшие интересы и стремятся к следованию им. В данном случае, ключевыми факторами принятия действующих законодательных норм являются, с одной стороны, доверие по отношению к действующей власти, с другой – содержание принимаемых законов и области реальных социальных интересов граждан.

Таким образом, чем ближе общество к идеалам демократического правления, тем более весомы предпосылки для принятия гражданами действующих законов, поскольку последние соответствуют области их интересов и социальных потребностей, а, следовательно – соответствуют запросам общества.

Обратимся ко второму аспекту, а именно - к вопросу о доверии праву как социальному регулятору. В наиболее общем изложении данный вопрос состоит в том, регулируют ли нормы права в действительности те сферы отношений, на которые они распространяются, или же в обществе существует «теневая» неправовая практика взаимодействия, которая, собственно, и определяет облик общественных отношений? Здесь мы также можем выделить два основных аспекта реализации правовых норм или их нарушения:

- уровень доверия к праву применительно к сфере отношений между социальными акторами, обладающими сходным социально-правовым статусом (горизонтальное социальное взаимодействие);
- уровень доверия к праву в сфере отношений между социальными акторами, обладающими неравнозначными социально-правовыми статусами (властные отношения).

В случае, если члены общества полагают, что общественные отношения, в значительной степени, соответствуют нормам права, они осознают собственные права и права других людей как данность, что, в том числе, может останавливать их самих от каких-либо противоправных действий, причем, в данном случае, имеет значение не только боязнь быть наказанным государством, но и принятие определенного порядка вещей, сложившегося на уровне общественной системы.

Таким образом, доверие к праву как регулятору отношений между членами общества определяет принятие того социального порядка, который сложился в общественной среде и, в том числе, способствует реализации принципов гражданского общества, поскольку доверие к праву как регулятору определяет осознание ценности личных прав, что, в свою очередь, еще сильнее закрепляет существующий социальный порядок.

Что касается доверия к праву в сфере отношений между социальными акторами, обладающими неравнозначными социально-правовыми статусами, речь идет, преимущественно, о властных отношениях и их регламентации со стороны института права. Одним из ключевых вопросов, в данном случае, является то, насколько носители власти соответствуют той социальной роли, которая официально соответствует их статусу, и насколько на них распространяются в действительности социально-правовые ограничения, прописанные на уровне действующей нормативной системы?

Постановка вопроса о гражданском обществе предполагает момент партнерства населения и власти, их равноправия между собой [5]. В случае, если власть не соответствует существующим нормативным установлениям, определяющим властные отношения, имеет место деформация социальных отношений и, как следствие – фактический социальный порядок существенно отличается от заявленного, в связи с чем, члены общества проявляют склонность к тому, чтобы адаптировать свое поведение к фактическому положению вещей, а не к нормам недействительной (по их мнению) системы права. Именно так, например, обстоит ситуация в условиях, когда в обществе в значительной степени развита коррупция, и многие члены общества склонны «принимать правила игры» и «не идти против сложившейся системы». Очевидно, что подобного рода положение вещей в корне противоречит общим принципам гражданского общества.

Приведенный выше анализ свидетельствует о том, что доверие граждан по отношению к правовой системе является одним из фундаментальных аспектов правосознания, определяющих

приведение самими членами общества собственного поведения в соответствии с действующими законами, а также, воздействие на различные области социальной практики, которые, по их мнению, выходят за рамки соответствия нормального социального порядка. В данном случае, очень важно понимать, что идея гражданского общества предполагает не только самостоятельное следование членов общества существующим правилам, но и реализацию ими инициатив по поддержанию порядка в нем (что, собственно, и реализует один из принципов социального контроля). В свою очередь, недоверие по отношению к действующей нормативной системе может порождать ее фактическое неприятие, что влечет за собой включение членов общества в социальные практики с сомнительным правовым статусом.

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу о том, что доверие граждан по отношению к действующей системе права является одним из необходимых условий становления гражданского общества и правового государства. В свою очередь, дискредитация права представляет собой такое социальное явление, которое в определенной степени расшатывает основы гражданского общества и влечет за собой комплексные негативные последствия, связанные с нарушением соответствия между социальными практиками, реализуемыми членами общества, и действующими нормами права, что влечет за собой либо актуализацию принудительных механизмов реализации действующих норм (что во многом соответствует определениям полицейского государства), либо значительное нарушение социального порядка, результатом которого становится криминализация общественных отношений, снижение эффективности институциональных процессов и, как следствие – значительная дестабилизация ситуации в обществе. По этой причине, большое значение имеет обеспечение государством такой социально-правовой политики, которая способствует укреплению доверия населения по отношению к действующей власти и, напротив, исключение ситуаций, которые могли бы способствовать подрыву общественного доверия к системе права. Это является важным условием становления гражданского общества.

Литература:

1. *Алексеев Н.А.* Понятие гражданского общества / Н.А. Алексеев // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2007. № 2. С. 3–5.
2. *Дятлов А.В.* Гражданское общество / А.В. Дятлов, П.В. Сажин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3-1. С. 64–68.
3. *Ильин А.А.* Демократические основы правового регулирования формирования органов государственной власти в субъектах РФ / А.А. Ильин // Власть. 2014. № 1. С. 117–120.
4. *Никитина Ю.С.* Правовое или полицейское государство – выбор современной России / Ю.С. Никитина // Вестник государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 101–106.

Literature:

1. *Alekseev N.A.* The concept of civil society / N.A. Alekseev // Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. 2007. № 2. P. 3–5.
2. *Dyatlov A.V.* Civil society / A.V. Dyatlov, P.V. Sazhin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. № 3-1. P. 64–68.
3. *Ilyin A.A.* Democratic foundations of legal regulation of the formation of public authorities in the constituent entities of the Russian Federation / A.A. Ilyin // Power. 2014. № 1. P. 117–120.
4. *Nikitina Yu.S.* Legal or police state - the choice of modern Russia / Yu.S. Nikitina // Bulletin of State and Municipal Administration. 2016. № 1. P. 101–106.

5. *Сабирова Н.С.* Гражданское общество и правовое государство / Н.С. Сабирова // *Власть*. 2012. № 5. С. 91–93.

5. *Sabirova N.S.* Civil society and the rule of law / N.S. Sabirova // *Power*. 2012. № 5. P. 91–93.

Ашин Андрей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
urgantfk@mail.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения
наказаний России
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kurlak09@rambler.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ

Аннотация. Авторский коллектив рассматривает деятельность по построению следственных версий в рамках планирования раскрытия и расследования преступлений. Определяя постановку версий как динамический процесс авторский коллектив анализирует изменение версий в зависимости от прогнозов раскрытия и расследования преступления. На основании этого предложен алгоритм выдвижения версий, как по горизонтали, так и по вертикале.

Ключевые слова: расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, следственные версии по делам о незаконном обороте наркотиков, криминалистическая версия.

Andrey A. Ashin
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of State
and Municipal Administration,
Vladimir branch of the Russian Academy
of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation
urgantfk@mail.ru

Alexey E. Mikhailov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Legal Support of State
and Municipal Administration,
Vladimir branch of the Russian Academy
of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute Federal Penitentiary
Service of Russia
urgantfk@mail.ru

Sergey A. Semenov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute Federal Penitentiary
Service of Russia
kurlak09@rambler.ru

SOME ASPECTS OF THE CONSTRUCTION OF INVESTIGATIVE VERSIONS IN CASES OF DRUG TRAFFICKING

Annotation. The team of authors considers the activities of building investigative versions in the framework of planning the disclosure and investigation of crimes. The statement of versions is defined as a dynamic process. The team of authors analyzes the change of versions depending on the forecasts of the disclosure and investigation of the crime. Based on this, an algorithm for advancing versions both horizontally and vertically is proposed.

Keywords: investigation of crimes in the field of drug trafficking, investigative versions of drug trafficking cases, forensic version.

Раскрытие и расследование любого преступления предполагает сложную организационно-мыслительную деятельность, имеющую по-исковый характер и, во многом, основанную на творческом подходе. Не случайно многие ученые-криминалисты сравнивали деятельность следователя с искусством.

Для достижения стоящих перед следователем целей и задач необходимо детально изучить имеющиеся в его распоряжении сведения о совершенном преступлении, оценить имеющиеся и необходимые материально-технические возможности, принять меры для поиска недостающих следов преступления и процессуального оформления существующих. Все это требует применения метода планирования раскрытия и расследования преступления, который позволяет минимизировать возможные ошибки следователя и при наименьших затратах достигнуть наибольших результатов. Суть этого метода заключается во взаимоувязывании целей раскрытия и расследования преступлений с имеющимися и предполагаемыми возможностями следствия по осуществлению раскрытия и расследования преступления.

Реализация метода планирования осуществляется в рамках одноименной деятельности. При этом планирование раскрытия и расследования преступлений, как деятельность, представляет из себя поэтапную реализацию ряда мероприятий. Несмотря на то, что единого представления о содержании процесса планирования нет, в целом исследователи выделяют в нем схожие этапы [3, с. 70]. На наш взгляд, в качестве самостоятельных этапов планирования раскрытия и расследования преступлений следует включить:

- оценку криминалистической ситуации и определение конкретных целей и задач раскрытия преступления;
- выдвижение версий совершенного преступления; определение основных направлений раскрытия и расследования преступлений в соответствии с выдвинутыми версиями;
- определение конкретных следственных, розыскных и процессуальных мероприятий, необходимых для раскрытия и расследования преступления в контексте одной или группы следственных версий;
- установление необходимости использования специальных средств и познаний при раскрытии и расследовании преступлений и определение источников их приискания;
- определение субъектов взаимодействия, востребованных при раскрытии и расследовании данного преступления, и определения механизмов взаимодействия с ними;
- прогнозирование изменений криминалистической ситуации и вероятную трансформацию версий в зависимости от эффективности реализуемых направлений деятельности по раскрытию и расследованию преступлений; составление плана раскрытия и расследования преступления;

– мониторинг криминалистической ситуации, эффективности и полноты реализуемых мероприятий и форм взаимодействия с иными субъектами, вовлеченными в процесс раскрытия и расследования преступлений;

– корректировка плана раскрытия и расследования преступлений на основе результатов проводимого мониторинга.

Как мы видим, деятельность по планированию раскрытия и расследования преступления, хотя, в конечном итоге, и проявляется в виде составленного плана, достаточно сложная, разнообразная и требует от следователя собранности, целеустремленности и определенной широты восприятия. По большей части, эта деятельность выражается в мыслительных процессах [1]. При этом эффективность раскрытия и расследования преступлений, в целом, и планирования, как такового, во многом зависит от правильности оценки криминалистической ситуации и верности выдвинутых версий. Оценив криминалистическую ситуацию и связанные с ней риски, следователь получает возможность сформировать на основе имеющихся данных модель совершенного преступления. Задача следователя в период раскрытия и расследования преступления добиться, чтобы его предположение об обстоятельствах совершенного преступления максимально полно соответствовало истине.

Подобное предположение об обстоятельствах совершенного преступления получило в криминалистике наименование следственная версия [5, с. 179]. Рассмотрим проблематику построения версий на примере преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, чья доля в общем объеме преступности приближается к 9 % [4, с. 154–155].

Поскольку изначально в распоряжении следователя может отсутствовать информация обо всех обстоятельствах совершенного преступления, либо некоторые из них неизвестны (например, о том, кто именно совершил хищение наркотиков, или сколько человек участвовало в культивировании наркотиков на приусадебном участке, известно ли было лицу, что он перевозит наркотики), могут быть выдвинуты несколько версий события произошедшего преступления. Опираясь на имеющиеся данные, представление об общей криминалистической характеристике преступлений, личный опыт и криминалистическую ситуацию, следователь аргументирует возможные версии совершенного преступления.

Именно на основе выдвинутых версий, следователь и организует свою дальнейшую работу, стремясь проверить правильность этих версий. Версии по делам о незаконном обороте наркотиков, также как и по другим уголовным делам, можно разграничить по вертикали и горизонтали [6].

По вертикали версии делятся в зависимости от их значения для процесса раскрытия и расследования преступления на общую и частную. Если версия имеет значение, определяющее направление

всего процесса раскрытия и расследования преступления, она именуется основной или общей. Если версия относится к отдельным обстоятельствам расследуемого преступления или уточняет вариации общей версии, она называется частной.

По горизонтали версии равнозначны друг другу (то есть могут быть и общими, и частными), но разделяются по содержанию в связи с отсутствием всей полноты представлений о совершенном деянии или лицах, его совершивших. Они представлены разными гипотезами о факте одного и того же расследуемого преступления.

Например, классическими равнопорядковыми (горизонтальными) общими версиями любого преступления являются две:

- расследуемое преступление имело место быть;
- преступления не было, имеет место иное правонарушение или инсценировка преступления.

Применительно к преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков версии следует выдвигать, опираясь на сложный характер противоправной деятельности.

Например, при обнаружении в ручной клади пассажира самолета героина целесообразно выдвигать такие общие следственные версии:

- 1) владелец багажа умышленно перевозил наркотики;
- 2) владелец багажа не знал, что среди его вещей находятся наркотики.

Для своевременной и комплексной отработки данных версий целесообразно сразу же выдвигать следственные версии, развивающие данные предположения. В рамках первой версии, это будут частные версии, относящиеся к вопросам квалификации и последующему сбору доказательств:

- перевозка наркотиков осуществлялась с целью сбыта;
- перевозка наркотиков осуществлялась без цели сбыта,
- а также – частные версии относительно происхождения наркотиков:
- подозреваемый самостоятельно изготовил наркотики;
- наркотики были приобретены подозреваемым у третьих лиц.

В свою очередь, вторая общая версия при ее подтверждении предполагает выдвигание таких частных версий, как:

- багаж принадлежит лицу, у которого он изъят;

- багаж принадлежит другому лицу.

При подтверждении первой из этих двух версий закономерно выдвинуть такие версии:

- наркотики в багаж задержанного подложили лица из числа его знакомых (можно указать конкретных лиц, имевших доступ к багажу);
- наркотики упаковали неизвестные задержанному лица (круг этих лиц следует сужать с учетом возможного доступа к багажу (например, работники аэропорта убытия).

Таким образом, как мы видим версии достаточно сложны по своей сути, структуре и весьма динамичны.

Поводом для выдвижения следственных версий для следователя являются самые разные группы фактов. Например, познание мотивов и целей, которыми руководствовался преступник, требует предположения, что лицо совершило преступление с целью личного потребления наркотиков, для передачи их третьим лицам с целью обогащения, для передачи их без цели обогащения [2, с. 35]. В свою очередь, познание характеристик личности преступника допускает следующие предположения:

- преступление совершено лицом, ранее судимым за совершение аналогичных преступлений; п
- преступление было совершено лицом, имеющим навыки изготовления наркотиков;
- преступление совершено лицом, обладающим квалификацией агронома;
- преступление совершено жителем другого региона и т.п.

Помимо этого, можно выделять версии, относящиеся к предмету интереса других лиц, с которыми взаимодействует следователь в процессе раскрытия и расследования преступлений: специалистов, экспертов, работников уголовного розыска. Так, выделяются экспертные версии (наркотики были изготовлены кустарным или промышленным способом), розыскные версии (лицо, будет оказывать противодействие следователю или будет оказывать содействие).

Таким образом, выдвинутые версии служат отправной точкой для разработки плана. На основе выдвинутых версий следователь намечает действия, необходимые для их проверки. При этом важнейшее значение имеет метод прогнозирования. Следователь должен строить не только предположения о факте совершенного преступления, но и обоснованные предположения о возможном развитии криминалистической ситуации, об эффективности предполагаемых мер, о необходимости организации взаимодействия с различными лицами и органами.

Литература:

1. *Дубровин С.В.* Структура, содержание и принципы криминалистического прогнозирования и построения криминалистических версий / С.В. Дубровин // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 56–61.
2. *Киссель Е.В.* Типичные следственные ситуации и версии начального этапа расследования незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях ФСИН России / Е.В. Киссель // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1. С. 34–38.
3. *Курьянова Ю.Ю.* К вопросу о понятии планирования расследования преступлений / Ю.Ю. Курьянова // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1. С. 67–71.
4. *Михайлов А.Е.* Преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: состояние и тенденции / А.Е. Михайлов, С.А. Семенов, И.А. Тараканов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 154–157.
5. *Трухачев В.В.* К вопросу о криминалистической версии / В.В. Трухачев // Общество и право. 2013. № 4. С. 179–181.
6. *Эксархопуло А.А.* Криминалистическая систематика версий как основа поисково-познавательной деятельности / А.А. Эксархопуло // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1. С. 145–149.

Literature:

1. *Dubrovin S.V.* Structure, content and principles of forensic forecasting and construction of forensic versions / S.V. Dubrovin // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2. P. 56–61.
2. *Kissel E.V.* Typical investigative situations and versions of the initial stage of the investigation of illicit drug trafficking in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia / E.V. Kissel // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2014. № 1. P. 34–38.
3. *Kuryanova Yu.Yu.* On the concept of planning the investigation of crimes / Yu.Yu. Kuryanova // Siberian Legal Bulletin. 2010. № 1. P. 67–71.
4. *Mikhailov A.E.* Crime in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors: state and trends / A.E. Mikhailov, S.A. Semenov, I.A. Tarakanov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 10. P. 154–157.
5. *Trukhachev V.V.* On the question of the forensic version / V.V. Trukhachev // Society and law. 2013. № 4. P. 179–181.
6. *Exarchopulo A.A.* Criminalistic systematics of versions as the basis of search and cognitive activity / A.A. Exarchopulo // The rule of law: theory and practice. 2016. № 1. P. 145–149.

Бельтран Наталья Сергеевна

магистрант 2 курса
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
9621644300@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
9040315660@mail.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫНЕСЕНИЯ
СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ
ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные дискуссионные вопросы, касающиеся организации производства судов с участием присяжных заседателей, формировании коллегии присяжных, принятия присяжными вердикта. Процесс рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей вызывает особый интерес среди исследователей и у законодателя, так как данная деятельность рождает множество противоречий. Институт присяжных заседателей в современной России начал свою деятельность с 2003 года.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное дело, суд присяжных, коллегия присяжных заседателей, вердикт, приговор.

Процесс рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей вызывает особый интерес среди исследователей и законодателя, так как данная деятельность рождает множество противоречий. Считается, что дата возвращения суда присяжных в Российскую Федерацию – это 16 июля 1993 года. С принятием уголовно-процессуального кодекса начинается новая реальность в сфере судебного разбирательства. Анализ действующего законодательства, судебной практики и статистики показывает, что в судах присяжных есть очень много проблем и недостатков, которые необходимо разрешить. 09 февраля 2021 г. на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, посвящённом подведению итогов работы российской судебной системы в 2021 году и приоритетным задачам на текущий год, В.В. Путин отметил, что «наша судебная система должна быть полностью готова к такому

Natalia S. Beltran

2nd year Master's Student of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service
9621644300@mail.ru

Vadim V. Ryabchikov

Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service
9040315660@mail.ru

**CERTAIN ASPECTS OF ADJUDICATION
WITH THE PARTICIPATION OF JURORS**

Annotation. The article deals with some controversial issues related to the organization of the proceedings of courts with the participation of jurors, the formation of a jury, the jury's verdict. The process of considering criminal cases with the participation of jurors is of particular interest among researchers and legislators, since this activity gives rise to many contradictions. The Institute of Jurors in modern Russia began its activity in 2003.

Keywords: criminal proceedings, criminal case, jury trial, jury panel, verdict, sentence.

широкому применению передовых технологий и в плане технического оснащения судов, конечно, и, что крайне важно, – к обеспечению на самом высоком уровне судебной защиты прав граждан и юридических лиц» [6]. Перед юридической общественностью ставятся задачи, которые должны решаться.

Институт присяжных заседателей в современной России начал свою деятельность с 2003 года, когда присяжные рассматривали по 1000 дел в год, но через несколько лет данный институт начал сокращать свои полномочия. Например, они лишались права рассматривать дела о половой неприкосновенности, которые угрожали общественной безопасности и ставили под угрозу власть государства. Однако с 01 июня 2018 года в компетенции суда присяжных произошли определенные изменения, связанные с возможностью рассмотрения дел с участием присяжных в

районных и гарнизонных военных судах, рассмотрение дел в отношении женщин и мужчин старше 65 лет (ранее они не имели право на суд присяжных, так как к ним не применялся такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы), а также, расширяется число статей УК РФ, по которым дела могут рассматривать присяжные.

Обратимся к обзору статистики судебного департамента Верховного суда РФ за 2021 год.

В 2021 году с участием присяжных заседателей было рассмотрено: областными судами 230, районными судами 720 уголовных дел. Вынесено обвинительных приговоров областными судами 70,4 %, районными судами 58 %. Оправдательных приговоров соответственно 17,9 % и 35,6 %. Отметим, что в 2020 году рассмотрено: областными судами 197, районными судами 542 уголовных дел. Вынесено обвинительных приговоров областными судами 67,3 %, районными судами 62,4 %. Оправдательных приговоров соответственно 18,3 % и 27,5 % [5]. Заметна небольшая тенденция к увеличению количества уголовных дел рассмотренных с участием присяжных заседателей.

Согласно действующему УПК РФ, при передаче дела в суд у обвиняемого есть право обратиться с ходатайством о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. Количество присяжных заседателей зависит от вида суда, в котором рассматривается уголовное дело. В соответствии со ст. 31 УПК РФ, с 01 июня 2018 года для районных и городских судов – это коллегия из 6 присяжных заседателей, а для Верховного суда субъектов РФ – коллегия из 8 присяжных заседателей, которые участвуют в судебном заседании и выносят свой вердикт: виновен подсудимый в совершенном ему деянии или нет.

В своей работе «Об институте суда присяжных в свете нововведений в Уголовно – процессуальном кодексе России» М.К. Гаджимагомед рассматривал статистику фонда «Общественное мнение», согласно которой только 16 % россиян согласились стать присяжным заседателем, а 78 % отказались. По мнению автора, к кандидатам в присяжные заседатели закон предусматривает много требований: «Он не должен знать никого лично из участников процесса. У него не должно быть опыта работы в правоохранительных органах или вооруженных силах последние 5 лет. Он не должен участвовать в расследовании других уголовных дел. Его мнение по делу не должно формироваться публикациями в СМИ» [2].

На наш взгляд, одна из главных проблем – это исследование присяжными заседателями сведений о личности подсудимого. Согласно уголовно – процессуальному законодательству, эта информация исследуется только в том объеме, который необходим для вынесения присяжными вердикта по уголовному делу. Законодатель запрещает исследовать данные о личности подсудимого, связанные, например, с прежней судимостью, алкогольной или наркотической зависимостью, однако, в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 22 указано: «Судам

следует учитывать, что в присутствии присяжных заседателей допустимо исследовать вопрос о совершении подсудимым преступления в состоянии алкогольного, наркотического или иного вида опьянения, если это связано с предъявленным обвинением, поскольку такие данные относятся к предмету доказывания по уголовному делу» [7].

Отдельные запреты сводится к тому, что у присяжных не должно заранее сформироваться плохого мнения о подсудимом, так как это может повлиять на постановку итогового решения по делу. Однако желательно обратиться и к другим аспектам данной проблемы.

Статья 15 УПК РФ предусматривает такой принцип уголовного судопроизводства, как состязательность сторон, который предусматривает, что процессуальные противники равны перед судом. Установленные законодателем ограничения исследования сведений о личности подсудимого может нарушить данный принцип, поэтому в судебной практике и встречаются противоречивые решения суда.

С.А. Насонов отмечает, что «в практике Верховного Суда РФ нередко признается законным и обоснованным исследование такой информации о личности подсудимого, как профессиональные навыки, личные взаимоотношения между подсудимым и потерпевшим, данные о прежней судимости и другие» [4]. Автор считает, чтобы понять особенности определенного состава преступления необходимо в судебном заседании исследовать указанную в его суждении информацию [4].

Чтобы решить обозначенную нами проблему, необходимо внести поправки в ч. 8 ст. 335 УПК РФ, а именно, изложить её следующим образом: «Информация о личности подсудимого исследуется в зале судебного заседания с участием присяжных заседателей в том объеме, в каком это требуется для определения всех особенностей инкриминируемого подсудимому состава преступления. Председательствующий судья может наложить запрет на установление личности подсудимого с учетом мнений участников судебного разбирательства и особенностей состава преступления, инкриминируемого подсудимому».

Также, стоит выделить проблему постановки вопросов перед коллегией присяжными заседателями с целью вынесения вердикта по делу. Согласно ч. 1 ст. 339 УПК РФ, по каждому из деяний, в совершении которых обвиняется подсудимый, ставятся три основных вопроса. Однако очевидно, что законодателем усмотрена возможность объединения вышеупомянутых вопросов в один вопрос о виновности подсудимого. Это как раз и вызывает очень много дискуссий. С.А. Насонов в своей работе «Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: некоторые проблемы законодательного регулирования и судебной практики» обозначил, что «не указывается в законодательстве, при наличии какого основания председательствующий судья вправе соединить три основных вопроса в один» [3]. Соглашаясь с этим суждением, можно сказать, что, соединяя эти три вопроса, коллегия

присяжных заседателей может не принять во внимание вопросы доказанности преступления и совершения его подсудимым. Таким образом, данное положение можно применять только по тем делам, где защитник и подсудимый не отрицают факт события преступления и виновности в совершении этого деяния подсудимого.

В качестве решения можно внести изменения в ч. 2 ст. 339 УПК РФ, изложив её в следующей редакции: «Если подсудимый признал свою вину, в инкриминируемом ему деянии, и от сторон не поступило возражения, то в вопросном листе возможно включить только один вопрос о виновности подсудимого, соединяющий вопросы, которые указаны в части первой настоящей статьи». Прежде чем удалиться в совещательную комнату, председательствующий судья произносит

Литература:

1. *Астафьев А.Ю.* Напутственное слово председательствующего в суде присяжных: лингвоюридические аспекты / А.Ю. Астафьев // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. № 2. С. 248.
2. *Гаджимагомед М.К.* Об институте суда присяжных в свете нововведений в Уголовно – процессуальном кодексе России / М.К. Гаджимагомед // Закон и право. 2019. № 9. С. 126.
3. *Насонов С.А.* Постановка вопросов, подлежащие решению присяжными заседателями: некоторые проблемы законодательного регулирования и судебной практики / С.А. Насонов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2297.
4. *Насонов С.А.* Проблема исследования данных о личности подсудимого в суде присяжных / С.А. Насонов // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29. С. 100.
5. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL : http://www.supcourt.ru/press_center/news/28750
6. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67743>
7. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 22). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702

напутственное слово коллегии присяжных заседателей с целью обобщения информации, услышанной в зале судебного заседания и доведения ее до коллегии.

Практикующие юристы выделяют следующую проблему: наличия в законодательстве только особенностей напутственного слова председательствовавшего судьи, но нет требований, которые предъявлялись бы к данному слову. А.Ю. Астафьев отмечает, что «самостоятельно судье приходится работать над структурой напутственного слова, семантическими и стилистическими особенностями речи» [1].

Институт присяжных заседателей – это сложный многоступенчатый процесс, требующий дальнейшего совершенствования.

Literature:

1. *Astafyev A.Y.* Parting word of the presiding judge in the jury trial: linguistic and legal aspects / A.Y. Astafyev // Bulletin of the Voronezh State University. 2017. № 2. P. 248.
2. *Gadzhimagomed M.K.* About the institute of jury trial in the light of innovations in the Criminal Procedure Code of Russia / M.K. Gadzhimagomed // Law and Law. 2019. № 9. P. 126.
3. *Nasonov S.A.* Formulation of issues to be resolved by jurors: some problems of legislative regulation and judicial practice / S.A. Nasonov // Actual problems of Russian law. 2014. № 10(47). P. 2297.
4. *Nasonov S.A.* The problem of researching data on the identity of the defendant in a jury trial / S.A. Nasonov // Questions of modern jurisprudence. 2013. № 29. P. 100.
5. The official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : http://www.supcourt.ru/press_center/news/28750
6. The official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67743>
7. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2022 № 22. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702

Бякина Светлана Игоревна
инспектор учебного отдела,
Самарский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
lana.byakina@bk.ru

К ВОПРОСУ О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции контроля за условно-досрочно освобожденными, приводятся официальные статистические данные повторной преступности несовершеннолетних осужденных. Автором обращено внимание на важность проведения воспитательной работы с лицами, не достигшими совершеннолетия, как одного из условий преемственности данного направления, закрепленного в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года. Автор приходит к выводу о целесообразности законодательного совершенствования контроля за условно-досрочно освобожденными, а также, применяемых к ним мер ответственности и проводимой воспитательной работы.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, условно-досрочное освобождение, уголовно-исполнительные инспекции, воспитательная работа, повторная преступность.

Расширение функций уголовно-исполнительных инспекций за счет возложения обязанности по контролю за условно-досрочно освобожденными привлекает внимание ученых, проводящих исследования в сфере наук уголовно-правового цикла.

Вопросы, отнесенные к условно-досрочному освобождению, носят комплексный характер – они лежат в плоскости уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. Вместе с тем, такой вектор деятельности сотрудников УИИ, как контроль за условно-досрочно освобожденными с позиции проблемных аспектов его исполнения, на наш взгляд, исследован недостаточно. Особенно, проблемные вопросы осуществления контроля за несовершеннолетними условно-досрочно освобожденными, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ).

Данные статистики ФСИН России показывают нам, что в 2021 году численность лиц, состоящих на учете УИИ, за счет возложения обязанности контроля за освобожденными условно-досрочно

Svetlana I. Byakina
Inspector of the Educational Department,
Samara Law Institute
of the Federal Penitentiary Service
lana.byakina@bk.ru

ON THE ISSUE OF EDUCATIONAL WORK WITH MINORS RELEASED ON PAROLE

Annotation. The article analyzes the current trends in the control of parolees, provides official statistics on the repeated criminality of juvenile convicts. Attention is drawn to the importance of educational work with persons under the age of majority, as one of the conditions for the continuity of this direction, enshrined in the Concept of the development of the penal system for the period up to 2030. The author comes to the conclusion about the expediency of legislative improvement of control over parolees, as well as the measures of responsibility applied to them and the educational work carried out.

Keywords: juvenile convicts, parole, criminal enforcement inspections, educational work, repeat criminality.

возросла на 4,62 %. Указанный факт предопределяет актуальность изучения данной сферы деятельности.

На основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (№ 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ) за последние пять лет (с 2016 по 2021 гг.) удельный вес преступлений, совершаемых лицами, которые были освобождены условно-досрочно, занял устойчивую позицию на уровне 3 %. В свою очередь, статистические данные ФСИН России за первое полугодие 2022 года отражают высокий уровень повторной преступности несовершеннолетних освобожденных условно-досрочно, в сравнении с лицами, достигшими совершеннолетия. Так, уровень повторной преступности среди 47 несовершеннолетних, состоявших на учете в отчетном периоде (из них 24 ранее уже привлекались к уголовной ответственности) составил 4,26 %, из них 2 – ранее судимых, 2 – совершили преступления в течение 3-х месяцев после постановки на учет, 1 – не занят трудом или

учебой. При этом уровень повторной преступности взрослых осужденных составил 1,18 %.

Это, в свою очередь, выступает определенного рода сигналом, свидетельствующим об актуальности повышения эффективности профилактики преступлений и правонарушений со стороны анализируемой категории, необходимости научного анализа причин и условий совершения ими новых преступлений после освобождения из исправительных учреждений и в период нахождения под контролем сотрудников УИИ.

На наш взгляд, особо важным в аспекте предупреждения совершения преступлений выступают два взаимосвязанных направления – профилактическая и воспитательная работа с несовершеннолетними осужденными, которые актуализируются и в свете реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция 2030).

Воспитательная работа строится, исходя из личности осужденного. Так, если при постановке на учет выявляется, что осужденный ранее был неоднократно судим, в том числе, состоял на учете как осужденный без изоляции от общества, то он должен находиться под особым контролем. Поэтому, в данной ситуации, с учетом личностных особенностей, с ним могут проводиться определенные профилактические мероприятия.

В то же время, оптимальным условием для повышения профилактической деятельности выступают правовые нормы [1, с. 140]. А потому, весомую роль в профилактике повторных преступлений среди несовершеннолетних, освобожденных условно-досрочно, состоящих на учете УИИ, играют предписания действующих правовых актов, регламентирующих исполнение ими обязанностей, ответственность за нарушения условий, а также повышают воспитательное значение данного института, в целом.

По мнению ученых, исследующих вопросы условно-досрочного освобождения, существующих правовых норм недостаточно для эффективного осуществления контроля [2, с. 55].

Действительно, утвержденная Указанием ФСИН России последовательность действий по осуществлению контроля за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания (далее – Последовательность), не имеет статус закона. Кроме этого, в УИК РФ до настоящего времени не внесены какие-либо изменения в данной части, а также, не определен порядок организации и проведения воспитательной работы с анализируемой категорией осужденных.

Единственным воспитательным мероприятием, обозначенным в указанной Последовательности, является беседа с осужденными, чего, на наш взгляд, явно недостаточно. Такое положение можно объяснить тем, что институт условно-досрочного освобождения реализуется в отношении граждан, доказавших свое исправление. Но так ли это на практике? Думается, что не совсем,

так как имеют место повторные преступления уже после освобождения, и уровень повторной преступности несовершеннолетних осужденных показывает незавершенность процесса исправления.

Как справедливо указывает Р.А. Севостьянов, признание вины и раскаяние, стремление осужденного доказать свое исправление далеко не всегда могут соотноситься со стремлением лица прекратить преступный образ жизни [3, с. 230]. Иными словами реальное нравственное исправление несовершеннолетнего может и не достигаться при его досрочном освобождении из воспитательной колонии.

Данный аспект отмечался Ф.В. Грушиным, который пишет, что возможно соблюдение режимных требований, возмещение вреда, причиненного преступлением, трудоустройство и участие в проводимых воспитательных мероприятиях, может осуществляться осужденными целенаправленно, без соответствующих изменений своих позиций в сознании, что, по сути, является приспособленчеством [4, с. 7–8].

Согласно позиции профессора В.И. Селиверстова, основным критерием достижения цели исправления является правопослушное поведение в аспекте соблюдения запрета на совершение преступлений, показателем которого является низкий уровень постпенитенциарной рецидивной преступности [5, с. 68].

На основании изложенного, можно констатировать, что с несовершеннолетними осужденными, которые освободились из исправительных учреждений условно-досрочно, необходимо продолжать воспитательную работу, которую желательно совмещать с социальной, психологической деятельностью и общественным воздействием.

По мнению О.А. Адоевской, воспитательная работа с осужденными регламентирована недостаточно [6, с. 54].

Мы разделяем данное убеждение. Стоит отметить, что раздел XVI Концепции 2030 содержит положение о преемственности при проведении воспитательной работы на различных этапах пребывания осужденного в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Поэтому, в перспективе, при разработке нормативного акта, регламентирующего контроль за условно-досрочно освобожденными, на наш взгляд, важно включить и порядок проведения воспитательной работы.

В завершении отметим, что институтом, непосредственно связанным с воспитательной работой, являются меры ответственности осужденных. На сегодняшний день УК РФ содержит четкий перечень действий лиц условно-досрочно освобожденных, при совершении которых условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть отменено. Но присутствуют отдельные нюансы отмены условно-досрочного освобождения несовершеннолетним осужденным на практике. В частности, в случае

скрытия такого лица от контроля УИИ, как предписано в разделе V Последовательности, инспекция проводит первоначальные розыскные мероприятия. Параллельно с этим, подается представление в суд об отмене условно-досрочного освобождения и исполнении оставшейся не отбытой части наказания. Вместе с тем, суды, в большинстве случаев, выносят мотивированный отказ.

Литература:

1. Криминология : учебник для вузов / Под ред. проф. В.Д. Малкова. 27-е изд., перераб. и доп. М. : ЗАО «Юстицинформ», 2006. 528 с.
2. Разбирин Л.И. Осуществление контроля за условно-досрочно освободившимися от наказания / Л.И. Разбирин // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3(48). С. 49–57.
3. Севостьянов Р.А. «Признание вины» и «раскаяние» как критерии исправления осужденного в судебной практике на стадии исполнения приговора / Р.А. Севостьянов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6(119). С. 226–232.
4. Грушин Ф.В. Развитие уголовной политики в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / Ф.В. Грушин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 7 (230). С. 6–14.
5. Селиверстов В.И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания / В.И. Селиверстов // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 65–73.
6. Адоевская О.А. Конвенционные нормы о ресоциализации осужденных / О.А. Адоевская // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 52–58.

Резюмируя изложенное, мы полагаем необходимым совершенствование законодательства в части осуществления контроля уголовно-исполнительными инспекциями за условно-досрочно освобожденными. Опираясь на личностные особенности несовершеннолетних, мы также считаем целесообразным проведение воспитательной работы с данной категорией и закрепление этого в уголовно-исполнительном законодательстве.

Literature:

1. Criminology: textbook for universities / Edited by prof. V.D. Malkov. 27th ed., reprint. and additional. M. : CJSC «Justicinform», 2006. 528 p.
2. Razbirina L.I. Implementation of control over those released from punishment on parole / L.I. Razbirina // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2021. № 3 (48). P. 49–57.
3. Sevostyanov R.A. «Confession of guilt» and «repentance» as criteria for correcting a convicted person in judicial practice at the stage of execution of a sentence / R.A. Sevostyanov // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 6(119). P. 226–232.
4. Grushin F.V. The development of criminal policy in relation to parole from serving a sentence / F.V. Grushin // Sheets of the penal enforcement system. 2021. № 7(230). P. 6–14.
5. Seliverstov V.I. Correctional doctrine and its impact on the situation of persons released from serving their sentences / V.I. Seliverstov // Legal Bulletin of Samara University. 2018. Vol. 4. № 2. P. 65–73.
6. Adoevskaya O.A. Conventional norms on the resocialization of convicts / O.A. Adoevskaya // Legal Bulletin of Samara University. 2019. Vol. 5. № 1. P. 52–58.

Васильева Яна Юрьевна
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
уголовно-правовых дисциплин,
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
consul50@mail.ru

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 174 И 174.1 УК РФ

Аннотация. Еще недавно о криптовалюте как средстве платежа рассуждали еще гипотетически и не могли предположить, что финансовые операции будущего ближе, чем может казаться. Криптовалюта, по своему существу – это цифровой актив, который может циркулировать без необходимости в центральном валютном органе, таком как правительство или банк. Вместо этого, криптовалюты создаются с использованием криптографических методов, которые позволяют конфиденциально покупать, продавать или обменивать их. В статье представлен исторический анализ зарождения и популяризации криптовалюты как в мире, так и в Российской Федерации. Рассмотрены плюсы и минусы использования криптовалюты в финансовых операциях. Исследуется этимологическое значение термина «криптовалюта», а также – система производства расчетов цифровой валютой, представлен обзор на такую криптовалюту, как биткоин и его аналоги. Представлен обзор российского законодательства регламентирующего криптовалюту в историческом аспекте. Автор приходит к выводу о том, что развитие цифровой валюты стало идеальной почвой для осуществления легализации денежных средств, полученных преступным путем, и активно используется для этих целей. В рамках борьбы с легализацией посредством использования криптовалюты предлагается приведение судебной практики в единообразии в соответствии с действующим законодательством, а криптовалюту необходимо идентифицировать в качестве имущества.

Ключевые слова: легализация, криптовалюта, цифровая валюта, отмывание денежных средств, полученных преступным путем, уголовное право, квалификация деяния, незаконный сбыт наркотических веществ, даркнет.

Развитие новых цифровых технологий требует пристального внимания со стороны

Yana Yu. Vasilieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Criminal Legal Disciplines,
Irkutsk Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
consul50@mail.ru

CRYPTOCURRENCY AS A SUBJECT OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 174 AND 174.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Until recently, cryptocurrency as a means of payment was still hypothetically discussed and could not be assumed that the financial transactions of the future are closer than it might seem. Cryptocurrency at its core is a digital asset that can circulate without the need for a central monetary authority such as a government or a bank. Instead, cryptocurrencies are created using cryptographic techniques that allow them to be bought, sold, or exchanged privately. A historical analysis of the origin and population of cryptocurrency both in the world and in the Russian Federation is presented. The pros and cons of using cryptocurrency in financial transactions are considered. The etymological meaning of the term «cryptocurrency» is investigated, as well as the system for making payments in digital currency, an overview of such a cryptocurrency as bitcoin and its analogues is presented. An overview of the Russian legislation regulating cryptocurrency in the historical aspect is presented. The author comes to the conclusion that the development of digital currency has become an ideal ground for the legalization of money obtained by criminal means, and is actively used for these purposes. As part of the fight against legalization through cryptocurrency, it is proposed to bring judicial practice into uniformity in accordance with current legislation, and cryptocurrency must be identified as property.

Keywords: legalization, cryptocurrency, digital currency, money laundering, criminal law, qualification of an act, illegal sale of drugs, darknet.

законодателя к оценке уровня адекватности правового регулирования общественных отношений

в этой сфере, оценке криминогенных рисков. До недавнего времени понятие и характеристики криптовалюты обсуждались только с точки зрения технологии создания и использования, однако, за последние 5 лет криптовалюта стала предметом многих юридических исследований не только в России, но и за рубежом.

Использование цифровых валют представляет собой уникальную проблему по сравнению с традиционными валютами, такими как рубли и доллары, которые в криптовалютном сообществе называются «фиатными валютами», поскольку их стоимость обеспечивается государствами, выпускающими валюты. В отличие от рублей и долларов, которые можно физически обменять и отследить, криптовалюты существуют только в цифровом домене.

Самой ранней заслуживающей внимания цифровой валютой в начале 1980-х годов в Нидерландах и Соединенных Штатах может быть признана DigiCash, которая в 1990-х годах потерпела неудачу и не получила широкого распространения.

Позже появились платежная онлайн-система PayPal и конкуренты, которые использовали гибридный подход, когда они обрабатывали цифровые транзакции в существующих валютах, а затем, благополучно перешли на новую модификацию.

Другие попытки использовать криптовалюты или, лежащие в их основе технологии, включают такие элементы, как B-Money, Hashcash, Flooz и Bit Gold. Одним из самых громких имен в ранней криптовалюте является Дэвид Чаум, ученый-компьютерщик и математик, который создал DigiCash и сыграл определенную роль в дальнейшем развитии криптографии. Но истинное происхождение Биткойна до сих пор остается загадкой.

Современные криптовалюты были впервые описаны в 1998 году автором Вэй Дай. Концепция полностью появилась в 2008 году с выпуском книги, в которой объясняются основы блокчейна и биткойна. Автором так называемой «Белой книги» считается «Сатоши Накамото», который, предположительно, является псевдонимом человека или группы людей.

В криптовалютном пространстве из-за новизны отрасли существует большая волатильность, то есть, изменчивость цены криптовалюты. Инвесторы стремятся экспериментировать со своими деньгами, чтобы быстро разбогатеть и выяснить, как меняются цены на криптовалюту и могут ли они повлиять на них.

Согласно имеющимся данным, криптовалюта торгуется публично, в частности, на площадке CoinMarketCap.com. По оценке экспертов, общая стоимость всех криптовалют на 13 июня 2022 года составляла около 970 миллионов долларов, существенно снизившись с рекордно высокого уровня выше 2,9 триллиона долларов в конце 2021 года.

Биткойн работает на технологии, называемой блокчейн, которую часто называют системой бухгалтерского учета с «тройной записью». Каждый раз, когда происходит новая транзакция, отправитель, получатель и третья сторона должны подтвердить и согласовать транзакцию. Каждая биткойн-транзакция записывается в цифровой записи с тройной записью, называемой «блокчейн» – любая биткойн-транзакция может быть найдена в этой цифровой записи. Это позволяет сочетать доверие и определенный уровень анонимности, поскольку пользователь может отслеживать каждую транзакцию на конкретный биткойн-кошелек, однако, последнему не обязательно знать, кому принадлежит этот кошелек. С одной стороны, такие возможности направлены на защиту конфиденциальности, но с другой – уже сейчас такая конфиденциальность проблема для чиновников в борьбе с терроризмом и отмытием денег, особенно в России.

Биткойн – не единственный игрок в криптовалютной игре. По мере того, как ее популярность начала расти, другие виды криптовалюты были выпущены с использованием той же технологии блокчейна. Наиболее примечательной альтернативой биткойну является Ethereum, который имеет вторую по величине рыночную капитализацию на крипторынке.

Таким образом, появление криптовалюты открыло невероятные возможности как для финансирования нелегальной деятельности, так и вывода денежных средств. Более того, имеющаяся ситуация, в большей степени усугубляется отсутствием правовой регламентации существования и реализации криптовалюты на территории России. На сегодняшний день, отсутствует единая правовая регламентация криптовалюты, что и порождает большое количество проблем.

Отметим, что криптовалюта как финансовое явление появилось в нашем государстве еще в 2009 году, однако, в силу слабой «популярности» и недооцененности как международного финансового инструмента широкое распространение не получила. Пик активности использования криптовалюты приходится на 2017 год, когда все «плюсы и возможности» криптовалюты стали известны всему российскому обществу.

Если обратиться к статистическим данным, то на 2022 год, по экспертному мнению, зафиксировано более 12 % пользователей криптовалютой от всего населения России, что составляет более 17 миллионов граждан. При таких нарастающих темпах отсутствие правового регулирования криптовалюты становится крайне критичным. Именно поэтому 8 февраля 2022 года Правительство РФ утвердило документ под названием «Концепция законодательного регулирования механизмов организации оборота цифровых валют». Сама Концепция предусматривает многоэтапную работу по внесению изменений в действующее законодательство с целью получения контроля над финансовыми транзакциями электронных денег.

Концепция предполагает, что индивидуумы будут разделены на два класса – квалифицированные и неквалифицированные инвесторы. На неквалифицированных лиц будут распространяться ограничения на суммы переводов и покупок криптовалюты.

Все движения денег при купле-продаже криптовалюты будут осуществляться исключительно через счет или электронные кошельки клиента и оператора обмена цифровых валют, открытые в российских банках. Операции с криптовалютами в эквиваленте более 600000 рублей придется декларировать, сделки вне легального сектора на такую сумму будут признаваться уголовным преступлением. Кроме того, в случае незаконного принятия криптовалюты в качестве формы оплаты на компании будут налагаться многомиллионные штрафы.

Согласно Концепции, в России будут работать валютные биржи, где будут соблюдаться правила, регулирующие крипторынок, предусмотренные российским законодательством.

Центральный банк России, Минфин, Росфинмониторинг, ФНС, Минцифры и Генпрокуратура России будут следить за соблюдением всех регуляторных ограничений в отношении криптовалют в стране. Для контроля и мониторинга платежей в криптовалюте рекомендуется использовать сервис Росфинмониторинга «Прозрачный блокчейн». Этот сервис позволит определять «нормальные» параметры, подозрительную и высокорискованную деятельность, отслеживать цепочки движения цифровых финансовых активов, создавать базу данных криптовалютных кошельков, связанных с противоправной деятельностью и финансированием терроризма.

Примечательно, что законодательством не установлен термин «криптовалюта», но вместо него ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (далее – ФЗ №259-ФЗ) содержит термин «цифровая валюта», согласно которому цифровая валюта – это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в системе [2, с. 85]. Их можно принять как инвестиции или средство платежа, который не является денежной единицей.

Как уже указывалось ранее, криптовалюта (или «крипто») – это цифровой актив, который может циркулировать без необходимости в центральном валютном органе, таком как правительство или банк. Вместо этого, криптовалюты создаются с использованием криптографических методов, которые позволяют людям безопасно покупать, продавать или обменивать их.

При этом к цифровым активам и цифровой валюте не относятся безналичные денежные средства, электронные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги (ч. 11 ст. 1-ФЗ № 259-ФЗ).

Неопределенность, с точки зрения правового регулирования, с одной стороны, тормозит внедрение новых технологий в бизнес-процессы, а с

другой стороны, вызывает интерес к этим технологиям со стороны преступных групп. Европол – полицейская служба Европейского союза – первым заговорил об опасностях использования продуктов технологии блокчейн. Проанализировав тенденции продажи криптовалют в 2015 году, Европол отметил рост их использования в преступной деятельности. Прежде всего, криптовалюта использовалась в качестве платежного средства в нелегальном интернете (даркнете) при совершении коррупционных преступлений, торговли запрещенными веществами: наркотиками, психоактивными веществами и порнографией. К концу 2018 года количество мест использования криптовалютных преступлений значительно увеличилось, но использование цифровых валют в качестве платежного средства на интернет-рынке по-прежнему находится на первом месте.

Подтверждение сказанного можно найти в материалах уголовных дел. Они часто содержат информацию о том, как получить, например, наркотики через сомнительные веб-сайты, специализирующиеся на продаже запрещенных предметов, таких как оружие, наркотики. Преступники пользуются услугами таких сайтов, поскольку последние являются анонимной площадкой, где продавцы и покупатели проводят все финансовые операции с использованием криптовалюты, которую можно использовать анонимно.

Выступая в качестве платежного средства, криптовалюта переводилась через электронные платежные системы, электронные кошельки на банковские счета и выводилась через банкоматы. Следственные органы, расследовавшие дела о сбыте наркотических средств и психотропных веществ с использованием при криминальных расчетах криптовалюты, в таких действиях преступников видели основание для предъявления обвинения в легализации имущества, полученного в результате преступления. Однако у суда не было однозначной позиции по таким вопросам, как следует ли признавать такие финансовые операции легализацией, каков статус криптовалюты – это деньги или иное имущество?

Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Пензы (Пензенская область) № 1-117/2020 от 13 июля 2020 г. по делу установлено, что трое лиц занимались незаконным сбытом наркотиков с помощью сети «Интернет» и использованием социальной сети Telegram. Заказы на товар злоумышленники получали через Telegram, оплата производилась посредством криптовалюты, которая, впоследствии, обналачивалась через группу подставных счетов, что, в данном случае, судом было квалифицировано как легализация денежных средств, полученных преступным путем [4].

Как указано в приговоре, имея преступный умысел на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, полученными от незаконного сбыта наркотических средств, воспользовалась преступной схемой, согласно которой, денежные средства, полученные ею за выполненную работу по оборудованию тайников (закладок) с наркотическими средствами, поступали путем

совершения финансовых операций от неустановленных следствием лиц, в виде криптовалюты bitcoin, с обезличенных bitcoin кошельков, находящихся в ее пользовании, одноразовые обезличенные bitcoin-кошельки, на сайте «localbitcoins.net» (localbitcoins.com), предназначенном для хранения, продажи, перевода, а также создания электронных денежных средств – крипто валюты bitcoin.

Путем совершения неоднократных финансовых операций и других сделок с криптовалютой bitcoin, приобретенной преступниками в результате совершения преступления, в целях придания ей правомерного вида владения, пользования и распоряжения, с использованием услуг сайта «localbitcoins.net» (localbitcoins.com) злоумышленники переводили данную криптовалюту на обезличенные bitcoin-кошельки указанного сайта.

Впоследствии, с учетом курса российского рубля с вышеуказанного сайта преступники получали денежные переводы с лицевых счетов, оформленных в системе Visa QIWI Wallet ЗАО «Киви Банк», в том числе, с лицевых счетов, зарегистрированных на посторонних лиц, неосведомленных о преступном происхождении переводимых денежных средств, на свои лицевые счета Visa QIWI Wallet ЗАО «Киви Банк».

В другом деле, Верховный Суд Республики Крым занял противоположную позицию и вынес оправдательный приговор по ст. 174.1 УК РФ. Обстоятельства совершения преступления сходны. Органами следствия было установлено, что А.Э.Р. открыл неперсонифицированные счета в электронной платежной системе «Киви», на которые перечислялось вознаграждение в криптовалюте, затем переводил их на свои счета в банке и обналичивал в банкоматах, то есть, придавал законный вид, полученным преступным путем,

Литература:

1. О цифровых финансовых активах Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 27. Ч. I. Ст. 5121.
2. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции / С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 85–86.
3. Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 127-АПУ18-8. URL : <https://ukrfkod.ru/pract/apelliationsnyy-prigovor-verkhovnogosuda-rf-ot-13092018-n127-apu18-8>
4. Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы (Пензенская область) № 1-117/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-117/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc>

денежным средствам. Такие действия суд в качестве легализации не признал, а при обжаловании Верховный суд оставил приговор без изменения [3].

В приведенном примере суды первой и второй инстанции, в первую очередь, исходили из того, что избранный способ получения денежных средств (с использованием различных платежных систем, счетов и его банковской карты) использовался не с целью придания правомерного вида пользованию, владению, распоряжению, а в целях конспирации преступной деятельности и получения на руки денежных средств для личных нужд.

Для правильной квалификации преступлений, совершенных с криминальным приобретением криптовалюты или с ее использованием, важное значение имеют положения об условиях оборота криптовалюты, изложенные в статьях 17, 19, 21, 22 и др. Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

Анализируя законодательство, можно сделать вывод о том, что в случаях отмывания преступных доходов, совершения коррупционных преступлений, финансирования терроризма, экстремизма и цифровая валюта должна рассматриваться как имущество.

Подытоживая, полагаю, что вышеназванный Федеральный закон должен разрешить ряд спорных вопросов относительно правовой природы криптовалюты как одного из видов цифровой валюты, что способствовало бы формированию единой судебной практики по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты в целом, и по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, в частности.

Literature:

1. On digital financial assets Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 27. Part I. Art. 5121.
2. Crimes related to the use of cryptocurrency: main criminological trends / S.V. Ivantsov, E.L. Sidorenko, B.A. Spasennikov [et al.] // All-Russian criminological journal. 2019. Vol. 13. № 1. P. 85–86.
3. Appeal judgment of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 13, 2018 № 127-APU18-8. URL : <https://ukrfkod.ru/pract/apelliationsnyy-prigovor-verkhovnogosuda-rf-ot-13092018-n127-apu18-8>
4. Sentence of the Zheleznodorozhny District Court of Penza (Penza Region) № 1-117/2020 dated July 13, 2020 in case № 1-117/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc>

Вильнова Валентина Андреевна
аспирантка кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет
adv.vilnova-v@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ВРЕДА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Целью механизма правового регулирования является упорядочение общественных отношений, гарантии справедливого удовлетворения интересов субъектов. В процессе правового регулирования создается режим благоприятствования для развития полезных общественных отношений. В статье рассмотрен механизм правового регулирования, его цели и задачи. Проанализирован вопрос о месте категории вреда в механизме правового регулирования. Сделан вывод о том, что вред является основанием для регулирования общественных отношений, а также фактором, определяющим эффективность правового регулирования.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, вред, правовой запрет, эффективность правового регулирования.

В юридической литературе существует несколько подходов к определению понятия «механизм правового регулирования» [11, с. 79].

Общепринятой является дефиниция С.С. Алексеева, который трактует его, как взятую в единстве динамическую систему правовых средств (звеньев, элементов), при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [1, с. 30]. К структуре данного механизма относят нормы права, юридические факты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты [10, с. 17]. Некоторые авторы к элементам механизма правового регулирования относят правосознание и режим законности [13, с. 8; 3, с. 321].

А.А. Косых справедливо отмечает, что механизм правового регулирования – это, своего рода, воздействие на пути к достижению поставленных целей [4, с. 89].

Целью механизма правового регулирования является упорядочение общественных отношений, гарантии справедливого удовлетворения интересов субъектов. В процессе правового регулирования создается режим благоприятствования для развития полезных общественных отношений [7, с. 501–502].

Valentina A. Vilnova
Postgraduate Student of the Department
of State and Legal Disciplines,
Penza State University
adv.vilnova-v@mail.ru

CATEGORY OF HARM IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Annotation. The purpose of the mechanism of legal regulation is to streamline social relations, guarantee fair satisfaction of the interests of subjects. In the process of legal regulation, a favorable regime is created for the development of useful social relations. The article considers the mechanism of legal regulation, its goals and objectives. The question of the place of the category of harm in the mechanism of legal regulation is analyzed. It is concluded that harm is the basis for regulating public relations, as well as a factor determining the effectiveness of legal regulation.

Keywords: mechanism of legal regulation, harm, legal prohibition, effectiveness of legal regulation.

Категория «механизм правового регулирования» раскрывает с помощью каких средств достигаются цели и задачи упорядочения общественных отношений. При этом механизм правового регулирования не только помогает понять, какие стоят цели, задачи и как они выполняются. Данный правовой феномен призван обеспечить их реализацию и выполнение [4, с. 89].

Главное назначение механизма правового регулирования состоит в том, что он позволяет установить сам процесс перевода предписаний права в реальное правомерное поведение человека [13, с. 7].

Правовое регулирование является частью социального регламентирования общественных отношений, которое еще на заре человеческой цивилизации, посредством табу и обычаев, упорядочивало общественные отношения [3, с. 318].

Первоначальным мотивом для социального творчества стала необходимость реагирования на опасности, порожденные такой уникальной биологической особенностью человека, как отсутствие инстинктивных блокираторов внутривидовой агрессии. Постоянно расширяющиеся, благодаря разуму, возможности человека по нанесению ущерба (вреда) себе подобным (и, прежде всего, своему ближайшему окружению)

превращают это биологическое свойство в смертельную угрозу для всего человеческого рода [12, с. 61].

Угроза причинения вреда стала основанием для введения социальных запретов, которые «по своим последствиям проявления спасительной разумной ответственности человека» стали исключительно важным средством регулирования.

В механизме правового регулирования есть три способа воздействия на общественные отношения: дозволение, обязывание, запрещение.

В юридическом сообществе нет единого мнения о содержании правовых запретов, но многие ученые, прямо или косвенно, признают запрет как юридический способ, создающий барьеры, очерчивающие границы свободы, предотвращая наличие нежелательного социально вредного поведения в обществе [9, с. 71].

Запреты представляют собой нормативно-правовое предписание, устанавливаемое с целью недопущения совершения наиболее общественно-вредных вариантов поведения субъектов права и обеспечиваемое возможностью применения мер юридической ответственности за их нарушение, а также, выполняющие, в определенных случаях, функцию защиты права или наказания [15, с. 46]. Например, исторически важным шагом стало введение запрета на эндогамные половые связи (запрет на инцест), который был необходим для предотвращения угрозы вырождения человеческого сообщества. О значении этого шага для всей последующей социальной эволюции свидетельствует тот факт, что данный запрет закрепился в столь жестком табу, что ему удалось дойти до наших дней в качестве общепринятой нормы внутрисемейных отношений [12, с. 61].

Потенциальный вред, который может стать следствием тех или иных действий или бездействий индивида, является своего рода сдерживающим фактором от неправомерного поведения, и, одновременно, стимулом для правомерного поведения. Как отмечает Г.В. Мальцев, человек подчиняется человеку, принимает к исполнению доминантную волю ради решения близких ему духовных и материальных проблем, в расчете на эквивалентное предоставление, возмещение, награду либо на устранение риска что-либо потерять [6, с. 290], в том числе, с целью организации безопасного пространства с минимальными рисками причинения вреда.

Таким образом, целью правового регулирования является не только упорядочение общественных отношений и закрепления социально-полезного поведения, но и охрана и защита общества и государства от вреда, источником которого может стать индивид, его действия и бездействия. Следует отметить, что правовое регулирование распространяется также на вред, который является результатом событий, не зависящих от сознания и воли индивида. Например, Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» закреплен

комплекс мер по предупреждению и преодолению вредоносного воздействия явлений природного и техногенного характера.

Категория «вред» известна юридической науке со времен ее зарождения. Приведем несколько фрагментарных примеров из истории политико-правовой мысли для иллюстрации неизменности категории вреда в механизме правового регулирования, а также – в философских воззрениях на цели и задачи нормативной регуляции поведения индивида.

В период античности идеи естественного права обосновывают необходимость соблюдения разумного и справедливого порядка воздержания от вреда во благо человечеству как гарантии существования и обеспечения субъективных прав граждан [8, с. 55].

Развивая идеи о естественных правах человека, Т. Гоббс объясняет происхождение и существование института государства и права необходимостью защиты граждан от вреда во имя общего блага [8, с. 271].

И. Бентам разработал концепцию «предотвращения вреда» как общую цель всех законов [2, с. 105]. Дж.- Ст. Милль назвал вред единственным критерием государственно-правового регулирования частной жизни индивида. «Принцип вреда» или «принцип Милля» заключается в том, что принудительное властное ограничение свободы индивида возможно только в случае необходимости предотвращения причинения вреда другим, в остальных случаях индивид имеет суверенитет.

Так, само существование государства и права объясняется необходимостью кооперации индивидов для стабильного и безопасного существования, или с целью защиты от вреда.

Вред является «сквозной» категорией в юридической науке, которая пронизывает абсолютно все отрасли права и является краеугольным камнем в механизме правового регулирования [5, с. 4].

На всех стадиях механизма правового регулирования проявляется охранительная функция права, обеспечивающая защиту участников общественных отношений от наиболее вредных последствий поведения индивидов.

Вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным) [14, с. 456].

Кроме того, вред является центральным понятием уголовного и административного права, а именно – основным признаком преступления / правонарушения.

Вред – это неблагоприятные последствия неправомерного поведения, которые становятся основанием для наступления юридической ответственности.

Категория вреда в механизме правового регулирования является основанием нормативной регламентации общественных отношений, а также – идентификатором его эффективности.

Эффективность правового регулирования А.В. Малько видит в соотношении между достигнутым результатом правового регулирования и стоящей перед ним целью [7, с. 505].

Литература:

1. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. 187 с.
2. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства. М. : РОСНЭП, 1998. 416 с.
3. *Власенко Н.А.* Теория государства и права : учебное пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. 480 с.
4. *Косых А.А.* Убеждение в правовом регулировании общественных отношений : монография. Воронеж : Научная книга, 2017. 165 с.
5. *Малиновский А.А.* Вред как юридическая категория / А.А. Малиновский // Юрист. 2006. № 2. С. 4–7.
6. *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.
7. *Матузов Н.И.* Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 5-е изд. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 528 с.
8. *Нерсесянц В.С.* История политических и правовых учений : учебник для вузов. М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. 704 с.
9. *Нурмагамбетов Р.Г.* Конституционно-правовые запреты, ограничения и дозволения как способы правового регулирования общественных отношений / Р.Г. Нурмагамбетов // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 12(90). С. 71–78.
10. *Осипов М.Ю.* Механизм правового регулирования и механизм реализации права: понятие и соотношение / М.Ю. Осипов // Современное право. 2013. № 12. С. 16–21.
11. *Панкова О.В.* Основные направления исследований механизмов в праве в современной научной доктрине / О.В. Панкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1. С. 66–80.
12. *Савенков А.Н.* Трансформации прав человека в современном мире : монография / А.Н. Савенков; Отв. ред. А.Н. Савенков. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 256 с.
13. *Скрипник А.В.* Механизм правового регулирования: его составные части и содержание /

Если цель правового регулирования – упорядочение общественных отношений посредством поощрения правомерного поведения и установления режима законности, то вред – это явления прямо противоположное, поэтому выявление факторов вреда и их минимизация на всех стадиях механизма правового регулирования является условием эффективного правового регулирования.

Literature:

1. *Alekseev S.S.* The mechanism of legal regulation in a socialist state. M., 1966. 187 p.
2. *Bentham I.* Introduction to the foundation of morality and legislation. M. : ROSNEP, 1998. 416 p.
3. *Vlasenko N.A.* Theory of state and law: textbook for undergraduate students. 3rd ed., add. and correct. M. : Norma : INFRA-M, 2021. 480 p.
4. *Kosykh A.A.* Persuasion in the legal regulation of public relations : monograph. Voronezh : Scientific book, 2017. 165 p.
5. *Malinovsky A.A.* Harm as a legal category / A.A. Malinovsky // Lawyer. 2006. № 2. P. 4–7.
6. *Maltsev G.V.* Understanding the law. Approaches and problems. M., Prometheus. 1999. 419 p.
7. *Matuzov N.I.* Theory of state and law: textbook / N.I. Matuzov, A.V. Malko. 5th ed. M. : Delo Publishing House, RANEPА, 2020. 528 p.
8. *Nersesyants V.S.* History of political and legal doctrines : textbook for universities / V.S. Nersesyants. M. : Norma: INFRA-M, 2021. 704 p.
9. *Nurmagambetov R.G.* Constitutional and legal prohibitions, restrictions and permissions as ways of legal regulation of public relations / R.G. Nurmagambetov // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2007. № 12(90). P. 71–78.
10. *Osipov M.Yu.* The mechanism of legal regulation and the mechanism for the implementation of law: the concept and ratio / M.Yu. Osipov // Modern law. 2013. № 12. P. 16–21.
11. *Pankova O.V.* The main directions of research of mechanisms in law in modern scientific doctrine / O.V. Pankova // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2020. № 1. P. 66–80.
12. *Savenkov A.N.* Transformations of human rights in the modern world : monograph / A.N. Savenkov; Editor-in-chief A.N. Savenkov. M. : Norma : INFRA-M, 2020. 256 p.
13. *Skrypnik A.V.* The mechanism of legal regulation: its components and content / A.V. Skrypnik // Law

А.В. Скрипник // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4(172). С. 6–9.

14. *Суханов Е.А.* Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 4-е изд., стер. М. : Статут, 2015. 958 с.

15. *Толмачев В.В.* К вопросу о понятии и природе запретов в праве / В.В. Толмачев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5(88). С. 42–46.

and State: theory and practice. 2019. № 4(172). P. 6–9.

14. *Sukhanov E.A.* Russian civil law. A common part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. 4th ed., ster. M. : Statute, 2015. 958 p.

15. *Tolmachev V.V.* To the question of the concept and nature of prohibitions in law / V.V. Tolmachev // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2012. № 5(88). P. 42–46.

Гараева Галина Фаизовна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры общетеоретических
правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
garaeva@mail.ru

Терентьев Игорь Александрович

кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных
и естественно-научных дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
garaeva@mail.ru

**ПРАВО И НРАВСТВЕННОСТЬ:
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ В
ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимосвязи права и нравственности как элементов единой соционормативной системы. В центре внимания авторов находится специфика трансформаций права и нравственности в эпоху цифровизации, позитивные и негативные тенденции, которые она вызывает. Авторы обращают внимание на особую роль права, в силу его государственной поддержки, в обеспечении действия нравственных норм в информационном пространстве. В свою очередь, нравственное основание права обеспечивает существование границ правового регулирования, выход за пределы которых будет противоречить требованиям единой соционормативной культуры в обществе. В статье анализируется роль юридического мышления в предупреждении наступления негативных последствий цифровой трансформации права и его нравственного основания.

Ключевые слова: право, правовая норма, нравственность, нравственная норма, социальная норма, единая соционормативная система, цифровизация, трансформация права, юридическое мышление, государство, искусственный интеллект.

Вопрос о наличии взаимосвязи, взаимовлияния и взаимной обусловленности права и нравственности в обществе можно назвать одним из «вечных» для философии и теории права. Он не теряет своей остроты как в силу смыслообразующего характера для понимания сущности права, так и с точки зрения наличия границ в

Galina F. Garaeva

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
of General Theoretical
Legal Disciplines,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
garaeva@mail.ru

Igor A. Terentev

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social, Humanitarian and Natural Sciences,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
garaeva@mail.ru

**LAW AND MORALITY: FEATURES
OF INTERRELATION IN THE ERA
OF DIGITAL TRANSFORMATION**

Annotation. The article examines the features of the relationship between law and morality as elements of a single socionormative system. The authors focus on the specifics of the transformations of law and morality in the era of digitalization, positive and negative trends that it causes. The authors draw attention to the special role of law, due to its state support, in ensuring the operation of moral norms in the information space. In turn, the moral foundation of law provides the boundaries of legal regulation, going beyond which will contradict the requirements of a unified socionormative culture in society. The article analyzes the role of legal thinking in preventing the onset of negative consequences of the digital transformation of law and its moral foundation.

Keywords: law, legal norm, morality, moral norm, social norm, unified socionormative system, digitalization, transformation of law, legal thinking, state, artificial intelligence.

правотворческой и правоприменительной деятельности человека.

За долгую историю вопроса о взаимосвязи права и нравственности принципиальные подходы к нему уже устоялись и кажутся незыблемыми. Сегодня право и нравственность не противопоставляются друг другу, нравственно-правовое

регулирование выступает как цивилизационный фактор, что, однако, не стирает различия и особенности между правом и нравственностью как самостоятельными регуляторами общественных отношений.

Нравственное основание права рассматривалось философами и теоретиками права с разных методологических позиций, но главным оставалось убеждение, что право не может быть направлено против тех нравственных ценностей, которые служат благу человека и общества, а следовательно, оно находится в одной нормативно-регулятивной плоскости, что и нравственность.

XXI век не смог разорвать связь между правом и нравственностью, а наследовал весь багаж аргументов, которые были выработаны предшествующими эпохами в обоснование нравственной природы права, органической взаимосвязи нравственной и правовой сущности человека.

Но сегодня право и нравственность испытывают воздействие всех тех перемен, которым подвержено современное общество под влиянием научно-технического прогресса. Так, трансформации в правовой сфере, обусловленные процессом цифровизации, сказываются на изменении объема прав человека, появлении новых объектов гражданских прав, информатизации процессуальной сферы, использовании искусственного интеллекта и т.д. Цифровые технологии в правовой сфере призваны решать определённый круг назревших проблем, например, они могут уменьшить или устранить субъективные проявления в указанной области общественных отношений. В тоже время, в своей крайней форме, такой подход может привести к желанию утвердить господство искусственного интеллекта, отстранить человека от принятия решений, сопряжённых с личностным выбором, учётом нравственной природы права.

Вопрос о сохранности или утрате в условиях цифровизации нравственного основания права можно считать одним из важнейших, так как он является смыслообразующим и для правовой системы, и для социума, в целом.

Известно также, что информационные технологии подарили человечеству много возможностей рационализировать свою деятельность, а также, привнесли больше свободы в поведение людей посредством информационного поля и сетевого пространства. Новые формы коммуникации и взаимодействия людей, появившиеся вместе с развитием современных информационных технологий, принесли как положительные последствия, так и новые возможности ущемления прав и свобод человека, новый формат общественных и межличностных конфликтов. И в этой связи, актуальными становятся вопросы: До каких пределов может трансформироваться право и правовое регулирование в условиях цифрового преобразования общественных отношений? Исчезнет ли прежняя взаимосвязь права и нравственности, имеющих своим адресатом человека, наделенного духовной природой, являющегося одновременно носителем нравственных, правовых и религиозных норм? Ответ на эти вопросы, на наш

взгляд, надо искать не в характере технологических перемен, а в особенностях природы человека и социальных норм.

Совершенно верно Г.В. Мальцев отмечал наличие в человеческом обществе единой соционормативной культуры, составными частями которой выступают нормативно-регулятивные системы. При этом он подчеркивал особую роль нравственности в этом ряду: «Нравственность даёт возможность конструировать правильные и социально одобренные эталоны поведения членов общества на основе широкого ценностного опыта, относящегося ко всем сферам регулирования. Она вырабатывает единый масштаб, систему отсчёта, применяемую к действующим регуляторам поведения, и только в том случае, если они фактически измерены этим масштабом, можно говорить, что они нравственны, то есть относятся к миру нравственных явлений» [3, с. 41]. Никакая технология не может отменить нравственное измерение поведения людей и соотнесение других нормативных регуляторов в обществе с нормами морали, если этого не пожелает сделать сам человек.

Технологии также не могут отменить, разрушить сущность права, ведь если произойдет утрата правом имманентных его природе свойств, то это приведет к исчезновению права, а не к изменению его сущности. В этой связи, на наш взгляд, технологии могут породить новый вариант «квазиправа», если в ходе технологических новшеств право будет оторвано от своей нравственной основы.

В этой связи, чрезвычайно возрастает роль государства и его ответственность за сохранение нравственного основания права, законодательную поддержку этических принципов в правотворчестве и правоприменении, обеспечении единства элементов соционормативной культуры в обществе.

Также, трудно переоценить роль государства в формировании границ правового пространства в условиях сетевой коммуникации. Именно государству предстоит найти баланс между обеспечением правопорядка в обществе и складывающимися современными формами проявления личной свободы граждан, соблюдением тайны их частной жизни в информационном пространстве. В поиске этого баланса велика роль и самих граждан, вовлеченных в орбиту виртуального мира и сетевой коммуникации. И сегодня звучат актуально слова Е.Н. Трубецкого, который подчеркивал огромное значение понимания человеком необходимости ограничения его свободы, преодоления эгоистических побуждений в обществе: «Живя в обществе, я должен сознательно поступить в пользу ближнего целым рядом эгоистических интересов и целей: я должен уважать чужую жизнь, свободу и имущество; так же должен относиться ко мне мой ближний; все мы должны почитать право, как общий порядок, который должен господствовать над волей каждого из нас» [4, с. 289].

Следует отметить, что современный масштаб свободы, который принесла с собой информатизация и цифровизация, актуализировал проблему правового регулирования, обозначения тех границ, за которыми причиняется вред другим людям и обществу. В этих условиях государство не только должно защитить гражданина от посягательств на его права и интересы в сети Интернет, но и не вторгнуться в сферу, регулируемую нравственными нормами. Иными словами, необходимость совершенствования правового регулирования под влиянием технологического фактора не устраняет уже сложившуюся линию демаркации регулирования свободы человека правовой нормой и нравственной нормой, а, напротив, проверяет ее на прочность и универсальный характер.

Но более всего вопрос о взаимосвязи права и нравственности обретает остроту в ракурсе трансформаций, непосредственно касающихся права и правовых процессов, и в частности, с использованием искусственного интеллекта. На современном этапе искусственный интеллект, в основном, предназначен для быстрой обработки большого объема информации. Однако в мире уже начинает обозначаться тенденция его применения в формате принятия самостоятельных решений, в том числе, и судебных. Так, в Китае появилась практика онлайн правосудия, которая активизировалась в период пандемии и, по существу, представляла собой «правосудие на кончиках пальцев», так как осуществлялась через приложение на телефоне и компьютере. И если сегодня искусственный интеллект, на основе самостоятельного анализа предоставленных ему документов, предлагает судье необходимые рекомендации, играет вспомогательную роль, то, в недалекой перспективе, он сможет выносить решения без участия человека, сокращая сроки рассмотрения дел, повышая объективность и доверие к судопроизводству [5, с. 185].

Однако помимо очевидных положительных моментов применения искусственного интеллекта в правовой сфере и, в частности, в судопроизводстве, могут иметь место и негативные последствия, в том числе, сопряженные с нравственным основанием права. Вынося свое решение, искусственный интеллект не сможет его обосновать, разобраться в противоречиях норм и доказательств, применить оценочные понятия, разобраться в тонкостях смягчающих или отягчающих вину обстоятельств и так далее.

Для искусственного интеллекта невозможно оцифровать понятие «справедливый приговор». В такой ситуации возможны разные сценарии развития трансформации права в условиях цифровизации. Не исключен и такой сценарий, когда из прагматических соображений продвижения искусственного интеллекта в правовой сфере произойдет отказ от соотношения правовых и нравственных предписаний в обществе, от всего, что будет затруднять алгоритмизацию юридической деятельности. Иными словами, «под удар» попадут такие нравственные ценности, которые выступают основанием для правовой нормы, например, справедливость, равенство, благо,

милосердие, свобода, доброта, любовь к ближнему и т.д. А если они будут отделены от правовой нормы, то лишатся государственной поддержки и защиты. В результате, право перестанет быть правом и, в итоге, станет «...возможен полный отрыв права от его нравственных оснований и его перерождение в управленческую технологию, модификации права будут сопровождаться вытеснением из него элемента правосознания» [2, с. 42].

Безусловно, сегодня велика роль правосознания в сохранении и приумножении всего прогрессивного и гуманистически ориентированного в современном мире. Мы остановимся одним из его элементов – юридическом мышлении, непосредственно связанном со спецификой профессионального отношения к цифровизации права.

Мыслить юридически – это значит уметь выявить связи между субъектами правоотношений, установить юридически значимые факты и связи между элементами, понимать особенности правовой модели человеческих отношений через призму общечеловеческих ценностей и правопорядка. Юридическое мышление – это нормативно-правовой стиль мышления, который базируется не только на системе норм права и высокой нормативной культуре, но также на обостренном чувстве справедливости, равенства, свободы. Юридическое мышление не просто определяет все направления деятельности юриста, но оно включено в систему общечеловеческих ценностей, является их проводником в социуме.

Юридическое мышление включает в себе не только накопленный опыт правового регулирования и правового знания, но также отражает уровень развития науки и технологий. Сегодня мы становимся свидетелями того, что юридическое мышление испытывает сильное влияние цифровых технологий и стоит на пороге парадигмальных перемен. Но при этом, по-прежнему, большое значение имеет нравственно-критическая оценка происходящих трансформаций права, вне которой трудно отделить новое от полезного и прогрессивного, которое может остаться в прошлом.

Принимая во внимание не только положительные аспекты цифровизации права, но и сопряженные с ней риски и угрозы смыслообразующим основам правовых отношений в социуме, важна направленность юридического мышления на целостное восприятие всех социальных взаимосвязей права, в том числе, и в отношении нравственных нормам. Ведь социальные риски имеют место тогда, когда использование технологий происходит без опережающего анализа последствий их воздействия на человека и социальные процессы.

Взаимосвязь права и нравственности имеет духовно-практический характер, что находит отражение, как на теоретическом уровне, так и в практической деятельности юриста. И сегодня, на наш взгляд, остро стоит вопрос разработки теории трансформации права, в рамках которой должна найти решение и проблема верификации нравственной природы права в современном

высокотехнологичном мире. Ведь сегодняшние реалии таковы, что в условиях цифровизации нравственность как социальный регулятор уже не может проявить себя в полную силу.

Отказ от следования нормам нравственности отдельными людьми в интернет-пространстве остаётся безнаказанным и на совести тех, кто нарушает нравственные запреты. Общественное порицание и неуважение к таким людям уже не применимо в силу трансграничности и анонимного характера коммуникаций в информационном пространстве.

В условиях, когда ослабевает регулятивная сила нравственности в современном обществе, это не может не сказываться на взаимосвязи права и морали. В результате, возникает угроза для этой объективно необходимой взаимосвязи между социальными регуляторами, относимыми к единой соционормативной культуре. В создавшейся ситуации именно правовое регулирование публичного пространства виртуальной реальности способно укрепить и защитить нравственные нормы и способствовать реализации важнейших социальных задач права. Как верно отмечает Е.А. Лукашева: «Право как явление, противостоящее беззаконию и произволу, выполняет социальную миссию упорядочения общественных отношений. Оно возникает тогда, когда формируются новые производственные отношения, при которых

моральное регулирование не в состоянии скоординировать отношения личности и общества и появляется потребность в более жестких формах воздействия на данные отношения» [5, с. 137]. В условиях четвертой промышленной революции, когда мы стали свидетелями трансформации практически всех сфер общественной жизни, социальные нормы могут сохранить своё смысловое ядро в тесной взаимосвязи и поддержке друг друга. Но право среди них занимает особое место в силу его неразрывной связи с государством.

Что же касается взаимосвязи права и нравственности, то можно утверждать, что в условиях цифровизации возрастает необходимость в их взаимной поддержке и обусловленности. А если последствия цифровизации не будут своевременно осмысливаться с точки зрения их влияния на сущность права и нравственности, то «размывание» или подмена содержания одной социальной нормы будет вызывать девальвацию другой социальной нормы как элементов единой соционормативной системы общества. Но будут ли право и нравственность укреплять друг друга или наоборот способствовать разрушению традиционных ценностей и их общепризнанного содержания в условиях цифровизации во многом будет определяться не технологическими инновациями, а верностью человека системе общечеловеческих ценностей, апробированных многовековым опытом.

Литература:

1. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. Ин-т государства и права Российской академии наук. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 383 с.
2. *Малахов В.П.* Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности / В.П. Малахов, Г.М. Азнагулова // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 2(42). С. 42.
3. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. М. : Норма, 2008. 550 с.
4. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой; Вступ. ст. и примеч. И.И. Евлампиева // Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб. : Издательство РХГИ, 2001. 289 с.
5. *Хорошко И.В.* Зарубежный опыт электронной формы гражданского судопроизводства на примере Республики Сингапур и Китайской Народной Республики: история возникновения и современное состояние / И.В. Хорошко // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1–4). № 2. С. 183–187.

Literature:

1. *Lukasheva E.A.* Man, law, civilization: normative and value dimension. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. M. : Norm : INFRA-M, 2014. 383 p.
2. *Malakhov V.P.* The problem of legal understanding in the conditions of digital reality / V.P. Malakhov, G.M. Aznagulova // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series «Legal Sciences». 2021. № 2(42). P. 42.
3. *Maltsev G.V.* Moral foundations of law. M. : Norm, 2008. 550 p.
4. *Trubetskoy E.N.* Encyclopedia of Law / E.N. Trubetskoy; Introductory article and note by I.I. Evlampiev // Trubetskoy E.N. Works on the philosophy of law. SPb. : Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2001. 289 p.
5. *Khoroshko I.V.* Foreign experience of the electronic form of civil proceedings on the example of the Republic of Singapore and the People's Republic of China: the history of origin and current state / I.V. Khoroshko // Man: crime and punishment. 2022. Vol. 30 (1–4). № 2. P. 183–187.

Готчина Лариса Владимировна

доктор юридических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
уголовного права и криминологии,
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации
lgotchina@yandex.ru

**КРИМИНАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ
В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ
И ПРЕДПОСЫЛКИ
ИХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ПОЗНАНИЯ**

Аннотация. В статье представлены криминальные угрозы в киберпространстве и определены предпосылки их криминологического познания. Выявлена общественно-политическая значимость вопросов противодействия современным криминальным угрозам, распространяемым в информационно-телекоммуникационном пространстве. Отмечены актуальные тенденции роста криминальных угроз в сети Интернет, включающие: увеличение количества преступления, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей; расширение границ пропаганды преступного и антиобщественного поведения; активизацию деструктивных сообществ, вовлекающих граждан в преступную деятельность. Указаны проблемы правоохранительной практики в данной области и определена потребность в разработке системы криминологического знания о современных криминальных угрозах в киберпространстве и способах противодействия им.

Ключевые слова: киберпреступность, сеть Интернет, киберпространство, криминальные угрозы, криминология, криминологические исследования, правоохранительная деятельность, предупреждение преступлений.

Современные цифровые преобразования, глубоко укоренившись в жизнь государства и общества, активно проникают в различные общественные отношения, модернизируя традиционные и создавая новые формы социального взаимодействия. Подобные изменения не обошли стороной криминальную сферу, образовали новые причины, условия и криминогенные факторы, влияющие на состояние преступности, создали современные инструменты воздействия, формирующие криминогенные качества личности, что требует выстраивания качественной политики противодействия [1, с. 21].

Larisa V. Gotchina

Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
St. Petersburg Academy Investigative
Committee of the Russian Federation
lgotchina@yandex.ru

**CRIMINAL THREATS IN CYBERSPACE
AND THE PREREQUISITES FOR THEIR
CRIMINOLOGICAL RESEARCH**

Annotation. The article presents criminal threats in cyberspace and defines the prerequisites for their criminological cognition. The socio-political significance of the issues of countering modern criminal threats spread in the information and telecommunications space is revealed. The current trends in the growth of criminal threats on the Internet are noted, including: an increase in the number of crimes committed using information and telecommunications networks; expansion of the boundaries of propaganda of criminal and antisocial behavior; activation of destructive communities that involve citizens in criminal activities. The problems of law enforcement practice in this area are indicated and the need for the development of a system of criminological knowledge about modern criminal threats in cyberspace and ways to counter them is determined.

Keywords: cybercrime, the Internet, cyberspace, criminal threats, criminology, criminological research, law enforcement, crime prevention.

Необходимость повышения качества работы правоохранительных органов в области предупреждения киберпреступности и противодействия криминальным угрозам, распространяемым в информационно-телекоммуникационном пространстве, не единожды освещалась в выступлениях Президента Российской Федерации. Так, В.В. Путин в обращении к сотрудникам Следственного Комитета Российской Федерации по случаю образования ведомства указывал, что «накопленную следственную практику необходимо своевременно обобщать и анализировать, оперативно реагировать на тенденции изменения

криминогенной обстановки, на новые угрозы, связанные в том числе с киберпреступностью» [2].

Участвуя в расширенном заседании коллегии МВД России, Президент РФ отметил возрастание количества угроз, связанных с проникновением криминала в сферу информационных технологий и телекоммуникаций, акцентировал внимание сотрудников полиции на необходимость противодействия экстремистам и различного рода радикалам, использующим сеть Интернет для достижения своих целей, подчеркнул необходимость выстраивания новых, современных подходов к обеспечению правоохранительной практики [3].

Наряду с имеющимися социальными предпосылками перехода предупредительной деятельности в область IT-пространства, потребность в противодействии современным криминальным угрозам, распространяемым в информационно-телекоммуникационной сети, уже длительное время отражается в основных документах стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности [4].

Вопреки обеспокоенности представителей государственного аппарата и правоохранительных ведомств, невзирая на принимаемые ими меры, в том числе, по совершенствованию законодательства в области противодействия киберугрозам, количество таких угроз продолжает увеличиваться. Анализ статистических сведений о состоянии преступности в области информационных технологий за 2019–2021 годы демонстрирует активный рост указанных преступлений [5–7]. При этом специалистами отмечается расширение границ преступной пропаганды в информационно-телекоммуникационной среде: педофилии и нетрадиционных ценностей (ЛГБТ), экстремизма, терроризма, наркотизма, суицидального и рискованного поведения [8–10]. В киберпространстве продолжают действовать деструктивные сообщества, культивирующие убийства, вовлекающие пользователей в преступную деятельность, склоняющие лиц к совершению вооруженных нападений на образовательные организации [11, с. 28; 12].

Подобные тенденции и закономерности развития криминальных угроз требуют от субъектов профилактики правонарушений комплекса профессиональных компетенций в области диагностики и оценки криминальных угроз в сети Интернет, консолидации сил и средств обеспечения правоохранительной практики в информационно-телекоммуникационном пространстве, выработки новых форм и методов работы с учетом современных IT-технологий. Вместе с тем, правоохранительная практика все еще отличается консерватизмом, не допускающим изменений устоявшихся стереотипов организации правоохранительной деятельности, дистанцируется от криминологической науки, представляющей средства и способы противодействия актуальным криминальным угрозам [13, с. 121].

Криминологическая отрасль знаний в данной области более динамична: разрабатываются частные криминологические теории в области

цифровых угроз [14; 15], анализируются современные криминальные риски, обусловленные процессами цифровизации [16; 17], определяются уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия киберпреступности [18; 19].

Вместе с тем, динамичные цифровые преобразования, внедрение современных информационно-телекоммуникационных технологий в преступную деятельность, формирование новых криминальных угроз в IT пространстве и острая потребность правоохранительной практики в научно-обоснованных мерах противодействия требуют от науки непрерывного обновления и накопления криминологической информации [19, с. 94].

В результате, прослеживается необходимость в разработке системы комплексного криминологического знания о современных криминальных угрозах киберпространства и выработки на её основе рекомендаций по совершенствованию правоохранительной деятельности. Указанная система криминологических знаний должна вбирать в себя совокупность теоретических положений о структуре криминальных угроз в киберпространстве, включающих:

- преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ч. 2 ст. 110; ч. 2 ст. 205.2; п. «в» ч. 3 ст. 222; п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ и т.д.);
- преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.2 УК РФ);
- способы вовлечения граждан в преступную деятельность (вовлечение в экстремистские и террористические организации, наркооборот, криминальные сообщества и т.д.);
- пропаганду преступного и антиобщественного поведения (терроризма, экстремизма, суицида, наркопотребления и т.д.);
- деструктивные субкультуры, распространяемые в киберпространстве (скулшутинг; колумбайн; ае; анонимус и т.д.).

Особого внимания, проводимых в данной области криминологических исследований, требуют вопросы методологии познания криминальных угроз, распространяемых в киберпространстве. Учитывая имеющиеся на сегодняшний день проблемы методологии криминологических исследований, следует отметить, что последняя должна формироваться с учетом происходящих цифровых преобразований и включать в себя возможности информационно-телекоммуникационной среды, позволяющие собирать, накапливать и анализировать криминологическую информацию. Именно в сочетании имеющихся в науке методов познания с возможностями современных IT-технологий можно достичь продуктивного исследовательского результата в области познания криминальных угроз в киберпространстве и выработать качественные меры противодействия им.

Выявленные социально-политические предпосылки и потребности правоохранительной

практики в её совершенствовании наглядно демонстрируют необходимость обобщения имеющейся криминологической информации в области современных угроз, обусловленных информационно-технологическими преобразованиями,

Литература:

1. *Грибанов Е.В.* Перспективные направления развития кибертехнологий предупреждения преступлений / Е.В. Грибанов // Общество и право. 2021. № 4. С. 21–27.
2. Обращение по случаю 10-летия Следственного комитета. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64892> (дата обращения 10.08.2022).
3. Глава государства принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения 12.08.2022).
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.04.2021 № 400 // СПС «Гарант».
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года. URL : <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения 12.08.2022).
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года. URL : <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения 12.08.2022).
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года. URL : <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения 12.08.2022).
8. *Готчина Л.В.* Цифровизация наркопреступлений и противодействия им / Л.В. Готчина; Под ред. Е.Н. Рахмановой // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов 8 Межд. науч.- практической конф. (30.10.2020, г. Санкт-Петербург). СЗФ ФГБОУВО Российский государственный университет правосудия. СПб. : Астерион, 2020. С. 247–249.
9. *Готчина Л.В.* Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы / Л.В. Готчина // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1(2). С. 304–312.
10. *Коваленко В.И.* Профилактика рисков и угроз жизни и здоровью детей, связанных с влиянием сети Интернет / В.И. Коваленко // Научный портал МВД России. 2020. № 3. С. 26–32.
11. *Грибанов Е.В.* Преступность несовершеннолетних в контексте культуральной криминологии. Краснодар : КрУ МВД России, 2017. 156 с.

создания соответствующей системы криминологического знания, формирования предложений и рекомендаций по совершенствованию предупредительной правоохранительной деятельности в данной сфере.

Literature:

1. *Gribanov E.V.* Perspective directions of development of cyber technologies of crime prevention / E.V. Gribanov // Society and law. 2021. № 4. P. 21–27.
2. An appeal on the occasion of the 10th anniversary of the Investigative Committee. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64892> (date of application 10.08.2022).
3. The Head of State took part in the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (date of application 12.08.2022).
4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated 02.04.2021 // SPS «Garant».
5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2019. URL : https://мвд.рф/reports/item/19412450 (date of application 12.08.2022).
6. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2020. URL : https://мвд.рф/reports/item/22678184 (date of application 12.08.2022).
7. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2021. URL : https://мвд.рф/reports/item/28021552 (date of application 12.08.2022).
8. *Gotchina L.V.* Digitalization of drug crimes and counteraction to them / L.V. Gotchina; Ed. E.N. Rakhmanova // Criminal policy and law enforcement practice: Collection of materials 8 International scientific-practical conference (30.10.2020, St. Petersburg). NWF FGBOUVO Russian State University of Justice. SPb. : Asterion, 2020. P. 247–249.
9. *Gotchina L.V.* Juvenile delinquency and youth: state and prospects / L.V. Gotchina // Russian Deviantological Journal. 2021. № 1(2). P. 304–312.
10. *Kovalenko V.I.* Prevention of risks and threats to the life and health of children associated with the influence of the Internet / V.I. Kovalenko // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. P. 26–32.
11. *Gribanov E.V.* Juvenile delinquency in the context of cultural criminology. Krasnodar : KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017 156 p.

12. ФСБ провела обыски у 187 участников пабликов «Колумбайн» и М.К.У. URL : <https://ria.ru/20220906/obyski-1814744152.html> (дата обращения 01.09.2022).
13. *Симоненко А.В.* Культура противодействия преступности в деятельности органов внутренних дел / А.В. Симоненко, Е.В. Грибанов // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 119–124.
14. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира : учеб. для магистратуры. М. : ИНФРА-М, 2018. 352 с.
15. *Грибанов Е.В.* Перспективные направления развития кибертехнологий предупреждения преступлений / Е.В. Грибанов // Общество и право. 2021. № 4. С. 21–27.
16. *Данилов А.П.* Прогресс как криминогенный фактор / А.П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 64–68.
17. *Соловьев В.С.* Криминологические риски цифросексуализма / В.С. Соловьев // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 47–56.
18. *Русскевич Е.А.* Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. ... д-р юрид. наук. М., 2020. 499 с.
19. *Грибанов Е.В.* Технологии предупреждения преступлений: проблемы формирования и развития / Е.В. Грибанов // Государство и право. 2019. № 10. С. 94–103.
12. The FSB conducted searches at 187 participants of the Columbine and M.K.U. public sites. URL : <https://ria.ru/20220906/obyski-1814744152.html> (date of application 01.09.2022).
13. *Simonenko A.V.* Culture of crime prevention in the activities of internal affairs bodies / A.V. Simonenko, E.V. Gribanov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4. P. 119–124.
14. *Ovchinsky V.S.* Criminology of the digital world: textbook. for magistracy. M. : INFRA-M, 2018. 352 p.
15. *Gribanov E.V.* Perspective directions of development of cyber technologies of crime prevention / E.V. Gribanov // Society and law. 2021. № 4. P. 21–27.
16. *Danilov A.P.* Progress as a criminogenic factor / A.P. Danilov // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2016. № 4. P. 64–68.
17. *Soloviev V.S.* Criminological risks of digital sexuality / V.S. Soloviev // Bulletin of the Russian Legal Academy. 2020. № 3. P. 47–56.
18. *Russkevich E.A.* Differentiation of responsibility for crimes committed using information and communication technologies and problems of their qualification : dis. ... doc. jurid. M., 2020. 499 p.
19. *Gribanov E.V.* Crime prevention technologies: problems of formation and development / E.V. Gribanov // State and law. 2019. № 10. P. 94–103.

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Савин Андрей Александрович

старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

**Рецидив – концепция
становления и укрепления
института**

Аннотация. Рецидив как проблемный институт отечественного законодательства требует к себе особого внимания, комплексного исследования всех его составляющих, проработанности отдельных вопросов, анализа взаимосвязей и изменения данного социального явления. Достаточно часто приходится наблюдать, как осужденный, отбыв установленный срок наказания, вскоре вновь возвращается в зал судебного заседания в качестве подсудимого. Учитывая особую общественную опасность данного явления, учеными – юристами постоянно предпринимаются попытки купировать данное явление в рамках правового поля. Толковый словарь Ожегова [1] содержит несколько определений «рецидива», из которых нами будет рассматриваться исключительно его уголовно-правовое значение.

Ключевые слова: преступность, уголовное законодательство, повторность преступлений, рецидив.

Можно с уверенностью сказать, что рецидив преступлений – одно из наиболее опасных явлений в отечественной уголовной практике, существующее на сегодняшний день. Повторные преступления, совершаемые лицами, ранее привлеченными к ответственности, можно охарактеризовать как наиболее опасные, в связи с тем, что такие лица более тщательно готовятся к новому преступлению, оценивая и исправляя ранее совершенные ошибки.

Несмотря на то, что борьба с подобными проявлениями не останавливается, тем не менее, это не уменьшает повышенную общественную

Daniil A. Zykov

Candidate of Law,
Associate Professor,
Head of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

Andrey A. Savin

Senior Lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service
Aasavin33@mail.ru

**RELAPSE – THE CONCEPT
OF BECOMING AND STRENGTHENING
THE INSTITUTE**

Annotation. Relapse, as a rather problematic institution of domestic legislation, requires special attention, a comprehensive study of all its components, elaboration of individual issues, analysis of the interrelations and changes of this social phenomenon. Quite often it is necessary to observe how a convicted person, having served the prescribed sentence, soon returns to the courtroom as a defendant. Given the special social danger of this phenomenon, legal scholars are constantly trying to stop this phenomenon within the legal framework. Ozhegov's explanatory dictionary [1] contains several definitions of «recidivism», of which we will consider exclusively its criminal-legal meaning.

Keywords: crime, criminal law, repetition of crimes, recidivism.

опасность рецидива, особенно для такой социальной группы, как молодежь. Будучи вовлеченными в преступную деятельность, часто, по непониманию происходящего или с оглядкой на тюремную «романтику», данный слой населения нередко и становится основным действующим лицом в совершенном преступлении. В силу устойчивого характера своих антиобщественных взглядов и привычек, рецидивисты легче решаются на преступления корыстного или насильственного характера, совершаемые в соучастии и по предварительному сговору. Они крайне опасны своим негативным влиянием на лиц с девиантным поведением.

Обращаясь к Уголовному кодексу Российской Федерации (далее УК РФ), а именно ч. 1 ст. 18, отметим, что рецидив преступлений имеет официально закрепленное понятие – совершение намеренного преступления личностью, имеющей в прошлом судимость за совершенное намеренное преступление в прошлом, когда такая судимость не погашена [2].

Ранее, в период расцвета советской юридической науки высказывались точки зрения, что именно следует считать рецидивом. Так, если новое, повторное преступление совершается после осуждения, но до полного отбытия наказания за ранее совершенное преступление, то это будет являться совокупностью, а не рецидивом. Рецидив признавался при тех же условиях, но после отбытия наказания, совершенного ранее [3]. Бытовало и иное мнение, когда в основу определения понятия «рецидив» должен быть положен признак судимости виновного за ранее совершенное им преступление, а отбытие наказания по предыдущему приговору не обязательно.

В толковом словаре Ожегова, рецидив понимается как «возвращающийся, повторение чего-либо с отрицательным значением, возобновление» [4].

Фактически, мы получаем определение, являющееся, по сути, двусоставным и содержащим два основных признака: совершение лицом в разные периоды времени двух и более преступлений и наличие судимости за прошлые преступления.

Д.А. Плотников, и мы не можем с ним не согласиться, выделяет [5] также ряд значимых признаков рецидива преступлений, а названных нами два конкретизирует:

- 1) наличие умышленной формы вины, когда рецидив не может определяться совокупностью преступлений совершенных по неосторожности или совокупностью неосторожных и умышленных преступлений;
- 2) тяжесть совершенных преступлений – законом четко определено, что умышленные преступления небольшой тяжести не влияют на рецидив преступления (п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ);
- 3) повторяемость преступных случаев, а именно: очередное преступление совершается лицом, имеющим судимость, т.е. совершение нового преступления лицом, уже отбывшим наказание, со снятой или погашенной судимостью, с точки зрения уголовного закона не считается рецидивом;
- 4) лицо, признаваемое субъектом рецидива преступлений, должно быть совершеннолетним, т.е., достигнуть восемнадцатилетнего возраста, так как преступления, совершенные до достижения указанного возраста, при рецидиве не учитываются в силу п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ.

Основным признаком, имеющим особое значение для рецидива, является повторность совершения преступления, что признается не только в теории, но и на практике. Повторное преступление может быть как совпадающим по форме вины с

предыдущим преступлением, так и не совпадающим по форме вины с предыдущим преступлением.

Рассматривая рецидив преступлений с точки зрения отягчающего вину обстоятельства, не имеют значения такие обстоятельства как:

- тяжесть совершенного преступления;
- характер совершенного преступления;
- вид наказания, примененный к лицу и размер наказания.

Характер преступлений и их тяжесть определяют лишь степень общественной опасности рецидива, а вид и размер наказания – степень общественной опасности личности и служат основанием для выделения групп более или менее опасных рецидивистов.

«Совпадение форм вины имеет значение для квалификации содеянного и решения вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом. Это – случаи, когда наступление определенных правовых последствий закон связывает с умышленной формой вины, когда между первым и последующими преступлениями, совершенными данным субъектом, имеется определенная связь, свидетельствующая о продолжении прежнего антиобщественного поведения со стороны конкретного субъекта, несмотря на отбытое (отбываемое) наказание» [6].

Еще одним существенным признаком при определении рецидива является судимость. Это такое правовое состояние лица, в котором он был признан судом виновным в совершении преступления, к нему было применено наказание и иные меры уголовно-правового характера. В данном случае, необходимо учитывать, что применение исключительно иных мер уголовно-правового характера при принятии решения о наличии или отсутствии в действиях рецидива не учитываются. Здесь отметим, что важно при рецидиве не просто наличие обвинительного приговора, а приговор, по которому лицо отбывало реальное наказание.

Одним из важнейших признаков рецидива является умышленный характер преступлений, совершенных лицом до и после осуждения. Это обусловлено психологической сущностью рецидива, предопределяющей повышенную опасность личности виновного. В психологическом плане, рецидив представляет собой сознательное игнорирование виновным состоявшегося ранее осуждения. О сознательном игнорировании состоявшегося осуждения, о повышенной устойчивости антиобщественных взглядов и привычек виновного может идти речь при условии, если до и после осуждения были совершены умышленные преступления.

Следующим тесно связанным с предыдущим признаком уголовного рецидива является полнота отбытия наказания. Общественная опасность лица, виновного в совершении преступления, является необходимым условием неразрывной

связи наказания и судимости. Если лицо утрачивает общественную опасность, оно освобождается от наказания и не признается более судимым [7]. Как общеизвестно, снятая или погашенная судимость не влечет никаких правовых последствий для лица.

Подводя итог, необходимо отметить, что рецидив преступлений имеет четко сформированные границы в УК РФ, действующие на данный момент. Признаки, вытекающие из данного понятия, играют важную роль в функционировании института рецидива, они отграничивают рецидив от

Литература:

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. Л.И. Скворцов. М. : ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. С. 842.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Богданова Л.Н. О проблемах рецидива убийств в России и мягкости наказания / Л.Н. Богданова // Российский следователь. 2012. № 22. С. 10–13.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. Л.И. Скворцов. М. : ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. С. 833.
5. Плотников Д.А. Некоторые аспекты, связанные с определением понятия «рецидив преступлений» и его признаки / Д.А. Плотников // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2(31). С. 87.
6. Возжанникова И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение : дис. ... канд. юр. наук.: 12.00.08. М., 2014. С. 81.
7. Ахвердиев Э.А. Понятие и значение рецидива и множественности преступлений / Э.А. Ахвердиев, И.К. Морозов, А.Д. Лабазанов // Новая наука: проблемы и перспективы. 2020. № 7-1(91). С. 159.

множественности, совокупности преступлений, в рамках чего, ведутся продолжительные дискуссии среди ученых. Важен тот факт, что рецидив на современном этапе развития российского общества, как это ни печально, прогрессирует, и существуют цифры, явно доказывающие это. Количество рецидивов растет, что является тревожным поводом к нормальному функционированию здорового правового общества, это ведет к появлению профессиональных преступников, борьба с которыми является одной из наиболее сложных задач.

Literature:

1. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions / S.I. Ozhegov; Edited by L.I. Skvortsov. M. : ONYX-LIT, World and Education, 2012. P. 842.
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. № 25. Art. 2954.
3. Bogdanova L.N. On the problems of homicide recidivism in Russia and the leniency of punishment / L.N. Bogdanova // A Russian investigator. 2012. № 22. P. 10–13.
4. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions / S.I. Ozhegov; Edited by L.I. Skvortsov. M. : ONYX-LIT, World and Education, 2012. P. 833.
5. Plotnikov D.A. Some aspects related to the definition of the concept «recidivism of crimes» and its signs / D.A. Plotnikov // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2(31). P. 87.
6. Vozzhannikova I.G. Recidivism of crimes in the criminal law of Russia: concept, types, meaning : dis. ... cand. of legal sciences.: 12.00.08. M., 2014. P. 81.
7. Akhverdiev E.A. The concept and meaning of recidivism and multiplicity of crimes / E.A. Akhverdiev, I.K. Morozov, A.D. Labazanov // New science: problems and prospects. 2020. № 7-1(91). P. 159.

Зяблова Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
tizet69@mail.ru

Комарова Яна Бахрузовна

старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Ya.Ireland@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Аннотация. Статья является попыткой осмысления опыта использования элементов художественной культуры в преподавании истории государства и права студентам юридического вуза. Обосновывается актуальность проводимого исследования, обусловленная высокой значимостью художественной культуры для правового воспитания молодежи, с одной стороны, и необходимостью разработки методического обеспечения использования ее элементов в образовательном процессе, – с другой. Выявлены обусловленные спецификой права особенности методики «встраивания» элементов художественной культуры в занятие, сформулированы проблемы, требующие первоочередного внимания.

Ключевые слова: воспитательный потенциал, художественная культура, история государства и права, правовое воспитание, методика, элементы художественной культуры.

В современных условиях изменяется отношение к праву и к правовой культуре, которая начинает рассматриваться как составная часть общей культуры, подразумевающей формирование высших представлений, удовлетворение потребностей в нравственных, эстетических и мировоззренческих ценностях и идеалах. Приходит осознание того, что сложившиеся в данной культуре формы, типы и образы прекрасного и безобразного, по преимуществу, в области искусства, приобретая нормативное значение в качестве положительного или, наоборот, негативного

Tatiana E. Zyablova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
tizet69@mail.ru

Yana B. Komarova

Senior Lecturer of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Ya.Ireland@mail.ru

**THE USE OF ELEMENTS
OF ARTISTIC CULTURE
IN TEACHING THE HISTORY
OF STATE AND LAW**

Annotation. The article is an attempt to comprehend the experience of using elements of artistic culture in teaching the history of state and law to law students. The relevance of the research is substantiated, due to the high importance of artistic culture for the legal education of young people, on the one hand, and the need to develop methodological support for the use of its elements in the educational process, on the other. The peculiarities of the methodology of «embedding» elements of artistic culture in the lesson due to the specifics of the law are revealed, the problems requiring priority attention are formulated.

Keywords: educational potential, artistic culture, history of the state and law, legal education, methodology, educational tasks.

образца и примера оказывают существенное воспитательное и регулятивное действие на все сферы общественной жизни, включая правовую. В связи с этим, право воспринимается как такой же неотъемлемый элемент общей культуры человека, как художественное творчество или художественная культура, воздействующие на личность посредством художественного образа.

Обладая значительным воспитательным потенциалом, художественные образы государства, права и правосудия помогают ориентироваться, оценивать с нравственной стороны те или иные

правовые отношения, те или иные нормативно-правовые акты, что созвучно требованиям настоящего времени и задачам, стоящим перед образовательными организациями.

Как отметил Президент РФ В.В. Путин: «Получить знания – это не просто, но это, все-таки, вторично по сравнению с воспитанием человека, с тем, чтобы он должным образом относился и к себе самому, и к своим друзьям, к семье, к Родине ... чтобы человек стал полноценным и сам получил удовлетворение от жизни и окружающие его люди получали бы удовольствие от общения с ним».

Встраивание элементов художественной культуры (далее – ЭХК – Т. Зяблова, Я. Комарова) в занятия по истории государства и права, наряду с решением воспитательных задач, способствует и успешному достижению образовательных и развивающих целей.

Обращение к художественной культуре как к ресурсу для совершенствования изучения юриспруденции нашло отражение в учебном курсе «Право и история художественной культуры», который был введен в программу обучения студентов на юридическом факультете Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, обучающихся по программе подготовки бакалавров. В головном вузе и в Северном филиале вуза (в г. Петрозаводске) было разработано 2 учебных пособия, содержащих богатый фактический материал для проведения занятий [2; 3].

Бесспорным достоинством указанных пособий является предоставление обучающимся широкой возможности ознакомиться с историей искусства, основными стилями и направлениями его развития, отражением в произведениях архитектуры, скульптуры, литературы, кино, музыки и др. различных государственно-правовых явлений. Однако это не решает основную проблему, стоящую перед преподавателем, а именно – проблему отбора художественных образов для достижения целей отдельной лекции или семинара), а также, выбор форм, методов, способов их эффективного использования, встраивания их в содержание и процесс учебного занятия (или нескольких занятий по теме).

Высокая значимость художественной культуры для правового воспитания актуализирует необходимость разработки методического обеспечения использования ее элементов в образовательном процессе и, в том числе, уяснения некоторых вопросов теоретического характера.

Как нам представляется, прежде всего, следует определить содержание базового понятия «художественная культура». Основатель теории художественной культуры М.С. Каган представлял ее как относительно самостоятельный слой культуры, охватывающий все отрасли художественной деятельности, все процессы протекающие «вокруг» искусства (создание, хранение, восприятие и т.д.), а также, обеспечивающие его успешное функционирование (воспитание художников, публики критиков и т.д.) [1, с. 31].

Ясно, что понимаемая как явление, определяемое чрезвычайно широко, художественная культура не может быть использована в процессе изучения юриспруденции в полном объеме. Достижению целей обучения – формированию целостного представления о государственно-правовых закономерностях, институтах, явлениях и процессах может способствовать лишь часть художественной культуры, точнее, ее элементы, под которыми предлагается понимать фрагменты, образцы художественной деятельности (словесной, музыкальной, изобразительной и др.) и ее результатов, обеспечивающие решение образовательных, развивающих и воспитательных задач в обучении юристов.

Кроме того, следует подчеркнуть, что, используя понятие «художественная культура», в контексте настоящего исследования, мы используем лишь ее эстетическую составляющую этого феномена, его эстетический аспект. Однако наличие эстетических свойств в продуктах художественной культуры как деятельности составляет одну из сторон теоретического обоснования возможности использования элементов художественной деятельности в образовательном процессе. Другой стороной этого процесса является свойство эстетического восприятия действительности и способность эстетического переживания, которыми «генетически» наделены обучающиеся как объекты педагогического воздействия.

Для достижения общих целей правового воспитания, формирования правового правосознания и правовой культуры чрезвычайно важно определение частных целей и задач использования элементов художественной культуры на занятиях по истории государства и права. Представляется, что они могут быть поставлены как в отношении уровней усвоения знаний, так и с точки зрения формулируемых задач.

С точки зрения уровней усвоения материала, ЭХК могут быть использованы как для формирования представлений и знаний по изучаемой теме, так и для формирования уровня умений и навыков (например, для поиска информации в исторических источниках разного типа; навыков толерантного восприятия социальных, этнических, профессиональных и культурных различий и т.д.) в рамках, заявленных в рабочей программе, соответствующей дисциплины компетенций.

Вряд ли оспоримо утверждение о том, что процесс подготовки обучающимся различных видов устных и письменных заданий с использованием ЭХК способствует достижению целей занятий уровня творчества.

С точки зрения формулируемых задач, использование ЭХК может охватывать весь комплекс:

– задачи образовательные (изучение нового материала, повторение и углубление знаний по уже изученному), развивающие (развитие навыков анализа, аргументации, формулировки обобщений и выводов;

– побуждение к самостоятельному поиску путей решения научных проблем и т.п.), воспитательные (воспитание у обучающихся культуры правового мышления и языка, уважительного отношения к историко-правовому наследию как основе для развития профессионального правосознания и т.д.).

Как показывает практика, использование ЭХК способствует созданию комфортного эмоционально-психологического климата на занятиях, снятию психологического барьера у студентов-первокурсников и, соответственно, созданию условий «ситуации успеха».

При использовании ЭХК, успешному достижению поставленных преподавателем целей и задач способствует фактор соединения образовательного и воспитательного потенциала их содержательной составляющей, с одной стороны, и эстетического компонента, – с другой, позволяющего обучающимся усиливать восприимчивость ко всему прекрасному, в том числе, и в отношении друг с другом и с преподавателем; формировать неприятие грубости и дурного вкуса.

Одним из наиболее сложных моментов в использовании ЭХК, по нашему мнению, является их отбор, а также – определение объема и содержания комментариев. Признавая целесообразность и ценность ЭХК в образовательном процессе, следует исходить из того, что этот педагогический прием, все же, имеет факультативное значение, что обусловлено спецификой права. Привнесение в государственно-правовую проблематику

фрагментов из областей знаний, выходящих за пределы юриспруденции – задача чрезвычайно сложная. Так или иначе, художественные образы не должны быть преобладающим фактором в процессе формирования правосознания студентов. Закономерно возникает вопрос о качестве комментариев к используемым ЭХК. Представляется, что, в ряде случаев, достаточно простой иллюстративной демонстрации последних с минимальными пояснениями. Однако максимально эффективным может быть только такое сопровождение демонстрируемого материала, когда художественный образ выступает как синтез отражения в нем имеющих значение для формируемого представления о праве событий и явлений с материальными условиями жизни и идеологией конкретного исторического периода, с тем, что называют «образом эпохи».

Ограничиваясь лишь тезисным форматом настоящей статьи, следует еще раз подчеркнуть, что при наличии демонстрационного материала для использования ЭХК и его систематизации в рамках специальных учебных пособий, методическая сторона «встраивания» ЭХК в учебные занятия в целях совершенствования преподавания историко-правовых дисциплин и юриспруденции в целом, остается практически не исследованной. Проблемными являются вопросы отбора материала, место и время использования его на занятиях, прогнозирование ожидаемого результата. Все эти и другие вопросы требуют тщательного методического обеспечения и, следовательно, предварительного теоретико-педагогического исследования.

Литература:

1. *Каган М.С.* Художественная культура как подсистема культуры. Основы теории художественной культуры : учеб. пособ // М.С. Каган; Под ред. Л.М. Мосоловой. СПб. : «Лань», 2001. 287 с.
2. *Пивоев В.М.* Право и история художественной культуры : учеб. пособие для студентов юрид. факультета. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 112 с.
3. Право и история художественной культуры : учеб. пособие / В.Г. Вишнеvский [и др.]; Под ред. М.М. Рассолова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 431 с.

Literature:

1. *Kagan M.S.* Art culture as a subsystem of culture. Fundamentals of the theory of art culture : textbook / M.S. Kagan; Edited by L.M. Mosolova. SPb. : «Lan», 2001. 287 p.
2. *Pivoev V.M.* Law and history of artistic culture : studies : manual for law students. faculty. Petrozavodsk : Publishing House of PetrSU, 2013. 112 p.
3. Law and history of artistic culture : textbook / V.G. Vishnevsky [et al.]; Edited by M.M. Rassolov. M. : UNITY-DANA, 2012. 431 p.

Кабышева Алия Кабделовна
аспирантка,
Саратовская государственная
юридическая академия
Aliya2011_1997@mail.ru

ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка анализа института выморочного имущества с позиции международного частного права. В результате проведенного исследования установлена сущность выморочного имущества, выявлены основные закономерности функционирования института выморочного имущества, а также, проанализированы точки зрения на переход выморочного имущества. Установлено, что в Российской Федерации господствует точка зрения, согласно которой, прева-лирует концепция наследника последней очереди.

Ключевые слова: международное частное право, наследственное право, выморочное имущество, трансграничное наследование, наследники последней очереди.

Право наследования уже на протяжении, пожалуй, всей истории человечества всегда стояло во главе угла правовой системы каждого государства, относящего себя к передовому и современному государству.

В России право наследования устанавливается одним из фундаментальных институтов гражданского права. Наследственные права наполняют правовой статус каждого гражданина Российской Федерации. При этом его социальный статус, или пол, национальность, вероисповедание не имеют никакого значения. Принятие имущества по наследству – гарантированное государством право каждого человека. Главное, что каждый из людей равен другому и ему это гарантировано на уровне Основного закона [8].

Как таковое, право наследника унаследовать какое-либо имущество умершего лица после кончины наследодателя, так или иначе, может являться, своего рода, стимулятором для последующего развития производительных, аккумуляторных сил в обществе, способных генерировать новые общественные гражданско-правовые отношения. Понимание того факта, что имущество, которое имеется у лица, после его смерти, станет собственностью для его близких родственников, которое способно поднять их уровень благосостояния, априорно, считается своеобразным двигателем для того, чтобы подтолкнуть лицо для

Aliya K. Kabysheva
Postgraduate Student,
Saratov State Law Academy
Aliya2011_1997@mail.ru

EXTORTIONATE PROPERTY IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Annotation. The presented article attempts to analyze the institution of extortionate property from the perspective of private international law. At the level of research, the essence of the fossilized property is established, the main patterns of functioning of the institute of fossilized property are revealed, and the points of view on the transition of fossilized property are analyzed. It is established that the Russian Federation is dominated by the point of view according to which the concept of the heir of the last turn prevails.

Keywords: private international law, inheritance law, extortionate property, cross-border inheritance, heirs of the last turn.

создания более крупного совокупного имущества, то есть, является своеобразным стимулом для более эффективного труда, направленного на это [9].

Расширение контактов людей, развитие культурных, политических, экономических связей государств накладывает свои отпечатки и на международное частное право в контексте института наследования, посредством внедрения в него иностранного элемента. Тот самый иностранный элемент может проявляться различным образом: наследник и наследодатель могут проживать в разных государствах, наследственная масса может находиться в другом государстве. Эти и иные ситуации порождают определенные коллизии, создаваемые столкновением правовых систем различных государств и различными взглядами на институт наследования [2].

Стоит также и сказать, что институт выморочного имущества является, как раз, тем институтом, который не выработал единого подхода к своему пониманию. Между тем, выморочное имущество имеет цели по эффективному наследованию имущества, а также предотвращению неправомерного захвата его третьими лицами, поддержания стабильности гражданско-правового оборота. Для начала, необходимо определить, что следует понимать под выморочным имуществом в Российской Федерации.

В соответствии с положениями пункта 1 статьи 1151 Гражданского кодекса РФ, удастся установить, что выморочным является то имущество, которое перешло в собственность государства при следующих условиях:

- если не имеется наследников, как по завещанию, так и по закону;
- у наследников отсутствует право наследовать имущество, или все наследники отстранены от принятия наследства;
- наследники не приняли наследство;
- полный отказ от наследственной массы со стороны наследников.

Иными словами, при выморочном имуществе, формально, государство становится единственным наследником, а согласно положениям пункта 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2015 года «О судебной практике по делам о наследовании», государственные образования являются принудительным наследником при выморочном имуществе [13].

Иными словами, можно установить, что право на выморочное имущество публично-правовых образований является, своего рода, наследственным правом в силу их реальной смежности и общих, идентичных показателей. То есть, право наследования и право публичного образования на выморочное имущество синонимичны по своему смыслу и несут следующие схожие черты:

- имеется смерть наследодателя;
- подлежит наследованию все имущество умершего наследодателя;
- имеется ответственность по долгам (случай обременяющего наследства);
- будет считаться совершившимся в момент открытия наследства [7].

Подтверждение данной теории находится и в формулировке закона – именно об этом гласят положения пункта 2 статьи 1151 ГК РФ: «Выморочное имущество должно перейти в собственность государства в порядке наследования».

Далее следует рассмотреть коллизионный вопрос, который является неотъемлемой частью вопроса выморочного имущества при наличии иностранного элемента.

Так, согласно положениям статьи 1224 Гражданского кодекса РФ, следует, что отношения по наследованию регулируются правом того государства, где жил наследодатель до своей смерти. Однако иной содержательный аспект содержится в отношении недвижимого имущества. Здесь используется правовая система того государства, в котором находится это недвижимое имущество.

Имущество, внесенное в реестр недвижимого имущества, наследуется, соответственно, по отечественному праву. Следовательно,

законодатель организовал, своего рода, систему расщепления в виде использования разного правового регулирования процедуры наследования имущества вне зависимости от того, является оно движимым или недвижимым [11].

Следовательно, можно выявить, некоторого рода, закономерность: для того, чтобы наследник унаследовал движимое имущество, следует признать право того государства, где располагается это имущество. В том же случае, если недвижимое имущество должно быть унаследовано наследником, то, соответственно, применяется право того государства, в котором жил наследодатель до его смерти.

Российское законодательство не содержит никакой правовой нормы, которая, каким-либо образом, разрешала бы коллизионные вопросы наследования выморочного имущества государством [10].

В свою очередь, вопросы наследования выморочного имущества на уровне международного права затрагивают Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г. и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 07.10.2002.

В соответствии с положениями Минской конвенции, удастся установить, что имеется государственно-гражданственная привязанность имущества, которая отсылает к праву того государства, в котором находится имущество. Кишиневская конвенция, в свою очередь, указывает на этот же факт и содержит похожую по своему составу правовую норму.

Однако данные правовые нормы Конвенций не делают отсылку к правовой системе того или иного государства, а лишь указывают на то, каким образом распределяется выморочное имущество между государствами [4].

Правовые положения нормы статьи 1224 Гражданского кодекса РФ, которая упоминает наличие привязки не к последнему месту жительства наследодателя, как это следует в концепции России, исключает действие коллизионных норм Минской конвенции.

Удастся выявить аналогичные по своему содержанию механизмы «наследования» выморочного имущества государством в двусторонних международных договорах о правовой помощи Российской Федерации с такими государствами, как Иран, Вьетнам, Польша, КНДР, Чехия, и проч. Следует отметить, что данные государства, в процедурах принятия выморочного имущества используют ту же концепцию, что и Российская Федерация. Здесь следует указать на то, что, применяя коллизионную привязку к гражданству гражданина, не в полной мере учитывается система его связей с правопорядком. Такой элемент правовой нормы не решает вопросы, касающиеся коллизий наличия у наследодателя двойного гражданства.

Проанализируем имеющиеся и известные концепции выморочного имущества, так как концепция, господствующая в российском праве, не является абсолютной в пределах мирового масштаба. Между тем, в мире имеется, как минимум, две концепции, указывающие на механизм приобретения выморочного имущества.

Первая теория базируется на том, что наследственная масса должна быть оккупирована, то есть, такое имущество переходит в собственность государства как само по себе бесхозяйное, у которого отсутствует какой-либо собственник [2].

Наследственное право не регламентирует возможность суверена приобретать активы, а базируется на той концепции, согласно которой суверен способен стать собственником того имущества, не имеющего хозяина в связи с его смертью. Это – вещно-правовые отношения, а не наследственные. Указанная концепция поддерживается странами как романо-германской, так и англо-саксонской правовой семьи (США, Великобритания, Нидерланды, Франция) [3].

Стоит также сказать и то, что указанная концепция зародилась еще во времена Римского частного права. Именно тогда считалось, что имущество умершего «могло перейти в собственность любого желающего» [5].

Вторая концепция, соответственно, указывает на то, что государство, уже априори, является одним из наследников, или крайним наследником [12]. То есть, если отсутствуют наследники, государство автоматически становится своего рода наследником крайней очереди и получает имущество умершего наследодателя. Такая концепция поддерживается, соответственно, в Российской Федерации, Италии, Турции [3]. У государства имеется прямая обязанность по принятию выморочного имущества.

Ошибочным является воззрение, согласно которому, оккупация имущества является односторонним актом государства и не распространяется на долговые обязательства, которыми может быть обременено наследство [11]. Справедливо отмечено, что приобретение бесхозяйного имущества является первоначальным приобретением [3], однако, такое избирательное отношение к наследственной массе со стороны публично-правовых образований чревато нарушением прав имеющих кредиторов. Поэтому, в большинстве государств, долги по обязательствам наследодателя также наполняют наследственную массу и относятся к выморочному имуществу [6]. Соответственно, две представленные концепции идентичны в своих результатах, что подчеркивается, как в зарубежной, так и в отечественной доктринах.

Стоит заключить, что согласно теории оккупации, государство принимает в качестве наследственной массы все имущество, расположенное в пределах его границ, но отказывается от имущества наследодателя, находящегося за его границами.

Если допустить то, что коллизийная норма допускает применение материального права государства, которое, по его мнению, является наследником, то оно станет считать, что его право должно распространяться на наследственную массу, без учета территориальной привязки. Кроме того, государство будет обязано считаться с возможными притязаниями на это имущество со стороны других государств, приверженцев этой теории.

Коллизийные положения двух указанных концепций могут быть решены посредством трех методов.

Во-первых, наследственная масса забирается тем государством, в границах которого она находится.

Во-вторых, следует определить, право какого государства должно применяться. Это влияет на выбор концепции.

В-третьих, может быть применен метод дифференциации наследственного статуса. Недвижимое имущество наследуется тем государством, в границах которого оно расположено. Соответственно, движимое имущество должно быть приобретено государством согласно праву, применимому к наследственным отношениям.

Конвенция о праве, применимом к наследованию в силу смерти (Заключена в г. Гааге 01.08.1989) содержит положения о том, что имеется вариация выбора применимой концепции по принятию государствами выморочного имущества. Однако, на сегодняшний день, данная Конвенция не вступила в юридическую силу. Между тем, в ее тексте установлено исключение из фундаментального принципа универсальности наследования. Согласно данному исключению, в случае, если применимая правовая система того или иного государства, применимая в данном случае, отличается от правовой системы другого государства где и находится имущество, то это государство вправе приобрести его, без привязки к применяемой и используемой в данном случае концепции [13].

Полагается, что вышеуказанный принцип конвенции способен породить возможность избежать «навязывания» материального права, основанной на теории бесхозяйной вещи, или понимания государства как наследника последней очереди, и попросту доверяет судам решать данный вопрос [12].

Анализ положений данной конвенции указывает на то, что применимое правило должно учитывать в большинстве своем интересы человека, а не интересы государства. Такой подход, думается, способен решить множество вопросов со сложными судебными и административными процедурами.

Таким образом, исходя из проделанного анализа института выморочного имущества, удастся сделать следующие выводы:

1. Наследование и бесхозяйное имущество – являются двумя основными концепциями в механизме приобретения государством выморочного имущества. Две указанных концепции по итогу приводят к аналогичным по своему содержанию последствиям.

2. Отечественный законодатель придерживается в своей деятельности позиции государства-наследника последней очереди, что указывается в действующем правовом регулировании указанных правоотношений.

3. Положения статьи 1224 Гражданского кодекса РФ используются по общему правилу для наследования выморочного имущества. Специальной правовой нормы в этом порядке не имеется. В международном праве этот вопрос урегулирован посредством использования положений Минской конвенции и договоров о правовой помощи.

Литература:

1. *Алешина А.В.* Коллизионные вопросы наследования по закону в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Алешина; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2006.

2. *Богуславский М.М.* Международное частное право : учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020.

3. Материалы шестнадцатой сессии (1988 г.) – Наследование имущества, применимое право. URL : <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=929&dtid=3>

4. *Луниц Л.А.* Курс международного частного права : в 3 т. М. : Спарк, 2002. Т. 2. Международное частное право: Особенная часть. 2002.

5. *Новицкий И.Б.* Римское право : учебник. М. : Зерцало-М, 2012.

6. *Липштейн М.К.* Международное частное право – Бесхозяйные вещи и выморочное имущество. Юридический журнал Кембриджа. Изд. 12. 1954.

7. *Перетерский И.С.* Международное частное право / И.С. Перетерский, Б.С. Крылов. М., 1940.

8. Истоки и развитие современного вымогательства. Колумбийское юридическое обозрение. Вып. 61. № 7. 1961. URL : www.jstor.org/stable/1119919

9. *Перри Сентелл-младший Р.* Выморочное имущество, невостребованная собственность и Верховный суд. Вып. 50. 1965. URL : <https://scholarlycommons.law.case.edu/caselrev/vol17/iss1/4>

10. *Петров Е.Ю.* Наследственное право России: состояние и перспективы развития (сравнительно-правовое исследование). М. : М-Логос, 2017.

4. Сложные и спорные ситуации возникают при поддержании разных концепций разными государствами.

5. На практике, споры государств о выморочном имуществе достаточно редки, однако, все же, требуют к себе пристального внимания и правового регулирования на высоком уровне.

6. Гагская конвенция «О праве, подлежащем применению к наследованию недвижимого имущества» содержит эффективное решение коллизионных вопросов наследования выморочного имущества. Однако Конвенция не вступила в свою юридическую силу, и такая теория решения коллизионных вопросов выморочного имущества находится на уровне проекта. В связи с этим, необходимо порекомендовать использовать указанный принцип для наследования выморочного имущества на международно-правовом уровне в практике многих государств.

Literature:

1. *Alyoshina A.V.* Conflicting issues of inheritance by law in private international law : abstract dis. ... cand. legal sciences: 12.00.03 / A.V. Alyoshina; Russian State ped. A.I. Herzen University of SPb., 2006.

2. *Boguslavsky M.M.* International Private Law : textbook. 7th ed., reprint. and add. M. : Norm : INFRA-M, 2020.

3. Materials of the sixteenth session (1988) – Inheritance of property, applicable law. URL : <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=929&dtid=3>

4. *Lunts L.A.* Course of international private law: In 3 vol. M. : Spark, 2002. Vol. 2. International private law: A special part. 2002.

5. *Novitsky I.B.* Roman Law : textbook. M. : Zertsalo-M, 2012.

6. *Lipstein M.K.* International private law – Ownerless things and extortionate property. Cambridge Law Journal. Ed. 12. 1954.

7. *Peretersky I.S.* International Private Law / I.S. Peretersky, B.S.Krylov. M., 1940.

8. The origins and development of modern extortion. Columbia Law Review. Iss. 61. № 7. 1961. URL : www.jstor.org/stable/1119919

9. *Perry Sentell Jr.R.* Extortionate property, Unclaimed property and the Supreme Court. Issue 50. 1965. URL : <https://scholarlycommons.law.case.edu/caselrev/vol17/iss1/4>

10. *Petrov E.Yu.* Inheritance law of Russia: the state and prospects of development (comparative legal research) [Electronic edition]. M. : M-Logos, 2017.

11. *Сивоконь А.Я.* Коллизионные вопросы наследования в международном частном праве. К., 1977.

12. *Скоулз.* Гагская конвенция о правопреемстве / Скоулз, Ф. Юджин // Американский журнал сравнительного правоведения. 1994. Т. 42. № 1. URL : www.jstor.org/stable/840728

13. *Уотерс Д.У.М.* Пояснительный доклад к Конвенции о правопреемстве ГКЗН 1989 года. URL : <https://assets.hcch.net/docs/7bfd5915-bf1b-4f9f-9b93-61f979bf8e61.pdf>

11. *Sivokon A.Ya.* Conflict of law issues of inheritance in private international law. K., 1977.

12. *Scholes, Eugene F.* The Hague Convention on Succession. American Journal of Comparative Law. 1994. Vol. 42. № 1. URL : www.jstor.org/stable/840728

13. *Waters D.U.M.* Explanatory report to the 1989 Convention on the Succession of the CNDP. URL : <https://assets.hcch.net/docs/7bfd5915-bf1b-4f9f-9b93-61f979bf8e61.pdf>

Кабышева Алия Кабделовна
аспирантка,
Саратовская государственная
юридическая академия
Aliya2011_1997@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Значимость института недостойных наследников обусловлена тем, что в результате наследования переходит право собственности от наследника к наследодателю, однако, в Российской Федерации, как и в ряде зарубежных стран, возможные наследники поделены на очереди (в других странах предусмотрены иные виды наименования), то есть, каждый из наследников имеет свой имущественный интерес, затрагиваются законные права и интересы ряда лиц. Институт недостойных наследников закреплен в законодательстве, как Российской Федерации, так и во многих зарубежных странах, однако в зависимости от правовой системы и индивидуальных особенностей права государств, рассматриваемый институт не имеет единообразного подхода. В данной статье представлен краткий анализ норм наследственного права Российской Федерации и ряда зарубежных стран, в частности, рассмотрены особенности института недостойных наследников, проведена сравнительная характеристика, позволяющая выявить схожие и диаметрально противоположные правовые нормы, регулирующие наследственные правоотношения при решении вопроса об отнесении наследников к категории недостойных. Выявленные различия позволяют определить, насколько полно институт недостойных наследников законодательно закреплен в Российской Федерации. Кроме того, исследование опыта зарубежных стран позволяет установить пробелы в действующем законодательстве, некоторые правовые нормы могут быть использованы для усовершенствования отечественного законодательства, также учитывая опыт зарубежных стран.

Ключевые слова: недостойные наследники, наследственные правоотношения, наследование, зарубежные страны, основания признания.

Важность наследственных правоотношений неоспорима, поскольку наследование находится в прямой взаимосвязи с переходом права собственности от наследодателя к наследнику, и в данных правоотношениях может участвовать достаточно большое количество лиц. Следует отметить, что институт недостойных наследников имеет истоки еще со времен римского права, но,

Aliya K. Kabysheva
Postgraduate Student,
Saratov State Law Academy
Aliya2011_1997@mail.ru

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTION OF UNWORTHY HEIRS IN MODERN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Annotation. The significance of the institution of unworthy heirs is primarily that as a result of inheritance, the ownership right passes from the heir to the testator, however, in the Russian Federation, as in a number of foreign countries, possible heirs are divided into turns (in other countries, other names of division are provided), that is, each of the heirs has its own property interest, the legal rights and interests of a number of persons are affected. The institution of unworthy heirs is enshrined in the legislation of both the Russian Federation and many foreign countries, however, depending on the legal system and individual characteristics of the law of states, the institution in question does not have a uniform approach. This article presents a brief analysis of the norms of inheritance law of the Russian Federation and a number of foreign countries, in particular, the features of the institution of unworthy heirs are considered, a comparative characteristic is carried out, which allows identifying similar and diametrically opposed legal norms regulating hereditary legal relations when deciding on the assignment of heirs to the category of unworthy. The revealed differences make it possible to determine how fully the institution of unworthy heirs is legally enshrined in the Russian Federation. In addition, the study of the experience of foreign countries allows us to identify gaps in the current legislation, some legal norms can be used to improve domestic legislation, including taking into account the experience of foreign countries.

Keywords: unworthy heirs, hereditary legal relations, inheritance, foreign countries, grounds for recognition.

зародившись в то время, на протяжении последующих десятков и сотен лет он существенно видоизменялся, что было связано не только с развитием установленного государственного строя и современного развития общества, но и особенностями правовых систем, используемых в том или ином государстве [9]. Приобретение специфических особенностей позволило данному институту

обрести черты индивидуальности, наблюдаются достаточно серьезные отличия при подходе к данной теме в различных государствах.

В Российской Федерации также уделяется особое внимание наследственному праву, в том числе, институту недостойных наследников, в связи с чем, предпринимались различные попытки систематизировать существующую правовую информацию в рамках данного вопроса. Итогом таких попыток стало введение в действие отдельной части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) – ч. 3, посвященной регулированию наследственных правоотношений [2]. Именно выделение наследственных правоотношений в отдельную часть кодекса ознаменовало окончание проведения реформы. Отдельные основы регулирования наследственных правоотношений были сохранены законодателем, некоторые существенные изменения затронули регулирование отдельных правоотношений рассматриваемой сферы.

В Российской Федерации перечень лиц, относимых законом к категории недостойных наследников закреплен в ст. 1117 ГК РФ. То есть, после смерти наследодателя, при определении круга наследников, необходимо определить, не относится ли наследник к данной категории лиц, а также установить, не имели ли место обстоятельства, препятствующие лицу в принятии наследства [7]. Следует отметить, что при установлении таких обстоятельств и причисления претендующего на получение наследства лица к категории недостойных наследников, он подлежит лишению права на наследство в силу закона, при этом, волеизъявления завещателя не учитываются [14]. Так, ст. 1117 ГК РФ к недостойным наследникам относит лиц, умышленно совершивших нарушение порядка наследования, что выражается в совершении ими неправомерных действий. Такие особенности применяются не только о наследовании по завещанию, но и распространяется на случаи наследования по закону. При этом обязательно должны быть установлены такие показатели, как противоправность и наличие умысла от потенциального наследника [12, с. 93].

К недостойным наследникам по российскому законодательству также относятся родители умершего, если рассматривается вопрос о вступлении в наследство по закону, и распространяется на ситуации, когда они были лишены в отношении умершего ребенка родительских прав. Исключения составляют родители, родительские права которых были восстановлены на день открытия наследства [11]. Также, недостойными наследниками являются лица, в чьи обязанности входило содержание наследодателя, если будет установлено, что имело место злостное уклонение потенциальным наследником от выполнения возложенных на него обязанностей [15]. Следует отметить, что для признания наследника недостойным необходимо представить подтверждение наличия факта таких оснований.

Для зарубежных стран также характерно наличие норм, регулирующих установление недостойных наследников и порядок их отстранения от

получения наследства. Данный институт достаточно развит в большинстве государств, но, как указывалось ранее, имеет достаточно серьезные отличия от установленного на территории Российской Федерации.

Например, в Швейцарии институт недостойных наследников также закреплен в гражданском законодательстве, при этом, основные правовые нормы, регулирующие наследование, содержатся в книге III Швейцарского гражданского кодекса «О наследстве» [2]. Именно в Швейцарии, по аналогии с нашим, российским определением очередей при наследовании по закону, установлены группы наследников, именуемые парантеллами, в состав которых входят группы родственников по крови, имеющие одного предка по крови и далее по нисхождению.

Всего закон закрепляет наличие трех парантел. К первой относятся потомки наследодателя, то есть, дети, внуки и т.п. Для детей законом установлено право наследования после умершего в равных частях. Ко второй парантелле относятся родители, также получающие наследство после умершего ребенка в равных частях, к третьей – бабушки и дедушки, как по линии отца, так и по линии матери, между которыми наследство также подлежит разделению в равных частях. Как и в Российской Федерации, вступление в наследство второй и третьей парантеллы возможно лишь при отсутствии предыдущих парантелл.

Существенным отличием от российских норм института наследования является положение пережившего супруга, который законодателем Швейцарии не отнесен ни к одной из парантелл, но при этом занимает особое положение, поскольку также призывается к наследованию вместе с наследниками, входящими в состав всех трех парантелл, более того, при этом он устраняет от наследования всех других родственников, то есть, налицо явный приоритет.

В Гражданском кодексе Швейцарии (далее по тексту – ГКШ) также закреплены три основания признания наследников недостойными, которым законодатель посвятил главу 15 «Отстранение от права на получения наследства». Так, к недостойным наследникам по законодательству Швейцарии относят лиц, совершивших убийство наследодателя, при этом, необходимо установить наличие умысла; лиц, которые с применением обмана или угроз вынудили наследодателя либо составить, либо отозвать завещание, при этом, в законе не отмечено, что принуждение должно быть совершено именно в пользу этого лица, то есть, исходя из логики, можно предположить, что лицо может действовать в интересах другого. Также, к недостойным наследникам относят и лиц, совершивших противоправные действия в отношении завещания, например, его уничтожение, подделку или сокрытие [2]. Важным отличием от норм института наследственного права Российской Федерации является содержание в ГКШ уточнения, что от негативных последствий совершения деяний, перечисленных в качестве оснований для признания наследника недостойным, освобождаются лица, не достигшие восемнадцатилетнего

возраста, а также, имеющие на момент совершения деяний психическое расстройство, то есть, не отдающие отчета своим действиям. Также, законом установлено правило, согласно которому, в случае отстранения наследника при признании его недостойным, право наследования переходит к его потомкам, что в российском законодательстве не предусмотрено, а ч. 3 ст. 1146 ГК РФ, и вообще, установлен запрет на наследование в порядке права представления детьми наследника, признанного недостойным [2].

Достаточно объемный перечень обстоятельств, позволяющих признать наследника недостойным, установлен Гражданским кодексом Чешской Республики (далее по тексту – ГК ЧР). Это лица, которые совершили те или иные преступные действия, как в отношении наследодателя, так и в отношении его родственников, а именно, предков, потомков или супруга. В данном случае, особенностью выступает то, что вред может быть причинен не только наследодателю. Такие лица исключаются из наследственного права, а в случае, если имеет место наследование по закону, происходит замена наследника на потомка наследника, признанного недостойным [3]. Аналогично ГКШ, в ГК ЧР установлено такое основание признания наследника недостойным, как противоправные действия в отношении наследодателя, выражающиеся в том, чтобы добиться при помощи угроз, обмана или путем принуждения составления или отмены завещания, как полностью, так и в отдельных частях, равно как и создание препятствий при изъявлении подобной инициативы от наследодателя. Также, недостойным наследником признается лицо, осуществившее сокрытие, подделку или уничтожение документа, содержащего указания наследодателя относительно распределения наследства. Существенным отличием как от наследственных правовых норм Российской Федерации, так и Швейцарии является закрепление в ГК ЧР такого основания признания наследника недостойным, как заявление наследодателем требований о расторжении брака в том случае, если после его расторжения и последующей смерти наследодателя будет установлено наличие серьезных причин для расторжения брака. Другим основанием, свойственным российскому законодательству, является лишения родительских прав родителя или родителей наследодателя, в связи с их неисполнением [6]. Но, в отличие от ГК ЧР, ГК РФ не расписывает данное основание, в нем отсутствует уточнение, что лишение родительских прав именно вследствие неисполнения родительских обязанностей, что предполагает применение данного основания и в других случаях лишения родительских прав. В случае выбытия недостойного наследника, его право наследования переходит к его потомкам, как и по нормам ГКШ. Нам представляется целесообразным установить подобное правило и для института наследования в Российской Федерации.

Но, как в ГК РФ, так и в ГКШ и ГК ЧР, закреплена возможность восстановления права на получение наследства недостойным наследником, но только если он заслужил прощение наследодателя [3].

При этом определенные вопросы возникают с понятием «прощение», поскольку российское законодательство предусматривает такую возможность только в отношении лиц, признанных недостойными наследниками до момента составления завещания; в ГКШ таких разъяснений вообще не содержится, а в ГК ЧР содержится словосочетание «прямо простил», что также ничуть не конкретизирует, какие именно действия должны или могут исходить от наследодателя, а также, что именно все же входит в данное понятие. В Российской Федерации нормы ГК РФ дополняются Пленумом ВС РФ [4], дающим разъяснения относительно вопросов, не конкретизированных в ГК РФ.

Отдельно следует рассмотреть особенности института недостойных наследников англосаксонской системы права, поскольку для нее свойственно использование судебных прецедентов и сводов законов.

Так, в США, в состав которого входит пятьдесят штатов и федеральный округ Колумбия, не содержится единого правового акта, регулирующего наследственные правоотношения, и, в том числе, институт недостойных наследников. Принятие таких правовых норм отнесено к полномочиям каждого конкретного штата [13]. В ряде случаев, наследственные правоотношения включены в своды законов штата (например, Теннесси или Вирджиния), в некоторых есть совершенно специфические особенности – например, в штате Луизиана наследственное право сохранило особенности французской системы, что вызвано действием Французского гражданского кодекса.

Тем не менее, со временем, все же, особо остро встала проблема отсутствия единообразия норм наследственного права в рамках штатов, и была предпринята попытка унификации имеющихся норм путем создания Закона о наследовании на территории всего нескольких штатов (Аляска, Айдахо).

Наследственное право США закрепило ограниченный круг лиц и оснований для признания наследников недостойными. В законе не указана очередность наследования, отсутствует возможность перехода такого права. Закон преследует, в первую очередь, не защиту интересов и прав личности наследников и наследодателя, а интересы государства, в частности, финансового характера [8].

Как такового, института недостойных наследников в США нет, однако, там используется исторически сложившееся понятие «испорченная кровь», пришедшее из американского и английского права и заключающееся в лишении права на наследство как лица, совершившего деяния, отнесенные к категории тяжких, причем, совершенных умышленно, и его потомков [10]. Лишая такое лицо права на получение наследства, и при отсутствии законодательно закрепленной возможности перехода такого права от него к другому лицу, имущество признавалось выморочным и передавалось в доход государства. Позднее доктрина была отменена, поскольку штаты

принимали разные решения относительно данного вопроса, и со временем конфискация по указанным основаниям стала запрещена.

Но и эти действия ситуацию с решением проблемы относительно отстранения наследников, совершивших тяжкие умышленные преступления, не разрешили, поскольку она разрешается по-разному в зависимости от штата, и единой судебной практики по данному вопросу так и не сложилось. Однако лишь в небольшом количестве штатов материалы практики свидетельствуют, что даже лицо, совершившее убийство, не должно быть лишено возможности наследования. Обосновывая свои позиции, суды исходили, в первую очередь, из того, что наследование заключается в переходе права собственности на движимое и недвижимое имущество от наследодателя к наследнику, и нормы уголовного права в данном случае неприменимы. Кроме этого, лишение права наследования в подобной ситуации расценивается как дополнительное наказание, помимо уголовного, за совершение преступления, а такая возможность уголовным законодательством не предусмотрена.

На сегодняшний день подобные обоснования не принимаются судами и лица, совершившие умышленное убийство наследодателя, все же утрачивают право наследования, при этом, мотивы убийства не обязательно должны иметь корыстный характер, то есть, убийство не в любом случае совершается именно с целью получения наследства в дальнейшем. В ряде штатов действуют несколько видоизмененные нормы, уточняющие возраст преступника. Так, лишены наследства могут быть только лица, совершившие убийство, будучи уже достигшими установленного законом возраста, когда лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Следовательно, лица, совершившие убийство, но не

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.
2. Гражданский кодекс Швейцарии, книга III 1912 г. // Lagen. URL : <https://lagen.nu/1958:637#K2P1> (дата обращения 09.09.2022).
3. Гражданский кодекс Чешской Республики 2012 г. URL : <http://obcanskyzakonik.justice.cz/images/pdf/novy-obcansky-zakonik-rj.pdf> (дата обращения 09.09.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 06.06.2012. № 127.
5. *Выгорова А.А.* Институт недостойных наследников в гражданском праве / А.А. Выгорова, У.А. Даниленко // Ученые записки Тамбовского отделения РoSMU. 2022. № 25. С. 83–87.

достигшие установленного законом возраста привлечения к уголовной ответственности, исключению из числа наследников не подлежат [13].

В штате Огайо запрещено наследовать в случае убийства наследодателя, вне зависимости от того, вынесен обвинительный или оправдательный приговор, а также вне зависимости от вменяемости лица на момент совершения преступления.

В штатах Иллинойс и Нью-Джерси нормы более лояльны по отношению к преступникам и позволяют вступать в наследство лицам, совершившим убийство в результате самообороны, либо находящимся в момент совершения преступления в невменяемом состоянии.

Таким образом, проведенный анализ института недостойных наследников в Российской Федерации и ряде зарубежных стран позволяет сделать вывод, что какие-либо единые для всех государств основания отстранения наследника от наследования и признания его недостойным, отсутствуют. Также, некоторые положения, содержащиеся в нормах, регулирующих наследственные правоотношения, недостаточно конкретизированы и требуют уточнения. И, несмотря на значимость права на наследство, связанное с переходом права собственности, можно отметить, что в судебной практике подобные споры встречаются достаточно редко. Можно предположить, что это связано со сложностью подтверждения необходимых обстоятельств, которые могут свидетельствовать о том, что наследник является недостойным. Однако, в том или ином виде, институт недостойных наследников имеет место быть не только в Российской Федерации, но и в ряде зарубежных стран, отличаясь при этом рядом индивидуальных особенностей.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part three) of 26.11.2001 № 146-FZ (ed. of 01.07.2021) // The Collection of Legislation of the Russian Federation, 03.12.2001. № 49. Art. 4552.
2. The Civil Code of Switzerland, book III of 1912 // Lagen. URL : <https://lagen.nu/1958:637#K2P1> (date of application 09.09.2022).
3. Civil Code of the Czech Republic 2012. URL : <http://obcanskyzakonik.justice.cz/images/pdf/novy-obcansky-zakonik-rj.pdf> (date of application 09.09.2022).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.05.2012 № 9 (ed. dated 24.12.2020) «On judicial practice in inheritance cases» // Rossiyskaya Gazeta. 06.06.2012. № 127.
5. *Vygorova A.A.* Institute of unworthy heirs in civil law / A.A. Vygorova, U.A. Danilenko // Scientific Notes of the Tambov branch of RoSMU. 2022. № 25. P. 83–87.

6. *Гаврилов В.Н.* Институт недостойных наследников в законодательстве России, Австрии и Чехии (сравнительно-правовой аспект / В.Н. Гаврилов, К.Е. Кнуренко, О.А. Ледяйкина // *European journal of law and political sciences*. 2020. № 1. С. 18–21.
7. *Герасимчук М.Ю.* Международный опыт правового регулирования, судебная практика: проблемы института недостойных наследников / М.Ю. Герасимчук, Е.В. Герасимчук // *Нотариус*. 2022. № 2. С. 45–48.
8. *Плесская Н.С.* Институт недостойных наследников в законодательстве России, Чехии и Швейцарии: сравнительно-правовой аспект / Н.С. Плесская // *Символ науки*. 2022. № 5-1. С. 48–50.
9. *Поповкин Н.А.* Отстранение от наследования недостойных наследников / Н.А. Поповкин // *Нотариус*. 2022. № 1. С. 32–39.
10. *Рыбакова С.А.* Сравнительный анализ наследственного права России и ряда зарубежных стран / С.А. Рыбакова // *Марийский юридический вестник*. 2005. № 4. С. 172–180.
11. *Савина Т.В.* Отстранение недостойных наследников от наследования в связи с неисполнением алиментных обязательств / Т.В. Савина // *Наследственное право*. 2018. № 3. С. 12–14.
12. *Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / А.В. Закарлюка, Л.М. Звягинцева, М.А. Куликова [и др.]; Под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, ИНФРА-М, 2021. 472 с.*
13. *Толстова И.А.* Недостойные наследники: законодательный опыт Российской Федерации и зарубежных стран / И.А. Толстова, П.А. Матвеев // *Наследственное право*. 2018. № 3. С. 47–50.
14. *Федчун А.В.* Общественная опасность гражданских правонарушений в вопросе признания наследника недостойным / А.В. Федчун // *Наследственное право*. 2021. № 1. С. 27–30.
15. *Фиошин А.В.* О судебской дискреции при рассмотрении дел, связанных с оценочными понятиями наследственного и семейного права / А.В. Фиошин // *Вестник гражданского процесса*. 2019. № 4. С. 250–264.
6. *Gavrilov V.N.* The Institute of unworthy heirs in the legislation of Russia, Austria and the Czech Republic (comparative legal aspect / V.N. Gavrilov, K.E. Knurenko, O.A. Ledyakina // *European journal of law and political sciences*. 2020. № 1. P. 18–21.
7. *Gerasimchuk M.Yu.* International the experience of legal regulation, judicial practice: problems of the institute of unworthy heirs / M.Yu. Gerasimchuk, E.V. Gerasimchuk // *Notary*. 2022. № 2. P. 45–48.
8. *Plesskaya N.S.* The Institute of unworthy heirs in the legislation of Russia, the Czech Republic and Switzerland: a comparative legal aspect / N.S. Plesskaya // *Symbol of Science*. 2022. № 5-1. P. 48–50.
9. *Popovkin N.A.* Removal from inheritance of unworthy heirs / N.A. Popovkin // *Notary*. 2022. № 1. P. 32–39.
10. *Rybakova S.A.* Comparative analysis of inheritance law of Russia and a number of foreign countries / S.A. Rybakova // *Mari legal Bulletin*. 2005. № 4. P. 172–180.
11. *Savina T.V.* Removal of unworthy heirs from inheritance in connection with non-fulfillment of alimony obligations / T.V. Savina // *Inheritance law*. 2018. № 3. P. 12–14.
12. *Handbook of Evidence in civil Proceedings / A.V. Zakarlyuka, L.M. Zvyagintseva, M.A. Kulikova, [et al.]; Edited by I.V. Reshetnikova. 7th ed., supplement and revision. M. : Norma, INFRA-M, 2021. 472 p.*
13. *Tolstova I.A.* Unworthy heirs: legislative experience of the Russian Federation and foreign countries / I.A. Tolstova, P.A. Matveev // *Inheritance law*. 2018. № 3. P. 47–50.
14. *Fedchun A.V.* The public danger of civil offenses in the matter of recognizing the heir as unworthy / A.V. Fedchun // *Inheritance Law*. 2021. № 1. P. 27–30.
15. *Fioshin A.V.* On judicial discretion when considering cases related to evaluative concepts of inheritance and family law / A.V. Fioshin // *Bulletin of Civil Procedure*. 2019. № 4. P. 250–264.

Кольчурин Андрей Геннадьевич
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
kag63@list.ru

Садырина Любовь Валерьевна
магистрант,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
lubov.sadyrina@gmail.com

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Цифровая реальность прочно внедрилась в жизнь общества, кроме того, она стала и средством для совершения преступлений. Различные цифровые устройства содержат в себе важную информацию об обстоятельствах совершенного преступления. Статья посвящена анализу действующего уголовно-процессуального законодательства в части электронных носителей информации. Сформулирован вывод о необходимости выделения электронных доказательств в качестве отдельного вида доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, доказывание, виды доказательств, электронная информация, электронные доказательства, электронный документ, электронный носитель информации.

Люди в современном информационном обществе, сами не замечая того, постоянно оставляют цифровые следы, не только пользуясь различными электронными устройствами, совершая покупки с использованием пластиковых карт, но и просто попадая на записи камер видеонаблюдения [1]. Высказывания о том, что цифровизация и информатизация затронули все направления судопроизводства: уголовное, гражданское и арбитражное, стали уже не просто модными фразами и громкими высказываниями, а превратились в реальность повседневной жизни, в связи с чем, появилась возможность представления сведений, имеющих значение для дела в новой форме. Это могут быть аудио- и видеозаписи, сообщения в Whatsapp, Viber, Telegramm, скриншоты и другая информация [2].

Современная юридическая наука не остается в стороне от всеобщей информатизации. Здесь также весьма активно обсуждаются вопросы, связанные с проблемами правового регулирования

Andrey G. Kolchurin
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
kag63@list.ru

Lyubov V. Sadyrina
Master's Student,
North Caucasus branch,
Russian State University of Justice
lubov.sadyrina@gmail.com

ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. Digital reality has firmly implemented the life of society, in addition, it has become a means of committing crimes. Various digital devices contain important information about the circumstances of the crime. The article is devoted to the analysis of the current criminal procedure legislation in terms of research with electronic media of information and the justification of the allocation of electronic evidence as a separate type of evidence.

Keywords: criminal process, evidence, proof, types of evidence, electronic information, electronic evidence, electronic document, electronic media of information.

отношений, связанных с цифровой реальностью и наличием множественной электронной информации, содержащейся на различных электронных носителях. Ученые, представляющие все отрасли права, проводят множественные исследования, в которых активно рассматривают различные аспекты, касающиеся цифровизации современного общества, и предлагают различные варианты правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых объектов и технологий.

Одним из основных дискуссионных вопросов различных научных исследований является необходимость законодательного закрепления нового вида доказательств – «электронных доказательств».

Отметим, что в действующем УПК РФ ни в одной из норм не используется понятие «электронные доказательства». Несмотря на большое количество электронных устройств в современном мире, и использование этих устройств, в том числе, для

совершения преступлений, законодатель не выделяет их в качестве самостоятельного источника доказательств, а относит их к вещественным доказательствам. Так, в ст. 81 УПК РФ, посвященной описанию вещественных доказательств, лишь вскользь упоминается об электронных носителях информации, которые должны быть возвращены владельцу в случае, если они не имеют отношения к делу. В ст. 81.1 УПК РФ содержится аналогичное упоминание об электронных носителях информации, изымаемых в связи с расследованием преступлений в сфере экономической деятельности. В п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ также упоминается «электронный носитель информации» и то лишь для определения условий его хранения в уголовном деле. Некоторые вопросы, связанные с особенностями изъятия электронных носителей информации, регламентированы ст. 164.1 УПК РФ.

Вопрос о выделении такого вида доказательств, как «электронные доказательства», как уже было указано, не остался без внимания ученых, и в научной доктрине уголовно-процессуального права существует множество подходов к его толкованию, отраженных как в научных статьях, так и в работах на уровне монографий и диссертаций. Причем, точки зрения на необходимость выделения такого нового вида доказательств, как электронные разделились.

Часть ученых не видят необходимости в выделении нового вида доказательств. Так, в своем диссертационном исследовании, Р.И. Оконенко приходит к выводу о том, что в настоящее время преждевременно говорить о понятии «электронное доказательство», а появление в УПК РФ термина «электронный носитель информации» следует рассматривать как промежуточный шаг на пути к возможному появлению в российском процессуальном праве термина «электронные доказательства» [3].

Однако данное исследование было проведено в 2016 году и, на наш взгляд, этот «промежуточный шаг» на настоящий момент уже пройден.

По мнению П.С. Пастухова, в УПК РФ также не следует включать новый вид доказательств – «электронное доказательство»; необходимо просто уточнить понятие «доказательство», указав, что сведения могут быть представлены в виде электронной информации, которая «вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств – вещественном доказательстве или документе» [4].

Другие ученые, чьей точки зрения придерживаемся и мы, полагают, что необходимость включения в УПК РФ нового вида доказательств – «электронные доказательства» уже назрела. Так, И.И. Карташов, с учетом развития информационно-телекоммуникационных технологий и особенностей их функционирования, предлагает введение в УПК РФ нового вида доказательств, основанных на электронной (цифровой) информации [5].

П.Г. Марфицин, говоря о необходимости выделения в уголовно-процессуальном законодательстве понятия «электронное доказательство», отмечает, что это понятие должно находиться в гармонии с другими, используемыми в той или иной отрасли права понятиями и не выглядеть «белой вороной» среди них [6].

Не возражая, в принципе, против такого подхода к трактовке электронного доказательства в уголовном процессе, проанализируем иные направления Российского судопроизводства. Так, в ст. 26.2 КоАП РФ, в которой приводится перечень доказательств административного производства, вообще нет никакого упоминания об электронных носителях информации.

АПК РФ также не выделяет электронные носители информации в перечне доказательств арбитражного производства, приводя в ч. 2 ст. 89 АПК РФ в качестве доказательств некие иные, наряду с документами и материалами, носители информации.

В гражданском законодательстве РФ электронная информация обозначена как «электронный документ». Так, в соответствии с п. 2 ст. 434 ГК РФ, электронным документом, передаваемым по каналам связи, является информация, подготовленная, отправленная, полученная или сохраненная электронными, магнитными, оптическими или аналогичными средствами, включая обмен информацией в электронной форме.

Как нам представляется, такая подробная техническая спецификация анализируемых терминов в уголовно-процессуальном праве излишня, и для нужд уголовно-процессуального права вполне достаточно будет использование следующих основных понятий: «электронное доказательство», «электронный носитель информации», «электронный документ».

Говоря об электронных доказательствах, следует отметить, что в некоторых случаях, можно отнести электронные носители информации к вещественным доказательствам. Так, например, когда объектом хищения является планшет, айфон, смартфон или какой-либо другой электронный носитель, сама электронная составляющая указанных объектов значения, как таковая, не имеет. В данном случае, эти предметы просто являются вещественными доказательствами. В других случаях, если объектом совершения преступления хотя и является электронный носитель, но решающее значение имеет не он, а та информация, которая содержится на электронном носителе и, возможно, электронное обеспечение этой информации, то в этих случаях, такие объекты нельзя отнести к традиционным видам вещественных доказательств, а следует считать их именно электронными доказательствами.

Рассматривая вопрос о выделении электронных доказательств в качестве самостоятельного источника доказательств, уместно рассмотреть вопрос и о способах обнаружения и изъятия таких доказательств в рамках расследования уголовного дела. В УПК РФ предусмотрено несколько

основных видов следственных действий, в рамках которых возможно изъятие и исследование электронных носителей информации. Это – осмотр, выемка, обыск и производство экспертизы.

На наш взгляд, в случае с электронными носителями информации, основным из обозначенных следственных действий является их осмотр, элементы которого присущи также выемке, обыску и производству экспертизы. Учитывая, что процедура производства следственных действий, связанных с исследованием электронных носителей информации представляет собой отдельный предмет исследования, остановимся лишь на некоторых особенностях осмотра исследуемых объектов.

При производстве осмотра электронных носителей информации особо важна роль соответствующего специалиста, необходимость участия которого в этом случае, на наш взгляд, является обязательной, так как содержащаяся на носителях информация может быть скрыта или удалена автоматически при попытке её изъятия, либо дистанционно.

Литература:

1. Дёмин А.А. Электронное доказательство в гражданском и арбитражном процессах / А.А. Дёмин, А.С. Ванчиков // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1192.
2. Приспособиться к новой реальности. URL : <https://fparf.ru/news/fpa/prisposobitsya-k-novoy-realnosti> (дата обращения 20.05.2022).
3. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
4. Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств / П.С. Пастухов // СПС «КонсультантПлюс».
5. Карташов И.И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе / И.И. Карташов // Центральный научный вестник. URL : <https://go.mail.ru/> (дата обращения 18.07.2022).
6. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве / П.Г. Марфицин // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3(39).
7. Иванов А.Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы / А.Н. Иванов // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 76.

Кроме того, специфика хранения электронной информации предполагает возможность ее удаленного хранения, например в «Облаке». В случае использования обвиняемым (подозреваемым) такого способа хранения, изъятие электронного носителя даст только информацию об обращении лица к тем или иным ресурсам, но не к самой информации. В этой связи, заслуживает внимания предложение А.Н. Иванова о проведении «обыска посредством удаленного доступа» [7], что также возможно обеспечить только путем привлечения соответствующего специалиста.

Таким образом, с учетом изложенного, предлагаем в перечень доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ, в качестве самостоятельного источника доказательств, включить электронные доказательства.

В статью 177 УПК РФ включить пункт 7 следующего содержания: «Осмотр электронных носителей информации и (или) информационной среды производится с участием специалиста».

Literature:

1. Dyomin A.A. Electronic proof in civil and arbitration processes / A.A. Dyomin, A.S. Vanchikov // Voprosy rossiiskoi justicieii. 2020. № 9. P. 1190–1197.
2. Adapt to the new reality. URL : <https://fparf.ru/news/fpa/prisposobitsya-k-novoy-realnosti> (date of application 20.05.2022).
3. Okonenko R.I. «Electronic evidence» and the problems of ensuring the rights of citizens to protect the privacy of private life in criminal proceedings: a comparative analysis of the legislation of the United States of America and the Russian Federation : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2016.
4. Pastukhov P.S. On the development of criminal procedural evidence with the use of electronic evidence / P.S. Pastukhov // SPS «ConsultantPlus».
5. Kartashov I.I. «Digital evidence» in the criminal process / I.I. Kartashov // Central Scientific Bulletin. URL : <https://go.mail.ru/> (date of application 07/18/2022).
6. Marfitsin P.G. Some approaches to the formulation of the concept of «electronic evidence» in criminal proceedings / P.G. Marfitsin // Vestnik Nizhegorodskoe akademiya MVD Rossii. 2017. № 3(39).
7. Ivanov A.N. Remote study of computer information: criminal procedure and forensic problems / A.N. Ivanov // Izvestia of the University of Saratov. 2009. Vol. 9. Ser. Economy. Control. Right. Iss. 2. P. 76.

Косолапов Алексей Дмитриевич
кандидат педагогических наук,
доцент,
начальник кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
a.kosolapov@mail.ru

Чимаров Сергей Юрьевич
доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Бородавко Леонид Трофимович
доктор педагогических наук,
доцент,
профессор кафедры
физической подготовки
и прикладных единоборств,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
borodavkoleonid27@yandex.ru

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ОБ УКРАИНСКИХ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКАХ

■ ■ ■

Аннотация. Динамика проникновения достижений современного информационного общества во все сферы общественной жизни способствует активизации гражданского общества по направлению своего участия во многих областях общественного бытия, включая и область правоохранительной деятельности. Объективный ход истории по вовлечению Российской Федерации в решение комплекса вопросов, связанных с обеспечением безопасности нашего государства по периметру общих с Украиной границ, а также – с освобождением территорий ДНР и ЛНР, выдвинул в число приоритетных и вопросы противодействия преступным помыслам и действиям украинской стороны. В этой связи, авторы апеллируют к теме публичного распространения в сетевом пространстве информации об украинских преступных организациях и военных преступниках и, после соответствующей компетентной проверки, необходимости оперативного правового реагирования на объективно представленный материал, распространенный в телеграмм-канал и сайтах, созданных неравнодушными к судьбе своей страны гражданами.

Alexey D. Kosolapov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
a.kosolapov@mail.ru

Sergey Yu. Chimarov
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Personnel
Management and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Leonid T. Borodavko
Doctor of Pedagogy,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Physical Training
and Applied Martial Arts,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
borodavkoleonid27@yandex.ru

LAW ENFORCEMENT ASPECT OF INFORMATION LEGALIZATION ON THE INTERNET ABOUT UKRAINIAN CRIMINAL ORGANIZATIONS AND WAR CRIMINALS

■ ■ ■

Annotation. The dynamics of the penetration of the achievements of the modern information society into all spheres of public life contributes to the activation of civil society in the direction of its participation in many areas of social life, including the field of law enforcement. The objective course of history to involve the Russian Federation in resolving a set of issues related to ensuring the security of our state along the perimeter of the common borders with Ukraine, as well as the liberation of the territories of the DPR and LPR, put forward the issues of counteracting the criminal thoughts and actions of the Ukrainian side as a priority. In this regard, the authors appeal to the topic of public dissemination in the network space of information about Ukrainian criminal organizations and war criminals and, after appropriate competent verification, the need for a prompt legal response to objectively presented material distributed in the telegram channel and websites created by those who are not indifferent to the fate of their country by citizens.

Ключевые слова: информация, гражданское общество, полиция, правоохранительная деятельность, военные преступники, преступные организации, украинские националисты.

Keywords: information, civil society, police, law enforcement, war criminals, criminal organizations, Ukrainian nationalists.

Эффективность функционирования механизма правоохранения в обществе в значительной степени предопределяется фактором взаимодействия компетентных правоохранительных структур с гражданами и элементами гражданского общества. Как следует из обоснованного суждения Г.Г. Фастович [4, с. 13], базовым основанием критерия эффективности деятельности правоохранительных органов выступает наличие интереса граждан по информированию указанных государственных институций в целях поддержания в обществе должного уровня правопорядка и реализации принципа законности по отношению к юридическим и физическим лицам, противоправная деятельность которых стала достоянием представителей гражданского общества. По нашему представлению, сопряжение современной ситуации проведения Россией Специальной военной операции на территории Украины, а также ДНР и ЛНР с целесообразностью более тесного сплочения российского общества, обуславливает перевод взаимодействия отдельных граждан и гражданского общества в целом на новый, более высокий уровень консолидации и бдительности.

Отмеченное выше в полной мере касается также отношения граждан и формируемых ими отдельных структур гражданского общества применительно к области взаимодействия с органами внутренних дел, в части использования указанными органами правоохранения мониторингового потенциала отдельных проектов, реализуемых в недрах гражданского общества. Данный вывод корреспондирует одному из принципов правоприменения в деятельности полиции, сформулированному известным реформатором полицейского дела Р. Пилем: «В отношениях с населением всегда придерживаться исторической традиции «полиция – это общество, а общество – это полиция». Полиция включает в себя полномочных и полноправных представителей населения, получающих жалование за полное посвящение своего внимания обязанностям каждого гражданина по защите интересов общественного благосостояния и направленных на выживание общества» [6, с. 34]. С учетом отмеченного, мы считаем актуальным наше обращение к некоторому опыту легализации информации (в формате создания отдельных сайтов в сети Интернет и реализации ряда сетевых проектов) в отношении украинских преступных организаций и военных преступников. В первую очередь, мы акцентируем внимание на информационных ресурсах, контент которых представляет очевидный интерес для органов правоохранения, а именно:

1. Сайт «Немезида» [3], позиционирующий себя как обличитель современных представителей нацизма и нацистских формирований.

2. Российское общественное движение «Анти-майдан» [1], миссия которого заключается в противодействии американизму, защите отечественного конституционного порядка и противодействия «цветным» революциям.

3. Информационно-аналитическая компания «Интернет-Розыск» [2], специализирующаяся на рынке Telegram-ботов в интересах поиска персональных данных о людях и обеспечивающая открытый доступ для правоохранителей.

4. Хакерская группировка RaHDit («Злые русские хакеры») [5], к примеру, опубликовавшая данные:

а) украинских резидентур («под крышей» польских учреждений);

б) кураторов разведслужб в ряде зарубежных стран, а также информацию о пристрастии отдельных представителей спецслужб Украины к азартным играм, подверженности наркотикам, их преступном прошлом, участии в свингерских акциях и ЛГБТ-страстях.

Кроме того, следует обратить внимание на украинскую женскую хакерскую группу «Берегини», взаимодействующую с учредителями сайта «Немезида» и легализующую информацию о сотрудниках украинских специальных служб и служащих кибервойск, а также:

– о замыслах украинского командования оперативных групп войск;

– о вопросах формирования гендерной ментальности у личного состава украинских вооруженных сил;

– о тайных поставках оружия на украинскую территорию;

– о документах боевого управления войсками и проведении информационных операций против Российской Федерации и др. [7].

Наиболее подробно вопрос относительно украинских преступных организаций и военных преступников освещен на сайте «Немезида», публикующем аналитического рода информацию, представленную группой RaHDit. На данном сайте размещены следующие сведения:

1) справочные данные о преступных организациях националистического толка (партиях, движениях, общественных объединениях), подконтрольных власти и курируемых спецслужбами Украины и других зарубежных стран, и др.;

2) материалы расследований;

3) сведения о нацистских подразделениях;

4) персональные данные о военных преступниках, иностранных пособниках и сетевых террористах.

Обращая внимание на достоверность опубликованной информации и параллельный доступ к ней специалистов правоохранительных ведомств, следует заметить, что указанные сведения получаются:

– во-первых, в силу изъянов в защите Главного управления разведки Украины;

– во-вторых, с использованием метода анализа массива данных большого объема (англ. «Big Data»-«большие данные») по специфическим моделям поведения пользователей.

Несмотря на то, что сведения сайта «Немезиды» и других информационных ресурсов требуют официальной проверки, размещенная на них публичная информация, несомненно, может служить существенным подспорьем для более предметного анализа по линии правоохранительной деятельности.

Литература:

1. Антимайдан. URL : <https://anti-maidan.com> (дата обращения 10.09.2022).

2. Интернет-Розыск. URL : <https://интернет-розыск.рф/companу> (дата обращения 10.09.2022)

3. Немезида. URL : <https://nemez1da.ru> (дата обращения 10.089.2022).

4. *Фастович Г.Г.* Роль участия институтов гражданского общества в правоохранительной сфере современной России / Г.Г. Фастович // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 8(188). С. 13–15.

5. Хакеры RaHDit передали спецслужбам данные россиян, сотрудничающих с разведкой Украины. URL : <https://rg.ru/2022/07/18/hakery-rahdit-peredali-specsluzhbam-dannye-sotrudnichaiushchi-h-s-razvedkoj-ukrainy-rossiiian.html> (дата обращения 12.09.2022).

6. *Чимаров С.Ю.* К вопросу о «принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017. № 3(75). С. 33–34.

7. Beregini. URL : <https://t.me/hackberegini> (дата обращения 11.09.2022).

Подводя итог отмеченному в настоящей статье, мы приходим к следующим выводам:

– во-первых, стремление ряда формирований гражданского общества к публичной презентации общественно-значимой информации о противоправной политике и преступной позиции множества украинских учреждений и организаций, состоящих в них должностных лиц, свидетельствует о проявлении позитивной тенденции российских граждан, в части демонстрации своего участия в многогранной деятельности по искоренению в социуме преступных посягательств не только в отношении законопослушных граждан, но и упрочения государственного суверенитета Российской Федерации, а также, нейтрализации любого рода посягательств на конституционный порядок в нашей стране;

– во-вторых, любая публично распространенная информация, представляющая прямой интерес для правоохранительных служб, несомненно, подлежит соответствующей проверке на предмет ее достоверности, и в случае ее подтверждения, требует оперативных мер должного правового реагирования.

Literature:

1. Antimajdan. URL : <https://anti-maidan.com> (date of application 10.09.2022).

2. Internet-Rozysk. URL : <https://internet-rozysk.rf/company> (date of application 10.09.2022).

3. Nemezida. URL : <https://nemez1da.ru> (date of application 10.089.2022).

4. *Fastovich G.G.* The role of participation of civil society institutions in the law enforcement sphere of modern Russia / G.G. Fastovich // *Agrarian and land law*. 2020. № 8(188). P. 13–15.

5. RaHDit hackers handed over to the special services the data of Russians cooperating with the intelligence of Ukraine. URL : <https://rg.ru/2022/07/18/hakery-rahdit-pereda-li-specsluzhbam-dannye-sotrudnichaiushchih-s-razvedkoj-ukrainy-rossiiian.html> (date of application 12.09.2022).

6. *CHimarov S.YU.* On the issue of «principles of law enforcement» by Robert Peel in the activities of the police / S.Yu. Chimarov // *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. № 3(75). P. 33–34.

7. Beregini. URL : <https://t.me/hackberegini> (date of application 11.09.2022).

Лакомская Марта Юрьевна
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
martalakomskaya@bk.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Институт административной преюдиции, хорошо знакомый отечественной юридической науке еще с советских времен, и даже в более ранние периоды, в новом тысячелетии обрел новую жизнь в уголовном праве после знакового послания Президента РФ Федеральному собранию 12 ноября 2009 года. В статье раскрываются особенности применения норм с административной преюдицией. На основании детального анализа решений Конституционного Суда РФ по делам, связанным с административной преюдицией, сформулированы рекомендации для науки и практики.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовный закон, Конституционный суд РФ, законность.

Институт административной преюдиции, хорошо знакомый отечественной юридической науке еще с советских времен, и даже в более ранние периоды, в новом тысячелетии обрел новую жизнь в уголовном праве после знакового послания Президента РФ Федеральному собранию 12 ноября 2009 года [8; 4].

Поступательно, начиная с 2011 года, нормы с административной преюдицией стали внедряться в уголовный закон, в настоящее время их число составляет 18, и ожидается дополнительный рост количества составов [3].

Как отмечает Конституционный суд РФ, «возможность такого – дуалистического – подхода к использованию административной и уголовной ответственности для борьбы с теми или иными правонарушениями обусловлена тем, что, будучи разновидностями юридической ответственности за совершение деяний, представляющих общественную опасность, они имеют схожие задачи, базируются на рядоположенных принципах, преследуют общую цель защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка и, по сути, во многом дополняют друг друга.

Marta Y. Lakomskaya
Candidate of Legal Sciences,
Teacher of the Department
of Forensic Science,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
martalakomskaya@bk.ru

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL LAW: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation. The Institute of Administrative Prejudice, well known to Russian legal science since Soviet times, and even in earlier periods, in the new millennium found a new life in criminal law after the landmark message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on November 12, 2009. The article reveals the features of the application of norms with administrative prejudice. Based on a detailed analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on cases related to administrative prejudice, recommendations for science and practice are formulated.

Keywords: administrative prejudice, criminal law, Constitutional Court of the Russian Federation, legality.

Тем не менее, несмотря на очевидный факт, что административная преюдиция стала частью уголовного закона, в ученом мире не утихают споры о ее сущности, допустимости существования института административной преюдиции в уголовном праве, эффективности таких норм уголовного закона и соблюдении законодателем принципов уголовного закона при конструировании таких норм. Большая дискуссия существует и относительно признания общественной опасности деяний с административной преюдицией [1; 2; 8]. Аргументируя свою позицию, ученые настаивают на позиции, что общественная опасность – исключительный признак преступлений, при введении административной преюдиции в состав он «размывается» и ставится в зависимость от административного проступка, что недопустимо.

Несомненно, следует поддержать мнение классиков, что бессистемное расширение преюдиционных составов способно нанести вред охраняемым уголовным законам отношениям. Это наглядно демонстрирует постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» [5]. Так, гр. Л.Ф. Сакова

в своем обращении о признании неконституционным положений ст. 116.1 УК РФ мотивировала, что «упомянутая норма противоречит статьям 19, 21 и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку не обеспечивает эффективной защиты от домашнего насилия и не позволяет привлечь к уголовной ответственности за побои (при отсутствии признаков, указанных в статье 116 данного Кодекса) лицо, имеющее неснятую и непогашенную судимость по оспариваемой статье» [5].

Уголовный закон должен быть скорректирован в части привлечения к ответственности не только лиц, подвергнутых административному наказанию за побои, но и лиц, осужденных за нанесение побоев и совершение насильственных действий, причиняющих физическую боль, и имеющих не снятую и непогашенную судимость.

В то же время, следует акцентировать внимание на том, что уголовный закон, как и любая другая отрасль права, находится в прямой корреляции с существующим в обществе запросом на правовое регулирование. И изменения в уголовном законе напрямую отражают изменения, происходящие в обществе.

Полагаем, что административная преюдиция неразрывно связана с достаточно мало исследованным в отечественной уголовно-правовой доктрине понятием «общественная опасность или вредность личности», которое больше является предметом криминологической науки. Это наглядно демонстрируют и данные официальной судебной статистики. В совокупности с взятым законодателем курсом на смягчение уголовной ответственности и уменьшение числа лиц, подвергнутых уголовному наказанию, административная преюдиция, базируясь на принципах межотраслевого взаимодействия, обеспечивает также значительную экономию процессуальных ресурсов. Принятые нормы уголовного закона существенным образом расширили содержательную составляющую ст. 90 УПК РФ. В качестве достоверного юридического факта в рамках уголовного судопроизводства должно быть признаны не только «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьей 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства; но и постановления и решения, вынесенные по

Литература:

1. *Богданов А.В.* Административная преюдиция в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 23.
2. *Лопашенко Н.А.* Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.
3. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2020 году административных, гражданских дел, дел по

преюдиционным административно-правовым составом органом дознания.

Стоит отметить, что, как советские законодатели, так и современные законодотворцы не выработали единого подхода к созданию норм с административной преюдицией.

Указанное обстоятельство предопределяет сложности в правоприменительной практике. При расследовании преступлений с административной преюдицией для дознавателя или следователя возникает необходимость обязательного установления:

- 1) наличия всех признаков конкретного административного правонарушения;
- 2) совершения указанных деяний специальным субъектом повторно.

Указанные обстоятельства, в совокупности, обеспечивают преобразование деяния из административного правонарушения в категорию преступления. И если с порядком установления признаков административного правонарушения трудностей, как правило, не возникает, то установление факта повторности совершения деяния специальным субъектом может быть отсрочено во времени. Должностному лицу, осуществляющему дознание, необходимо обратиться к информационным базам МВД России, запросить копии административного материала и постановления по нему, проверить исполнение административного наказания и правильно рассчитать срок привлечения лица к административной ответственности в каждом конкретном случае. И только после проведения всех указанных действий должностное лицо может принимать решение по собранному материалу: либо о передаче по подследственности, либо о самостоятельном возбуждении уголовного дела.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что административная преюдиция в уголовном праве – уже неоспоримый факт, и законность ее существования подтверждается решениями Конституционного Суда РФ. Однако, как и любой сложный юридический инструмент, административная преюдиция нуждается «в тонкой настройке» для обеспечения ее эффективного и адекватного применения. И это задача должна должным образом быть проработана как на доктринальном, так и на законодотворческом уровне.

Literature:

1. *Bogdanov A.V.* Administrative prejudice in the criminal law of Russia : dis. ... cand. jurid. Sciences. M., 2019. P. 23.
2. *Lopashenko N.A.* Administrative prejudice in criminal law – no! / N.A. Lopashenko // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2011. № 3. P. 64–71.
3. Review of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in 2020 of administrative, civil cases, cases for the resolution

разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.08.2022).

4. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года. URL : <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.08.2022).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.08.2022).

7. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика). Юрлитинформ, 2022. 208 с.

8. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 26.

of economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 08/20/2022).

4. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation. November 12, 2009. URL : <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P dated 08.04.2021 «On the case of checking the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.F. Sakova» // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 08/20/2022).

6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.02.2017 № 2-P «On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin» // Access from the SPS «ConsultantPlus» (date of application 20.08.2022).

7. Pudovochkin Yu.E. Problems of qualification of crimes with administrative prejudice (judicial practice). Yurлитinform, 2022. 208 p.

8. Ergasheva Z.E. Administrative prejudice in criminal law : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2018. P. 26.

Лизикова Марина Сергеевна
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
сектора гражданского
и предпринимательского права,
Институт государства и права РАН
lizikova_m@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ В РАМКАХ СНГ

Аннотация. В статье освещаются основные этапы и направления развития сотрудничества государств-членов СНГ в области использования атомной энергии. Автором отмечается, что наряду с основными и неизменными направлениями взаимодействия, такими как, например, обеспечение ядерной и радиационной безопасности, появились и новые, обусловленные, в первую очередь, развитием инновационных атомных технологий как энергетического, так и неэнергетического применения. Особое внимание уделено характеристике последних. Кроме того, выделены проблемы, затрудняющие сотрудничество в атомной сфере.

Ключевые слова: СНГ, атомная энергетика, международное сотрудничество, гармонизация нормативно-правовой сферы, использование атомной энергии, энергетическое право, мирный атом.

В современных условиях политического, экономического и энергетического кризисов, а также, в условиях изменения климата и необходимости декарбонизации, роль атомной энергетики в мире возрастает. Те государства, которые еще недавно отказывались от энергии атома, снова начинают рассматривать возможности ее использования, а остальные – увеличения. Россия по-прежнему сохраняет статус лидера на международном атомном рынке, однако, не стоит сбрасывать со счетов и влияние международных санкций на географию, развитие и формат международного сотрудничества в рассматриваемой области. Отсюда особую актуальность приобретают современное состояние и перспективы развития сотрудничества в области использования атомной энергии в рамках региональных интеграционных объединений с участием России, как СНГ, ЕАЭС, БРИКС.

Вопросы сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях стали предметом соглашений, которые были заключены

Marina S. Lizikova
Candidate of Legal Sciences,
Senior Research Associate
Civil Sector and Business Law,
Institute of State and Law of RAS
lizikova_m@mail.ru

THE CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF COOPERATION BETWEEN STATES IN THE FIELD OF THE USE OF ATOMIC ENERGY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CIS

Annotation. The article discusses the main stages and directions of development of the CIS member states in the field of the use of atomic energy. The author of the assumption that it is supposed to use nuclear technologies as energy and non-energy applications, for example, ensuring nuclear and radiation safety. Particular attention is paid to the last characteristics. In addition, problems that terminate cooperation in the nuclear sphere are highlighted.

Keywords: CIS, nuclear energy, international cooperation, harmonization of the regulatory and legal sphere, use of atomic energy, energy law, peaceful atom.

между рядом государств бывшего СССР после его прекращения. Сохранению связей между ними способствовало создание Содружества Независимых Государств (СНГ). Меньше чем через год после создания этого интеграционного объединения было принято Соглашение об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, заключенного в Минске (26.06.1992), заложившее основы:

- межгосударственного взаимодействия государств в рамках СНГ в области осуществления совместной промышленной деятельности;
- совместного владения или эксплуатации ядерных установок, оборудования, объектов промышленной собственности и промышленных предприятий;
- осуществления совместных мероприятий по предотвращению ядерной аварии и ликвидации ее последствий;

- предоставления и обмена информацией, аварийному планированию, защите окружающей среды и подготовке персонала;
- координации и проведения совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- разработки урановых месторождений и др.

Это соглашение, в свою очередь, послужило основой для утверждения Концепции ядерной и радиационной безопасности государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях (21.11.2014 г.).

Функции обеспечения и расширения направлений сотрудничества государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях возложены на, учрежденную в 1997 году, Комиссию государств – участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях, получившую в 2003 году статус органа отраслевого сотрудничества СНГ.

В рамках осуществления многостороннего сотрудничества основанного на Рамочной программе сотрудничества государств – участников СНГ в области использования атомной энергии на период до 2020 г. «Сотрудничество Атом – СНГ» (19.05.2011 г.) и Соглашении о координации межгосударственных отношений государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях (31.05.2013 г.) были разработаны и приняты:

- Соглашение о сближении подходов по нормативно-правовому и нормативно-техническому регулированию, оценке соответствия, стандартизации, аккредитации и метрологическому обеспечению в области использования атомной энергии в мирных целях, направленное на нивелирование различий в нормативных документах (26.05.2017 г.);
- национальный стандарт Российской Федерации «Система оценки соответствия в области использования атомной энергии. Оценка соответствия в форме контроля. Унифицированные методики. Визуальный и измерительный контроль» (27.02.2018 г.);
- Соглашение о трансграничных перевозках радиоактивных материалов в государствах – участниках СНГ (06.11.2020 г.);
- Соглашение о взаимодействии государств – участников СНГ по обеспечению готовности на случай ядерной аварии или возникновения радиационной аварийной ситуации и взаимопомощи при ликвидации их последствий (02.11.2018 г.);
- Соглашение о совместном использовании экспериментального комплекса на базе казахстанского материаловедческого токамака (26.05.2017 г.) и др.

В текущий период документом, определяющим важнейшие направления сотрудничества государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях, является Рамочная программа сотрудничества до 2030

года, которая также включает основные мероприятия, обеспечивающие стабильное развитие функционирования отрасли на основе координации усилий государств – участников СНГ. Развитие и гармонизация нормативно-правовой базы, обеспечение ядерной и радиационной безопасности объектов использования атомной энергии, реализация комплексных программ и проектов, инновационное развитие и внедрение цифровых технологий, развитие кадрового потенциала, совершенствование информационного пространства – приоритетные направления для взаимодействия на текущее 10-летие.

Ключевые направления сотрудничества государств – участников СНГ в сфере атомной энергетики, как сохранившие свою актуальность, так и новые, обсуждались на состоявшемся в январе 2022 года в г. Санкт-Петербурге заседании Комиссии государств – участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях. В частности, был рассмотрен ход реализации принятых ранее межправительственных документов. А именно:

- Межгосударственной целевой программы «Рекультивация территорий государств, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств»; Программы научных исследований на казахстанском материаловедческом токамаке на 2021–2023 годы (12.03.2021 г.);

- Соглашения о взаимодействии государств – участников СНГ по обеспечению готовности на случай ядерной аварии или возникновения радиационной аварийной ситуации и взаимопомощи при ликвидации ее последствий от 02 ноября 2018 года и Соглашения об информационном взаимодействии государств – участников СНГ при перемещении радиоактивных источников (7.06.2016 г.).

Кроме того, получили одобрение проекты Программы и Плана по развитию национальной ядерной инфраструктуры в государствах – участниках СНГ в целях безопасной реализации программ мирного использования ядерных технологий и проект Соглашения об информационном взаимодействии государств – участников СНГ при проведении радиационного мониторинга. Также, был поднят вопрос о создании Совета представителей руководящего уровня органов регулирования безопасности при использовании атомной энергии государств – участников СНГ.

Получило дальнейшее развитие сотрудничество государств-участников СНГ по решению проблем обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом [3]. Камнем преткновения на пути ее решения, наряду с недостаточным количеством современных технологий по их переработке с извлечением и последующим вторичным использованием полезных компонентов, инфраструктуры и финансирования, является отсутствие единого подхода и недостаточность законодательной базы. Решение последнего вопроса лежит в плоскости гармонизации законодательства стран-участниц СНГ. Топливной компанией Росатома «ТВЭЛ», которая с июня

2021 года является базовой организацией стран СНГ по вопросам ликвидации ядерного наследия, было предложено на основе международных конвенций, рекомендаций МАГАТЭ и соглашений, подписанных странами СНГ, а также, проверенных практикой российских законов и нормативов, разработать модельный закон «Об обращении с радиоактивными отходами и выводе из эксплуатации ядерно и радиационно опасных объектов государств – участников СНГ», а также, комплексную программу, определяющую очередность ликвидации объектов на основе методике ранжирования, учитывающей информацию о накопленной радиоактивности, состоянии защитных барьеров, расстоянии до населенных пунктов и других данных [4]. Последнюю также еще только предстоит разработать.

Следующим шагом в этой области сотрудничества стало единогласное одобрение проекта Концепции о сотрудничестве государств-участников СНГ в области обращения с отходами I и II классов опасности и Плана мероприятий по ее реализации. В соответствии с этими документами, совершенствование нормативного регулирования в сфере обращения с опасными отходами, реализация совместных инфраструктурных проектов, аккумуляция научно-исследовательского потенциала стран СНГ, проведение совместных исследований с целью разработки и внедрения наилучших доступных технологий, развитие кадрового потенциала, формирование культуры ответственного производства и потребления обозначены в качестве направлений дальнейшего сотрудничества.

Необходимым является продолжение сотрудничества государств-участников СНГ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций с радиационными последствиями в государствах – участниках СНГ. Принятое 10 июня 2022 года «Решение о Практических мерах по информированию о ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, объеме и содержании помощи в рамках выполнения обязательств, предусмотренных Соглашением о взаимодействии государств – участников СНГ по обеспечению готовности на случай ядерной аварии или возникновения радиационной аварийной ситуации и взаимопомощи при ликвидации их последствий от 02 ноября 2018 года» направлено на согласование совместных действий для выполнения положений Соглашения, механизмов и средств информационного обмена, содержания данной информации, проведения тренировок и учений, а также регулярных мероприятий, которые будут создавать основу для обновления и совершенствования установленных процедур и способов взаимодействия [12]. Оно устанавливает унифицированные формы оповещения, содержание передаваемой информации, идентификацию оборудования пунктов связи и оповещения в рамках выполнения обязательств, предусмотренных Соглашением от 02.11.2018 г.

Кроме того, существует необходимость разработки и принятия еще ряда нормативных правовых актов, касающихся многостороннего взаимодействия в данной сфере: «Инструкции по

взаимодействию по реагированию на случай ядерной аварии или возникновения радиационной аварийной ситуации и ликвидации их последствий» и «Концепции межгосударственной системы мониторинга ядерно и радиационно опасных объектов».

Наряду с рассмотренными выше документами, в настоящее время в рамках СНГ получило развитие сотрудничество, направленное на формирование общественной приемлемости и улучшение осведомленности о проектах в области использования атомной энергии в мирных целях. Внимание к этому вопросу объективно обусловлено современной активной политикой в области развития атомной энергетики, при реализации которой важно не допустить социальной напряженности.

В массовом сознании недопонимание проблем в рассматриваемой сфере проистекает как из стереотипа опасности атомных электростанций, связанного с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, так из непонимания необходимости развития альтернативных источников электроэнергии для обеспечения независимости экономики и общества, а также подпитывается иррациональным фактором беспокойства. Иллюстрацией существующей проблемы могут служить, например, данные соцопросов об отношении населения Беларуси к строительству АЭС, согласно результатам которых, около 30–40 % от всего взрослого жителей Беларуси негативно воспринимает любые действия, связанные с атомными технологиями [10]. В России же под влиянием «фукусимского синдрома» около 40% респондентов выступали за полное прекращение функционирования атомной энергетики. Сейчас, как отмечают исследователи, активные противники атомной энергетики, также, как и ее сторонники, составляют меньшинство, что является следствием просветительской деятельности ГК «Росатом» [6, с. 107], информационная активность которого направлена на повышение уровня доверия со стороны населения, формирование социального согласия с планами сооружения АЭС, разъяснение действий по повышению безопасности атомных станций российского дизайна, а также - обоснование экологическую и техногенную безопасность предприятий отрасли [1].

В целях взаимодействия государств-участников СНГ в направлении расширения общественной осведомленности о способствовании атомной энергетики устойчивому развитию экономики, в целом, и ее отдельных отраслей, о минимальном воздействии на окружающую среду, а также, содействие обмену опытом, применяемыми практиками и методиками по обеспечению необходимого уровня информационной открытости атомной энергетики, 28 июля 2022 г. был согласован и одобрен проект Основных направлений сотрудничества государств – участников СНГ по формированию общественной приемлемости атомной энергетики [19], который, впоследствии, будет вынесен на рассмотрение высших органов СНГ.

Еще одним новым направлением развития сотрудничества государств СНГ в рассматриваемой области является сотрудничество по сооружению

АЭС малой и средней мощности. Следует отметить, что в пользу развертывания малых модульных реакторов высказываются Международное энергетическое агентство, МАГАТЭ и иные международные организации. Плюсами АСММ являются: способность изменять производительность с учетом спроса, мобильность, широкая вариативность конструкций, улучшенные показатели безопасности, более доступная цена по сравнению с крупными реакторами, отсутствие выбросов в атмосферу, возможность интеграции с возобновляемыми источниками энергии, а также – применения для целей, не связанных с производством электроэнергии.

Из числа стран-участниц СНГ интерес к малой атомной энергетике проявляют Армения и Киргизия, подчеркивая востребованность таких инновационных технологий для решения широкого спектра задач национального развития, в том числе, обеспечения их энергонезависимости, повышения качества жизни населения, декарбонизации, а также, развития научно-технического потенциала всего региона Центральной Азии. Их намерения в развитии сотрудничества по сооружению атомных станций малой мощности выразились в подписании 20 января 2022 года с ГК «Росатом» Меморандума о взаимопонимании для проработки возможного сотрудничества по сооружению новых атомных энергоблоков российского дизайна на территории Республики Армения, свидетельствующего о планах Армении иметь атомную энергетiku в энергобалансе страны [13], и Меморандума о взаимопонимании о сотрудничестве в сооружении АСММ [15]. Согласно последнему документу, предполагается сооружение АСММ на базе реакторной установки РИТМ-200Н на территории Киргизии, содействие в развитии ее ядерной инфраструктуры и проведение совместной работы по повышению квалификации научно-технического персонала в различных областях мирного использования атомной энергии.

Развитие системы нормативно-правового и нормативно-технического регулирования в области использования атомной энергии в мирных целях, выработка единых подходов к установлению норм, требований и правил, регламентирующих деятельность в данной сфере, взаимодействие по развитию технологической базы и внедрению инновационных решений в области использования атомной энергии в мирных целях, развитие радиационной терапии и ядерной медицины – также входят в число перспективных направлений сотрудничества государств-членов СНГ.

Что касается двустороннего сотрудничества государств-участников СНГ, то оно охватывает, наряду с вышеупомянутым сотрудничеством в сфере малой атомной энергетики (Россия – Армения, Россия – Киргизия), такие направления, как развитие сотрудничества при продлении срока эксплуатации действующей Мецаморской

Литература:

1. Будь цифровым. Годовой отчет Инжинирингового дивизиона корпорации «Росатом». 2017.

АЭС и строительстве нового между Россией и Арменией энергоблока (Россия – Армения), взаимодействие по проектам добычи урана и инвестирование в уранодобывающую отрасль Казахстана (Россия – Казахстан) [11; 17], подготовка кадров в атомной отрасли (Россия – Казахстан, Казахстан – Беларусь) [8], сотрудничество в сфере обращения с ОЯТ И РАО, при проектировании, сооружении и эксплуатации исследовательских ядерных реакторов, производстве радиоизотопов и применении атомных технологий в промышленности (Россия – Таджикистан, Россия – Узбекистан), поставка модифицированного ядерного топлива для исследовательского реактора (Россия -Узбекистан) [14], строительство новых АЭС (строительство Россией АЭС в Казахстане, строительство второй АЭС в Беларуси) [16]. Изменение отношения к атомной энергетике в мире дает основание некоторым исследователям указывать на необходимость корректировки стратегий стран СНГ по развитию атомной энергетики [5].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что сотрудничество государств-членов СНГ в области использования атомной энергии осуществлялось в несколько этапов и основывалось на различных документах программно-стратегического характера. В ходе его эволюции, наряду с основными и неизменными направлениями взаимодействия, такими как обеспечение ядерной и радиационной безопасности, появились и новые, обусловленные, в первую очередь, развитием инновационных атомных технологий как энергетического, так и неэнергетического применения. Однако сотрудничество осуществляется в равной степени не по всем направлениям в области использования атомной энергии. Так, например, в части экологических аспектов сотрудничества в атомной области не достигнуто продуктивное интеграционное взаимодействие [7]. Не получил реализации такой формат сотрудничества в рамках СНГ в рассматриваемой сфере как Ассоциация органов регулирования безопасности в области использования атомной энергии и организаций, осуществляющих их научно-техническую поддержку [20], в то время, как он мог бы способствовать развитию пространства СНГ сотрудничества по вопросам регулирования ядерной и радиационной безопасности, оказанию экспертной поддержки при совершенствовании системы регулирования и законодательства, укреплению связей между организациями научно-технической поддержки. В то же время, имеет место перевес в сторону информационного, научного и пр. обмена [2] в ущерб реальному стимулированию производств и реализации проектов. При этом рекомендательный характер многих принимаемых актов, декларативность положений и невысокие масштабы практических действий, принимаемых в рамках СНГ соглашений и решений, не способствуют достижению эффекта от сотрудничества, в то время, как это невозможно без реальной интеграции в практическую плоскость.

Literature:

1. Be digital. Annual Report of the Engineering Division of Rosatom Corporation. 2017.

2. *Василькова С.В.* Проблемы в энергетическом секторе СНГ / С.В. Василькова // Осенняя сессия Международного форума «Евразийская экономическая перспектива»: Сборник докладов. СПб., 2020. С. 56–64.
3. Государства-участники СНГ готовы сотрудничать в области обращения с отходами I и II классов опасности. URL : <https://rosfeo.ru/press-czentr/novosti-fgup-feo/2022/avgust/gosudarstva-uchastniki-sng-gotovy-i-sotrudnichat-v-oblasti-obrashheniya-s-otходami-i-ii-klassov-opasnosti.html>
4. *Дорохова И.* Смирный атом: как безопасно ликвидировать ядерные отходы. URL : <https://strana-rosatom.ru/2022/09/01/smirnyj-atom-kak-bezopasno-likvidiro>
5. *Еременко И.К.* Перспективы развития атомной энергетики в странах СНГ / И.К. Еременко // Инновации в технологиях и образовании: XIII Международная научно-практическая конференция. Белово, 2020. С. 60–63.
6. История взаимодействия ядерной энергии и общества в России : монография. Екатеринбург, 2018.
7. *Морева Е.Л.* Экологические аспекты сотрудничества в области атомной промышленности на постсоветском пространстве / Е.Л. Морева // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 5. С. 82-89.
8. О подготовке кадров в атомной отрасли Казахстана. URL : https://e-cis.info/news/567/99047/?Sphrase_id=41655
9. Отчет о деятельности комиссии государств – участников Содружества независимых государств по использованию атомной энергии в мирных целях в 2017–2020 годах. М., 2021.
10. *Правдивец В.В.* Динамика общественного мнения по вопросам развития отечественной атомной энергетики и строительства АЭС на территории Республики Беларусь. URL : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/163704/1/Актуальные%20проблемы%20%282011-2016%29.pdf>
11. Премьер Казахстана и глава Росатома обсудили сотрудничество в атомной энергетике. URL : https://e-cis.info/news/568/100475/?sphrase_id=41655
12. Решение о Практических мерах по информированию о ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, объеме и содержании помощи в рамках выполнения обязательств, предусмотренных Соглашением о взаимодействии государств – участников СНГ по обеспечению готовности на случай ядерной аварии или возникновения радиационной аварийной ситуации и взаимопомощи при ликвидации их последствий от 02 ноября 2018 года. URL : <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6574#text>
13. «Росатом» и ЗАО «Айкакан Атомайин Электракайан» (Армения) подписали соглашение о сотрудничестве по сооружению новых атомных
2. *Vasilkova S.V.* Problems in the CIS energy sector / S.V. Vasilkova // Autumn session of the International Forum «Eurasian Economic Perspective»: Collection of reports. SPb., 2020. P. 56–64.
3. CIS member states are ready to cooperate in the field of waste management of hazard classes I and II. URL : <https://rosfeo.ru/press-czentr/novosti-fgup-feo/2022/avgust/gosudarstva-uchastniki-sng-gotovy-i-sotrudnichat-v-oblasti-obrashheniya-s-otходami-i-ii-klassov-opasnosti.html>
4. *Dorokhova I.* Smirny atom: how to safely eliminate nuclear waste. URL : <https://strana-rosatom.ru/2022/09/01/smirnyj-atom-kak-bezopasno-likvidiro>
5. *Eremenko I.K.* Prospects for the development of nuclear energy in the CIS countries / I.K. Eremenko // Innovations in technology and education: XIII scientific and Practical International Conference. Belovo, 2020. P. 60–63.
6. History of interaction of nuclear energy and society in Russia : monograph. Yekaterinburg, 2018.
7. *Moreva E.L.* Environmental aspects of cooperation in the field of nuclear industry in the post-Soviet space / E.L. Moreva // Economy. Taxes. Right. 2019. № 5. P. 82–89.
8. On personnel training in the nuclear industry of Kazakhstan. URL : https://e-cis.info/news/567/99047/?sphrase_id=41655
9. Report on the activities of the Commission of the Member States of the Commonwealth of Independent States on the use of atomic energy for peaceful purposes in 2017–2020. M., 2021.
10. *Pravdivets V.V.* Dynamics of public opinion on the development of domestic nuclear energy and the construction of nuclear power plants in the Republic of Belarus. URL : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/163704/1/Актуальные%20проблемы%20%282011-2016%29.pdf>
11. The Prime Minister of Kazakhstan and the head of Rosatom discussed cooperation in nuclear energy. URL : https://e-cis.info/news/568/100475/?sphrase_id=41655
12. Decision on practical measures to inform about a nuclear accident or radiation emergency, the scope and content of assistance in the framework of fulfilling the obligations stipulated by the Agreement on Cooperation of the CIS Member States to Ensure Preparedness in the Event of a Nuclear Accident or Radiation Emergency and mutual assistance in the elimination of their consequences from November 02, 2018. URL : <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6574#text>
13. «Rosatom» and CJSC «Haykakan Atomayin Elektrakayan» (Armenia) signed an agreement on cooperation on the construction of new nuclear power

энергоблоков. URL : https://e-cis.info/news/569/97688/?sphrase_id=41655

14. Росатом обеспечит инновационным ядерным топливом исследовательский реактор в Узбекистане. URL : <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-obespechit-innovatsionnym-yadernym-toplivom-issledovatel'skiy-reaktor-v-uzbekistane>

15. Росатом представил продуктовую линейку атомных реакторов малой мощности в рамках «ЭКСПО-2020» в Дубае. URL : https://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-predstavil-produktovuyu-lineyku-atomnykh-reaktorov-maloy-moshchnosti-v-ramkakh-ekspo-2020-v-/?sphrase_id=3282082

16. Россия и Беларусь обсуждают строительство новой атомной электростанции. URL : https://e-cis.info/news/569/97422/?sphrase_id=41655

17. *Савчук Э.А.* Основные направления климатической и энергетической политики на пространстве СНГ / Э.А. Савчук, Т.В. Самосюк // Сахаровские чтения 2020 года: Экологические проблемы XXI века. Материалы 20-й международной научной конференции, в двух частях. Мн., 2020. С. 26–29.

18. *Ступаков В.И.* Сотрудничество стран СНГ в области безопасности использования объектов атомной энергетики / В.И. Ступаков // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 98–98.

19. Эксперты обсудили подходы к формированию общественной приемлемости атомной энергетики. URL : https://e-cis.info/news/564/102128/?sphrase_id=41655

20. CIS nations to form nuclear regulatory association. URL : <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/CIS-nations-to-form-nuclear-regulatory-association>

units. URL : https://e-cis.info/news/569/97688/?sphrase_id=41655

14. Rosatom will provide a research reactor in Uzbekistan with innovative nuclear fuel. URL : <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-obespechit-innovatsionnym-yadernym-toplivom-issledovatel'skiy-reaktor-v-uzbekistane>

15. Rosatom presented a product line of low-power nuclear reactors within the framework of EXPO 2020 in Dubai. URL : https://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-predstavil-produktovuyu-lineyku-atomnykh-reaktorov-maloy-moshchnosti-v-ramkakh-ekspo-2020-v-/?sphrase_id=3282082

16. Russia and Belarus are discussing the construction of a new nuclear power plant. URL : https://e-cis.info/news/569/97422/?sphrase_id=41655

17. *Savchuk E.A.* The main directions of climate and energy policies in the CIS space / E.A. Savchuk, T.V. Samosyuk // Sakharov readings 2020: Environmental problems of the XXI century. Materials of the 20th International Scientific Conference, in two parts. Mn., 2020. P. 26–29.

18. *Stupakov V.I.* Cooperation of the CIS countries in the field of safety of use of nuclear power facilities / V.I. Stupakov // International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. 2017. № 2. P. 98–98.

19. Experts discussed approaches to the formation of public acceptance of nuclear energy. URL : https://e-cis.info/news/564/102128/?sphrase_id=41655

20. The CIS countries will create an association for nuclear regulation. URL : <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/CIS-nations-to-form-nuclear-regulatory-association>

Лысенков Сергей Геннадьевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Санкт-Петербургский военный ордена
Жукова институт войск национальной
гвардии Российской Федерации
sergey.lysenkov@mail.ru

Талянин Валерий Викторович

кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
теории государства и права,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
teana2009@mail.ru

Чимаров Николай Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоведения,
Северо-Западный институт управления
РАНХиГС при Президенте
Российской Федерации
kolomyagi4@gmail.com

Бялт Виктор Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
victorkvr@mail.ru

**НАЦИОНАЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
САМОУПРАВЛЯЕМОГО
ГОСУДАРСТВА АРУБА
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
БРАКА И ЗАРЕГИСТРИРОВАННОГО
ПАРТНЕРСТВА**

Аннотация. Институты брака и семьи выступают в качестве сущностной основы жизнедеятельности человека, предопределяющей гармонию его существования себе подобным индивидом и важным условием развития личности. Исторически, конкретные представления о браке между людьми в каждом государственном образовании формировались под непосредственным воздействием нравственного уклада общества, с учетом обширной палитры

Sergei G. Lysenkov

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
St. Petersburg Military Orders
of Zhukov Institute of National Guard Troops
Russian Federation
sergey.lysenkov@mail.ru

Valery V. Talyanin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Theory of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
teana2009@mail.ru

Nikolai S. Chimarov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Jurisprudence,
Northwestern Institute of Management
RANEPA under the President
of the Russian Federation
kolomyagi4@gmail.com

Viktor S. Byalt

Candidate of Law,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
victorkvr@mail.ru

**NATIONAL LEGISLATION
OF THE SELF-GOVERNING STATE
OF ARUBA ON SPECIFICS
OF MARRIAGE AND REGISTERED
PARTNERSHIP**

Annotation. The institutions of marriage and family act as the essential basis of a person's life activity, which determines the harmony of his existence with a similar individual and an important condition for the development of personality. Historically, specific ideas about marriage between people in each state education were formed under the direct influence of the moral way of society, taking into account the vast palette of national traditions and centuries-old customs. At the same time,

национальных традиций и многовековых обычаев. Вместе с тем, область семейно-брачных отношений в определяющей степени регламентируется соответствующими установлениями нормативно-правового порядка и характеризуется многообразием правовых подходов, а также, особенностями национального проявления, фрагментарно корреспондирующими стандартам международного права для института семьи и брака. С учетом изложенного и в контексте парадигмы международного права, авторами проведено исследование особенностей нормативно-правового закрепления института брака и зарегистрированного партнерства на примере самоуправляемого государства Аруба, входящего в Королевство Нидерландов.

Ключевые слова: международное право, семейное законодательство, семья, брак, зарегистрированное партнерство, нормативно-правовой акт.

В новейшей истории развития общества гражданское право Королевства Нидерландов (далее – Нидерланды), в части регулирования семейных отношений, выступает флагманом европейской правовой мысли и свидетельствует об оптимизации действующей парадигмы семейного союза. При этом несомненного внимания заслуживает опыт ведения самостоятельной политики в области упрочения института семьи на островных образованиях, входящих в состав единого нидерландского государства. Важно заметить, что нормативно-правовые основания семейного законодательства данных образований характеризуются неоднородностью и наличием баланса между правом на самоопределение и необходимостью координировать свои решения в условиях отсутствия полноценного суверенитета.

По нашему представлению, наиболее показательным для анализа заявленной нами предметной области выступает опыт самоуправляемого государства Аруба:

- во-первых, выступающего связующим звеном между Европой и бывшими колониальными владениями Нидерландов в Карибском бассейне;
- во-вторых, предпринявшего в 2021 г. значительную правовую коррекцию в сфере правовой регламентации брачного союза;
- в-третьих, придерживающегося базовых положений сложившейся континентальной нидерландской модели единства гражданской и семейной правовых отраслей.

Основным нормативно-правовым актом в области семейных отношений Арубы как составляющей территориальной единицы Королевства Нидерландов, является Гражданский кодекс Арубы (Книга 1), в котором тесным образом переплетаются правовые основы статуса личности, а также возможности по реализации гражданского статуса в отношениях частно-правового порядка [3]. Стоит отметить, что для нидерландского гражданского законодательства типичен факт

the field of family and marriage relations is to a certain extent regulated by the relevant regulations of the regulatory order and is characterized by a variety of legal approaches, as well as features of national manifestation, fragmentally corresponding to the standards of international law for the institution of family and marriage. Taking into account the above and in the context of the paradigm of international law, the authors conducted a study of the features of the normative legal consolidation of the institution of marriage and registered partnership, using the example of the self-governing state of Aruba, part of the Kingdom of the Netherlands.

Keywords: international law, family law, family, marriage, registered partnership, regulatory legal act.

асинхронного вступления в действие Книг, являющихся структурными компонентами самого Гражданского кодекса. Непосредственно и в кодификации 2001 г. вопросы регламентации брачного союза представлены в Титуле 5 «Брак» (нидерл. «Huwelijk»).

Как следует из нормативных правовых установлений указанного Титула, вступление в брачные отношения в общем смысле корреспондирует стандартным требованиям к возрасту, дееспособности и природе брака как моногамного союза. Однако с научной точки зрения, несомненный интерес представляет сама степень детализации существующих установлений и отдельные отступления национального значения. В изложении нидерландского национального правового порядка уникальность института брака заключается в придании межсубъектным родственным связям особого символического значения. Более того, специфика нидерландского гражданского законодательства такова, что сама концепция факта заключения брачного союза предполагает высокий уровень ответственности участников этого союза. Отмеченное подтверждается положениями ст. 3 ГК Арубы, согласно которой, после заключения брака, между стороной и кровными родственниками супруга устанавливаются такие же связи, как и между самим супругом и его кровными родственниками. В случае же расторжения брака, межсубъектная связь не прекращает свое существование, и лица обязуются обеспечивать поддержку как на основании кровного родства, так и на основании брачной близости (нидерл. «aanverwantschap» – близость). В соответствии со ст. 392 ГК Арубы, обязанность по содержанию родственников распространяет свое действие и на родителей каждого из супругов (от нидерл. «schoonouders» – родители в законе). Указанная модель социальных связей и семейственных отношений базируется на формуле «заинтересованная сторона» (от нидерл. «belanghebbende»), заключающей в себе действие фактора смещения фокуса на субъекта, относительно которого, рассматривается суть конкретного правоотношения.

Что касается базовых условий, предъявляемых регистрирующими органами к факту заключения брака, то по общему основанию, возраст брачного согласия обеих сторон составляет 18 лет. Временная возрастная планка для заключения брака может быть понижена до 16 лет обоюдно для каждой из сторон предполагаемого брачного союза. Данное обстоятельство приемлемо для случаев подтвержденной соответствующим документом беременности женщины или состоявшегося факта рождения ребенка. Тем не менее, для заключения брака требуется согласие со стороны не имеющих ментальных отклонений родителей или опекуна. При этом немаловажное значение отводится и умственным способностям обеих сторон будущего брака (от нидерл. «geestvermogen» – умственная сила), запредельно низкий уровень которых является существенным барьером для выступления в брак. Вместе с тем, отсутствие согласия на брак эвентуальных участников брачного союза со стороны их родителей или опекуна может быть преодолено решением Суда первой инстанции Арубы, на основании ходатайства несовершеннолетнего. Любопытно, что вышеозначенные требования, в свое время, были представлены и в ст. 31 ГК Нидерландов [4], однако, после принятия «Закона о запрете принудительных браков» от 5.12.2015 г. на континентальной части не осталось альтернативы для вступления в брак по возрастным показателям, кроме как по достижении потенциальными участниками брачного союза 18 лет [8].

Таким образом, можно заключить, что разница между условиями заключения брака по положениям административного центра Королевства и аналогичными условиями, предусмотренными ГК Арубы, обусловлена необходимостью учета контекстуальных особенностей социальных связей, возникающих на территории Карибского бассейна, которые, безусловно, отличаются по своим демографическим показателям от бывшей метрополии и продемонстрированы особым подходом к их публично-правовому регулированию.

Асинхронность континентального и островного регулирования, впрочем, проявляет себя и с иной стороны. Так, в актуальном изложении ГК Арубы изъятые статьи, регламентирующие ограничение на заключение брака, если сторона злоупотребляет алкоголем, наркотическими веществами, имеет склонность к растрате или имеет психическое расстройство. В таком случае, брак может быть заключен только после получения на это согласия со стороны родителей или опекуна потенциального участника предполагаемого брачного союза лица и с учетом разрешения судебной инстанции [5].

Примечательным обстоятельством является особенность процессуального участия сторон в случае издания судебного решения на заключения брака. Если лицо желает оспорить такое решение, то в двухнедельный срок оно должно поставить об этом в известность орган записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС). В ином случае, такое лицо утрачивает любые правомочия оспорить брачный союз. Следует обратить

внимание и на то обстоятельство, что законодатель предусматривает сценарий отмены решения Суда первой инстанции Арубы, Кюрасао, Синт-Мартена и Бонайре, Синт-Эстатиуса и Саба (составных частей Королевства Нидерландов). Если отмена решения происходит впоследствии заключения брака (и оспаривающая сторона не воспользовалась своим правом), то в таком случае, брак невозможно расторгнуть по основанию отсутствия согласия. Получается, что в самых редких случаях, де-факто возможны брачные отношения, когда несовершеннолетние не получают согласия от своих родителей. Впрочем, поскольку в этой вариации определяющую роль занимает именно судебное учреждение, то, исходя из требований к репутации органа публичного управления, все же, следует говорить о невозможности использования данной механики в качестве злоупотребления правом.

Не допускается заключение брака между родственниками по восходящей, нисходящей линиям, а также – между братьями и сестрами. Последний запрет может быть преодолен в том случае, если родственные отношения между лицами были образованы в рамках опеки и, если имеется соответствующее разрешение со стороны представителей публичной власти.

При соответствии всем критериям заключения брачного союза, сторонам впоследствии следует подать необходимый пакет документов в органы ЗАГСа, к которым относится:

- а) свидетельство о рождении каждого из супругов (с указанием сведений о регистрации по месту проживания);
- б) свидетельство о согласии на брак или его аналог в виде судебного решения, подтвержденные органами ЗАГСа или в нотариальном порядке;
- в) в случае заключения повторного и последующих браков требуется подтверждение об отсутствии препятствий на образование нового брачного союза;
- г) при необходимости, разрешение со стороны представителей публичной власти на заключение брака на особых условиях, а также справка о беременности или о рождении ребенка;
- д) документ, свидетельствующий о правомерности пребывания на территории Арубы будущего супруга, не имеющего нидерландского гражданства. Однако, если обе стороны не проживают на Арубе, то такой документ не требуется;
- е) в случае прерывание процедуры заключения брака, доказательство, что конфликтная ситуация была устранена;
- ё) письменное заявление с указанием имен и адресов лиц, согласившихся выступать в качестве свидетелей на церемонии бракосочетания.

Стоит отметить, что арубанские установления, в целом, обладают большой степенью формализма и скрупулезно раскрывают всевозможные

ситуации, как по статусу сторон, так и по возможным заменам официальных документов. Одним из таких небезытересных примеров является предоставление, т.н., «акта об известности» (от нидерл. «akte van bekendheid» – известность) для случая невозможности подачи свидетельства о рождении. В настоящий момент, подобная практика в ГК Нидерландов не находит своего отражения.

Брак должен быть заключен в присутствии не менее двух и не более четырех свидетелей на территории нахождения органов ЗАГС. В отдельных случаях, если лицо не может зайти на данную территорию ввиду юридических ограничений, то по решению министра по общим вопросам брак может быть заключен в другом месте при условии обязательного наличия четырех взрослых свидетелей. Присутствуя лично перед регистратором актов гражданского состояния, стороны должны объявить о согласии принимать друг друга в статусе супруга, а также о согласии выполнять обязанности, соразмерные семейному статусу. После подтверждения сторонами своих намерений, о факте правоотношения делится соответствующая отметка в книге регистрации актов о заключении брака.

Стоит отметить, что для гражданского законодательства Нидерландов характерен также иной термин, смежный с понятием брака, а именно «зарегистрированное партнерство» (Титул 5А ГК Арубы). Вопреки расхожему заблуждению о приемлемости данной лексики к исключительно однополым союзам, в отдельных случаях, ее также следует соотносить и с отношениями традиционного характера (хотя в основной своей массе предпочтение отдается именно отношениям первого типа). По сути, зарегистрированное партнерство представляет собой упрощенную форму гражданского союза, не в полной мере раскрывающую статус супруга и родителя. В сравнении с браком, даже на стадии заключения такого партнерства отчетливо проявляется себя разность подхода законодателя. К примеру, не допускается заключение союза между гражданами моложе 18 лет. Исключения существуют и в плане подачи документов и формы регистрации отношений.

Стоит отметить, что Аруба в этом плане является первопроходцем среди иных самоуправляемых государств Королевства. История внедрения подобного института сложна и на ранних этапах сопровождалась высказываниями ведущих лиц о том, что признание нетрадиционных отношений невозможно ни с моральной, ни с правовой точек зрения (по ст. 39 Статута Королевства Нидерландов от 28.10.1954 г. гражданские правоотношения определяются континентальной частью Королевства и островными образованиями раздельным образом) [7].

Однако решением Верховного Суда Нидерландов от 13 апреля 2007 г. было установлено, что социальные особенности каждого региона, безусловно, требуют обстоятельной оценки, но также, исходя из смысловой части ст. 40 указанного Статута, каждое государство, которое является частью Королевства обязано учитывать

последствия правовых сделок, в какой-бы части страны они не были сделаны [6]. Это также касается и вопроса признания однополых отношений, практика регистрации которых уже давно имеет место быть в континентальных Нидерландах.

Впоследствии, вопрос признания правового статуса за сторонами, желающими вступить в однополые союзы прочно вошел в политический дискурс представителей общественности и зачастую сводится к голосованию «за» со стороны партий либеральной направленности и «против» со стороны консервативных и религиозных деятелей. В конечном счете, решение о признании зарегистрированного партнерства было принято в 2016 г. при поддержке 3-го Премьер-министра Арубы М. Эмана, пришедшего на смену противнику подобных союзов Н. Оудеру. Спустя 5 лет, 08 марта 2021 г. согласованные корректировки содержания ГК Арубы были приняты в формате Национального постановления [1].

Подводя итог настоящему исследованию, следует сформулировать следующие выводы:

Во-первых, современное гражданское законодательство Королевства Нидерландов едва ли можно назвать содержательно и идеологически целостным. Осмысление правовых установлений ГК Арубы позволяет провести большое количество параллелей с ГК Нидерландов, однако разнородная динамика регионального законодательства сказывается на практике правоприменения. Выражается это в различных требованиях к цензам сторон, изъявляющих заключить брак, в форме заключения брачного союза и некоторых других процессуальных моментах. В итоге, мы говорим не о свидетельстве прогрессивности отношений «центр-регионы», а о том, что они не синхронизированы.

Во-вторых, степень автономности самоуправляемых государств в составе Королевства нам видится обсуждаемой. Имея альтернативный взгляд на порядок оформления гражданских правоотношений, островные образования, между тем, находятся в сильной зависимости от конституционной и конкретной судебной практики центра. Подобная ситуация противоречива, сама по себе. С одной стороны, Аруба самостоятельно отказалась от абсолютного суверенитета в политической жизни в пользу ассоциации с Королевством. С другой, сама практика публичного регулирования центра предполагает поддержку должного уровня самостоятельности принятия решений.

В-третьих, учреждение нового для Арубы института зарегистрированного партнерства, по большому счету, оказалось в зависимости от политической обстановки. Безусловно, стоит отметить, что по результатам опроса, большая часть населения выказывала поддержку реформам гражданского права. Однако важно отметить, что опрашиваемые отдавали предпочтение примерно в равной степени, как формату партнерства, так и полноценного брака для однополых союзов [2].

В-четвертых, следует отметить, что наиболее характерными элементами арубанского гражданского законодательства в части заключения брака является высокая степень вовлеченности органов публичного управления, значительный объем

Литература:

1. Aanpassingsverordening aanvulling Burgerlijk Wetboek van Aruba. Wet van 11 maart 2021 // Официальный сайт «Overheid». URL : <https://secure.overheid.aw/document.php?m=55&fileid=87479&f=2a224bd723a0484fe0dd0a66d571ab00&attachment=0&c=56107> (date of application 08.09.2022).
2. Bevolking Aruba Pro Geregistreerd Partnerschap Zelfde Geslacht // Antilliaans Dagblad. – 26 februari 2021. URL : <https://antilliaansdagblad.com/aruba/23205-bevolking-aruba-pro-geregistreerd-partnerschap-zelfde-geslacht> (date of application 08.09.2022).
3. Burgerlijk Wetboek van Aruba // Официальный сайт «Aruba Gobierno». URL : https://www.government.aw/news/news_47033/item/applicable-text-civil-code-of-aruba-effective-september-1-2021_58047.html (date of application 07.09.2022).
4. Burgerlijk Wetboek Boek 1. Wet van 1992 // Официальный сайт «Overheid». URL : <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002656/2021-01-01> (date of application 05.09.2022).
5. Landsverordening bevattende de tekst van Boek 1 voor een nieuw Burgerlijk Wetboek van Aruba. Wet van 13 januari 2014 // Официальный сайт «Aruba Gobierno». URL : <https://www.government.aw/document.php?m=25&fileid=16169&f=1ba5d896c20fadac8169a547d5b6bcce&attachment=0&c=22745> (date of application 06.09.2022).
6. Samenvatting van de uitspraak van de Hoge Raad van 13 april 2007 // Официальный сайт de «Rechtspraak». URL : <https://www.recht.nl/proxy/cache.html?cid=61491> (date of application 08.09.2022).
7. Statuut voor het Koninkrijk der Nederlanden. Wet van 28 October 1954 // Официальный сайт «Overheid». URL : <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002154/2017-11-17> (date of application 08.09.2022).
8. Wet tegengaan huwelijksdwang // Официальный сайт «Overheid». URL : <https://wetten.overheid.nl/BWBR0037085/2015-12-05> (date of application 05.09.2022).

документарного массива, представляемого будущими супругами, а также нормативный акцент в вопросе регистрации и места жительства сторон.

Literature:

1. Aanpassingsverordening aanvulling Burgerlijk Wetboek van Aruba. Wet van 11 maart 2021 // Официальный сайт «Overheid». URL : <https://secure.overheid.aw/document.php?m=55&fileid=87479&f=2a224bd723a0484fe0dd0a66d571ab00&attachment=0&c=56107> (date of application 08.09.2022).
2. Bevolking Aruba Pro Geregistreerd Partnerschap Zelfde Geslacht // Antilliaans Dagblad. – 26 februari 2021. URL : <https://antilliaansdagblad.com/aruba/23205-bevolking-aruba-pro-geregistreerd-partnerschap-zelfde-geslacht> (date of application 08.09.2022).
3. Burgerlijk Wetboek van Aruba // Официальный сайт «Aruba Gobierno». URL : https://www.government.aw/news/news_47033/item/applicable-text-civil-code-of-aruba-effective-september-1-2021_58047.html (date of application 07.09.2022).
4. Burgerlijk Wetboek Boek 1. Wet van 1992 // Официальный сайт «Overheid». URL : <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002656/2021-01-01> (date of application 05.09.2022).
5. Landsverordening bevattende de tekst van Boek 1 voor een nieuw Burgerlijk Wetboek van Aruba. Wet van 13 januari 2014 // Официальный сайт «Aruba Gobierno». URL : <https://www.government.aw/document.php?m=25&fileid=16169&f=1ba5d896c20fadac8169a547d5b6bcce&attachment=0&c=22745> (date of application 06.09.2022).
6. Samenvatting van de uitspraak van de Hoge Raad van 13 april 2007 // Официальный сайт de «Rechtspraak». URL : <https://www.recht.nl/proxy/cache.html?cid=61491> (date of application 08.09.2022).
7. Statuut voor het Koninkrijk der Nederlanden. Wet van 28 October 1954 // Официальный сайт «Overheid». URL : <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002154/2017-11-17> (date of application 08.09.2022).
8. Wet tegengaan huwelijksdwang // Официальный сайт «Overheid». URL : <https://wetten.overheid.nl/BWBR0037085/2015-12-05> (date of application 05.09.2022).

Люев Тембот Хабасович

старший преподаватель
кафедры деятельности органов
внутренних дел в особых условиях,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
loov2012@mail.ru

Tembot Kh. Lyuev

Senior Lecturer of the Department
of Internal Affairs in the Special Conditions,
North Caucasus Institute
for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
loov2012@mail.ru

**Вопросы социальной
и правовой защиты лиц,
оказывающих содействие
органам, осуществляющим
оперативно-разыскную
деятельность (на примере
законодательства некоторых
стран ближнего зарубежья)**

**ISSUES OF SOCIAL AND LEGAL
PROTECTION OF PERSONS PROVIDING
ASSISTANCE TO BODIES CARRYING
OUT OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES
(ON THE EXAMPLE OF THE LEGISLATION
OF SOME COUNTRIES OF THE NEAR
ABROAD)**

Аннотация. Защита прав и свобод граждан – важная составляющая социально ориентированного государства. В данной статье на основании сравнения оперативно-разыскного законодательства некоторых стран СНГ рассматриваются особенности правового регулирования осуществления правовой защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам внутренних дел, анализируются нормы оперативно-разыскного и уголовного законодательства, регламентирующие порядок обеспечения правовой защиты конфиденентов.

Annotation. Protection of the rights and freedoms of citizens is an important component of a socially-oriented state. In this article, based on a comparison of the operational-search legislation of some CIS countries, the features of the legal regulation of the implementation of legal protection of persons providing confidential assistance to the internal affairs bodies are considered, the norms of the operational-search and criminal legislation regulating the procedure for ensuring the legal protection of confidants are analyzed.

Ключевые слова: лица, оказывающие негласное содействие правоохранительным органам, конфидененты, конфиденциальное сотрудничество, правовая и социальная защита.

Keywords: persons providing covert assistance to law enforcement agencies, confidants, confidential cooperation, legal and social protection.

Самостоятельные правовые системы, в том числе, регулирующие вопросы оперативно-разыскной деятельности, вновь создаваемых независимых и суверенных государств (бывших союзных республик в составе СССР), стали активно формироваться в период с 1991 года с учетом развития и достижений теории ОРД, а также, исторического опыта законодательного регулирования данного направления правоохранительной деятельности в Российском государстве и других странах бывшего Советского Союза, чем объясняется схожесть большинства законодательных актов, регламентирующих сферу оперативно-разыскной деятельности в большинстве стран на постсоветском пространстве. Но в вопросах правовой и социальной защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие правоохранительным органам, есть как схожие положения в законодательстве, так и, на наш взгляд, существенные отличия, заслуживающие рассмотрения и сравнительного анализа с оперативно-

разыскным законодательством Российской Федерации.

В настоящее время сопоставительный анализ законодательства России и некоторых стран Ближнего Зарубежья в части оперативно-разыскной деятельности представляется необходимым для вскрытия определенных пробелов в законодательстве нашей страны и совершенствования правового регулирования в целях обеспечения гарантий безопасности и социальной защиты конфиденентов.

Защита прав и свобод граждан – важная составляющая социально ориентированного государства. В связи с этим, интересен для рассмотрения опыт некоторых стран постсоветского пространства по обеспечению правовой и социальной защиты данной категории лиц в сравнении с законодательством России. В соответствии с законодательством большинства стран СНГ, органы,

осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, обязаны обеспечить сохранность имущества граждан, оказывающих им конфиденциальное содействие (например, в России и Беларуси). При этом в некоторых странах (например, в Молдове и Казахстане) в законе оговаривается лишь необходимость принятия соответствующих мер по защите собственности физических и юридических лиц. Примечательно, что ни в одном из рассмотренных нами законодательных актах стран СНГ не предусмотрены возможность и порядок компенсации имущественного ущерба, понесенного лицом в ходе содействия правоохранительным органам.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает также и наличие ограничений в законодательстве России, Беларуси, Молдовы, при котором единовременное пособие может назначаться лицу, получившему увечья и травмы в ходе содействия оперативно-разыскной деятельности лишь в том случае, если дальнейшее сотрудничество указанного лица с органами ОРД невозможно. Статья 18 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ предусматривает назначение выплаты единовременного пособия в размере 10-летнего денежного содержания, если погиб гражданин, сотрудничавший с правоохранительными органами на контрактной основе [1]. Кроме того, семье погибшего назначается пенсия по случаю потери кормильца. А в случае получения в процессе такого сотрудничества травмы или увечья, не позволяющие продолжать его в дальнейшем, ему устанавливается единовременное пособие в размере пятилетнего содержания. Похожие правовые гарантии содержатся и в правовых актах по ОРД Молдовы, Казахстана, Беларуси, Кыргызстана. Отличаются размеры компенсаций при гибели лица, оказывавшего содействие правоохранительным органам в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, согласно ч. 8, 9 ст. 18 Закона Об ОРД Таджикистана, где членам его семьи выплачивается единовременное пособие в размере пятилетнего содержания. Если же данным лицом получены увечья и травмы, не позволяющие продолжать дальнейшее сотрудничество с правоохранительными органами, ему назначается единовременное пособие в размере трехлетнего содержания [2]. В Узбекистане также предусмотрены назначения единовременных пособий в указанных случаях, однако их размеры не конкретизируются (ст. 23 Закона о ОРД).

В отличие от указанных стран, в Казахстане лицу, оказывающему конфиденциальное содействие и получившему в ходе участия в оперативно-разыскной деятельности увечья, назначается и выплачивается единовременное пособие без каких либо условий о невозможности дальнейшего сотрудничества. Ст. 23 закона «Об ОРД Узбекистана» также предусматривает назначение единовременного пособия гражданину, оказывающему содействие оперативно-разыскной деятельности, если он в ходе такого содействия потерял трудоспособность, стал инвалидом, вне зависимости от его возможности или невозможности дальнейшего сотрудничества с органами ОРД. При этом мы полагаем, что взвешенный

подход законодательства Казахстана, которым предусмотрены дифференцированные выплаты гражданам, оказывающим содействие правоохранительным органам на возмездной и безвозмездной основе (части 7, 8 ст. 23 Закона об ОРД Казахстана), действительно рационален и мог бы быть применен в законодательстве ряда других стран, в которых денежные выплаты могут получить лица, сотрудничающие только по контракту, а целая группа лиц, безвозмездно оказывающих содействие правоохранительным органам, не охвачена государственными гарантиями. К примеру, ч. 2 ст. 18 Закона об ОРД России, ч. 2 ст. 20 Закона об ОРД Беларуси, ч. 2 ст. 16 Закона об ОРД Молдовы, ч. 2 ст. 21 Закона об ОРД Кыргызстана, ч. 2 ст. 18 Закона об ОРД Таджикистана предусмотрены государственные гарантии лицам, изъявившим согласие содействовать по контракту органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность [3]. Таким образом, указанная категория лиц выполняет свои обязательства на контрактной основе и при соблюдении соответствующих требований контракта может рассчитывать на правовую защиту. Однако та категория конфиденентов, которая сотрудничает с органами правопорядка на бесконтрактной основе, лишена такой правовой возможности.

Но как же тогда быть с первыми частями вышеуказанных статей, указывающих, что лица, оказывающие содействие правоохранительным органам, находятся под защитой государства? Не вызывает сомнений факт ответственности органов внутренних дел при выполнении обязательств перед теми, кто принял решение оказывать им содействие с заключением контракта либо без него, во всяком случае штатные оперативные работники правоохранительных органов принимают такие обязательства в устной форме, что недопустимо, когда речь идет о рисках, связанных с жизнью и здоровьем граждан, оказывающих содействие. Устных гарантий оперативников недостаточно для назначения компенсаций и выплат. Очевидно, что социальную защиту должны получить любые категории граждан-конфиденентов вне зависимости от формы сотрудничества.

В рассматриваемых нормах оперативно-разыскного и уголовного законодательства большинства стран СНГ предусмотрены гарантии освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам правопорядка в случае совершения ими преступления при выполнении специального задания [4]. В 2001 году в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) была введена правовая норма «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» (ст. 38), согласно которой, лицо, вынужденно совершившее преступление в ходе выполнения им специального задания по выявлению или пресечению преступления, освобождается от уголовной ответственности [5]. Указанная норма стала новаторским прорывом в уголовном законодательстве и вошла в нормативную базу правовой защиты конфиденентов. Нам представляется, что рассмотрение вопроса о введении подобной правовой нормы в российское законодательство, в соответствии с которым, освобождение лица,

оказывающего конфиденциальное содействие правоохранительным органам, от уголовной ответственности связано с большим количеством условий и ограничений (ч. 4 ст.18 Закона «Об ОРД»), было бы целесообразным и способствовало совершенствованию правовой защиты конфиденентов.

Актуален, на наш взгляд, и вопрос о введении правовых и социальных гарантий не только для лиц, оказывающих, но и оказывавших содействие правоохранительным органам в ходе оперативно-разыскной деятельности. Подобная норма гарантировала бы безопасность тем из них, которые уже выполнили свои обязательства, и срок действия их контракта закончился. Однако эти лица, в силу различных объективных причин,

Литература:

1. *Баландин Д.А.* Некоторые проблемы и направления совершенствования правового регулирования финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности в УИС / Д.А. Баландин // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 1(14). С. 7–11.
2. *Ходжаев У.Т.* Правовое регулирование вопросов содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел Республики Таджикистан / У.Т. Ходжаев // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2012. № 3(51). С. 3–15.
3. *Павличенко Н.В.* Проблемы реализации государственных гарантий по социальной и правовой защите лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / Н.В. Павличенко // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4(13). С. 120–124.
4. *Павличенко Н.В.* Сравнительный метод в познании проблем охраны лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам (на примере законодательства России, республик Беларусь, Молдова, Казахстан) / Н.В. Павличенко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2(13). С. 223–226.
5. *Сопин О.А.* О проблеме освобождения от уголовной ответственности лиц, содействующих ОВД в борьбе с организованной преступностью / О.А. Сопин; Барнаул., юрид. ин-т МВД России; Редкол.: А.Е. Чечетин [и др.] // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Междунар. науч.-конф., Барнаул, 26 апр. 2007 г. Барнаул, 2007. С. 49–51.
6. *Люев Т.Х.* Некоторые особенности правовых гарантий защиты лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / Т.Х. Люев // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 5. С. 181–184.

связанных с ранее оказанным содействием органам правопорядка, могут подвергаться не меньшей, а иногда – и большей опасности, чем действующие конфидененты.

Подводя итоги нашего небольшого сравнения положений оперативно-разыскного законодательства России и ряда соседних стран, мы приходим к выводу о том, что в решении некоторых вопросов и устранении имеющихся пробелов в части обеспечения правовых и социальных гарантий гражданам, оказывающим содействие правоохранительным органам, можно использовать положительный опыт, накопленный законодателями стран СНГ, поскольку обеспечение данных гарантий – основа эффективной борьбы с преступностью [6].

Literature:

1. *Balandin D.A.* Some problems and directions of improving the legal regulation of financial support for operational investigative activities in the Criminal investigation department / D.A. Balandin // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2010. № 1(14). P. 7–11.
2. *Khodjaev U.T.* Legal regulation of issues of citizens' assistance to operational units of internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan / U.T. Khodjaev // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. 2012. № 3(51). P. 3–15.
3. *Pavlichenko N.V.* Problems of implementation of state guarantees for social and legal protection of persons providing assistance to bodies carrying out operational investigative activities / N.V. Pavlichenko // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2009. № 4(13). P. 120–124.
4. *Pavlichenko N.V.* Comparative method in understanding the problems of protection of persons assisting law enforcement agencies (on the example of the legislation of Russia, the republics of Belarus, Moldova, Kazakhstan) / N.V. Pavlichenko // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 2(13). P. 223–226.
5. *Sopin O.A.* On the problem of exemption from criminal liability of persons assisting the Department of Internal Affairs in the fight against organized crime / O.A. Sopin // Topical issues of combating crimes and other offenses: materials of the International Scientific.- conf., Barnaul, April 26, 2007, Barnaul, lav in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Editor: A.E. Chechetin [et al.]. Barnaul, 2007. P. 49–51
6. *Lyuev T.H.* Some features of legal guarantees for the protection of persons providing assistance to bodies carrying out operational investigative activities / T.H. Lyuev // Gaps in Russian legislation. 2021. Vol. 14. № 5. P. 181–184.

Наумова Наталья Валерьевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
natalya.naumova.69@list.ru

Абрамков Артем Олегович

магистрант факультета права,
Владимирский филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
abramckov.a@yandex.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СФЕРЕ РАБОТЫ
С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН**

Аннотация. Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан на обращение в государственные органы. Однако реализация этого права затруднена такими факторами как: большое количество обращений, пространное содержание обращений, сроки ответа на такие обращения. В результате многие обращения не рассматриваются должным образом или в качестве ответа по ним даются отписки, что снижает уровень доверия населения к государственным органам и государству, в целом. В статье рассматривается использование искусственного интеллекта в государственных органах и в сфере работы с обращениями граждан. Авторами указаны проблемы правового регулирования искусственного интеллекта и его разработок, рассмотрены необходимые для разрешения вопросы при реализации таких технологий.

Ключевые слова: обращения, граждане, государство, искусственный, интеллект, право.

Natalya V. Naumova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Municipal Law,
Vladimir branch
of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
natalya.naumova.69@list.ru

Artem O. Abramkov

Master's Student of the Faculty of Law,
Vladimir branch
of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
abramckov.a@yandex.ru

**TO THE QUESTION
OF THE USE OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE IN THE FIELD
OF WORK WITH CITIZENS' APPEALS**

Annotation. The Constitution of the Russian Federation enshrines the right of citizens to appeal to state bodies. However, the implementation of this right is hampered by such factors as: a large number of appeals, lengthy content of appeals, the timing of response to such appeals. As a result, many appeals are not properly considered or unsubscribes are given as a response to them, which reduces the level of public confidence in state bodies and the state as a whole. The article discusses the use of artificial intelligence in government agencies and in the field of work with citizens' appeals. The authors indicate the problems of legal regulation of artificial intelligence and its developments, and consider the issues necessary to resolve when implementing such technologies. Keywords: appeals, citizens, state, artificial intelligence, law.

Keywords: appeals, citizens, state, artificial intelligence, law.

«Человеческий гений является источником всех творений искусства и изобретений. Эти творения являются гарантией жизни, достойной человека. Государство обязано обеспечить надлежащую охрану всех видов искусства и изобретений».

А. Богш,
генеральный директор Всемирной организации
интеллектуальной собственности (ВОИС)

Конституция Российской Федерации в статье 33 [1] закрепляет право граждан на обращение в государственные органы. Однако

реализация этого права затруднена такими факторами как: большое количество обращений, пространное содержание обращений, сроки ответа

на такие обращения. В результате, многие обращения не рассматриваются должным образом или в качестве ответа по ним даются отписки, что снижает уровень доверия населения к государственным органам и государству, в целом. Для повышения эффективности института обращения граждан и повышение качества ответов на такие обращения в помощь государственным служащим, работающим с обращениями граждан, была создана нейросеть как базовая основа искусственного интеллекта (ИИ) [3].

Нейросеть сможет анализировать ответы различных государственных служащих на обращения и на их основе выведет заключения на типовые проблемы граждан Российской Федерации. В случае, если проблема не является типовой и требует рассмотрения человеком, нейросеть направит его государственному служащему.

Другой задачей нейросети является ранжирование сообщений, по важности используя, ключевые слова. Сообщения, требующие быстрой реакции, будут приоритетнее пространных по содержанию сообщений.

Кроме того, нейросеть призвана анализировать проблемы характерные для каждого отдельного региона и выводить их на своеобразную «карту проблем». Это необходимо для выведения эффективных способов разрешения проблем, индивидуальных для каждого региона Российской Федерации.

К 2022 году известны примеры использования нейросетей и искусственного интеллекта в частной отрасли. Так, 2016 году Сбербанк запустил систему искусственного интеллекта Iron Lady, которая занимается звонками должникам – физическим лицам, а робот-юрист с первого полугодия 2017 г. начал обслуживать исковое производство по физическим лицам, по мнению заместителя председателя правления банка такая инновация позволит улучшить работу банка и высвободит большое количество рабочих мест. Другой пример применения искусственного интеллекта в России можно привести на основе разработки кадровых специалистов из Санкт-Петербурга. Они создали робота-рекрутера, который отбирает наиболее подходящих кандидатов на основе данных резюме, а также сам интервьюирует кандидатов [4].

В Якутии разработана цифровая платформа на основе искусственного интеллекта, призванная помочь в обработке обращений граждан. Система предназначена не только для обращения граждан, но она также следит за ходом исполнения обращений граждан и поручений главы региона. Система предусматривает и возможность самообучения для последующей интеграции в «Госслуги» и многофункциональные центры (МФЦ) [5].

В Удмуртской республике также используется искусственный интеллект для работы с обращениями граждан. Применение технологии искусственного интеллекта способствовало снижению времени работы с корреспонденцией и также снизило количество ошибок при работе с

обращениями граждан, что увеличило качество работы с обращениями граждан и улучшило скорость их обработки [6].

К мировым примерам использования нейросетей и искусственного интеллекта можно отнести использование беспилотных автомобилей в США, а также создание искусственным интеллектом финансовых отчетов для новостного агентства The Associated Press. В Китае искусственный интеллект используется для регулирования дорожного движения [4].

Однако, несмотря на довольно обширное распространение искусственного интеллекта и нейросетей, в целом, вопрос правового регулирования встает наиболее остро.

В 2017 году Правовым комитетом Европейской Комиссии было предложено создать реестр для учета умных технологий их разработок и разработчиков [8].

По мнению судьи Конституционного Суда Г.А. Гагжиева, использование искусственного интеллекта в судебной системе на данный момент невозможно, поскольку работа судьи по мимо следованию законам, при назначении приговора, также учитывает иные обстоятельства дела, раскаяние нарушителя, его характеристику и множество иных факторов, которые искусственный интеллект учитывать не может, в силу недостатков программирования [10].

Констатируя вышесказанное, необходимо дополнить Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ [2]. Это – попытка закрепить понятие и использование искусственного интеллекта на Федеральном уровне. Закон закрепляет понятие «искусственный интеллект» в ч. 2 п. 1 ст. 2: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе, информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [3]. Данный закон ставит своей задачей улучшение качества жизни населения, повышение эффективности работы государственных и муниципальных органов и хозяйствующих субъектов при помощи использования технологий искусственного интеллекта и нейросетей, формирование

комплексной системы регулирования правоотношений связанных непосредственно с развитием и применением искусственного интеллекта. Действие данного закона рассчитано на 5 лет. Предполагается, что после завершения экспериментального периода и анализа результатов, на федеральном уровне будет стоять вопрос целесообразности внедрения таких технологий в другие субъекты Российской Федерации. В случае, если технология искусственного интеллекта получит апробацию на дальнейшее использование в субъектах страны необходимо будет закрепить правовую формулу искусственного интеллекта на законодательном уровне, созданием нового Федерального Закона на основе действующего Федерального закона № 123-ФЗ или путем внесения изменений и дополнений правовых архитектур так или иначе связанных с искусственным интеллектом.

Одной из основных проблем разработки является не столько имеющаяся материально техническая база, сколько вопрос философии и морально-этических норм. На данный момент, не сформулирована дефиниция искусственного интеллекта и нейросетей как живого или не живого объекта, поскольку искусственный интеллект обладает способностью к самопознанию и самообучению, что свойственно живым объектам и в первую очередь человеку.

Кроме того, ученые и праведы выделяют еще одной проблемой использования искусственного интеллекта – это невозможность предсказания направления развития. Самообучение искусственного интеллекта предполагает некую автономию развития и мышления, которую невозможно предсказать или отследить.

Отдельно юристы выделяют вопрос ответственности за действия искусственного интеллекта, поскольку известны случаи гибели людей при недостаточной оценке ситуации искусственным интеллектом. Так, в качестве примера можно привести ситуацию, когда беспилотный автомобиль Tesla не смог правильно оценить ситуацию на дороге и попал в ДТП, повлекшее смерть человека-оператора. Мировое сообщество юристов разделилось на две стороны по данному вопросу.

Интересен немецкий и английский подходы к рассматриваемой проблеме. Немецкий подход предполагает, что ответственность за действия искусственного интеллекта, нейросетей и робототехники лежит на людях, ответственных за их программирование и конструкцию. Английский подход, наоборот, выделяет искусственный интеллект, как самостоятельный субъект права, который обладает способностью осознавать себя и создавать произведения искусства, а,

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от

следовательно, обладает всеми признаками для несения самостоятельной ответственности для своих действий [9].

Для работы с обращениями граждан такая проблема релевантна, поскольку искусственный интеллект может не придать должного значения обращениям, требующим срочной реакции, что может привести к гибели людей, или искусственный интеллект может составить некорректный ответ на обращения.

Однако прежде чем начать полноценно использовать искусственный интеллект в сфере обращения граждан и в государственной структуре, в целом, необходимо дать ответ на ряд вопросов: является ли такая технология достаточно надежной, чтобы сохранить конфиденциальные данные граждан или государственную тайну? Способны ли российские разработчики создать полностью автономную систему искусственного интеллекта независимую от секционной политики недружественных стран? Будет ли возможна такая система защититься от попыток взлома, захвата управления или попыток обрушить всю систему? Кроме того, немаловажным фактором, влияющим на применение и развитие технологий искусственного интеллекта является законодательство Российской Федерации. Необходимо детально проработать законы касающиеся разработки, применения искусственного интеллекта и ответственности в случае свершения таким интеллектом каких-либо противоправных действий. Немаловажным будет также провести анализ смежного законодательства, на выявление возможных правовых коллизий и пробелов, для своевременного их предотвращения и устранения.

Использование искусственного интеллекта в сфере обработки обращений граждан в государственные органы является многообещающей перспективой способной улучшить качество ответов на обращения и увеличить количество рассматриваемых обращений. Однако специфика государственной направленности при реализации такого проекта требует установления правового статуса искусственного интеллекта и нейросетей, а на данный момент юристы во всем мире не могут прийти к единому заключению по поводу такого статуса. Тем не менее, Российская Федерация заинтересована в развитии технологий искусственного интеллекта, так в 2021-м году Министерство науки и высшего образования Российской Федерации выделило 1,5 млрд рублей на развитие и совершенствование технологии искусственного интеллекта [7], что говорит о стремлении государства использовать такие технологии в своем механизме, а значит стремиться решить вопросы правовой природы искусственного интеллекта и особенностей его применения.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30,

21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации, дата публикации 24.04.2020. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030> (дата обращения 16.03.2022).

3. *Бабкин С.В.* России создана нейросеть для анализа писем чиновникам / С.В. Бабкин // Российская Газета, дата публикации 02.11.2021. URL : <https://rg.ru/2021/11/02/v-rossii-sozdana-nejroset-dlia-analiza-pisem-chinovnikam.html> (дата обращения 16.03.2022).

4. *Ястребов О.А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве / О.А. Ястребов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 3.

5. Искусственный интеллект поможет работать с обращениями граждан в Якутии. Дата публикации 02.06.2021. URL : https://tass.ru/obschestvo/11530935?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 16.03.2022).

6. Есть ли польза от ИИ в госсекторе? Опыт правительства Удмуртской Республики. Дата публикации 06.10.2021. URL : <https://d-russia.ru/est-li-polza-ot-ii-v-gossektore-opyt-pravitelstva-udmurtskoj-respubliki.html> (дата обращения 16.03.2022).

7. Минобрнауки России выделило 1,5 млрд рублей на исследования и разработки в области искусственного интеллекта. Дата публикации 29.12.2021. URL : https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46078 (дата обращения 01.04.2022).

8. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017) 0051, включает текст Хартии робототехники. Нормы гражданского права о робототехнике. URL : https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения 01.04.2022).

9. *Магаева Т.А.* Искусственный интеллект: проблемы правового регулирования в Российской Федерации / Т.А. Магаева, А.В. Лошкарёв // StudNet. 2020. № 12.

10. *Кривобок Р.* Судья Конституционного Суда РФ рассказал о будущем роботов в юриспруденции / Р. Кривобок // РИА Новости. URL : <https://ria.ru/science/20170515/1494332513.html> (дата обращения 01.04.2022).

2008 № 6-ФКЗ, of December 30, 2008 № 7-ФКЗ, of February 05, 2014 № 2-ФКЗ, dated July 21, 2014 № 11-ФКЗ, dated March 14, 2020 № 1-ФКЗ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

2. On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the Subject of the Russian Federation – the federal city of Moscow and amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law «On Personal Data»: Federal Law № 123-FZ of 04/24/2020. Official Internet portal of legal information, publication date 24.04.2020. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030> (date of application 03/16/2022).

3. *Babkin S.A* neural network has been created in Russia to analyze letters to officials / S.A. Babkin // Rossiyskaya Gazeta, publication date 02.11.2021. URL : <https://rg.ru/2021/11/02/v-rossii-sozdana-nejroset-dlia-analiza-pisem-chinovnikam.html> (date of application 16.03.2022).

4. *Yastrebov O.A.* Artificial intelligence in the legal space / O.A. Yastrebov // Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. № 3.

5. Artificial intelligence will help to work with citizens' appeals in Yakutia // Publication date 06.02.2021 URL : https://tass.ru/obschestvo/11530935?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.Com (date of application 16.03.2022)

6. Is there any benefit from AI in the public sector? Experience of the government of the Udmurt Republic // Publication date 06.10.2021. URL : <https://d-russia.ru/est-li-polza-ot-ii-v-gossektore-opyt-pravitelstva-udmurtskoj-respubliki.html> (date of application 16.03.2022).

7. The Ministry of Education and Science of Russia allocated 1.5 billion rubles for research and development in the field of artificial intelligence // Publication date 29.12.2021. URL : https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46078 (date of application 01.04.2022).

8. Resolution of the European Parliament of February 16, 2017 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017) 0051, includes the text of the Robotics Charter. Civil Law Norms on Robotics. URL : https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (date of application 01.04.2022).

9. *Magaeva T.A.* Artificial intelligence: problems of legal regulation in the Russian Federation / T.A. Magaeva, A.V. Loshkarev // StudNet. 2020. № 12.

10. *Krivobok R.* Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation spoke about the future of robots in jurisprudence / R. Krivobok // RIA Novosti. URL : <https://ria.ru/science/20170515/1494332513.html> (date of application 01.04.2022).

Некоз Аркадий Сергеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
89832494011@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: WILLIAM A SCHABAS, THE TRIAL OF THE KAISER (OXFORD UNIVERSITY PRESS 2018)

Аннотация. Международное уголовное право, как наднациональный правовой институт в сфере борьбы с наиболее опасными преступными посягательствами, для точного уяснения содержания, предполагает обязательное обращение к вопросам историко-правового характера и, прежде всего, к вопросам становления международного уголовного права в качестве указанного правового института и его влияния на формирование национальных правовых систем. В рамках рецензии автор затрагивает основные вопросы, рассмотренные в рецензируемой монографии, отмечает сильные и слабые стороны изложения, а также, обращает внимание на ценность настоящей работы для отечественного исследователя.

Ключевые слова: международное уголовное право, ответственность политических лидеров, Версальский мирный договор, Кайзер.

Международное уголовное право, как наднациональный правовой институт в сфере борьбы с наиболее опасными преступными посягательствами [1], для точного уяснения содержания предполагает обязательное обращение к вопросам историко-правового характера и, прежде всего, к вопросам становления международного уголовного права в качестве указанного правового института и его влияния на формирование национальных правовых систем. К сожалению, вопросы международного уголовного права, касающиеся периода до 1945 года (т.н. «Донюрнбергский период»), весьма скромно представлены в отечественной отраслевой литературе, хотя традиционные учебники международного уголовного права западных стран уделяют весьма пристальное внимание указанному вопросу [2, 3, 4], выходящая даже отдельные отраслевые исследования по указанному вопросу [5, 6, 7].

Книга написана д-р Шабасом [William Anthony Schabas], являющимся признанным экспертом по международному праву, чьи доктринальные взгляды и подходы были положены в решения как международных трибуналов (по Руанде, бывшей Югославии, Международного уголовного

Nekoz Ark. Sergeevich
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Department of Criminal Law,
East Siberian branch
of the Russian State University of Justice
89832494011@mail.ru

BOOK REVIEW: WILLIAM A SCHABAS, THE TRIAL OF THE KAISER (OXFORD UNIVERSITY PRESS 2018)

Annotation. International criminal law, as a supranational legal institution in the field of combating the most dangerous criminal encroachments, for an accurate understanding of the content, implies a mandatory appeal to issues of a historical and legal nature and, above all, to the formation of international criminal law as a specified legal institution and its influence on the formation of national legal systems. Within the framework of the review, the author touches upon the main issues discussed in the monograph under review, notes the strengths and weaknesses of the presentation, and draws attention to the value of this work for a domestic researcher.

Keywords: international criminal law, responsibility of political leaders, Treaty of Versailles, Kaiser.

суда), так и в решения высших судов (США, Израиль, Канада).

Автор определяет цель написания своей задачи в виде ознакомления как широкого, так и узкого читателя с идеей ответственности Кайзера Вильгельма II в рамках ст. 227 Версальского мирного договора по результатам Первой мировой войны, согласно которой «Союзные и Объединившиеся державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему Германскому Императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров» [8] и ранних попыток национальных юрисдикций выйти на международный уровень именно в области уголовной юстиции. Автор отмечает, что идея написания настоящей книги появилась после долгих бесед с одним из «классиков» международного уголовного права Шерифа Бассуони [Cherif Bassiouni], который и сам серьезно занимался указанным вопросом, что получило научное осмысление в рамках серьезной и глубокой аналитической статье, вышедшей в Денверском журнале Международного права и политики за 2002 год [9].

Книга состоит из 18 глав, каждая из которых посвящена отдельным вопросам истории, права, общественных настроений мира после 1918 года (главы 1–7); они подводят нас к основному вопросу исследования – международному трибуналу над Кайзером (главы 8–15). Главы (16–17) посвящены вопросам пребывания Кайзера в заточении и описанию опасений союзников по Антанте о том, что Нидерланды могут стать рассадником прусского милитаризма и национализма для сил, которые будут притягиваться к Кайзеру в изгнании. Последняя же глава (18) озаглавлена: А был ли он виновен? – где автор задается вопросом почему же Кайзер не был привлечен к ответственности в рамках ст. 227? Ответ представляется комплексным, где отмечается не только роль Нидерландов в их стремлении сохранить

Литература:

1. Международное уголовное право: учебник для вузов / А. В. Бриллиантов [и др.]. М., 2022. С. 21.
2. *Bassiouni M.C.* (31 Dec. 2008). *International Criminal Law, Vol. 3: International Enforcement*. Leiden, The Netherlands: Brill | Nijhoff. URL : <https://doi.org/10.1163/ej.9789004165304.i-722>
3. *Satzger H.* *International and European Criminal Law*, Beck-Hart-Nomos. 2017/
4. *Olivier De Frouville.* *Droit international pénal. Sources, incriminations, responsabilité*. Paris, Pedone, 2012.
5. *Tallgren I.* *The New Histories of International Criminal Law: Retrials* / I. Tallgren, T. Skouteris. Oxford University Press. 2019.
6. *Boister N.* *Histories of Transnational Criminal Law* / N. Boister, S. Gless, F. Jeßberger. Oxford University Press. 2021.
7. *Lewis M.* *The Birth of the New Justice: The Internationalization of Crime and Punishment, 1919–1950*. Oxford University Press. 2014.
8. Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор) (вместе со статутом лиги наций, уставом международной организации труда и «протоколом») (подписан в г. Версале 28.06.1919). URL : https://lawrussia.ru/bigtexts/law_814/page7.htm (дата обращения 14.06.2022).
9. M. Cherif Bassiouni, *World War I: The War to End All Wars and the Birth of a Handicapped International Criminal Justice System*, 30 *Denv. J. Int'l L. & Pol'y* 244. 2002.

суверенитет на мировой арене, но и боязнь собственно основных «игроков» - Великобритании и Франции, которые хотя и хотели бы провести международный трибунал, но столкнувшись с конкретными практическими трудностями, просто растерялись и не смогли обеспечить надлежащие процедурные аспекты.

Как нам представляется, указанная книга является исследованием, которое поможет читателю не только пролить свет на вопросы, связанные с международным уголовным правом (вопросы ответственности глав государств, роли международных соглашений и договоренности в организации трибунала и т.п.), но и прикоснуться к обстановке политической, которая несомненно следует международному праву.

Literature:

1. *International criminal law: a textbook for universities* / A.V. Brilliantov [et al.]. M., 2022. P. 21.
2. *Bassiouni M.C.* (31 Dec. 2008). *International Criminal Law, Vol. 3: International Enforcement*. Leiden, The Netherlands: Brill | Nijhoff. URL : <https://doi.org/10.1163/ej.9789004165304.i-722>
3. *Satzger H.* *International and European Criminal Law*, Beck-Hart-Nomos. 2017/
4. *Olivier De Frouville.* *Droit international pénal. Sources, incriminations, responsabilité*. Paris, Pedone, 2012.
5. *Tallgren I.* *The New Histories of International Criminal Law: Retrials* / I. Tallgren, T. Skouteris. Oxford University Press. 2019.
6. *Boister N.* *Histories of Transnational Criminal Law* / N. Boister, S. Gless, F. Jeßberger. Oxford University Press. 2021.
7. *Lewis M.* *The Birth of the New Justice: The Internationalization of Crime and Punishment, 1919–1950*. Oxford University Press. 2014.
8. The peace treaty between the allied and united powers and Germany (Treaty of Versailles) (together with the statute of the league of nations, the charter of the international labor organization and the «protocol») (signed in Versailles 28.06.1919). URL : https://lawrussia.ru/bigtexts/law_814/page7.htm (date of application 14.06.2022).
9. M. Cherif Bassiouni, *World War I: The War to End All Wars and the Birth of a Handicapped International Criminal Justice System*, 30 *Denv. J. Int'l L. & Pol'y* 244 (2002).

Степаненко Алексей Сергеевич
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

Барашева Елена Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры общетеоретических
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
barahevaev@bk.ru

Ангаева Ольга Алексеевна
студентка,
Российский государственный
университет правосудия
angaevaolya@gmail.com

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ КАК КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Аннотация. Вопросы в сфере образования на сегодня имеют все большую актуальность. На данный момент особенно обсуждаема проблема сокращения бюджетных мест в учебных заведениях высшего образования, снижения качества образования в государственных учреждениях и большую популярность приобрела тенденция получения общего гарантируемого бесплатного образования в платных образовательных учреждениях. В этой связи, вопрос реализации образовательной услуги как конституционной обязанности требует особого внимания. В статье рассмотрены гарантии образования, сущность права и обязанности образования, а также – раскрыто расширение конституционных норм в других нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: образование, образовательные услуги, гарантия, государство.

В настоящее время самым ценным и дорогостоящим ресурсом является информация, комплекс знаний в какой-либо сфере, поэтому институт образования представляет собой особую ценность для формирования и развития личности с целью наделения каждого индивида способностью конкурировать на рынке труда.

Alexey S. Stepanenko
Doctor of Philosophical Science,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,
Russian State Justice University
mail@esbrsuj.ru

Eleva V. Barasheva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of General Theoretical
State and Legal Disciplines,
Russian State Justice University
barahevaev@bk.ru

Olga A. Angaeva
Student,
Russian State Justice University
angaevaolya@gmail.com

ON THE ISSUE OF THE IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL SERVICES AS A CONSTITUTIONAL OBLIGATION

Annotation. Questions in the field of education today are of increasing relevance. At the moment, the problem of reducing budget places in educational institutions of higher education, reducing the quality of education in state institutions, and the tendency to receive general guaranteed free education in paid educational institutions has become especially discussed. In this regard, the issue of the implementation of educational services as a constitutional obligation requires special attention. The article deals with the guarantees of education, the essence of the right and obligations of education, and also discloses the expansion of constitutional norms in other legal acts.

Keywords: education, educational services, guarantee, state.

Государство как гарант просвещения закрепляет в законодательстве как право на получение образования, так и обязанность обеспечения реализации данного права.

Наличие права на образование означает позитивный характер образовательной сферы. Выборный характер сохраняется и в вопросах

направления образования, выбора сферы и специализации. Этим самым позиционируется свобода выбора в сфере образования во всех аспектах.

Кроме того, ст. 43 Конституции Российской Федерации регламентирует, что, каждый имеет право на образование. Под понятием «каждый» подразумевается любой человек, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям, возраста, состояния здоровья [3].

Такое положение законодательства также отражает свободу и общедоступность образования для любого индивида.

Однако, анализируя специальное законодательство, а именно – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и Конституцию РФ, становится очевидно наличие определенных противоречий.

Конституция в ст. 43 провозглашает общее образование обязательным, а ст. 66 ФЗ «Об образовании в РФ» классифицирует общее образование на начальное и среднее, тем самым, расширяя конституционную обязанность.

Также, стоит отметить такой казус: у законных представителей детей есть обязанность способствовать реализации права на образование, что, в свою очередь, является гарантией реализации данного права. В этой связи, говорить об институте образования, в широком смысле, как о диспозитивном, не приходится.

Конституция РФ наделяет каждого человека правом на образование, регламентируя его общедоступность, а также - дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование является бесплатным.

Данные положения находят свое отражение и в нормах международного права. В частности, ст. 26 Всеобщей Декларации прав человека регламентирует право каждого человека на образование, которое должно быть бесплатным, по меньшей мере, в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным, техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, и высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого [1].

Подобная трактовка содержится также в Дополнительном протоколе к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Конвенции о правах ребенка, Конвенции «О борьбе с дискриминацией в области образования» и многих других.

Таким образом, государство обязуется обеспечить право на образование и гарантии на его реализацию. Рассмотрим эти гарантии. Во-первых,

это общедоступность и бесплатный характер дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования.

Иными словами, любой ребенок имеет право, а также, обязан получить данные виды образования, независимо от его интеллектуальных способностей и состояния здоровья. Но, данном случае, мы снова наблюдаем некое несоответствие конституционной нормы и специализированного законодательства. Основной закон страны признает обязательным основное общее образование, а ч. 5 ст. 66 Федерального закона «Об образовании в РФ» гласит, что, начальное общее образование, основное общее образование, среднее общее образование являются обязательными уровнями образования [4].

Однако стоит отойти от формулировки «несоответствие» и признать, что в Федеральном законе лишь расширяется конституционная норма.

Еще одна государственная гарантия права на образование – это отсутствие какой-либо половой, национальной, расовой, языковой, социальной дискриминации.

Также, государство гарантирует создание условий для получения образования. Речь идет о создании и финансировании федеральных и муниципальных учебных заведений различного уровня подготовки, а также законодательного регулирования создания, функционирования, лицензирования и аттестации учебных заведений различной формы собственности, контроля и надзора за их деятельностью. Качественная сторона реализации права регламентируется способами, приемами и методами правовой охраны [7].

К тому же, учреждения, осуществляющие образовательные функции, наделены правом получения внебюджетных средств за счет оказания платных услуг, сдачи в аренду имущества образовательного учреждения для финансового обеспечения своей деятельности [5].

Эта гарантия представляет особую ценность, так как именно она определяет свободу выбора и направления образования, иными словами, родитель и ребенок вправе выбрать государственное или частное учебное учреждение для реализации права и обязанности образования, а для получения других видов образования представлена свобода выбора направления, в какой научной или иной сфере индивид желает получить образование [8].

Кроме того, государство обеспечивает свободу формы получения образования – очная, заочная, дистанционная. Стоит отметить актуальность дистанционной формы на сегодняшний день в условиях эпидемиологической ситуации в мире и прогресса высоких технологий.

Затрагивая тему высшего образования, стоит акцентировать внимание на ограничении гарантированного бесплатного характера образования, так как любое учебное заведение имеет

ограниченное число мест для получения бесплатного образования.

Распределение происходит на конкурсной основе, по уровню интеллектуальных способностей, и здесь снова наблюдается некое расхождение с принципом отсутствия дискриминации: индивид с меньшими интеллектуальными способностями лишается права на бесплатное высшее образование. Также, обучение на платной основе лишает студента материальной поддержки в виде стипендии, что создает некое социальное неравенство, но не имеет отношения к законодательным аспектам [6].

Ст. 3 Декларации о высшем образовании регламентирует справедливость доступа к высшему образованию определения по уровню способностей, возможностей, усилий, упорства и настойчивости тех, кто хочет получить такое образование [2]. Поэтому нельзя данное обстоятельство классифицировать как ограничение, так как данная норма соответствует международным стандартам. В этом случае, ограничивается свобода на образование, а не право.

Такое положение есть и в ФЗ «Об образовании в РФ», но с оговоркой о том, что, высшее образование предоставляется на конкурсной основе бесплатно только в том случае, если это первое высшее образование.

Иными словами, индивид, уже получивший высшее образование на любой основе – платной или

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Доступ из справ. прав. системы «КонсультантПлюс».
2. Декларация Организации Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры «Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры» // Национальный информационный центр. URL : https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/other/declaration_1998
3. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об образовании в Российской Федерации». Доступ из справ. прав. системы «КонсультантПлюс».
5. *Толстолуцкий В.Ю.* Конституционные гарантии образования в Российской Федерации / В.Ю. Толстолуцкий, В.А. Колосова, П.И. Далёкин // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 119–124.
6. Экономические гарантии реализации конституционного права на образование // Мудрый юрист. URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/59105-ekonomicheskie-garantii-realizacii-konstitucionno-go-prava-obrazovanie>

бесплатной, лишается права на повторное получение высшего образование на бесплатной основе. Но не ограничивается право на получение второго высшего образования, в принципе, поэтому, если индивиду необходимо получить еще одно образование – высшее или профессиональное в силу каких-либо обстоятельств, он имеет право на заключение гражданско-правового договора на получение образовательных услуг в соответствующем учреждении.

Таким образом, право на образование является одновременно обязанностью законных представителей детей. Институт образования гарантируется государством как общедоступный, без какой-либо дискриминации, а также бесплатный – в области обязательного образования.

Однако государство также гарантирует свободу образования – свободу выбора не только направления сферы обучения, но и возможности получить общее образование на платной основе во внебюджетных учреждениях по собственному желанию.

Если индивид, по каким-либо причинам, лишился шанса получить высшее образование на бесплатной основе, либо же он намерен получить второе высшее образование, то индивид имеет право заключить с учреждением договор на оказание образовательных услуг, поэтому платные образовательные услуги выступают еще одной гарантией реализации права на образование.

Literature:

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948). Access from reference rights. «ConsultantPlus» system.
2. Declaration of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization «Higher Education in the 21st Century: Approaches and Practical Measures» // National Information Center. URL : https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/other/declaration_1998
3. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments) // СЗ RF. 2014. № 31. Art. 4398.
4. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ (as amended on April 16, 2022) «On Education in the Russian Federation». Access from reference rights. «ConsultantPlus» system.
5. *Tolstolutsky V.Yu.* Constitutional guarantees of education in the Russian Federation / V.Yu. Tolstolutsky, V.A. Kolosova, P.I. Dalekin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2020. № 6. P. 119–124.
6. Economic guarantees for the implementation of the constitutional right to education // Wise lawyer. – URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/59105-ekonomicheskie-garantii-realizacii-konstitucionno-go-prava-obrazovanie>

7. *Задорина М.А.* Качество среднего профессионального образования как гарантия реализации конституционного права на среднее профессиональное образование / М.А. Задорина // Теория и практика государственно-правового развития. Екатеринбург : Правовая парадигма. 2017. № 2. С.71–76.

8. *Барашева Е.В.* Правовые механизмы развития дополнительного профессионального образования / Е.В. Барашева, В.М. Иванов // Глаголь правосудия. 2019. № 3(21). С. 53–56

7. *Zadorina M.A.* The quality of secondary vocational education as a guarantee of the implementation of the constitutional right to secondary vocational education / M.A. Zadorina // Theory and practice of state-legal development. Ekaterinburg : Legal paradigm. 2017. № 2. P. 71–76.

8. *Barasheva E.V.* Legal mechanisms of additional development vocational education / E.V. Barasheva, V.M. Ivanov // Verb of justice. 2019. № 3(21). С. 53–56.

Степанян Георгий Саркисович
магистр по направлению
«Юриспруденция»
юридического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
zhorastepanyan99@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ СДЕЛОК С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ

Аннотация. Цель и логика земельного законодательства состоит в строительстве правовой основы использования земель, не содержащей каких-либо противоречий, для создания социально-экономических благ обществу. Исходя из этого, можно сделать вывод, что нужен системный подход к установлению норм землепользования во всех сферах, важных для общества. Однако стоит отметить, что данный комплекс задач, к сожалению, еще не решен. В настоящей статье дается оценка модернизации института приобретательной давности, порядка образования земельных участков, а также развитию государственного и муниципального земельного контроля.

Ключевые слова: земельный фонд, образование земельных участков, приобретательская давность, государственный мониторинг земель, муниципальный земельный контроль.

Современная Россия пока не пришла к оптимальной структуре законодательства в области использования и охраны земель. Несмотря на большой объем принимаемых законов, при практической реализации правовых норм, установленных ими, выявляются существенные проблемы, во многом тесно связанные с теми проблемами, которые были отмечены выше. В юридической доктрине неоднократно заявлялось, что для разработки законодательных инициатив, направленных на устранение очевидных коллизий, необходима досконально проработанная концепция развития земельного законодательства.

По данным Росреестра, на 01 января 2018 года площадь земель сельскохозяйственного назначения составляет 385 млн гектаров. Общая площадь сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения составила 197,7 млн гектаров. Это уникальный потенциал страны. У нас сосредоточено 9 процентов мировых запасов пахотных земель, 58 процентов мировых запасов чернозема и 20 процентов запасов пресной воды [1]. Из общей площади сельскохозяйственных земель в Российской Федерации не используется около 40 млн гектаров. По сути,

George S. Stepanyan
Master in Direction
«Jurisprudence»
Faculty of Law,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
zhorastepanyan99@mail.ru

DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE AREA OF LAND TRANSACTIONS

Annotation. The purpose and logic of land legislation is to build a legal basis for the use of land that does not contain any contradictions to create socio-economic benefits to society. Based on this, we can conclude that a systematic approach is needed to establish land use standards in all areas important to society. However, it is worth noting that this set of tasks, unfortunately, it has not been resolved yet. This article assesses the modernization of the institute of acquisition prescription, the procedure for the formation of land plots, and the development of state and municipal land control.

Keywords: land fund, formation of land plots, acquisition prescription, state monitoring of land, municipal land control.

эта площадь сопоставима с территорией Германии. Из них, по оценке Минсельхоза, можно вернуть в оборот с минимальными затратами не менее 10 млн гектаров. Поэтому одним из главных приоритетов Минсельхоза России является вовлечение неиспользованных земель в сельскохозяйственном обороте. Для реализации направленной политики нашей страны по координации земельного фонда Правительством РФ были утверждены Основы государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 годы (далее – Основы), которые предусматривают следующие мероприятия: «уточнение перечня вещных прав на земельные участки, подлежащих государственной регистрации; совершенствование порядка применения приобретательной давности в качестве основания для возникновения права собственности; обеспечение дополнительной защиты для собственников земельных участков, права которых были зарегистрированы; установление возможности предъявления собственниками, землепользователями, землевладельцами и арендаторами земельных участков требований об их выкупе или возмещении убытков в случае ограничений использования земельных участков в связи с

установлением охранных и санитарно-защитных зон; установление порядка учета мнения правообладателя при изменении видов разрешенного использования земельных участков и порядка возмещения убытков, причиненных решениями об изменении видов разрешенного использования или решениями об установлении ограничений прав на землю без согласия правообладателя земельного участка» [2]. Выполнение этих мероприятий в целом должно обеспечить активное постепенное совершенствование земельного рынка и должно позитивно повлиять на реализацию конституционных прав жителей нашей страны на землю.

Совершенствование порядка применения института приобретательной давности в качестве основания для возникновения права собственности на земельные участки должно привести к реформе презумпции государственной собственности на землю, которая закреплена в пункте 2 статьи 214 ГК РФ. В соответствии с ней земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью. На этой презумпции в значительной степени основывается современное земельное законодательство, поэтому можно определить дальнейшую перспективу совершенствования законодательства внесением в него изменений и создания новых институтов права. По мнению автора настоящей статьи, для реализации вышеупомянутых направлений нужно отдельно указать мероприятия по организации процесса предоставления и оформления прав на земельные участки при выполнении инвестиционных договоров и по улучшению процесса предоставления участков для строительства. Важность этих направлений для привлечения инвестиций и расширения рынка недвижимости, включающего земельный рынок, дает возможность выделить их как самостоятельные мероприятия с большим влиянием на развитие экономики нашей страны. Также стоит упомянуть еще одно направление политики государства по организации и управлению земельным фондом, а именно развитие порядка образования земельных участков. Для осуществления этого направления Основы содержат следующий список мероприятий:

«1) определение единого документа, составляемого для целей образования земельных участков, а также требований к его содержанию, разработке, согласованию и утверждению, в том числе в электронном виде;

2) обеспечение условий для одновременного осуществления кадастрового учета и регистрации прав на образуемые земельные участки, в том числе принадлежащие нескольким лицам;

3) установление порядка образования земельных участков с целью устранения недостатков, препятствующих рациональному использованию и охране земель (вклинивание, изломанность границ, чересполосица, невозможность размещения объектов недвижимости)». От результативности реализации этого направления в значительной степени зависит время оборота участков в

качестве объекта гражданских прав, а значит качество и скорость развития земельного рынка. Важно, чтобы осуществление этого мероприятия происходило в приоритетном порядке. Стоит отметить, что в законодательстве до сих пор отсутствуют четкие определения «изломанности границ», «вклинивания», «вкрапливания». По этой причине в государственном кадастровом учете нередко регистрируются земельные участки, которые не соответствуют прописанным требованиям.

Обеспечение одновременного осуществления кадастрового учета и регистрации прав на образуемые земельные участки, скорее всего, снизит административные рамки и уменьшит количество времени, необходимое для выполнения мероприятий по регистрации прав на земельные участки.

Развитие государственного и муниципального земельного контроля является еще одним значимым направлением политики государства. Вместе с тем это направление довольно тесно связано с совершенствованием государственного мониторинга земель.

В соответствии с п. 1 ст. 67 ЗК РФ «государственный мониторинг земель является частью государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды) и представляет собой систему наблюдений за состоянием земель. Объектами государственного мониторинга земель являются все земли в Российской Федерации». В пункте 2 ст. 67 ЗК РФ отражено, что «задачами государственного мониторинга земель являются следующие вопросы: своевременное выявление изменений состояния земель, оценка этих изменений, прогноз и выработка рекомендаций о предупреждении и об устранении последствий негативных процессов; информационное обеспечение государственного земельного надзора, иных функций государственного и муниципального управления земельными ресурсами, а также землеустройства; обеспечение граждан информацией о состоянии окружающей среды в части состояния земель». Значимость задач государственного мониторинга земель очевидна, вместе с тем их эффективное решение в нужное время в значительной степени определяет политику государства в данной области [3]. «Совершенствование государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля предусматривает в том числе:

– уточнение полномочий органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;

– установление возможности привлечения нарушителей к ответственности на основании данных дистанционного зондирования;

– повышение ответственности за неиспользование или ненадлежащее использование земельных участков, в том числе в части установления размера административного штрафа в зависимости от площади и кадастровой стоимости земельного участка, на котором допущено земельное правонарушение» (раздел III Основ).

В свою очередь, «развитие государственного мониторинга земель предусматривает своевременное выявление изменений состояния земель, оценку этих изменений, прогноз и выработку рекомендаций по предупреждению и устранению последствий негативных процессов; информационное обеспечение государственного земельного контроля за использованием и охраной земель, иных функций в области государственного и муниципального управления земельными ресурсами, а также землеустройства; обеспечение граждан, юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления информацией о состоянии земель».

Литература:

1. Сайт Росреестра. Статистическая отчетность // Официальный сайт Росреестра Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL : <https://rosreestr.ru/site/open-service/statistika-i-analitika/statisticheskaya-otchetnost>
2. Распоряжение Правительства РФ от 03.03.2012 № 297-р (ред. от 28.08.2014) «Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 - 2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Коноплева Т.Д.* О договоре купли-продажи земельных участков из состава земель сельхоз назначения / Т.Д. Коноплева // *Аграрное и земельное право.* 2013. № 11.
4. *Корнеев А.Л.* Особенности совершения сделок с земельными участками. М. : Городец, 2017.

В зависимости от результативности выполнения мероприятий по государственному мониторингу земель, муниципальному земельному контролю, государственному земельному надзору находится добросовестность исполнения правообладателями земельных участков обязанностей, которые вытекают из договорных правоотношений и закона. Из этого следует, что от результативности зависит и поддержание земельных ресурсов в должном состоянии, и пополняемость бюджетов публично-правовых образований [4].

Literature:

1. Rosreestr website. Statistical reporting // Official website of the Rosreestr of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography. URL : <https://rosreestr.ru/site/open-service/statistika-i-analitika/statisticheskaya-otchetnost>
2. Order of the Government of the Russian Federation dated 03.03.2012 № 297-r (ed. dated 28.08.2014) «On approval of the Fundamentals of the State policy for the use of the land fund of the Russian Federation for 2012–2020» // SPS «ConsultantPlus».
3. *Konopleva T.D.* About the contract of purchase and sale of land plots from agricultural lands / T.D. Konopleva // *Agrarian and land law.* 2013. № 11.
4. *Korneev A.L.* Features of transactions with land plots. M. : Gorodets, 2017.

Хао Цзэжунь

магистрант юридического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
604511694@qq.com

Hao Zerun

Master's Student
of the Faculty of Law,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
604511694@qq.com

МЕТОД И ЛОГИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА СУДОМ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

METHOD AND LOGIC OF APPLICATION OF INTERNATIONAL LAW BY THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION

Аннотация. В статье делается попытка охватить и рассмотреть три основных направления прецедентной практики Суда Европейского Союза, касающихся применения международного права: конституционный контроль договоров; обеспечение соблюдения договоров; применение обычного международного права. Автор приходит к выводу о том, что преобладающее ранее повествование о международном праве, в последнее время уступило место признанию того, что Суд Европейского Союза стал закрытым для международного права. Отношения являются гораздо более сложными и многогранными, и их нельзя сформулировать, просто навешивая ярлыки: дружественные или открытые, или недружественные и закрытые.

Ключевые слова: международное право, Суд Европейского Союза, принципы принятия судебных решений, договора.

Annotation. The article attempts to cover and consider three main areas of the case law of the Court of Justice of the European Union regarding the application of international law: constitutional control of treaties; enforcement of contracts; application of customary international law. The author concludes that the previously dominant narrative of international law has recently given way to recognition of greater proximity to international law, but it would be a huge oversimplification to assume that the Court of Justice of the European Union has become closed to international law. Relationships are much more complex and multifaceted, and can never be formulated simply by labeling international law as friendly or open, or hostile and closed.

Keywords: international law, Court of Justice of the European Union, principles of judicial decision-making, treaties.

В данной статье оцениваются ключевые направления судебной практики Суда Европейского Союза в отношении центрального аспекта права международных отношений, а именно применения международного права. Основное внимание уделяется применению международного права международным судом, созданным на основании договора, а не судами внутригосударственной правовой системы. Однако в своей ранней основополагающей юриспруденции в 1960-х годах Суд Европейского Союза уже дистанцировал учредительные договоры этой международной организации от «обычного» международного права. Эти вопросы включают, среди прочего, может ли международное право, как договорное, так и общее международное право, проникать в его правопорядок и при каких условиях они могут это делать; могут ли обязательные договоры быть пересмотрены в судебном порядке; каким условиям должно соответствовать международное право, чтобы иметь юридическую силу, и какой иерархический статус оно будет иметь; и как интерпретировать международное право [1]. Как Суд Европейского Союза решает эти и другие вопросы, касающиеся применения международного права имеет особое значение.

По сути, это Верховный суд для очень могущественной международной организации с чрезвычайно широкими законодательными и договорными полномочиями, которая в настоящее время состоит из двадцати восьми государств-членов с общим населением более полумиллиарда. Его заявления могут также влиять на то, как суды в государствах-членах могут рассматривать международное право вне сферы права ЕС.

Действительно, растущий статус Суда Европейского Союза в эпоху «глобального сообщества судов», вовлеченного в транснациональный конституционный диалог, означает, что его заявления, вероятно, будут иметь влияние далеко за пределами ЕС [6]. Что касается отношений между ЕС и международным правом, которые сконструировал Суд, то традиционно доминирующим нарративом в правовых исследованиях ЕС была – открытость. В конечном счете, основным доказательством этого является послыл о том, что соглашения ЕС являются неотъемлемой частью права ЕС и имеют приоритет над вторичным законодательством ЕС [7], в сочетании с практическим проявлением этого неотъемлемого статуса главным образом тем, как Суд Европейского Союза рассматривал ряд соглашений о торговле,

ассоциации, сотрудничестве и партнерстве, а также очевидной открытости для пересмотра действий ЕС по отношению к соглашениям ЕС и обычному международному праву [2].

Однако с 2008 года можно привести ряд постановлений, в которых казалась возможной большая открытость международному праву. Главным из них было отношение к Уставу ООН и резолюциям Совета Безопасности ООН; полный отказ от ЮНКЛОС и Конвенции ООН о правах инвалидов, а также некоторых положений Орхусской конвенции при рассмотрении действий ЕС; ограничительный подход к урегулированию международных споров, препятствующий присоединению ЕС к определенным договорам; жесткая доктрина функционального правопреемства, согласно которой договоры, никогда не встречаются; строгий порог для использования обычного международного права для оспаривания действий ЕС; чрезмерно усердный подход к пересмотру договоров государств-членов, а также, интерпретация международного права таким образом, который противоречит взглядам ученых-международников. Большинство из этих событий произошло после того, как Лиссабонский договор добавил в текст конституции ЕС более дружественные к международному праву формулировки, в частности, что «Союз... должен способствовать... строгому соблюдению и развитию международного права» [3], таким образом подкрепляя критику.

Безусловно, вышеупомянутые постановления оспариваются, но трудно рассматривать их в совокупности и, тем не менее, заключить с широкими и недвусмысленными утверждениями относительно дружественного к международному праву, восприимчивого к международному праву или монистического подхода Суда Европейского

Союза. Баланс в отношении применения международного права в 2018 году выглядит несколько иначе, чем десять лет назад или около того. Стоит подчеркнуть, что даже если у Суда нет формальной доктрины уважения к исполнительной власти в иностранных делах, как это может иметь место в других конституционных системах, последнее прецедентное право, демонстрирующее меньшую открытость по отношению к международному праву, часто согласуется с представлениями политических институтов ЕС [4].

Преобладающее ранее суждение о международном праве, в последнее время уступило место признанию того, что Суд Европейского Союза стал закрытым для международного права [8]. Отношения являются гораздо более сложными и многогранными, и их нельзя сформулировать, просто навешивая ярлыки: дружественные или открытые, или недружественные и закрытые. Недавние события позволили одному ученому, опираясь на сравнительный анализ прецедентного права за десятилетний период, утверждать, что между подходами Суда Европейского Союза и Верховного суда США к интернализации международного права много общего [5]. Однако во многих кругах в Европе это очень неудобный вывод в свете того, что ЕС рассматривается как международная организация, долгое время декларирующая нормативную приверженность международному праву, а теперь конституционно обязанная делать это, и с Судом Европейского Союза, который интернализует международное право, в отличие от Соединенными Штатами, где уже давно распространилась более изоляционистская риторика и где их Верховный суд часто рассматривается как ограждающий внутренний правопорядок от международных норм.

Литература:

1. *Бирюков П.Н.* Европейский защитный ордер / П.Н. Бирюков // Академический юридический журнал. 2017. № 1(67). С. 38–45.
2. *Бирюков П.Н.* Некоторые аспекты Европейского ордера на арест / П.Н. Бирюков // Московский журнал международного права. 2009. № 1(73). С. 248–256.
3. *Носова Е.С.* Влияние решений Суда ЕС на установление права Европейского союза / Е.С. Носова // Международное право и международные организации. 2016. № 1. С. 50–59.
4. *Энгстрем И.* Прямое действие права Европейского союза / И. Энгстрем // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 88–103.
5. *Жбанков В.А.* Концепция открытого общества как составная часть европейской идеи / В.А. Жбанков // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1(4). С. 319.
6. *Стеблев С.В.* Право ЕС. М. : Сэнти, 2021. С. 510.
7. *Клёмин А.В.* «Прямой эффект» права ЕС / А.В. Клёмин // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 38–41.

Literature:

1. *Biryukov P.N.* European Protective Order / P.N. Biryukov // Academic Law Journal. 2017. № 1(67). P. 38–45.
2. *Biryukov P.N.* Some aspects of the European arrest warrant / P.N. Biryukov // Moscow Journal of International Law. 2009. № 1(73). P. 248–256.
3. *Nosova E.S.* Influence of decisions of the EU Court on the establishment of the law of the European Union / N.S. Nosova // International law and international organizations. 2016. № 1. P. 50–59.
4. *Engstrom I.* Direct action of the law of the European Union / I. Engstrom // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2010. № 2. P. 88–103.
5. *Zhbankov V.A.* The concept of an open society as an integral part of the European idea / V.A. Zhbankov // Actual problems of Russian law. 2007. № 1(4). P. 319
6. *Steblev S.V.* EU law. M : Santi, 2021. P. 510.
7. *Klemin A.V.* «Direct effect» of EU law / A.V. Klemin // Eurasian Legal Journal. 2021. № 8(159). P. 38–41.

8. *Покровская Н.В.* Проблема взаимодействия России с государствами-членами ВТО в условиях санкционного давления / Н.В. Покровская // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 55–58.

8. *Pokrovskaya N.V.* The problem of Russia's interaction with WTO member states under sanctions pressure / N.V. Pokrovskaya // Eurasian Law Journal. 2021. № 7(158). P. 55–58.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Чимаров Николай Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоведения,
Северо-Западный институт управления
РАНХиГС при Президенте
Российской Федерации
kolomyagi4@gmail.com

Бялт Виктор Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
victorkvr@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ СУЖДЕНИЯ
ГЕОРГА ГЕГЕЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
КОМПЛЕКСНОГО ИНТЕГРИРОВАНИЯ
КОМПЕТЕНЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО
ВЕДОМСТВА В КОНСТРУКЦИЮ
ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. Первенствующая роль полицейской институции в решении обширного свода задач правоохранительной направленности предопределяет не только признание полномочий полиции по отмеченному аспекту, но и способствует активному проявлению различных научных дискуссий о сущностных основах и пределах компетенции полицейского ведомства. По мнению авторов, обращение к осмыслению ряда концептуальных подходов и теоретико-правовых выводов немецкого философа Георга Гегеля относительно роли полиции в системе гражданского общества позволит более предметно обратиться на современное понимание полицейской миссии, в значительной степени аккумулировавшей ранее накопленный мировой опыт функционирования полиции и, в обобщенном виде, представленный научным наследием выдающихся представителей корпорации ученых, в кругу которых особое место занимает Г. Гегель.

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Personnel
Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Nikolai S. Chimarov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Jurisprudence,
Northwestern Institute of Management
RANEPA under the President
of the Russian Federation
kolomyagi4@gmail.com

Viktor S. Byalt

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
victorkvr@mail.ru

**THEORETICAL AND LEGAL
JUDGMENTS OF GEORG HEGEL
AS A REFLECTION INTEGRATED
INTEGRATION OF THE COMPETENCE
OF THE POLICE DEPARTMENT
IN THE CONSTRUCTION OF THE STATE**

Annotation. The leading role of the police institution in solving a wide range of law enforcement tasks predetermines not only the recognition of the powers of the police in this aspect, but also contributes to the active manifestation of various scientific discussions about the essential foundations and limits of the competence of the police department. According to the authors, an appeal to the understanding of a number of conceptual approaches and theoretical and legal conclusions of the German philosopher Georg Hegel regarding the role of the police in the system of civil society will make it possible to pay more substantive attention to the modern understanding of the police mission, which has largely accumulated the previously accumulated world experience in the functioning of the police and in a generalized represented by the scientific legacy of prominent representatives of the corporation of scientists, among whom G. Hegel occupies a special place.

Ключевые слова: естественное право, государство, философия права, правопорядок, полиция, гражданское общество, дисциплина, нравственность.

Keywords: natural law, state, philosophy of law, law and order, police, civil society, discipline, morality.

Теоретико-правовые аспекты становления и развития полицейстики как науки о пределах функционирования полиции, по праву занимающей место ключевого института государственного управления и наиболее рельефно представленной в обширной области правоохранительной деятельности, неотделимы от концептуальных суждений когорты ученых, имеющих несомненные заслуги в философии права. К числу наиболее ярких представителей указанного научного направления, несомненно, должен быть отнесен немецкий мыслитель и философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831), представивший свод небезынтересных концептов и умозаключений, имеющих и сегодня важное значение для понимания миссии и основных направлений деятельности полицейского ведомства. В этой связи, мы замечаем, что уже к середине XIX в. именно под воздействием представлений Г. Гегеля на роль полиции в конструкции правового государства происходит конципирование ключевых идей полицейстики с точки зрения их корреспондирования общему замыслу поддержания в социуме общественного спокойствия и должного уровня правопорядка. В данном случае, под дефиницией «конципирование» мы понимаем способность создания нового понятия на основе интеллектуального переосмысления ранее полученного набора сведений или представлений о чем-либо. Данное замечание соответствует логике суждения и следующему выводу выдающегося философа эпохи Возрождения Николая Кузанского (1401–1464): «Concipere» и «intelligere» есть одно и то же» [5, с. 143]. Другими словами, если принять во внимание, что смысл понятия «конципирование» тождественен смыслу «формирование концепции», то применительно к оценке вклада Г. Гегеля в развитие науки о полицейском праве, нам представляется оправданным умозаключение о формировании нового горизонта философии-правовых констатаций на область полицейстики в целом. С учетом изложенного, мы разделяем следующий вывод, к которому приходит немецкий исследователь В.А. Айрих, заметивший об очевидной приверженности Г. Гегеля идее нормативно-правового закрепления доминанты превенции (от англ. «prevention – предохранение) в вопросах поддержания в обществе порядка и спокойствия [1].

Наиболее обстоятельно теоретические суждения Г. Гегеля в части уточнения ареала полицейских полномочий и социальной значимости самой полиции в обществе, представлены им в работе «Философия права» (1820), посвященной исследованию основ естественного права и науки о государстве. Многоаспектный формат пределов полицейской компетенции института полиции в системе государства Г. Гегель рассматривает в части третьей своего труда, именуемой «Нравственность» (разделы 2 «Гражданское общество» и 3 «Государство») [4]. Как следует из его

философско-правового учения, гражданское общество любого государства в своей деятельности придерживается следующей триады:

- 1) удовлетворение потребности всех и каждого;
- 2) поддержание в обществе свободы и правосудная защита собственности;
- 3) проявление заботы о нейтрализации различного рода «случайностей» в предметных областях указанных двух компонентов, с использованием полиции и корпораций [4, с. 233].

Выявляя предназначение полиции [4, с. 264], Г. Гегель констатирует об определяющей ее роли в достижении симбиоза между абстрактным правом, олицетворяющем собой элемент сущей всеобщности как справедливой необходимости, и субъективной особенностью, презентуемой в качестве внутреннего аспекта осуществления в обществе права. В этой связи, главенствующая компетенция полиции заключается в обеспечении индивиду возможности поддержания его личного блага и сохранения его персональной особенности. Более развернутое представление Г. Гегелем набора полицейских компетенций, корреспондирующих формату «карающей полицейской справедливости» представлено в § 231–249 анализируемой нами работы [4, с. 265–274], в их числе:

- 1) полицейский надзор за правильностью совершения дел всеобщего значения и общепользных мероприятий (забота об уличном освещении, возведении мостов и здоровье населения; поддержание твердых цен на товары повседневного характера и др.);
- 2) защита прав и свобод человека как «сына гражданского общества» [4, с. 268], с предъявлением к каждому требования неуклонного соблюдения им прав данного общества;
- 3) осуществление надзора за воспитанием членов гражданского общества, являющихся его «детьми», и предохранение их от различных форм произвола со стороны других субъектов социального взаимодействия, по определению, входящих в номинацию «родителей» указанных детей;
- 4) установление опеки над расточительным образом жизни членов гражданского общества, который способствует подрыву обеспеченности существования общества, деформации чувства права и посягательству на честь отдельных граждан;
- 5) проявление законной власти по отношению к лицам «злобного» поведения и в целях искоренения в обществе различного рода пороков;

б) при необходимости, проявление по отношению к членам гражданского общества, моральных предписаний «сердечной любви».

Резюмируя отмеченное, Г. Гегель заключает следующее: «Полицейское попечение осуществляет и сохраняет, прежде всего, содержащееся в особенности гражданского общества всеобщее как внешний порядок и установление защиты и безопасности масс от особенных целей и интересов, существующих в этом всеобщем» [4, с. 274].

Наряду с отмеченным научным трудом «Философия права», Г. Гегель обращается к некоторым моментам функционирования, так называемой, «совершенной» парадигмы полицейского учреждения в статьях, относящихся к его политическим произведениям. По мнению философа, деятельность «совершенной полиции» сопряжена с ее тотальным проникновением в «бытие каждого индивидуума», что, несомненно, приводит к полной утрате его гражданской свободы. По мысли философа, приверженность полиции данному вектору реализации своих полномочий предопределяет упрочению в обществе «жесточайшего деспотизма» [2, с. 264–265]. По нашему представлению, указанный тезис отмеченного ученого направлен на предостережение от всеобщего проникновения полиции в личную жизнь граждан, которое, несомненно, противоречит идее конституционализма и духу естественного права.

Литература:

1. Айрих В.А. Возникновение науки полицейского права: новые штрихи к старому портрету / В.А. Айрих // Юридические исследования. 2014. № 10. С. 38–73. URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13275 (дата обращения 24.08.2022).
2. Гегель Г. О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве / Г. Гегель // Политические произведения. М. : «Издательство Наука», 1978. С. 185–275.
3. Гегель Г. Система нравственности / Гегель. Политические произведения. М. : «Издательство Наука», 1978. С. 276–367.
4. Гегель Г. Философия права. М. : Издательство «Мысль», 1990. 527 с.
5. Лосев А.Ф. О трактате Николая Кузанского «Об уме» / А.Ф. Лосев // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 140–160.

Возводя институциональную основу полиции в разряд «дисциплины в единичном», Г. Гегель акцентирует внимание на содержательном компоненте отмеченного рода дисциплины, который, по его определению, сводится к пониманию великой миссии школы дисциплины, направленной на уяснение человеком общих обычаев, осознания их значимости порядка и испытывающей личность в духе ее способности к проявлению правдивости своих поступков [3, с. 366].

По нашему представлению, указанные размышления ученого имеют амбивалентный характер:

- с одной стороны, они обращены к личности самого полицейского;
- с другой – напоминают об обязанности каждого человека в отдельности контролировать свое поведение и осознанно относиться к его последствиям, т.е., быть в душе охранителем своего поведения суть полицейским для самого себя.

Подводя итог нашему исследованию, мы приходим к выводу об определяющей роли полиции в решении комплекса задач по поддержанию в демократическом обществе должного уровня правовой защиты каждого человека и обеспечению общественного порядка, целесообразность которых подтверждена авторитетным мнением и обоснованием выдающегося мыслителя Г. Гегеля.

Literature:

1. Airich V.A. The emergence of the science of police law: new touches to the old portrait / V.A. Airich // Legal studies. 2014. № 10. P. 38–73. URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13275 (date of application 08/24/2022).
2. Hegel G. On the scientific methods of the study of natural law, its place in practical philosophy and its relation to the science of positive law / G. Hegel // Hegel. Political works. M. : «Nauka Publishing House», 1978. P. 185–275.
3. Hegel G. The system of morality / G. Hegel // Hegel. Political works. M. : «Publishing House Nauka», 1978. P. 276–367.
4. Hegel G. Philosophy of law. M. : Publishing House «Thought», 1990. 527 p.
5. Losev A.F. On the treatise of Nikolai Kuzansky «On the mind» / A.F. Losev // Questions of philosophy. 2013. № 9. P. 140–160.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Борисова Дарья Александровна

студентка,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

**СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПО РОССИЙСКОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ЕГО СУЩНОСТЬ
И ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем возраста уголовной ответственности как обязательного признака субъекта преступления, в частности, определения минимальных и максимальных возрастных границ привлечения к уголовной ответственности сквозь призму осознанности и возможности управления своими поступками субъектом преступления. Также, в статье проводится сравнение понятий преступления и состава преступления, определяется их положение относительно друг друга.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, преступление, состав преступления, субъект преступления, несовершеннолетний.

Одной из важнейших отраслей права для государства и общества является уголовное право. Именно оно определяет, какие действия или бездействия людей наиболее опасны для общества, предусматривает различные виды наказания за их совершение, определяет обстоятельства, исключающие преступность деяния, смягчающие и отягчающие наказание и так далее. Соответственно, основной сферой уголовного права является преступление и все сопутствующие его расследованию институты.

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно – части 1 статьи 14, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное кодексом под угрозой наказания. Соответственно, признать какое-либо действие либо

Elena V. Shanazarova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
Milena.555@mail.ru

Darya A. Borisova

Student,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
Milena.555@mail.ru

**THE SUBJECT OF THE CRIME UNDER
RUSSIAN LAW: ITS ESSENCE
AND LEGAL CHARACTERISTICS**

Annotation. The article is devoted to the study of the problems of the age of criminal responsibility as a mandatory feature of the subject of the crime, in particular, the determination of the minimum and maximum age limits of bringing to criminal responsibility through the prism of awareness and the possibility of controlling their actions by the subject of the crime. The article also compares the concepts of crime and the corpus delicti, determines their position relative to each other.

Keywords: age of criminal responsibility, crime, corpus delicti, subject of crime, minor.

бездействие человека можно по наличию в нем обозначенных в кодексе признаков, а именно, виновности, общественной опасности и законодательной запрещенности. При этом при определении преступности совершенного действия важную роль играет не только сам факт его совершения, но и сопутствующие ему объективные и субъективные обстоятельства, которые, в своей совокупности, представляют такое явление уголовного права, как «состав преступления».

Согласно науке уголовного права, состав преступления представляется как совокупность объективных и субъективных признаков, которые в своем единстве и представляют противоправно совершенное общественно опасное деяние. В понятие «состав преступления» входят следующие элементы: объект, объективная сторона, субъект,

субъективная сторона. Кратко охарактеризуем каждый из них.

Объектом преступления являются общественные отношения, охраняемые государством, посягательство на которые противоправно и незаконно. Именно объекты преступления закреплены в разделах и главах Особенной части УК РФ (например, преступления против личности, против общественной безопасности и так далее).

К объективной стороне традиционно относят такие признаки, как деяние, последствия, связь между деянием и последствиями, способ, средства, орудия, обстановка, место и время совершения преступления. Соответственно, можно сказать, что к объективной стороне преступления относятся все сопутствующие общественному деянию явления и признаки, а также, процесс установления причинно-следственной связи деяния, его признаков и противоправных последствий.

Субъектом преступления является то лицо, которым непосредственно осуществлялись действия или бездействие, запрещенное УК РФ. Для того, чтобы лицо стало подозреваемым либо обвиняемым по уголовному делу (процессуальный статус субъекта преступления), необходимо наличие следующих условий:

- возраст наступления уголовной ответственности (по общему правилу, уголовная ответственность наступает в 16 лет, в исключительных случаях – с 14 лет), вменяемость (лицо должно осознавать и понимать характер своих действий);
- если нормой УК РФ определено, что преступление может совершить лицо с конкретными, дополнительными признаками, то речь уже идет о специальном субъекте преступления (например, военные преступления, предусмотренные главой 33 УК РФ, могут быть совершены только лицами, несущими военную службу).

Субъективная сторона преступления выражается в форме вины, в мотивах и целях субъекта, с которыми он совершал общественно опасное деяние. Соответственно, именно этот элемент показывает истинную суть, истинный порыв совершенного преступления, так как полностью связан с внутренними установками, взглядами и ценностями преступника.

Кратко охарактеризовав каждый из элементов состава преступления, можно сделать вывод о том, что каждый из них отвечает за важную составляющую понятия преступления в целом. При этом, в отличие от понятия «преступление», охватывающего, в основном, лишь базовые характеристики противоправного деяния, состав преступления раскрывает их с субъективной и объективной стороны, отражая и внутреннее отношение субъекта, особенности его положения, личности, и полностью характеризуя общественно опасное деяние со всеми его особенностями, причинно-следственной связью и так далее. Следовательно, можно предположить, что понятие «преступление» шире понятия «состав преступления», так как общие характеристики, отделяя

преступное деяние от непроступного, прямо вытекают из элементов состава преступления: «Понятие «преступление» является более широким по отношению к понятию «состав преступления».

При этом говорить о том, что понятие «состав преступления» уже, чем понятие «преступление», неверно. Обусловлено это тем, что понятие «преступление» формируется из тех характерных черт деяния, которое запрещено уголовным законом, которое раскрывается через призму его анализа на предмет наличия в нем признаков состава преступления, соответствия им. Следовательно, можно сделать вывод о том, что понятие «состав преступления» хоть и является не таким обширным, как «преступление» в виду уточнения многих признаков, его деления на элементы, но является важнейшей предпосылкой его появления, понимания и применения: «Состав преступления – это совокупность закрепленных в уголовном законе объективных и субъективных признаков, характеризующих содержание необходимых и достаточных элементов, позволяющая дать уголовно-правовую оценку совершенному деянию».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наличие нескольких узконаправленных элементов, имеющих свои составные части и признаки, позволяют судить о понятии «состав преступления» как о предпосылке к применению понятия «преступление», которое дано в УК РФ в достаточно общей формулировке. Такое положение понятий объясняется тем, что для отнесения деяния к преступлению, как таковому, необходимо проанализировать его на предмет соответствия элементам состава преступления, и уже после обнаружения и выявления каждого из них деяние будет рассматриваться в качестве общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания.

Возраст лица является фундаментальной категорией уголовного права, в связи с тем, что он является неотъемлемым свойством субъекта преступления и условием привлечения к уголовной ответственности. Согласно ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), субъектом преступления может стать только физическое лицо, которое к моменту совершения преступления достигло возраста уголовной ответственности.

Необходимость установления минимального возраста уголовной ответственности в законе, диктуется, прежде всего, тем, что это обстоятельство тесно связано с возможностью осознания лицом своих действий, его психологической зрелостью, подкрепленной определенным жизненным опытом. Привлечение малолетнего к ответственности за поведение, опасность которого он не осознает, является неправильным и негуманным. Еще в статьях Уголовного уложения 1903 г., в частности, в соответствии с нормой ст. 40, в отношении лица, которое входит в возрастную группу от 10 до 17 лет, суд, в конкретных случаях, рассматривал вопрос о сознании данным лицом смысла и последствия совершаемого деяния и его способности управлять своими поступками. В момент определения неспособности лица

определенного в законе возраста к осознанию и управлению своими поступками преступное деяние не могло быть вменено ему.

Формирование представлений о социальной ценности отдельных объектов занимает достаточно длительное время. Поскольку, в целом, нельзя выделить существенной временной разницы в интеллектуальном и социальном развитии разных людей, становится возможным установить некий предельный возраст, по достижении которого, лицо считается способным осознавать социальную значимость всех охраняемых уголовным правом объектов.

Следует уточнить, что в уголовном праве психологический возраст имеет значение только применительно к несовершеннолетнему субъекту преступления. Он отражает уровень психической зрелости, достигнутый лицом к определенным в УК РФ возрастным границам ответственности. В зависимости от соответствия или несоответствия его календарному возрасту, дифференцируется уголовная ответственность [2].

Наличие осознанности и воли у субъекта преступления в уголовно-правовом учении является аксиоматичным. Не следует отождествлять волю с осознанием. Если воля означает способность человека к целенаправленным действиям и условно может быть выделена как одна из функций психической деятельности человека, то осознание есть продукт его общественно-исторического развития. Итак, осознание и волю не следует отождествлять, но и нельзя противопоставлять. Видимо, осознание и воля – это такие качества личности, которые отражают ее различные состояния. Одно из них (воля) отражает функциональную сторону психической деятельности, а другое (осознание) является своего рода социально-историческим качеством личности [5].

Возраст уголовной ответственности не должен быть определен в законе произвольно. В первую очередь, необходимо учитывать положения различных наук, таких как педагогика и физиология о возрасте, начиная с которого у лица, развивающегося полноценно, без патологий формируются понятия о возможном и допустимом, об уважении к различным социальным ценностям. Лицо должно в полной мере осознавать свои действия и свою ответственность за эти действия, необходим также определенный уровень правосознания и правопонимания [4].

Четкое определение возраста уголовной ответственности является необходимым условием для правомерности привлечения данного лица к уголовной ответственности. Лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т.е., с нуля часов следующих суток. Уголовная ответственность наступает с 16 лет, однако, при возможности осознания общественной опасности совершенного деяния, по некоторым статьям УК РФ возможно привлечение к ответственности лиц, достигших на момент совершения преступления 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) [6].

За совершение некоторых видов преступлений уголовная ответственность возникает с более позднего возраста, который установлен непосредственно в статьях Особенной части УК РФ (например, ст. 150, 151) либо вытекает из смысла закона (например, ст. 285, 286). Это связано с особенностями самого субъекта преступления [1].

Данные возрастные параметры взяты законодателем с существенным запасом. На практике это означает, что значительное количество несовершеннолетних совершивших общественно опасные деяния, до достижения указанного возраста, имея фактическую способность к сознательно-волевому поведению, оказались вне сферы уголовно-правового регулирования. Таким образом, сложилась достаточно противоречивая ситуация:

- с одной стороны, вне сферы уголовно-правового регулирования остаются лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, но способные к виновной ответственности, а также лица, достигшие возраста уголовной ответственности, но имеющие отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 УК РФ);
- с другой - в уголовном законе, по существу, отсутствуют критерии специализации ответственности несовершеннолетних, различающихся между собой по уровню развития личности и возрасту [3].

В цивилизованных государствах при установлении возраста уголовной ответственности несовершеннолетних большое значение имеет соответствие принципам гуманизма. Суть его заключается в том, что даже тогда, когда подросток понимает, что его поступки причиняют обществу вред, и осознает, что он совершает правонарушение, привлечение к уголовной ответственности может не произойти, если совершенное несовершеннолетним преступление не представляет большой общественной опасности и не причинило особенно тяжелых последствий. К несовершеннолетним, совершившим подобные деяния, применяются меры воспитательно-исправительного характера, уголовное наказание при этом не назначается.

Таким образом, определение возраста уголовной ответственности не является необоснованным, оно устанавливается в связи с анализом определенного исторического опыта правового регулирования общественных отношений, а также, с учетом трактатов педагогики, психологии, медицины, биологии об основных этапах развития личности и ее психики. Достижение возраста уголовной ответственности не является исключительным условием привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Совершение несовершеннолетним неправомерное деяние не только должно в полной мере им осознаваться, но и быть достаточно опасным для привлечения данного лица к уголовной ответственности.

Литература:

1. *Агильдин В.В.* Возраст как признак субъекта преступления / В.В. Агильдин // Сибирский юридический вестник. 2015. №3(70). С. 49–54.
2. *Байбарин А.А.* Уголовно-правовая дифференциация возраста : монография. М. : Высшая школа, 2009. 252 с.
3. *Готовец В.Э.* Возраст субъекта преступления / В.Э. Готовец // Наука и образование сегодня. 2019. № 2(37). С. 69–71.
4. *Дементьев О.М.* Проблемы возраста уголовной ответственности: лекции к курсу / О.М. Дементьев, О.П. Копылова. Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. 80 с.
5. *Нагаева Т.И.* Осознанность и волимость как признаки деяния в объективной стороне состава преступления / Т.И. Нагаева // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 2(10). С. 142–145.
6. *Синяева М.И.* Значение гражданского воспитания несовершеннолетних, склонных к асоциальному поведению / М.И. Синяева // Гражданственность личности в условиях изменяющегося мира: от протестной к созидательной активности: сборник статей Международной научно-практической конференции. Курск : ЮЗГУ, 2015. С. 122–125.

Literature:

1. *Agildin V.V.* Age as a sign of the subject of a crime / V.V. Agildin // Siberian Legal Bulletin. 2015. № 3(70). P. 49–54.
2. *Baibarin A.A.* Criminal law differentiation of age : monograph. M. : Higher School, 2009. 252 p.
3. *Gotovets V.E.* The age of the subject of the crime / V.E. Gotovets // Science and education today. 2019. № 2 (37). P. 69–71.
4. *Dementiev O.M.* Problems of the age of criminal responsibility: lectures for the course / O.M. Dementiev, O.P. Kopylova. Tambov : Publishing House of the State Educational Institution of Higher Technical Education, 2010. 80 p .
5. *Nagaeva T.I.* Awareness and volitiveness as signs of an act in the objective side of the corpus delicti / T.I. Nagaeva // Actual problems of economics and law. 2009. № 2(10). P. 142–145.
6. *Sinyaeva M.I.* The importance of civic education of minors prone to antisocial behavior / M.I. Sinyaeva // Citizenship of the individual in a changing world: from protest to creative activity: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Kursk: South State University, 2015. P. 122–125.

Щербакова Алёна Игоревна
аспирантка,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России
sherbakovaalena1563@gmail.com

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮНЕСКО ПО ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается роль ЮНЕСКО в формировании правового регулирования некоторых видов биотехнологий. Представлена ретроспектива деятельности ЮНЕСКО в части биоэтики и биомедицины. Отражена триада правовых инструментов, выработанных ЮНЕСКО в указанной сфере, а также, обрисована структурная составляющая ЮНЕСКО, обеспечивающая его работу в части выработки подходов к «красным» биотехнологиям. Кроме того, статья содержит примеры разнообразных инициатив ЮНЕСКО, направленных на всестороннее развитие биотехнологий и этического отношения к ним.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, биотехнологии, биоэтика, биоправо, права человека, человеческое достоинство.

Учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО) основано 16 ноября 1945 г. после принятия Устава ЮНЕСКО на Лондонской конференции [10]. Руководствуясь целями, закрепленными в Уставе, в частности, целью, обозначенной в п. 1 ст. 1 – содействие по укреплению мира и безопасности за счет расширения сотрудничества государств и народов в области образования, науки и культуры, ЮНЕСКО, учитывая современные тенденции, распространило свою работу на такие сферы, как биоэтика, биотехнологии и т.д. Отмечается, что ЮНЕСКО является одним из ведущих субъектов на универсальном уровне в части выработки международного взаимодействия по вопросам биоэтики и биомедицины [11, с. 70]. Совокупность актов мягкого права, вырабатываемых в рамках ЮНЕСКО, нередко характеризуется как мягкое биоправо [5, с. 16].

Необходимо отметить, что первые подступы ЮНЕСКО к биоэтическим вопросам датируются 70-ми годами 20-го столетия, вместе с тем биоэтический фундамент ЮНЕСКО закладывает в 1990-е годы.

ЮНЕСКО является ведущим учреждением ООН в области биоэтики, которое продвигает свои концептуальные подходы главным образом

Alyona I. Shcherbakova
Graduate Student,
Moscow State Institute of International
Relations (University)
Russian Foreign Ministry
sherbakovaalena1563@gmail.com

UNESCO ACTIVITIES ON LEGAL REGULATION OF CERTAIN TYPES OF BIOTECHNOLOGIES

Annotation. This article examines the role of UNESCO in the formation of legal regulation of certain types of biotechnologies. A retrospective of UNESCO's activities in terms of bioethics and biomedicine is presented. The triad of legal instruments developed by UNESCO in this area is reflected, as well as the structural component of UNESCO, which ensures its work in terms of developing approaches to «red» biotechnologies, is outlined. In addition, the article contains examples of various UNESCO initiatives aimed at the comprehensive development of biotechnologies and the ethical attitude towards them.

Keywords: biotechnology, bioethics, biolaw, human rights, human dignity.

посредством реализации Программы ЮНЕСКО по биоэтике [1] и поддержки создания и укрепления национальных комитетов по биоэтике – Программа помощи комитетам по биоэтике.

Три комитета (консультативных органа) составляют биоэтическую структурную платформу ЮНЕСКО:

Международный комитет по биоэтике, МКБ – создан в 1993 году и определяется в качестве «отправной точкой» для Программы ЮНЕСКО по биоэтике [12, с. 377]. Первый в своем роде комитет, имеющий глобальный охват и представительство, состоит из 36 независимых экспертов, назначаемых Генеральным директором ЮНЕСКО сроком на четыре года. МКБ – это форум международного масштаба, представляющий уникальную дискуссионную площадку для поднятия актуальных вопросов биоэтики. Генеральный директор ЮНЕСКО созывает МКБ не реже одного раза в год. В ходе этих сессий и в своих рабочих группах МКБ вырабатывает консультативные заключения и рекомендации по конкретным вопросам, которые принимаются на основе консенсуса, а затем широко распространяются и представляются Генеральному директору ЮНЕСКО для передачи государствам-членам, Исполнительному совету и Генеральной конференции ЮНЕСКО.

Межправительственный комитет по биоэтике, МПКБ – учрежден в 1998 году в соответствии со ст. 11 Устава МКБ и состоит из 36 представителей государств-членов. Сессии Межправительственного комитета созываются Генеральным директором не реже одного раза в два года. МПКБ рассматривает консультативные заключения и рекомендации МКБ и информирует МКБ о своем мнении. МПКБ представляет свои мнения / консультативные заключения Генеральному директору ЮНЕСКО для передачи вместе с консультативными заключениями и рекомендациями МКБ государствам-членам, Исполнительному совету и Генеральной конференции. МПКБ также может передавать любые предложения по выполнению рекомендаций и консультативных заключений МКБ.

Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий, КОМЕСТ – создана в 1998 году и состоит из 18 выдающихся специалистов в области научных, юридических, философских, культурных и политических дисциплин из различных регионов мира, назначаемых Генеральным директором ЮНЕСКО в индивидуальном качестве. В состав Комиссии также входят одиннадцать членов *ex officio*, представляющих международные научные программы ЮНЕСКО и глобальные научные сообщества. Специальный форум, созданный для того, чтобы выработать этические принципы, которые могли бы предоставить лицам, ответственным за принятие решений, критерии, выходящие за рамки чисто экономических соображений.

При содействии указанных органов ЮНЕСКО выработано ряд весомых для международной общест-венности документов, связанных со сферой биотехнологий, пусть и не имеющих юридической силы, среди которых Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 года [4], Международная декларация о генетических данных человека 2003 года [8] и Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 года [3].

В контексте биотехнологий, хотелось бы обратить внимание на то, что авторы Всеобщей декларация о геноме человека и правах человека в качестве принципиально важной цели обозначили – установление правильного баланса между обеспечением научного прогресса, с одной стороны, и защитой прав человека, с другой. Поэтому одним из ключевых положений настоящей декларации выступает принцип недопущения практики, противоречащей человеческому достоинству. Так, ст. 6 запрещает генетическую дискриминацию, посягающую на права человека, основные свободы и человеческое достоинство, а ст. 11 запрещает практики клонирования, целью которых является воспроизведение человеческой особи. Необходимо подчеркнуть, что значительная роль в документах ЮНЕСКО, связанных с биоэтикой и биотехнологиями, отводится «человеческому достоинству» [6]. Авторы указанного документа раскрывают понятие достоинства человека через два условия:

– во-первых, люди не должны сводиться к их генетическим характеристикам;

– во-вторых, должно быть уважение их уникальности и разнообразия/неповторимости.

Стоит отметить, что в ст. 24 через призму «человеческого достоинства» определяется и отношение к практикам вмешательства в линии зародышевых клеток – негативное. В этой связи, МКБ указывал на необходимость принятия совместного временного запрета на проведение таких манипуляций [9, с. 73]. Кроме того, уникальной чертой настоящей декларации является то, что она рассматривает проблемы равенства и солидарности в контексте генетических исследований, опираясь на концепцию «общего наследия человечества», заложенную в международном морском праве.

Как уже отмечалось выше, инструменты мягкого права преобладают в деятельности ЮНЕСКО в части регулирования сферы биотехнологий, однако попытки выработки и принятия юридически обязывающего документа (конвенции) предпринимаются. В следствие того, что 08 марта 2005 г. принята Декларация ООН о клонировании человека [2] (а не конвенция, как изначально планировалось), а также, ввиду отчета Института перспективных исследований Университета ООН за 2007 год, «является ли клонирование в целях воспроизводства человека неизбежным: будущие варианты управления ООН» в 2008 году МКБ создает специальную Рабочую группу по клонированию человека и международному управлению. Примечательно, что Рабочей группе было поручено проанализировать, «оправдывают ли научные, этические, социальные, политические и правовые достижения в области клонирования человека в последние годы новую инициативу на международном уровне», а не изучать этику и науку клонирования человека как таковые или составлять проект конвенции. На протяжении долгих лет велись дебаты относительно реальной необходимости такой конвенции, снова звучали предложения пойти более «мягким» путем. В 2015 году сформировалось согласие относительно необходимости принятия именно юридически обязывающего документа, однако оно не трансформировалось в практические действия [7]. Вместе с тем, вопросы, стоявшие на повестке дня Рабочей группы, были отнесены к постоянному мониторингу в рамках Рабочей программы МКБ на 2012–2013 годы и остаются в центре внимания до сих пор.

Как нам представляется, заслуживающей внимания многогранность подходов ЮНЕСКО к поощрению развития сферы биотехнологий.

С 1998 года действует программа Л'Ореаль-ЮНЕСКО «Женщины в науке», нацеленная на поддержку для поддержания молодых женщин-учёных во всем мире в развитии их карьеры в науке. В последние годы победителями конкурса становились, в том числе и женщины, занимающиеся исследованиями в сфере биотехнологий.

В июле 2006 года подписано соглашение между Правительством Индии и ЮНЕСКО относительно создания в Индии регионального центра по подготовке кадров и образованию в области

биотехнологии. Ранее в 2003 году эта инициатива была озвучена самими властями Индии. В частности, региональное сотрудничество осуществляется по таким вопросам, как правовое регулирование биотехнологий, развитие биотехнологий в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Также, например, на регулярной основе проходят круглые столы по вопросам редактирования генома (2019 год – «Влияние редактирования генома на наше здоровье и окружающую среду»; 2021 год – «Этика редактирования генома: голоса общества»; 2022 год – «Равный доступ и управление») и выпускаются доклады ЮНЕСКО по

Литература:

1. *Адель Ланглуа*. Программа ЮНЕСКО по биоэтике, Новая биоэтика. 2014. № 20:1. С. 3–11.
2. Декларация ООН о клонировании человека // ООН: официальный сайт. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml
3. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека // ЮНЕСКО: официальный сайт. URL : https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142825_rus.page=90
4. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека // ЮНЕСКО: официальный сайт. URL : http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13177&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
5. *Кравец И.* Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия / И. Кравец // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. Ч. 1. № 2(147). С. 16–42.
6. *Кравец И.А.* Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия / И.А. Кравец // Журнал российского права. 2022. Т. 26. Ч. 2. № 6. С. 5–31.
7. *Ланглуа А.* Глобальное управление клонированием человека: пример ЮНЕСКО. Пальграв Коммон 3, 17019. 2017.
8. Международная декларация о генетических данных человека // ООН: официальный сайт. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml
9. *Триkoz Е.Н.* Правовое регулирование процедуры генного редактирования: опыт США и стран ЕС / Е.Н. Триkoz, Д.М. Мустафина-Бредихина, Е.Е. Гуляева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-protsedury-gennogo-redaktirovaniya-opyt-ssha-i-stran-es>
10. Устав ЮНЕСКО // ЮНЕСКО: официальный сайт. URL : <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/constitution>

науке: «на пути к 2030 году» и «гонка со временем для более разумного развития»).

Описанные выше инициативы свидетельствуют о том, что далеко не всегда деятельность ЮНЕСКО в сфере биотехнологий связана с ее юридизацией, однако, в конечном счете, это имеет большое влияние на правовое регулирование в данной области. Как нам представляется, дальнейшая работа ЮНЕСКО при содействии государств будет иметь положительный эффект для оформления правового регулирования экспериментальной и прикладной областей использования биотехнологий.

Literature:

1. *Adèle Langlois*. The UNESCO Bioethics Programme, The New Bioethics, 2014. № 20:1. P. 3–11.
2. United Nations Declaration on Human Cloning // UN: official website. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml
3. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights // UNESCO: official website. URL : https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142825_rus.page=90
4. Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights // UNESCO: official website. URL : http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13177&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
5. *Kravets I.* Constitutional biojurisprudence and the achievement of bioethical well-being / I.A. Kravets // Comparative constitutional review. 2022. Part 1. № 2 (147). P. 16–42.
6. *Kravets I.A.* Bioneuroconstitutionalism and dignity: theoretical foundations, dialogue of ethical and legal requirements and prospects for interaction // I.A. Kravets // Journal of Russian law. 2022. Vol. 26. Part 2. № 6. P. 5–31.
7. *Langlois A.* The global governance of human cloning: the case of UNESCO. Palgrave Commun 3, 17019. 2017.
8. International Declaration on Human Genetic Data // UN: official website. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml
9. *Trikoz E.N.* Legal regulation of the gene editing procedure: the experience of the USA and EU countries / E.N. Trikoz, D.M. Mustafina-Bredikhina, E.E. Gulyaeva // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2021. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-protsedury-gennogo-redaktirovaniya-opyt-ssha-i-stran-es>
10. Constitution of the UNESCO // UNESCO: official website. URL : <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/constitution>

11. *Фомина Л.Ю.* Вопросы биоэтики и биомедицины в контексте защиты права на уважение частной и семейной жизни: практика Европейского суда по правам человека / Л.Ю. Фомина // Международное право и международные организации. 2019. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-bioetiki-i-biomeditsiny-v-kontekste-zaschity-prava-na-uvazhenie-chastnoy-i-semeynoy-zhizni-praktika-evropeyskogo-suda-po-pravam>

12. *Хенк Тен Хаве.* Деятельность ЮНЕСКО в области биоэтики / Хенк Тен Хаве // Казанский мед.ж.. 2008. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-yunesko-v-oblasti-bioetiki>

11. *Fomina L. Yu.* Issues of bioethics and biomedicine in the context of protecting the right to respect for private and family life: the practice of the European Court of Human Rights / L. Yu. Fomina // International Law and International Organizations. 2019. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-bioetiki-i-biomeditsiny-v-kontekste-zaschity-prava-na-uvazhenie-chastnoy-i-semeynoy-zhizni-praktika-evropeyskogo-suda-po-pravam>

12. *Henk Ten Have.* UNESCO activity in the field of bioethics / Henk Ten Have // Kazan medical journal. 2008. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-yunesko-v-oblasti-bioetiki>

Ярославский Михаил Александрович
преподаватель кафедры
физической подготовки,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
Milena.555@mail.ru

Mikhail A. Yaroslavsky
Teacher of the Department
of Physical Training,
North Caucasus Institute
of Advanced Training (branch)
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Milena.555@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE ANALYSIS OF THE PREVENTION OF MERCENARY CRIMES COMMITTED AGAINST THE ELDERLY

Аннотация. Статья посвящена основным методологическим подходам к исследованию предотвращения корыстных преступлений в отношении лиц преклонного возраста. В ней на основе анализа состояния преступности в России выявлен ряд недостатков осуществления субъектами предупреждения мер виктимологического характера, на основании чего, делается вывод о необходимости разработки мер общесоциального и специально-криминологического характера, направленных на предупреждение виктимного поведения лиц преклонного возраста.

Annotation. The article is devoted to the main methodological approaches to the study of the prevention of mercenary crimes against elderly people. Based on the analysis of the state of crime in Russia, it reveals a number of shortcomings in the implementation of victimological measures by the subjects of prevention. On the basis of which it is concluded that it is necessary to develop measures of a general social and special criminological nature aimed at preventing victim behavior of elderly people.

Ключевые слова: криминология, виктимология, лицо преклонного возраста, предупреждение преступности, методология исследования.

Keywords: criminology, victimology, elderly person, crime prevention, research methodology.

Известно, что любая научная деятельность направлена на получение или подтверждение (или опровержение) научных знаний, которые являются не только системными и последовательными, но и теоретически и методически аргументированными.

сбора, обработки и анализа информации о состоянии преступности, ее причин и условий, лиц, совершивших преступление, жертв преступления [2]. В криминологических исследованиях, чаще всего, используют общенаучные и специальные методы, между которыми существует определенная связь, зависимость и соподчинение. Определяя основные методологические подходы исследования предотвращения корыстным преступлениям в отношении лиц преклонного возраста, мы исходим из того, что фундаментом должна стать методология, которая будет способствовать достижению цели научного исследования.

Методология криминологической науки состоит из методологических и методических положений, методов, способов собственной (криминологической) обработки. Вместе с тем, центральное место в методологии криминологической науки занимают методы научного познания.

Следует отметить, что методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания общественных явлений и процессов в их целостности. Так, диалектика – это учение об универсальных связях и всеобщих законах развития природы, общества и их познание. Диалектика является не только теорией, но и методом мышления (познания). Исходными принципами (лат. «*principium*» – начало, основа) диалектики как метода познания являются: развитие, объективность, всесторонность, конкретность и др. Такой метод позволяет всесторонне проанализировать признаки и содержание явления, выявить их

Метод (греч. «*methodos*» – путь к чему-либо, прослеживание, исследование) способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности. Метод – это путь к определенной цели. Выбор метода диктует объект и предмет исследования. Метод является логическим способом получения знаний о предмете и одновременно средством познания его свойств на основе методологических предписаний.

Методы криминологического исследования определяют как систему приемов, способов, средств

генезис. По мнению В.Д. Малкова, диалектика помогает проследить взаимосвязь отдельного и общего, специфического и единичного, необходимого и случайного, причины и последствия. Законы диалектики лежат в основе криминологической характеристики структуры преступности, сущности и классификации ее причин, выработки предупредительных мер [3].

Одновременно, диалектический метод представляет возможность выявить ряд важнейших закономерностей характеристики лица преклонного возраста, как жертвы преступления корыстного толка. Он предоставляет возможность исследовать причины и условия, приводящие к росту уровня виктимизации как социального явления и изменения социально-экономического развития, которые влияют на такие процессы.

В аспекте предотвращения корыстных преступлений, совершаемых в отношении лица преклонного возраста, в процессе научного исследования используется историко-правовой метод, сущность которого заключается в изучении прошлого научного знания относительно:

- развития виктимологической науки (первичные суждения о жертве преступного посягательства, их развитие в разных странах мира);
- жертвы преступления (значение поведения жертвы в предкриминальной ситуации, поскольку лицо своим поведением может привлекать к себе повышенное внимание преступников);
- основных причин и условий виктимизации лиц преклонного возраста; возрастной периодизации зрелости и т.д.

Например, рассматривая возрастную периодизацию зрелости, можно установить наиболее приоритетные критерии старости, и как они менялись со временем, что позволяет определить их значение сегодня, поскольку большинство периодизаций складывались в разные исторические периоды и в разных странах по-разному.

Сравнение является одним из самых распространенных общенаучных методов. Он основан на том положении, что познание определенного предмета – это определение его признаков, свойств, качеств, которыми он отличается от других. Определение указанных различий достигается в значительной степени с помощью метода сравнения решения научной проблемы. Как правило, сравнение выступает важной предпосылкой обобщения как метода, в результате применения которого устанавливаются общие особенности объектов путем перехода от менее общего определения понятия к более общему.

Особое значение приобретает сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить сходные понятия и явления для определения их специфики. Определенный метод позволяет сопоставить понятия «жертва преступления» и «потерпевший», определить их общие и отличительные признаки.

Формально-догматический метод применяется при анализе нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность субъектов предупреждения. Благодаря связанности с правилами логики и языка, формально-догматический метод помогает осуществить типологию жертв преклонного возраста в корыстных преступлениях.

Формально-логический метод позволит обосновать выводы научного исследования относительно необходимости осуществления эффективного предупреждения корыстной преступности в отношении лиц преклонного возраста субъектами предупреждения (субъектами предотвращения общей компетенции, неспециализированными, частично специализированными и специализированными субъектами предупреждения).

Системный подход дает возможность исследовать объект в единстве значительного количества взаимодействующих элементов, а качество объекта определить не столько совокупность составляющих его элементов, сколько характер взаимодействия между ними. Невозможно дать вероятную криминологическую оценку преступления до тех пор, пока не будут детально исследованы все внутренние связи и обстоятельства, которые, в своей совокупности, создали условия его совершения, тем или иным образом повлияли на совершение общественно опасного деяния. Системный анализ используется для подготовки и обоснования решений по сложным проблемам. В то же время, он опирается на принципы системного подхода, который позволяет построить обобщенную модель, отражающую взаимосвязь реальной ситуации.

Сущность системно-структурного метода заключается в познании сложных явлений и процессов через их системное видение. Его применение называется, прежде всего, на анализе корыстной преступности в отношении лиц преклонного возраста (состояние, структура, динамика, география корыстной преступности в отношении указанной категории лиц), ее причин и условий (виктимное поведение лиц преклонного возраста, которая связана с их физиологическими, социальными и психологическими особенностями, например: физиологическое состояние (алкогольное и наркотическое опьянение), состояние здоровья лица преклонного возраста (недостатки органов чувств и восприятия), халатное отношение к своей безопасности и сохранению имущества), личности преступника, проработка теории и практики предупреждения преступности.

Особенность логического метода заключается в том, что, в узком смысле, он является основным методом логики, которая содержит совокупность теорий относительно определения законов и способов доказательства и опровержения. Логический метод, как правило, применяется тогда, когда существует сложность получения или дефицит надлежащего объема эмпирического знания, недостаток которого компенсируется логическим мышлением. Следует отметить, что среди логических приемов важное значение в исследовании приобрели индукция и дедукция, для которых, в первом смысле, характерен путь познания

явлений, в результате которого осуществляется переход от отдельных факторов к общим положениям, а в другом – наоборот, когда вывод относительно какого-либо элемента множества осуществляется на основе общих положений. На основе дедуктивного метода определена структурно-логическая схема исследования, которая отражает путь познания предупреждения корыстной преступности в отношении лиц преклонного возраста от общего к особенному, от абстрактного к конкретному.

Заметим, что анализ состояния преступности в России способствовал выявлению недостатков в осуществлении субъектами предупреждения мер виктимологического характера, практики осуществления такого предупреждения, на основании которых необходимо разработать общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения виктимного поведения лиц преклонного возраста.

Метод абстрагирования основан на осознанном выделении сущности, основных свойств и качеств предмета с относительным оставлением без внимания, других несущественных свойств, признаков, связей и т.д. Научная абстракция – искусственно образованная не из-за недостаточности знания, а с целью отвлечься (абстрагироваться) от второстепенного, несущественного. Восхождение от абстрактного к конкретному заключается в переходе от абстрактного знания к более полному, конкретному представлению о его свойствах, признаках и т.п. [4] Поэтому логико-семантический метод и метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяют углубить понятийный аппарат: понятия «лицо преклонного возраста» (поскольку, как отмечалось выше, возрастная периодизация взрослости состояла не только в разные исторические периоды и в разных странах, но и в контексте разных наук: антропологии, демографии, педагогики, психологии, права и т.д.).

Структурно-логический используется в изучении практики работы территориальных центров и домов-интернатов для людей преклонного возраста. Дома-интернаты для людей пожилого

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь: философия, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Мн. : МФЦП, 2002. 1008 с.
2. Криминология : учеб. пособие / Г.И. Богуш, М.Н. Голоднюк, М.Г. Козлов, Н.Ф. Кузнецова [и др.]; Под. ред. Н.Ф. Кузнецовой. М. : Изд-во Проспект, 2013.
3. Криминология : учеб. / А.Ф. Агапов, Л.В. Барина, С.И. Кириллов, С.С. Крашенников [и др.]; Под. ред. В.Д. Малкова. М. : ЗАО Юстицинформ, 2011.
4. Большой энциклопедический словарь: философия, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Мн. : МФЦП, 2002.

возраста являются стационарными социально-медицинскими учреждениями общего типа для постоянного проживания граждан пожилого возраста, которые требуют постороннего ухода, бытового и медицинского обслуживания.

Среди методов проведения исследований лиц преклонного возраста как жертв корыстных преступлений необходимо применять статистические и социологические методы. Преимущественно статистические методы применяются для:

- 1) характеристики количественно-качественных показателей уровня виктимности и степени виктимизации жертв преступлений;
- 2) установления взаимосвязей между преступниками и их жертвами;
- 3) оценки эффективности деятельности правоохранительных органов;
- 4) установления уровня общественной опасности преступных последствий.

Среди основных социологических методов широкое распространение приобретает такой метод, как опрос (метод сбора данных об объективных фактах, мнениях и т.д.), основанный на опосредованном взаимодействии между исследователем и респондентом (письменный опрос – анкетирование). Различают анкеты закрытого, открытого и смешанного типа. В закрытых анкетах ответы подготовлены заранее, поэтому респонденту предлагается выбрать ответ, который, по его мнению, является достоверным. Открытые анкеты позволяют респондентам самостоятельно выразить свое мнение относительно того или иного вопроса.

По нашему мнению, преимущество анкетного метода заключается в том, что он позволяет получить информацию, которую невозможно получить из статистических данных (например, определить латентность таких преступлений, как: кража, разбой, грабеж, мошенничество, совершенных в отношении людей преклонного возраста).

Literature:

1. A large encyclopedic dictionary: philosophy, religion, esotericism, political economy / Main ed. and comp. S.Y. Solodovnikov. Mn. : MFC, 2002. 1008 p.
2. Criminology : textbook / G.I. Bogush, M.N. Golodnyuk, M.G. Kozlov, N.F. Kuznetsova [et al.]; Edited by N.F. Kuznetsova. M. : Publishing house Prospect 2013.
3. Criminology: studies / A.F. Agapov, L.V. Barinova, S.I. Kirillov, S.S. Krashennikov [et al.]; edited by V.D. Malkov. M. : CJSC Justicinform, 2011.
4. A large encyclopedic dictionary: philosophy, religion, esotericism, political economy / Chief editor and compiler S.Y. Solodovnikov. Mn. : MFC, 2002.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Домбровский Александр Николаевич
кандидат технических наук,
доцент кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Коновалова Татьяна Вячеславовна
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой
транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Леоновна
старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Сенин Иван Сергеевич
старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ESG В РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ

■ ■ ■

Аннотация. Сегодня внедрение принципов ESG является частью нефинансовой отчетности компаний и играет принципиальную роль в привлечении инвестиций, выстраивании отношений с правительствами стран, регионов и городов, местными жителями, другими компаниями. В России принципы ESG менее распространены, чем за рубежом, но их уже постепенно внедряют в бизнес. В данной статье авторами рассмотрены принципы внедрения ESG в развитие транспортных систем. Инвесторы заинтересованы в снижении рискованности вложений, поэтому следование принципам ESG можно рассматривать как стратегию управления в форме снижения системных рисков.

Ключевые слова: инвестиции, менеджмент, транспорт, транспортная система, экономика.

■ ■ ■

Alexander N. Dombrovsky
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Tatyana V. Konovalova
Candidate of Economic Sciences,
Manager of the Department of Transport
Processes and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan
Senior Lecturer of the Departments
of Transport Processes
and Process Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Ivan S. Senin
Senior Teacher
of the Department of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF ESG PRINCIPLES IN THE DEVELOPMENT OF TRANSPORT SYSTEMS

■ ■ ■

Annotation. Today, the introduction of ESG principles is part of the non-financial reporting of companies and plays a fundamental role in attracting investments, building relationships with the governments of countries, regions and cities, local residents, and other companies. In Russia, the principles of ESG are less common than abroad, but they are already gradually being introduced into business. In this article, the authors consider the principles of implementing ESG in the development of transport systems. Investors are interested in reducing the riskiness of investments, so following the principles of ESG can be considered as a management strategy in the form of reducing systemic risks.

Keywords: investment, management, transport, transport system, economy.

■ ■ ■

Термин ESG (Environmental, Social, and Corporate Governance / «экология, социальная политика и корпоративное управление») пришел из сферы инвестиций и позволяет инвесторам оценивать компании с точки зрения их социальной ответственности. Сегодня внедрение принципов ESG является частью нефинансовой отчетности компаний и играет принципиальную роль в привлечении инвестиций, выстраивании отношений с правительствами стран, регионов и городов, местными жителями, другими компаниями. В России принципы ESG менее распространены, чем за рубежом, но их уже постепенно внедряют в бизнес.

Как свидетельствует опрос рейтингового агентства «Эксперт РА», проведенный в феврале 2021 года среди 150 компаний реального сектора, более 80 % опрошенных не имеют стратегии устойчивого развития. Ситуация в секторе публичных компаний выглядит иначе: они считают, что уже де-факто следуют принципам ESG. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного в начале октября агентством «Интерфакс».

ESG-принципы имеют в основе три составных части.

1. Корпоративное управление – отражает соответствие компании лучшим стандартам и практикам управления фирмами. Оно включает в себя состав совета директоров, прозрачную систему выплаты вознаграждения топ-менеджменту, следование ответственным практикам лоббирования, найма и управления сотрудниками. По сути – все то, что определяет эффективность и здоровый климат внутри фирмы.

2. Социальное управление, как и экологическое, является внешним измерением деятельности фирмы и характеризует репутацию фирмы у потребителя, отношение с местными жителями и властями мест присутствия фирмы. Обе составляющие кардинальным образом влияют на готовность инвесторов вкладывать деньги в компанию, а потребителей — быть лояльными.

Инвестирование средств является основным элементом развития производства в деятельности любого хозяйствующего субъекта экономики. Эффективные инвестиции в транспортную систему не только способствуют прогрессу субъектов отрасли, но и стимулируют расширение транспортно-экономических связей между отраслями, регионами страны и между разными странами, приводят к росту подвижности населения и улучшению условий его жизни [1].

Под инвестициями в транспортные системы понимают совокупность долгосрочных вложений капитала в ее экономические объекты с целью получения доходов, процентов или иных выгод.

Инвесторы заинтересованы в снижении рискованности вложений, поэтому следование принципам ESG можно рассматривать как стратегию управления в форме снижения системных рисков.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) – один из основных механизмов для обеспечения устойчивого развития в государствах Евразийского экономического союза и, в частности, в России.

Соглашения ГЧП являются неотъемлемой частью устойчивого развития регионов, их количество будет увеличиваться, а инструменты реализации совершенствоваться. В частности, сейчас разрабатываются методологические инструменты для оценки проектов на соответствие «зеленой» повестке и принципам ESG-инвестирования, которые включают в себя не только заботу об экологии, но социальную ответственность участников и прозрачные механизмы корпоративного управления компаниями. Сегодня лидер в этой области – Республика Казахстан: в законе страны о государственно-частном партнерстве закреплён принцип ценности для населения и установлено требование соблюдения социальных и экологических интересов населения [2].

Несмотря на то, что много проектов ГЧП оказались замороженными во время пандемии, популярность механизма неуклонно растет. Например, к концу прошлого года произошел «бум» транспортных концессий. На территории России реализуются или планируются к реализации 195 проектов ГЧП, общая стоимость которых достигла 3,8 трлн рублей. Во втором полугодии 2021 года подписано восемь концессионных соглашений по проектам стоимостью более 200 млрд руб., что является рекордным значением по заявленному объему финансирования за последние два года. Наиболее значимые проекты: строительство автомобильной дороги Алексеевское – Альметьевск в Татарстане, размер инвестиций в которую превысил 80 млрд рублей, концессия в Московской области по региональной дороге «Москва – Егорьевск – Тума – Касимов». Для Северо-Запада России значимым событием стало подписание концессии с ПАО «Газпром» по реконструкции аэродрома Левашово в Санкт-Петербурге.

Переход на ESG-принципы требует значительных вложений. Зачастую, первоначальные инвестиции действительно значительны, но с течением времени ESG-технологии выгоднее, так как снижают текущие операционные расходы». Например, ужесточение экологических нормативов способствует снижению материало- и энергоёмкости выпускаемой продукции, это снижает себестоимость. Забота о работниках и местных сообществах мотивирует сотрудников проявлять инициативу, это ведет к инновациям на производстве. Улучшение практики корпоративного управления ведет к прозрачности процессов, увеличению уровня доверия, а значит, снижению затрат на избыточный контроль. «Внедрение ESG способствует не быстрым, но закономерным результатам повышения уровня конкурентоспособности организаций.

Литература:

1. Стратегический и инновационный менеджмент на автомобильном транспорте / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 324 с.
2. Оценка эффективности международных перевозок в транспортно-логистических системах региона : монография / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 180 с.

Literature:

1. Strategic and innovative management in road transport / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 324 p.
2. Evaluation of the efficiency of international transportation in the transport and logistics systems of the region : monograph / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 180 p.

Коновалова Татьяна Вячеславовна
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Левоновна
старший преподаватель
кафедры транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Котенкова Ирина Николаевна
старший преподаватель
кафедры транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СКЛАДСКОЙ ЛОГИСТИКИ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ

Аннотация. Чтобы оценить эффективность введения склада временного хранения в регионе, необходимо знать затраты на создание одного склада временного, для этого нужно рассчитать его площадь. В данной статье авторами рассмотрены вопросы экономической эффективности складской логистики торговой компании. По их мнению, для понимания организации транспортной логистики в компании необходимо знать затраты на стоимость одной перевозки для того, чтобы можно было делать прогнозы об улучшении перевозки, путем снижения ее затрат.

Ключевые слова: логистика, менеджмент, транспортно-логистическая деятельность, транспорт.

Для понимания организации транспортной логистики в компании необходимо знать затраты на стоимость одной перевозки для того, чтобы можно было делать прогнозы об улучшении перевозки путем снижения ее затрат.

Рассчитаем стоимость одной перевозки; в нее входит тарифная ставка по направлению, а также оплата за дополнительные точки погрузки, разгрузки:

$$Q_{п} = Q_{с} + (3000 \cdot z), \quad (1)$$

Tatyana V. Konovalova
Candidate of Economic Sciences,
Manager of the Department of Transport
Processes and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan
Senior Lecturer of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Irina N. Kotenkova
Senior Teacher
of the Department of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

ECONOMIC EFFICIENCY OF WAREHOUSE LOGISTICS OF A TRADING COMPANY

Annotation. To assess the effectiveness of the introduction of a temporary storage warehouse in the region, it is necessary to know the costs of creating one temporary warehouse, for this you need to calculate its area. In this article, the authors consider the issues of economic efficiency of warehouse logistics of a trading company. To understand the organization of transport logistics in a company, it is necessary to know the costs of the cost of one transportation in order to be able to predict the improvement of transportation by reducing its costs.

Keywords: logistics, management, transport and logistics activities, transport.

где $Q_{с}$, руб. – ставка по направлению; Z – количество дополнительных точек погрузки, разгрузки.

Стоимость одной транспортировки равна:

$$Q_{п1} = 50000 + (3000 \times 2) = 56000 \text{ руб.}$$

Стоимость перевозки после внедрения склада равна:

$$Q_{п2} = 10000 + (3000 \times 5) = 25000 \text{ руб.}$$

$$Q_{п3} = Q_{п2} - Q_{п1} = 56000 - 25000 = 31000 \text{ руб.}$$

Из расчётов видно, что за одну езду при введении склада компания экономит 31000 руб., таких ездов совершается 300 в год, отсюда $300 \times 31000 = 9,3$ млн руб., компания сэкономит на транспортировке товаров.

Чтобы оценить эффективность введения склада временного хранения в регионе, необходимо знать затраты на создание одного склада временного, а для этого, нужно рассчитать его площадь. Для этого необходимо рассчитать грузооборот (ГО), среднюю оборачиваемость товарного запаса склада (Обор), общую площадь зоны хранения (Собщ.хран.), количество ворот и общую площадь зоны приёмки склада (Собщ. выгр.), количество ворот и общую площадь отгрузки склада (Собщ.погр.), общую площадь вспомогательных помещений и их оснащение (ВП) [1–2].

Грузооборот определяется по формуле 2:

$$ГО = ТО / С, \quad (2)$$

где ТО, руб. – товарооборот; С – стоимость 1 т товара.

Грузооборот равен:

$$ГО = 900000000 / 500000 = 1800.$$

Определим среднюю оборачиваемость товарного запаса склада по формуле 3:

$$Обор = Го / ТЗср, \quad (3)$$

где ТЗср – средний товарный запас склада.

Средняя оборачиваемость товарного запаса склада равна:

$$Обор = 1800 / 150 = 12.$$

Определим общую площадь зоны хранения склада по формуле 4:

$$\begin{aligned} \text{Собщ. хр.} &= ТЗср \times \text{Кн.з.} \times \text{Кразв} / \\ &/ (\text{Ки.о.} \times \text{Ки.п.} \times \text{Кярус} \times \text{Нпал}), \quad (4) \end{aligned}$$

где ТЗср – средний товарный запас; Кн.з – коэффициент неравномерности загрузки склада (1,2–1,4); Кразв – коэффициент развития (2,0–2,2); Ки.о. – коэффициент использования объема (0,65–0,75); Ки.п. – коэффициент использования площади (0,35–0,45); Кярус – количество ярусов хранения; Нпал – высота паллеты (1,65–1,8 м).

Общая площадь зоны хранения склада равна:

$$\begin{aligned} \text{Собщ. хр.} &= 150 \times 1,2 \times 2 / \\ &/ 0,65 \times 0,35 \times 2 \times 1,65 = 480 \text{ м}^2. \end{aligned}$$

Площадь зоны приёмки обычно 12–15 % от зоны хранения склада в нашем случае тогда:

$$Сз.п. = 480 \times 0,12 = 57,6 \text{ м}^2.$$

Так как мы имеем оборачиваемость товара 12, что считается умеренным, достаточно одних ворот площадью 800 м^2 , тогда

$$\text{Собщ.выгр.} = 57,6 + 800 = 857,6 \text{ м}^2.$$

Определим количество ворот и общую площадь зоны отгрузки склада. Площадь зоны отгрузки принимается так же равно 12–15 % от площади склада хранения и количество ворот будет совпадать с количеством ворот на зоне выгрузке, отсюда:

$$\text{Собщ. выгр} = \text{Собщ. погр} = 857,6 \text{ м}^2.$$

Определим общую площадь вспомогательных помещений и их оснащений, которую можно принять из расчета 4 м^2 на одного сотрудника, на складе работает 20–22 сотрудника, отсюда:

$$\text{ВП} = 4 \text{ м}^2 \times 20 = 80 \text{ м}^2.$$

Рассчитаем общую площадь склада по формуле 8.5:

$$\begin{aligned} \text{Собщ. склад} &= \text{Собщ. хр.} + \text{Собщ. выгр.} + \\ &+ \text{Собщ. погр.} + \text{ВП}. \quad (8.5) \end{aligned}$$

Общая площадь склада равна:

$$\text{Собщ. склад} = \text{Собщ. хр.} + \text{Собщ. выгр.} + \text{Собщ. погр.} + \text{ВП} = 480 + 857,6 + 857,6 + 80 = 2275,2 \text{ м}^2.$$

Создание одного склада временного хранения, откуда будет также происходить интернет продажа, площадью $2275,2 \text{ м}^2$ и закупка оборудования компании в среднем обойдется 16 млн руб.

Чтобы понимать рентабельность введение склада временного хранения, необходимо рассчитать срок его окупаемости, а также - проанализировать эффективность его введения.

Помимо введения склада, было предложено введение нового программного оборудования, которое позволит более эффективно отслеживать количество товара в магазине, что позволит с наименьшей погрешностью производить закупки, а также – уменьшит излишки хранения на внутреннем складе магазина. Введение нового оборудования и обслуживание серверов БД в среднем стоит 300 тыс. руб. одновременно и последующее его обслуживание 50 тыс. руб. в месяц.

В среднем, 1 магазин в городе с населением более 1 млн человек несет убытки из-за не реализации товаров, которые транспортировались из-за отсутствия места на складе, которые не были реализованы самими сотрудниками около 70 тыс. руб. В больших городах находится от 5 магазинов в одном городе, которые несут убытки. При введении ПО мониторинга штат сотрудников уменьшится на 3–4 человек, средняя заработная плата одного сотрудника 25 тыс. руб. Из расчетов выяснено, что на создание одного склада временного хранения затрачивается 16 млн руб. [3].

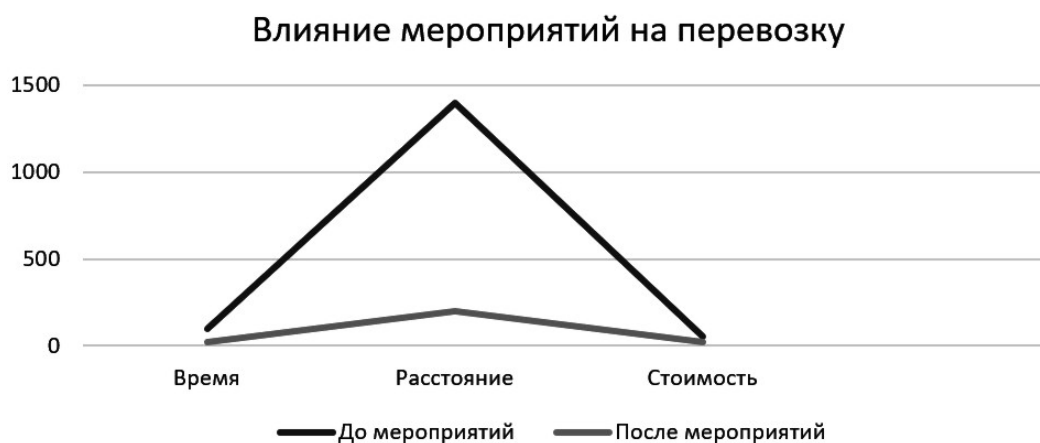

Рисунок 1 – влияние введенных мероприятий на перевозку груза

Рассчитаем экономию денег при исключении убытков и увольнении трех сотрудников магазина.

$$\text{Qвыгод.} = 70 \times 5 + 25 \times 3 \times 5 = 725 \text{ тыс. руб.}$$

Отсюда можно сделать вывод о том, что окупаемость одного склада в регионе составляет 2 года. После введения СВХ уменьшится расстояние перевозки и ее тоннаж, соответственно уменьшится

Литература:

1. Стратегический и инновационный менеджмент на автомобильном транспорте / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 324 с.
2. Оценка эффективности международных перевозок в транспортно-логистических системах региона : монография / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 180 с.
3. Коновалова Т.В. Совершенствование методов оптимизации транспортно-логистических издержек в торгово-транспортно-логистических системах / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.П. Мирнова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 197–199.

тарифная ставка по направлению, что также положительно отразится на прибыли компании.

На рисунке 1 представлено влияние предложенных мероприятий на скорость и стоимость доставки. При введении описанных выше мероприятий существенно снижается расстояние перевозки, что влечет за собой снижение стоимости перевозки и время доставки товара.

Literature:

1. Strategic and innovative management in road transport / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 324 p.
2. Evaluation of the efficiency of international transportation in the transport and logistics systems of the region : monograph // T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 180 p.
3. Konovalova T.V. Improvement of methods of optimization of transport and logistics costs in trade, transport and logistics systems / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryan, M.P. Mironova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 9. P. 197–199.

Соргутов Илья Валерьевич
кандидат экономических наук,
Пермский государственный
аграрно-технологический университет
Milena.555@mail.ru

Светлаков Андрей Геннадьевич
доктор экономических наук,
профессор,
Пермский государственный
аграрно-технологический университет
Milena.555@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК В РАМКАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье проведено исследование особенностей цифровизации отдельных направлений деятельности предприятий АПК в рамках формирования конкурентной системы управления. Автор отмечает необходимость и своевременность внедрения цифровых технологий в деятельность предприятий АПК, поскольку именно они способствуют повышению эффективности деятельности предприятий АПК и реализации конкурентной системы управления на основе инноваций. Однако необходимо также учитывать, что адаптационный процесс внедрения таких технологий в агросферу России будет достаточно длительным по причине базовых особенностей организации работы отрасли, а также, длительного предшествующего использования устаревших технологий, отказ от которых потребует значительной перестройки всей системы производства и управления в секторе АПК.

Ключевые слова: цифровые технологии, агропромышленный сектор, инновации, конкурентная система управления.

Цифровизация и использование цифровых данных коренным образом преобразуют агропродовольственные системы, что приводит к далеко идущим изменениям в цепочке сельскохозяйственного производства [5]. Этот трансформационный процесс в настоящее время сталкивается с новым эволюционным этапом цифровизации и технического прогресса, на котором дальнейшее развитие информационных технологий, таких как Интернет вещей (IoT), облачные вычисления, аналитика больших данных и искусственный интеллект (ИИ), значительно ускоряет процесс цифровизации [3]. Цифровые данные становятся новым типом денежного операционного ресурса, который вместе с алгоритмами

Ilya V. Sorgutov
Candidate of Economic Sciences,
Perm State Technical University
Milena.555@mail.ru

Andrei G. Svetlakov
Doctor of Economics,
Professor,
Perm State Technical University
Milena.555@mail.ru

DIGITALIZATION OF CERTAIN AREAS OF ACTIVITY OF AGRICULTURAL ENTERPRISES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE FORMATION OF A COMPETITIVE MANAGEMENT SYSTEM

Annotation. The article studies the features of digitalization of certain areas of activity of agricultural enterprises within the framework of the formation of a competitive management system. The author notes the necessity and timeliness of the introduction of digital technologies in the activities of agricultural enterprises, since they contribute to improving the efficiency of agricultural enterprises and the implementation of a competitive management system based on innovation. However, it is also necessary to take into account that the adaptation process of introducing such technologies into the agricultural sphere of Russia will be quite long due to the basic features of the organization of the industry, as well as the long previous use of outdated technologies, the rejection of which will require a significant restructuring of the entire production and management system in the agricultural sector.

Keywords: digital technologies, agro-industrial sector, innovations, competitive management system.

пронизывает все сферы человеческой деятельности. Цифровая связь почти всех процессов сельскохозяйственного производства и цепочки создания стоимости (IoT) рассматривается как «изменение правил игры» и представляет собой следующую «техническую революцию» в сельском хозяйстве.

Социально-технические переходы к цифровому сельскому хозяйству и умному сельскому хозяйству предполагают множество многообещающих преимуществ и потенциалов. Достижения в области цифровизации в цепочке сельскохозяйственного производства открывают экономический потенциал благодаря повышению эффективности,

принятию более обоснованных решений, повышению производительности и повышению прибыльности [4].

Кроме того, ожидается, что такие переходы повысят эффективность использования ресурсов и климата, биоразнообразие и благополучие животных, а также повысят прозрачность и отслеживаемость производства продуктов питания для потребителей. Заслуживают внимания, связанные с этим, возможности для более устойчивых и экологически безопасных методов ведения сельского хозяйства, вытекающие из более точного применения питательных веществ и/или пестицидов, адаптированных к условиям растений, почвы и других факторов окружающей среды, а также, сокращения стоков и выбросов парниковых газов. Кроме того, улучшенные возможности мониторинга и более высокое качество информации, которую могут предоставить цифровые технологии, открывают новые возможности для разработки и реализации сельскохозяйственной политики. В целом, эти возможности могут помочь смягчить глобальные продовольственные проблемы, связанные с изменением климата, деградацией почв и ростом населения мира.

Однако цифровая трансформация во многом обусловлена новыми технологиями и алгоритмами, которые не являются нейтральными и не дают никаких гарантий того, что эти положительные эффекты будут достигнуты. История технологий показала, что в дополнение к желаемым эффектам социотехнических переходов также возникают непреднамеренные побочные эффекты, часто трудно поддающиеся учету и контролю [6]. Исторически цифровизация представляет собой еще один крупный эволюционный шаг в ряду весьма значимых этапов технического прогресса в сельском хозяйстве. Механизация промышленного сельскохозяйственного производства, а позже, в 1950-х годах, началась «зеленая революция», движимая новыми технологическими возможностями агрохимии и агрогенной инженерии,

включая химические удобрения, агрохимикаты, вакцины и генную модификацию [3]. Хотя этот технологический прогресс привел к значительному увеличению урожайности и повышению эффективности, он также был связан с широким спектром непреднамеренных побочных эффектов, включая последствия для окружающей среды. Что касается цифровой трансформации, вполне вероятно, что определенные социотехнологические разработки могут привести к значительным нежелательным для общества последствиям.

Особый интерес в свете повышения эффективности деятельности предприятий АПК и развития конкурентных систем управления представляет реализация концепции цифровых двойников. Цифровой двойник – это синхронизированное в реальном времени виртуальное представление продукта, процесса или среды. Он предоставляет новые средства для достижения цифровизации посредством высокоточного моделирования и симуляции, а также был включен в список стратегических технологий на 2019 год. Производство, умные города, здравоохранение и сельское хозяйство – это лишь несколько областей, в которых реализуется преимущества внедрения цифрового двойника, хотя и на разном уровне прогресса. Специалисты, пытаясь дать прогнозы будущих технологий, определили, что внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в сельском хозяйстве в конечном итоге приведет к естественному внедрению технологий, подобных цифровым двойникам [8].

Неуклонный рост исследований по таким темам, как киберфизические системы (CPS), Интернет вещей и ИИ, в сочетании с растущим объемом работы над цифровым двойником, свидетельствует о повышении внимания исследователей к данной технологии.

Цифровой двойник определяется уровнем интеграции данных (табл. 1).

Таблица 1

Уровни интеграции цифровых двойников

Показатель	Характеристика
Стартовая модель	Цифровое представление без автоматизированного обмена данными между сущностью и виртуальной моделью. Это самый низкий уровень интеграции, который может быть достигнут
Частично интегрированный цифровой двойник	Цифровое представление с автоматизированным потоком информации в одном направлении. Эта информация передается для объекта в виртуальное представление, что означает, что изменение объекта отражается в виртуальном представлении
Полностью интегрированный цифровой двойник	Цифровое представление с автоматизированным двусторонним информационным потоком. Он имеет виртуальное представление, отражающее любые изменения состояния физического объекта. Отличительным фактором, являющимся цифровым двойником, также может быть влияние на состояние физического объекта, однако средства зависят от контекста и типа объекта

Оцифровка знаний о процессах и объектах, как для текущих, так и для новых методов ведения сельского хозяйства может поддерживаться цифровым двойником. Предоставление возможностей для достижения в будущем эффективности

производства продуктов питания и цепочки поставок, обещанной сельским хозяйством 4.0. Сочетание высокоточных моделей, моделирования «что, если», Интернета вещей и киберфизических систем позволяет выявлять и смягчать внутренние

и внешние факторы, влияющие на эффективность системы управления, производительность труда и здоровье персонала и т.д.

Проекты SmartAgriFood и Fractals в Европейском союзе продемонстрировали, что цифровые двойники могут быть практически применены к вариантам использования в сельском хозяйстве, иллюстрируя внедрение цифровых двойников в промышленности и ценность, выходящую за рамки чисто научных исследований. Однако в литературе существует множество проблем, связанных с реализацией в секторе АПК цифровых двойников.

Специалисты предложили основное определение, используемое для классификации литературы по цифровым двойникам. Простота, универсальность и относительная простота применения – идеальные атрибуты для этого варианта использования. Тем не менее, классификации «Цифровая модель», «Цифровая тень» и «Цифровой двойник» могут быть ограничивающими в случае сельского хозяйства. В качестве промежуточных шагов, было доказано, что они позволяют или, в некоторых случаях, являются требованием для создания цифрового двойника, особенно там, где полная автоматизация процесса невозможна.

Другая группа авторов на основе анализа литературы о цифровых двойниках и их применении в интеллектуальном сельском хозяйстве разработали обновленное определение, которое упрощает и упрощает применение концепции цифрового двойника в сельском хозяйстве за счет учета нюансов и динамического характера сельскохозяйственных требований. Хотя это определение является шагом в правильном направлении, все еще остается неясность. Например, в какой момент точность модели является достаточной для цифрового двойника, взяв в качестве примера цифрового двойника коровы; как будет выглядеть автоматизированный двунаправленный информационный поток? Важнейшей задачей для сельскохозяйственных цифровых двойников будет расширение существующих определений для ответа на эти вопросы при одновременном достижении широкого согласия в исследованиях и промышленности .

Конфиденциальность данных и этические проблемы должны быть решены, поскольку сбор конфиденциальных данных становится нормой, вопрос владения данными станет критическим в приложениях, где используется информация,

Литература:

1. *Ковалева И.В.* Цифровизация и управление земельно-ресурсным потенциалом АПК / И.В. Ковалева, А.В. Чирухин // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2022. № 1.

позволяющая однозначно идентифицировать личность. Для облегчения этого можно использовать технологические и юридические решения, но эти проблемы необходимо решать непосредственно посредством обучения и соглашений с соответствующими заинтересованными сторонами и между ними.

Качество данных и предварительная обработка – это постоянная проблема, без хороших моделей данных неизбежно будет неэффективная работа. Необходимы улучшения в обнаружении выбросов, генерации данных и разработке наборов данных золотого стандарта . Проблемы дрейфа данных и концепций в моделях, управляемых данными, также необходимо решать, что требует реализации механизмов для выявления и исправления таких аномалий. Потребуется методы согласования данных со значительными временными различиями, чтобы в полной мере воспользоваться преимуществами доступных источников данных и предоставить контекст для поведения объекта в разных временных масштабах, что имеет решающее значение в сельском хозяйстве.

Исследователи подчеркивают необходимость дальнейших исследований по интеграции систем и данных, особенно в сложных системах, где процессы и объекты недостаточно хорошо изучены. Так, моделирование на уровне фермы потребует углубленного междисциплинарного сотрудничества и интеграции нескольких сложных системных моделей, что ограничено в текущих исследованиях. Поскольку данные во многих сельскохозяйственных ситуациях ограничены, может потребоваться разработка методов, позволяющих изучать жизненный цикл объекта и моделировать его с течением времени.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости и своевременности внедрения цифровых технологий в деятельность предприятий АПК, поскольку именно они способствуют повышению эффективности деятельности предприятий АПК и реализации конкурентной системы управления на основе инноваций. Однако необходимо также учитывать, что адаптационный процесс внедрения таких технологий в агросферу России будет достаточно длительным по причине базовых особенностей организации работы отрасли, а также, длительного предшествующего использования устаревших технологий, отказ от которых потребует значительной перестройки всей системы производства и управления в секторе АПК.

Literature:

1. *Kovaleva I.V.* Digitalization and management of agricultural land and resource potential / I.V. Kovaleva, A.V. Chirukhin // Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2022. № 1.

2. Курбанов К.К. Инновационное развитие АПК СКФО с позиции цифровизации сельского хозяйства / К.К. Курбанов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-2.

3. Марков А.К. Инновационное развитие АПК / А.К. Марков, Р.Г. Мумладзе // Инновации и инвестиции. 2019. № 5.

4. Огнивцев С.Б. Цифровизация экономики и экономика цифровизации АПК / С.Б. Огнивцев // МСХ. 2019. № 2.

5. Пешкова Г.Ю. Актуальные тенденции и проблемы цифровизации АПК / Г.Ю. Пешкова, К.Ф. Фёдоров // МНИЖ. 2022. № 4-4(118).

6. Эдер А.В. Трансформация АПК при цифровизации экономики / А.В. Эдер // Пищевая промышленность. 2019. № 1.

7. Ayaz M. Aggoune Internet-of-things (IoT)-based smart agriculture: Toward making the fields talk 7 / M. Ayaz, M. Ammad-Uddin, Z. Sharif, A. Mansour, E.-H.M. 2019. P. 129551–129583.

2. Kurbanov K.K. Innovative development of the agroindustrial complex of the North Caucasus Federal District from the perspective of digitalization of agriculture / K.K. Kurbanov // Russia: trends and prospects of development. 2021. № 16-2.

3. Markov A.K. Innovative development of agro-industrial complex / A.K. Markov, R.G. Mumladze // Innovations and investments. 2019. № 5.

4. Ognitsev S.B. Digitalization of the economy and the economy of digitalization of the agro-industrial complex / S.B. Ognitsev // Ministry of Agriculture. 2019. № 2.

5. Peshkova G.Yu. Current trends and problems of digitalization of the agro-industrial complex / G.Yu. Peshkova, K.F. Fedorov // MNIZH. 2022. № 4-4(118).

6. Eder A.V. Transformation of the agro-industrial complex in the digitalization of the economy / A.V. Eder // Food industry. 2019. № 1.

7. Ayaz M. Aggoune Internet-of-things (IoT)-based smart agriculture: Toward making the fields talk 7 / M. Ayaz, M. Ammad-Uddin, Z. Sharif, A. Mansour, E.-H.M. 2019. P. 129551–129583.

Хоровинникова Евгения Германовна

кандидат экономических наук,
заместитель первого проректора,
Самарский государственный университет
путей сообщения
khorovinnikova@samgups.ru

Гнатюк Максим Александрович

кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры
управления персоналом,
Самарский государственный университет
путей сообщения
gnatyuk@samgups.ru

Гагаринская Галина Павловна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом,
Самарский государственный университет
путей сообщения
gag.galina1955@gmail.com

**Идентификация качества
процессов управления
трудовой деятельностью
персонала в условиях
цифровизации на предприятиях
транспортной отрасли**

Аннотация. В современных условиях цифровизации транспортной отрасли большое внимание уделяется подготовке кадров для цифровой экономики. Не менее важным является качество самого процесса управления персоналом, его трудовой деятельностью в условиях цифровизации отрасли. Уменьшение разрывов между процессами управления возможно благодаря формированию новой цифровой среды, обновлению требований к организации труда и мотивации, оценке качества процессов управления трудовой деятельностью персонала.

Ключевые слова: менеджмент, управление персоналом, управление трудовой деятельностью, цифровая экономика, транспортная отрасль, транспортное предприятие, цифровизация.

Транспортная отрасль является одной из наиболее динамично цифровизируемых и развивающихся отраслей народного хозяйства отечественной экономики. Цифровизация бизнес-процессов или цифровая трансформация бизнеса формируют новую логику в управлении

Evgeniya G. Khorovinnikova

Candidate of Economic Sciences,
Deputy First Vice-rector,
Samara State Transport University
khorovinnikova@samgups.ru

Maksim A. Gnatyuk

Candidate of Sociological Sciences,
Teacher of the Department
of Personnel Management,
Samara State Transport University
gnatyuk@samgups.ru

Galina P. Gagarinskay

Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management,
Samara State Transport University
gag.galina1955@gmail.com

**IDENTIFICATION OF THE QUALITY
OF PERSONNEL LABOR MANAGEMENT
PROCESSES IN THE CONTEXT
OF DIGITALIZATION AT TRANSPORT
INDUSTRY ENTERPRISES**

Annotation. In modern conditions of digitalization of the transport industry, much attention is paid to training personnel for the digital economy. No less important is the quality of the personnel management process itself, its labor activity in the conditions of digitalization of the industry. Reducing the gaps between management processes is possible due to the formation of a new digital environment, updating the requirements for labor organization and motivation, assessing the quality of personnel labor management processes.

Keywords: management, personnel management, labor management, digital economy, transport industry, transport enterprise, digitalization.

транспортным предприятием. Современная транспортная организация создает цифровую среду для ключевых бизнес-процессов, в т.ч., для управления трудовой деятельностью персонала с целью повышения производительности и качества выполняемых работ или услуг.

Принятие управленческого решения для топ-менеджмента транспортного предприятия в условиях цифровизации бизнес-процессов предполагает создание дополнительных рычагов управления и идентификации качества процессов управления с помощью количественной интерпретации. Таким образом, необходима количественная оценка процессов управления качеством трудовой деятельностью персонала, по результатам которой транспортное предприятие получает инструмент повышения результативности и конкурентоспособности своей деятельности.

Вопросам управления персоналом и трудовой деятельностью персонала организаций посвятили свои научные исследования и труды российские ученые А.Я. Кибанов, В.М. Ячменева, О.Л. Чуланова, И.А. Эсаулова, Е.А. Митрофанова, Г.П. Гагаринская и др. [1; 2]. Управлению предприятиями железнодорожного транспорта и управлению персоналом в организациях транспортной отрасли посвятили свои научные работы ученые В.Т. Волон [3], П.В. Куренков [4], Ю.И. Соколов, О.В. Ефимова и др.

Математический инструмент, который может быть применен для количественной оценки

качества процесса управления персоналом является методом квалиметрии. Для того чтобы провести количественную оценку качества процесса управления необходима система показателей, которая будет включать в себя количественные показатели деятельности транспортного предприятия, результативные показатели его работы, а также качественные показатели.

В нашем исследовании сбалансированная система показателей (ССП) – «система стратегических процессами трудовой деятельности персонала организации на основе измерения и оценки ее качества по набору оптимально подобранных показателей, отражающих аспекты трудовой деятельности персонала и цифровизации бизнес-процессов организации, как финансовые, так и нефинансовые. Название системы отражает то равновесие, которое сохраняется между краткосрочными и долгосрочными целями, финансовыми и нефинансовыми показателями, основными и вспомогательными параметрами, а также внешними и внутренними факторами деятельности» [5]. СПП для предприятий транспортной отрасли может иметь следующий концептуальный вид (рис. 1).

Рисунок 1 – Показатели качества процесса управления трудовой деятельностью персонала в условиях цифровизации [2]

Разработанная СПП легко адаптируется к предприятиям транспортным отраслям, при необходимости может быть дополнена дополнительными финансовыми (количественными) показателями и нефинансовыми (качественными), формируя оптимальный набор показателей. СПП обращена непосредственная на процесс управления трудовой деятельностью и количественной оценки его качества.

Проведя анализ факторов внутренней и внешней цифровой среды предприятий транспортной

отрасли, в частности предприятий железнодорожного транспорта, можно сделать вывод о том, что необходимо применение факторных и результирующих показателей. К факторным показателям можно отнести качественные показатели. Факторные показатели могут быть сформированы на основе анкетирования сотрудников предприятия, оценка качественных показателей его деятельности методом экспертных оценок. Результирующие показатели – это финансово-экономические показатели, количественные результаты деятельности транспортной организации.

В нашем случае показатели качества процесса управления трудовой деятельностью персонала транспортного предприятия будем осуществлять по четырем ключевым характеристикам:

1. «Сотрудники» (персонал организации/носители знаний) включает в себя подробный анализ профессиональных компетенций сотрудников, их личностные характеристики, здоровье (для сотрудников транспортной отрасли предъявляются один из самых высоких требований по состоянию здоровья при прохождении медицинской комиссии), самообразование и саморазвитие сотрудника.

2. «Уровень цифровизации бизнес-процессов трудовой деятельности», который может включать уровни цифровизации и автоматизации ручного труда, рабочего места, применения современных цифровых технологий, программных продуктов, облачных и дистанционных технологий, методов искусственного интеллекта и «больших данных» и др.

3. «Конкурентоспособность трудовой деятельности» представляет собой основные преимущества перед другими работодателями и включается в себя уровень заработной платы, условия труда, социальный пакет, корпоративные программы.

4. «Результативность трудовой деятельности» может включать множество показателей финансово-хозяйственной деятельности: чистую прибыль, выручку, производительность труда, трудоёмкость, себестоимость, уровень затрат, показатели рентабельности, финансовой устойчивости. Также, может быть выбран ключевой показатель основного вида деятельности – сокращение сроков сдачи объекта в эксплуатацию, доставки пассажиров, грузов и др.

Показатели, представленные в ССП, могут комплектоваться в зависимости от узкой специализации транспортного предприятия, дополняя или

исключая из нее необходимые показатели. Данная система учитывает современные запросы оценки «жестких» и «мягких» навыков сотрудников, поощрения самообразования и саморазвития сотрудника, цифровизации всех аспектов трудовой деятельности, уход от ручного труда, повышения конкурентоспособности транспортных предприятий на рынке труда и сокращения сроков доставки грузов, пассажиров и сдачи объектов в эксплуатацию, коррелируя их с финансовыми показателями деятельности предприятия.

Для качественных показателей, представленных в ССП, необходима экспертная оценка, достоверность которой обеспечивается оценкой согласованности мнений экспертов методом корреляционного анализа. «Для формирования адекватной и релевантной системы показателей необходимо провести корреляционный анализ факторных и результирующих входных переменных оценки качества процессов управления трудовой деятельностью персонала. В результате из первоначально представленного списка показателей будут исключены взаимоисключающие и взаимозаменяющие переменные, которые не имеют прямого отношения к трудовой деятельности» [5].

После проведения корреляционного анализа для конкретного транспортного предприятия или группы транспортных предприятий может получиться обновленная ССП. Полученные результаты оценки качества процесса управления может стать основанием для корректировки стратегии развития предприятия, принятия управленческих решений и совершенствованию комплекса мер по улучшению или поддержке достигнутого уровня качества трудовой деятельности.

Для того, чтобы провести лингвистическую и экономическую интерпретации уровней входных переменных, предлагается применение шкалы входных переменных сбалансированной системы показателей (трехуровневый классификатор) (табл. 1).

Таблица 1

Шкала идентификации входных переменных сбалансированной системы показателей

Лингвистическая интерпретация	Низкий	Средний	Высокий
Интервальные значения	[0; 0,33]	[0,34; 0,66]	[0,67; 1]
Экономическая интерпретация	Показатели характеристик и качеств удовлетворяют высоким не удовлетворяют требованиям организации и условиям работы, способности низкие	Показатели характеристик и качеств удовлетворяют требованиям организации и условиям работы, способности средние	Показатели характеристик и качеств удовлетворяют высоким требованиям организации и условиям работы, способности высокие

Для лингвистической и экономической интерпретации уровня выходной переменной «качество процесса управления трудовой деятельностью персонала» транспортного предприятия предлагается использовать пятиуровневый классификатор (табл. 2).

Таким образом, внедрение идентификации уровня качества процесса управления трудовой деятельностью персонала транспортного предприятия позволит дать более взвешенно принимать управленческие решения, связанные с цифровизацией бизнес-процессов предприятия, трудовой деятельностью персонала, повышением производительности труда и мотивацией сотрудников.

**Шкала идентификации уровня качества процессов
управления трудовой деятельностью персонала транспортного предприятия**

Лингвистическая интерпретация	Интервальные значения	Экономическая интерпретация
Высокий уровень	[0,81; 1]	Качество процесса управления трудовой деятельностью высокое. Сотрудники высоко соответствуют и адаптированы к условиям цифровой среды, уровень цифровизации бизнес-процессов предприятия высокий, уровень ручного труда низкий/отсутствует, конкурентоспособность на рынке труда высокая, показатели финансово-хозяйственной деятельности транспортного предприятия высокие
Выше среднего	[0,61; 0,8]	Качество процесса управления трудовой деятельностью высокий. Сотрудники соответствуют и адаптированы к условиям цифровой среды выше среднего, уровень цифровизации бизнес-процессов предприятия выше среднего, уровень ручного труда ниже среднего, конкурентоспособность на рынке труда выше среднего, показатели финансово-хозяйственной деятельности транспортного предприятия выше среднего
Средний уровень	[0,41; 0,6]	Качество процесса управления трудовой деятельностью среднее. Сотрудники соответствуют и адаптированы к условиям цифровой среды, уровень цифровизации бизнес-процессов предприятия средний, уровень ручного труда средний, конкурентоспособность на рынке труда средняя, показатели финансово-хозяйственной деятельности транспортного предприятия средние
Ниже среднего	[0,21; 0,4]	Качество процесса управления трудовой деятельностью ниже среднего. Сотрудники частично соответствуют и адаптированы к условиям цифровой среды, уровень цифровизации бизнес-процессов предприятия ниже среднего, уровень ручного труда выше среднего, конкурентоспособность на рынке труда ниже среднего, показатели финансово-хозяйственной деятельности транспортного предприятия ниже среднего
Низкий уровень	[0; 0,20]	Качество процесса управления трудовой деятельностью низкое. Сотрудники не соответствуют или не приспособлены к условиям цифровой среды, уровень цифровизации бизнес-процессов предприятия низкий, уровень ручного труда высокий, низкая конкурентоспособность на рынке труда, показатели финансово-хозяйственной деятельности транспортного предприятия низкие

Литература:

1. Особенности управления персоналом на предприятиях транспортной отрасли / И.Г. Кузнецова, Г.П. Гагаринская, Р.Ф. Нигматуллин [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2017. № 7 (84). С. 889–896.
2. Пасюк Е.Д. Формирование показателей оценки эффективности системы управления персоналом транспортного предприятия / Е.Д. Пасюк, А.К. Матвеева // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. 2020. № 3(32). С. 47–50.
3. Збарский А.М. Матричный метод критериальной оценки подбора специалистов для предприятия / А.М. Збарский, В.Т. Волов, М.А. Гаранин // Вестник СамГУПС. 2022. № 2(56). С. 14–18.
4. Климов А.А. К толкованию «цифровых» экономических понятий / А.А. Климов, П.В. Куренков, В.Н. Емец // Экономика железных дорог. 2018. № 1. С. 69–73.
5. Хоровинникова Е.Г. Функциональный подход к управлению трудовой деятельностью персонала в условиях цифровизации : автореф. дис ... канд. эконом. наук. Симферополь, 2021. 28 с.

Literature:

1. Features of personnel management at transport industry enterprises / I.G. Kuznetsova, G.P. Gagarrinskaya, R.F. Nigmatullin [et al.] // Economics and Entrepreneurship. 2017. № 7(84). P. 889–896.
2. Pasyuk E.D. Formation of indicators for evaluating the effectiveness of the personnel management system of a transport enterprise / E.D. Pasyuk, A.K. Matveeva // Bulletin of the Admiral F.F. Ushakov State Maritime University. 2020. № 3(32). P. 47–50.
3. Zbarsky A.M. Matrix method of criterion evaluation of the selection of specialists for the enterprise / A.M. Zbarsky, V.T. Volov, M.A. Garanin // Vestnik SamGUPS. 2022. № 2(56). P. 14–18.
4. Klimov A.A. To the interpretation of «digital» economic concepts / A.A. Klimov, P.V. Kurenkov, V.N. Yemets // Economics of Railways. 2018. № 1. P. 69–73.
5. Korovnikova E.G. Functional approach to the management of personnel labor activity in the conditions of digitalization : abstract. dis ... cand. economic sciences. Simferopol, 2021. 28 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.09.2022
Подписано в печать 26.09.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 11,6
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 97

e-mail: id.yug2016@gmail.com